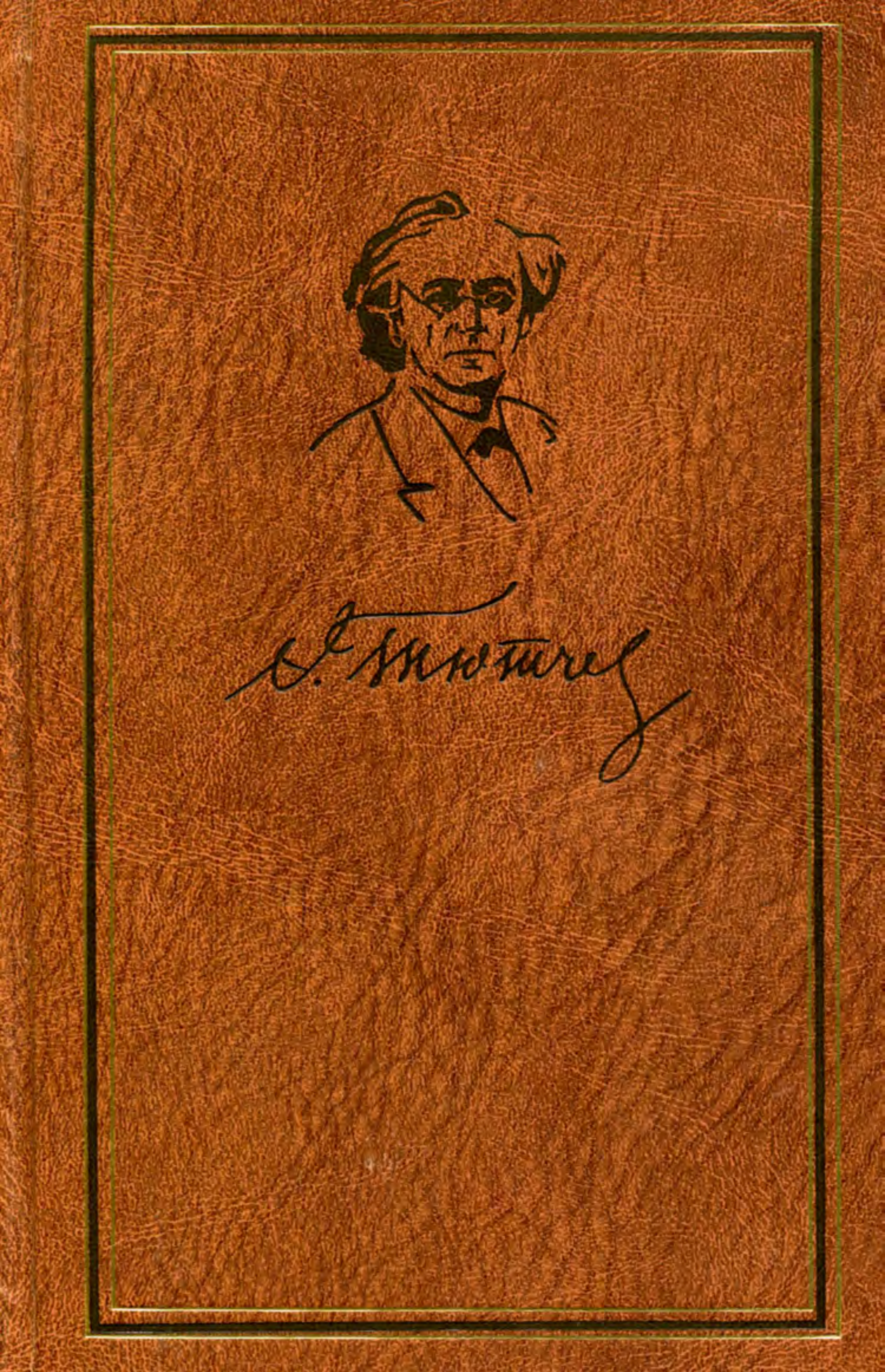

Ф. Тютчев

К 200-летию
со дня рождения
Ф. И. Тютчева

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Полное собрание
сочинений и письма
в шести томах

Издательский Центр
«Классика»

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Том второй

Стихотворения
1850–1873

Москва
2003

ББК 84Р1
Т 98

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. М. Горького
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Ответственный редактор тома
Л.Д. Громова-Опульская

Составление и общая редакция
В.Н. Касаткина

Федеральная программа книгоиздания России

Издательский проект «Ваш Тютчев»
Международного Пушкинского Фонда «Классика»

ISBN 5-7735-0130-9

ОТ РЕДАКЦИИ

Во второй том Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева вошли стихотворения 1850–1873 гг., периода его жизни в России и приобретения им известности в литературном мире. Именно в это время после перепечатки в 1850 г. Н.А. Некрасовым тютчевских стихотворений, опубликованных в ж. «Современник» 1830-х гг., вышли в свет крупные собрания его поэтического творчества: в ж. «Современник» (1854 г. Т. XLIV, XLV), в ж. «Москвитянин», в первом и втором прижизненных сборниках 1854 и 1868 гг.; посмертно были переизданы уже ранее опубликованные стихотворения, а также изданы новые — в ж. «Русский архив» (1879. Вып. 5), сборниках, вышедших в 1883 г. и 1886 г. (в Москве и С.-Петербурге; последний более полный), затем — в 1899 г. Наиболее обширным, новым по текстологическим принципам и созданию комментариев стало издание «Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи» (СПб., 1900). Все стихотворения этих изданий вошли во второй том настоящего издания. Кроме того, в него включены и вновь найденные прежде всего Г.И. Чулковым и некоторыми другими исследователями стихотворения Тютчева, а также последние находки, опубликованные в «Литературном наследстве» (Т. 97. Кн. 1. М., 1988; Кн. 2. М., 1989). Учтена работа над тютчевскими текстами всех наиболее авторитетных его издателей — И.С. Тургенева, И.С. Аксакова, А.Н. Майкова, А.А. Флоридова, членов семьи поэта, специалистов XX в., в особенности Г.И. Чулкова (см. Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. В 2-х т. М.; Л., 1933–1934), К.В. Пигарева (см. Тютчев Ф.И. Лирика. В 2-х т. М., 1965). Вместе с тем в изданные ранее тексты внесены необходимые коррективы; появившиеся в названных сборниках варианты и редакции помещены в специальный раздел тома.

Как и в первом томе, все стихотворные произведения расположены в хронологической последовательности. Специальный раздел содержит тексты стихотворений, приписываемых Тютчеву. Произведения, сочиненные им на французском языке, публикуются в основной части тома в соответствии со временем их написания.

Применение при составлении второго тома хронологического принципа как ведущего оказалось менее затруднительным, чем в первом, поскольку значительная часть текстов была датирована самим поэтом, близкими ему в то время людьми, разрешениями цензуры или же приурочена к конкретным датам, историческим событиям второй половины XIX в. Тем не менее в ряде случаев внесены необходимые уточнения в датировку, а следовательно, и в порядок расположения стихотворений. Время написания указывается в Комментариях.

Тексты сверены со всеми ныне известными автографами. Учтены наиболее авторитетные списки — в Сушковской тетради, Мурановском альбоме, а также списки, сделанные ближайшими родственниками поэта и И.С. Аксаковым. Выдержано основное направление текстологической работы — стремление максимально приблизиться к автографу, вообще к тютчевской манере оформления стихотворения — пунктуационного, графического, — ибо в этом отношении поэт весьма своеобразен. Хотя следует отметить, что в стихотворениях, вошедших во второй том, Тютчев все же чаще следует нормам русского литературного языка середины XIX в., в том числе пунктуации.

Представленный том завершает публикацию всех стихотворений Ф.И. Тютчева и является наиболее полным воспроизведением всех его поэтических текстов.

Стихотворения
1850–1873

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с Небес слетает к нам —
Небесная к Земным Сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее Море
Льет примирительный елей.

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выспреннем пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

РИМ НОЧЬЮ

В Ночи лазурной почивает Рим...
Взошла Луна и — овладела им,
И спящий Град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Все тот же мир, волшебный, но отживший!..

ВЕНЕЦИЯ

Дож Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей –
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей...

И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал –
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы),
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И Чета в любви и мире
Много славы нажила –
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире –
Тень от *Львиного Крыла.*

А теперь?..
                    В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, –
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы — для земнородных
Два божества, — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней —
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

ПРОРОЧЕСТВО

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, —
И встань — как всеславянский царь!

* * *

Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна — и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.

В раздумье грустном князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской;
Мечты людей, как сны больного, дики.

Но с нами Бог!.. Сорвавшися со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, —

Но твоего не помутила зрака!..
Ветр свирепел — но... *«да не будет тако!»* —
Ты рек, — и вспять отхлынула волна.

* * *

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь святую Русь...

Иль, все святые упованья,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..

Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..

Не верь в святую Русь, кто хочет, —
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, —

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!..
Всемирную судьбу России —
Нет! вам ее не запрудить!..

* * *

Тогда лишь в полном торжестве,
В славянской мировой громаде,
Строй вожделенный водворится, –
Как с Русью Польша помирится, –
А помирятся ж эти две,
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...

* * *

Не рассуждай, не хлопочи —
Безумство ищет — глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему — то будет...
Живя, умей *все* пережить:
Печаль, и радость, и тревогу —
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!

* * *

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду,
Бредет по жесткой мостовой;

Кто смотрит вскользь — через ограду —
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись —
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит...

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий — мимо саду —
Бредет по знойной мостовой.

НА НЕВЕ

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн...

И меж зыбью и звездою
Он скользит как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне...

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Дивно-пышная волна,
Приюти в своем просторе
Тайну скромного челна!

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно, —
В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни...

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу...

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта...

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

* * *

Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées,
L'éclat immaculé, le divin élément,
Etoiles, gloire à vous! Splendeurs toujours sacrées!
Gloire à vous, qui durez incorruptiblement!

L'homme, race éphémère et qui vit sous la nue,
Qu'un seul et même instant voit naître et défleurir,
Passe, les yeux au ciel. — Il passe et vous salue!
C'est l'immortel salut de ceux qui vont mourir.

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участьем умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

ДВА ГОЛОСА

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

ГРАФИНЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

(в ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!

И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне.

Знакомый голос... голос чудный...
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...

Я спал в оковах тяжкой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный,
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всесильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил —
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом —
И в замке феи-*Нелюдимки*
Вдруг очутились мы вдвоем!..

Вдвоем! — и песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

* * *

Des premiers ans de votre vie
Que j'aime à remonter le cours,
Écoutant d'une âme ravie
Ces récits, les mêmes toujours...

Que de fraîcheur et de mystère,
En remontant ces bords heureux!
Quelle douce et tendre lumière
Baignait ce ciel si vaporeux!

Combien la rive était fleurie,
Combien le flot était plus pur!
Que de suave rêverie
Se reflétait dans son azur!..

Quand de votre enfance incomprise
Vous m'avez quelque temps parlé,
Je croyais sentir dans une brise
Glisser comme un printemps voilé.

ПОМИНКИ

(Из Шиллера)

Пала царственная Троя,
Сокрушен Приамов град,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возврат,
На судах своих сидели,
Вдоль эгейских берегов,
И пэан хвалебный пели,
Громко славя всех богов...
Раздавайся, глас победный!
Вы к брегам родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
В путь возвратный, в путь безбедный!

И сидели, в длинном строе,
Грустно-бледная семья —
Жены, девы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
В горе общем и великом
Плача о себе самих,
И с победным, буйным кликом
Дико вопль сливался их...
«Ждет нас горькая неволя
Там, вдали, в стране чужой.
Ты прости, наш край родной!
Как завидна мертвых доля!»

И предстал перед святыней —
Приноситель жертв, Калхас,
Градозиждущей Афине,

Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опоясавшего мир,
И тебе, эгидоносный
Зевс, сгущающий эфир!
    Опрокинут, уничтожен
    Град великий Илион!
    Долгий, долгий спор решен, —
    Суд бессмертных непреложен.
Грозных полчищ воевода,
Агамемнон, царь царей,
Обозрел толпы народа,
Уцелевшие от прей.
И великою тоскою
Дух владыки был объят
Много их пришло под Трою,
Мало их пойдет назад.
    Так возвысьте ж глас хвалебный!
    Пой и радуйся стократ,
    У кого златой возврат
    Не похитил рок враждебный!
Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих Керы сторожат...
Жив и цел вернулся с бою —
Гибнет в храмине своей!.. —
Рек, Афиной всеблагою
Вдохновенный Одиссей...
    Тот лишь дом и тверд и прочен,
    Где семейный свят устав:
    Легковерен женский нрав,
    И изменчив, и порочен.
И супругой возвращенной
Снова счастливый Атрид,
Красотой ее священной
Страстный взор свой веселит.

Злое злой конец приемлет!
За нечестьем казнь следит —
В небе суд богов не дремлет!
Право царствует Кронид...
    Злой конец началу злому!
    Право правящий Кронид
    Вероломцу страшно мстит —
    И семье его и дому.
Хорошо любимцам счастья, —
Рек Аякса брат меньшой, —
Олимпийцев самовластье
Величать своей хвалой!..
Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих:
Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..
    Счастье жеребия сеет
    Своевольною рукой.
    Веселись и песни пой
    Тот, кого светило греет!
Будь утешен, брат любимый!
Память вечная тебе!..
Ты — оплот несокрушимый
Чад ахейских в их борьбе!..
В день ужасный, в день кровавый
Ты один за всех стоял!
Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжал...
    Не врага рукой победной —
    От руки ты пал своей...
    Ах, и лучших из людей
    Часто губит гнев зловредный!
И твоей теперь державной
Тени, доблестный Пелид,
Сын твой, Пирр, воитель славный,
Возлияние творит...

«Как тебя, о мой родитель,
Никого, — он возгласил, —
Зевс, великий промыслитель,
На земле не возносил!»
	На земле, где все изменно,
	Выше славы блага нет.
	Нашу персть — земля возьмет,
	Имя славное — нетленно.
Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин, —
Сын Тидеев провещал, —
Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...
	Честь тому, кто, не робея,
	Жизнь за братий положил!
	Победитель — победил,
	Слава падшего святее!
Старец Нестор днесь, маститый
Брашник, кубок взяв, встает
И сосуд, плющом обвитый,
Он Гекубе подает:
«Выпей, мать, струи целебной
И забудь весь свой урон!
Силен Вакха сок волшебный,
Дивно нас врачует он...»
	Мать, вкуси струи целебной
	И забудь судеб закон.
	Дивно нас врачует он,
	Бога Вакха дар волшебный.
И Ниобы древней сила
Горем злым удручена,
Соку дивного вкусила —
И утешилась она.
Лишь сверкнет в застольной чаше

Благодатное вино,
В Лету рухнет горе наше
И пойдет, как ключ, на дно.
Да, пока играет в чаше
Всемогущее вино,
Горе в Лету снесено,
В Лете тонет горе наше!
И воздвиглась на прощанье
Провозвестница жена,
И исполнилась вещанья
Вдохновенного она;
И пожарище родное
Обозрев в последний раз:
«Дым, пар дымный, все земное,
Вечность, боги, лишь у вас!
Как уходят клубы дыма,
Так уходят наши дни!
Боги, вечны вы одни, —
Все земное идет мимо!»

2 Зак. 7181

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при нашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

* * *

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой —
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа!..

* * *

Не раз ты слышала признанье:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она созданье —
Но как я беден перед ней...

Перед любовию твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюся тебе...

Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой,

Где спит *она* — твое рожденье —
Твой безымянный херувим, —
Пойми ж и ты моё смиренье
Пред сердцем любящим твоим.

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней *не просит*...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

ВОЛНА И ДУМА

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море —
Здесь — в заключении, там — на просторе,
Тот же все вечный прибой и отбой —
Тот же все призрак тревожно-пустой.

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею...
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загоралися порою...

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби — хоть день один, хоть век...
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье —
А должен наконец проснуться человек...

* * *

(Из Гёте)

*Kennst du das Land?..**

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой...

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам,
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отродье змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь — уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.

* Ты знаешь край?.. *(нем.)*.

* * *

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака,
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, –
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить:
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, –
Но с страстной женскою душой!

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

* * *

Недаром милосердым Богом
Пугливой птичка создана —
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.

И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року —
Несдобровать под их рукой...

Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, взрастила
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но как, с любовию тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...

* * *

(Из Шиллера)

Es lächelt der See [*]

С озера веет прохлада и нега,
Отрок заснул, убаюкан у брега —
Блаженные звуки
Он слышит во сне...
То Ангелов лики
Поют в вышине.

И вот он очнулся от райского сна —
Его, обнимая, ласкает волна...
И слышит он голос,
Как ропот струи:
«Приди, мой красавец,
В объятья мои...»

[*] Смеется озеро... *(нем.)*.

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной,
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой —

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их, — знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет, он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в его руке дрожит...

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

* * *

*Mobile comme l'onde**

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод –

Сладок мне твой тихий шёпот,
Полный ласки и любви,
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил –

Нет, в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоем.

---

* Непостоянна, как волна *(фр.)*.

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

I

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаяся с тобой,
Я любовался им: и тих и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли —
Твои, Поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

II

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он все в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

III

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

IV

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало Божество:
«Лишь сердцем чистые — те узрят Бога!»

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле Бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день годины роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам, могучий, южный демон —
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* — стоял... и ждал...

И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица...
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

А так победно шли полки —
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое число
Клеймо минуло роковое...

<А. С. ДОЛГОРУКОЙ>

Un charme vit en elle — irrésistible et pur,
Un charme de mystère et de mélancolie,
Et sa douce présence est comme un rêve obscur,
Dont, sans le s'expliquer, on a l'âme remplie.

СПИРИТИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.

ЛЕТО 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас!..

* * *

Увы, что нашего незнанья
И беспомóщней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?

3 Зак. 7181

* * *

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилася в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...

НА НОВЫЙ 1855 ГОД

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
Но бред пророческий духов...

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, —
И вот — в железной колыбели,
В громах родится Новый год...

Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Несет он миру на земле!

Не просто будет он воитель,
Не исполнитель Божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманный удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой несет он два меча:
Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА АВСТРИЙСКОГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

Нет, мера есть долготерпенью,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его священной тенью,
Не все же можно перенесть!

И как не грянет отовсюду
Один всеобщий вопль тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!

Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеймен одним прозваньем:
Искариот, Искариот!

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики —
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую —
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю;
Слава Богу, я с тобою,
А с тобой мне — как в раю.

* * *

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О, время, погоди!

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что́ сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная бежит,
Много славы, много горя
Эта нить порой вестит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится все над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?..

* * *

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Гр. РОСТОПЧИНОЙ

О, в эти дни — дни роковые,
Дни испытаний и утрат —
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!

Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!

* * *

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты — жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

<ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО>

Молчи, прошу — не смей меня будить —
О, в этот век — преступный и постыдный —
Не жить, не чувствовать — удел завидный —
Отрадно спать, отрадней — камнем быть.

* * *

Тому, кто с верой и любовью
Служил земле своей родной —
Служил ей мыслию и кровью,
Служил ей словом и душой,
И кто — недаром — Провиденьем,
На многотрудном их пути,
Поставлен новым поколеньям
В благонадежные вожди...

* * *

Все, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи — переживи!

* * *

Il faut qu'une porte
Soit ouverte ou fermée –
Vous m'embêtez, ma bien-aimée,
Et que le diable vous emporte.

Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

* * *

(Из Шиллера)

С временщиком Фортуна в споре
К убогой Мудрости летит:
«Сестра, дай руку мне – и горе
Твоя мне дружба облегчит.

Дарами лучшими моими
Его осыпала, как мать, –
И что ж? Ничем не насытимый,
Меня скупой он смел назвать!..

София, верь мне, будем дружны!
Смотри: вот горы серебра –
Кинь заступ твой, теперь ненужный, –
С нас будет, милая сестра». –

«Лети! – ей Мудрость отвечала. –
Не слышишь? Друг твой жизнь клянет –
Спаси безумца от кинжала,
А мне в Фортуне нужды нет...»

* * *

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он, из глубины полуночных небес,
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Прозрачный воздух, день хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде...

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита —
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены —
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

* * *

Когда *осьмнадцать* лет твои
И для тебя уж будут сновиденьем, —
С любовью, с тихим умиленьем
И их и *нас* ты помяни...

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

D'une fille du Nord, chétive et languissante,
Eclose à l'ombre des forêts,
Vous, en qui tout rayonne et tout rit et tout chante,
Vous voulez emprunter les traits?

Eh bien, pardonnez-moi mon doute involontaire,
Je crains que l'on ne dise, en voyant ce tableau:
«C'est l'oranger en fleur, tout baigné de lumière,
Qui veut simuler un bouleau».

* * *

В часы, когда бывает
Так тяжко на груди —
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди —

Без сил и без движенья
Мы так удручены,
Что даже — утешенья
Друзей — нам не смешны, —

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет искрометной
Струею по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазоревых высот,
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет —

Уроков и советов
Они нам не несут —
И от судьбы наветов
Они нас не спасут —

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать —
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать —

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была...

* * *

Она сидела на полу
И груду писем разбирала –
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала –

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела –
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

И сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой –
И сколько горестных минут,
Любви и радости убитой...

Стоял я, молча, в стороне
И пасть готов был на колени, –
И страшно-грустно стало мне,
Как от присущей милой тени...

УСПОКОЕНИЕ

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло —
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —

Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.

Одна другой наперерыв
Спешат, бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали...

За ними тщетно мы следим —
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы брызнули из глаз —
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная Волна.

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят —
И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
Путь далек — не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Все голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.

Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

* * *

Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...

И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.

Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.

Их бодрый, радующий души,
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.

Для мира дольнего отрада,
Они — краса небес родных,
Для *этих звезд* очков не надо,
И близорукий видит их...

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.

Мы видим: с голубого своду
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...

Все лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так разно с тем, что в нашем мире, —
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.

Проснулись мы — конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.

Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Все тот же взор неотразимый,
Все та ж улыбка, что во сне.

POUR SA M<AJESTÉ> L'IMPÉRATRICE

Prestige, Illusion, la Magie et la Fable:
Tout vient vous rendre hommage et tomber à vos pieds...
Et l'on sent, quelque part que vous apparaissiez
Que la Vérité seule est vraiment adorable.

4 Зак. 7181

POUR MADAME LA GRANDE DUCHESSE HÉLÈNE

Dans ce Palais, quoique l'on fasse
Rien n'est invraisemblable et tout est de saison:
Ici la Féerie est toujours à sa place
Car c'est le train de la maison.

* * *

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.

ИЗ ЯКОБА БЁМЕ

Кто Время и Вечность
В себе совместил,
От всякого горя
Себя оградил.

* * *

De ces frimas, de ces déserts
Là-bas, vers cette mer qui brille,
Allez-vous en, mes pauvres vers,
Allez-moi saluer ma fille.

MEMENTO*

(Vevey 1859 — Génève 1860)

Ее последние я помню взоры
На этот край — на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей, —
Как сквозь туман болезни многотрудной,
Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...

Коль эти горы, волны и светила
И в смутных очерках она любила
Своею чуткой, любящей душой —
И под грозой, уж близкой, разрушенья
Какие в ней бывали умиленья
Пред этой жизнью вечно молодой!..

Светились Альпы, озеро дышало,
И тут же нам, сквозь слез, понятно стало,
Что чья душа так царственно светла,
Кто до конца сберег ее — живую —
И в страшную минуту роковую
Все той же будет, чем была...

* Помни (*лат.*).

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, –
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть...

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, –
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам,
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега –
По ним проходит незаметно
Небесных Ангелов нога.

* * *

Красноречивую, живую
Мою я отповедь читала,
Я все прекрасно так сказала —
Вполне довольна — *апробу́ю.*

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.

Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет —
И с первым сном она бежит от них.

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет второй!

Не то от ней присуждено вам было:
Вас юношей настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее все была.

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз, —
И в кубок ваш все жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подымем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

* * *

Когда-то я была майором,
Тому уж много, много лет —
И вы мне в будущем сулили
Блеск генеральских эполет —
— В каком теперь служу я чине,
Того не ведаю сама —
Но к вам прошусь я в ординарцы,
Фельдмаршал Русского Ума.

АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью –
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье – меньшую братью...

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

* * *

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым —
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

* * *

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь —
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — Жизнь, уж призванная к бою,
Ты — Сердце, жаждущее бурь...

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами —
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь — я ухожу...

Я слышал утренние грезы
И первый милый лепет Дня —
Но поздние, живые грозы —
Но взрыв страстей, но страсти слезы, —
Нет, это все не для меня...

Но, может быть — в разгаре лета —
Ты вспомнишь о своей Весне —
И вспомнишь и про время это,
Как про забытый — до рассвета —
Мелькнувший призрак в первом сне.

ПРИ ПОСЫЛКЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.

Ты билась с мужеством немногих,
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло —
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.

Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни —
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

* * *

Он прежде мирный был казак,
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын — положим, так,
А все не Александр Великий.

23 FEVRIER 1861

La vieille Hécube, hélas, trop longtemps éprouvée,
Après tant de revers et de calamités,
Se réfugie enfin, reposée et lavée,
Sous l'abri protecteur de vos jeunes bontés.

* * *

Обоим Николаям
Мы всех возможных благ желаем
И от души их поздравляем.

А. А. ФЕТУ

<1>

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

<2>

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой,—
Они им чуют-слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

* * *

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

СВЯТЫЕ ГОРЫ

Тихо, мягко, над Украйной
Обаятельною тайной
Ночь июльская лежит —
Небо так ушло глубоко,
Звезды светят так высоко,
И Донец во тьме блестит.

Сладкий час успокоенья!
Звон, литии, псалмопенья
Святогорские молчат —
Под обительской стеною,
Озаренные луною,
Богомольцы мирно спят.

И громадою отвесной,
В белизне своей чудесной,
Над Донцом утес стоит,
К небу крест свой возвышая...
И, как стража вековая,
Богомольцев сторожит.

Говорят, в его утробе,
Затворившись, как во гробе,
Чудный инок обитал,
Много лет в искусе строгом
Сколько слез он перед Богом,
Сколько веры расточал!..

Оттого ночной порою
Силой и поднесь живою
Над Донцом утес стоит —
И молитв его святыней,
Благодатной и доныне,
Спящий мир животворит.

* * *

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в дому молитвы,
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!..

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Все поднялось и все грозит тебе,

О край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЮ А. А. СУВОРОВУ

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам — наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские — Европы не спросясь...

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему —

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе —
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?..

Кто избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим —
На зло врагам, их лжи и озлобленью,
На зло, увы, и пошлостям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей —
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

* * *

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит,
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодела,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилицею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радушный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,
И этот длинный тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

Н. И. КРОЛЮ

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И все для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, –
Но чья-то песнь вдруг раздалась...

И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поголубел
И вновь подернулся сияньем –

И все опять зазеленело,
Все обратилося к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.

19-ое ФЕВРАЛЯ 1864

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья,
Великий день, новозаветный день —
И на лице его от умиленья
Предсмертная вдруг озарилась тень.

Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил —
Предстали перед ним — Царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью:
Последняя свершалася борьба,
И сам Спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.

* * *

Не все душе болезненное снится:
Пришла Весна — и небо прояснится.

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет —
Деревья блещут пестротой —
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет..

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,—
Сияет Белая Гора,
Как откровенье неземное —

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,—
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали —
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!..»

. . . .
. . . .

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось —
О Господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

5 Зак. 7181

<ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ>

<1>

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной,
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

<2>

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей —

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?..
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

* * *

О, этот юг, о, эта Ницца...
О, как их блеск меня тревожит —
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья —
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

ENCYCLICA*

Был день — когда господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм,
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.

Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни — дни Божьего суда —
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.

Столетья шли, ему прощалось много,
Кривые толки — темные дела —
Но не простится правдой Бога
Его последняя хула...

Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет, —
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»

* Энциклика *(лат.)*, т. е. папское послание.

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ

Вам выпало призванье роковое,
Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
Все лучшее в России, все живое
Глядит на вас, и верит вам, и ждет.
Обманутой, обиженной России
Вы честь спасли, — и выше нет заслуг;
Днесь подвиги вам предстоят иные:
Отстойте мысль ее, спасите дух...

* * *

Когда на то нет Божьего согласья,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

ОТВЕТ НА АДРЕС

Себя, друзья, морочите вы грубо —
Велик с Россией ваш разлад.
Куда вам в члены Английских палат?
Вы просто члены *Английского клуба...*

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других. .
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг все замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей —
Ты взял *ее*, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе;

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить;
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

* * *

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но Бог, недаром, в нем сказался —
Бог верен избранным Своим.

Сто лет прошли в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь, уж на просторе,
Поминки празднует по нем.

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена —
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим,
Во имя Правды и Науки
Здесь *память вечную* гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещенье —
Не нас поработил ему —

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной —
И устоял в борьбе ночной.

* * *

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строют ков...
«То казнь отцу за поляков», —
Вот, что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?..
Кто говорит так: польский поп,
Или министр какой из русских?

О эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит... Да не грянет.

И отповедью — да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена — царь в плену!» —
И Русь спасать его не встанет.

12-ое АПРЕЛЯ 1865

Все решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, —
Знать, он пред Богом был достоин
Другого, лучшего венца —

Другого, лучшего наследства,
Наследства Бога своего, —
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был Его...

Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней, —

О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

* * *

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил —
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил»...

* * *

Est in arundineis modulatio
*musica ripis**

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

* Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках *(лат.)*.

ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Нет боле искр живых на голос твой приветный –
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит – во мраке незаметный –
Последний, скудный дым с потухшего костра.

* * *

Велели вы — хоть, может быть, и в шутку —
Я исполняю ваш приказ.
Тут места нет раздумью, ни рассудку,
И даже мудрость без ума от вас, —

И даже он — ваш дядя достославный —
Хоть всю Европу переспорить мог,
Но уступил и он в борьбе неравной
И присмирел у ваших ног...

КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ

Есть телеграф за неименьем ног!
Неси он к Вам мой стих полубольной.
Да сохранит вас милосердный Бог
От всяких дрязг, волнений и тревог,
И от бессонницы ночной.

* * *

Бедный Лазарь, Ир убогой,
И с усильем и тревогой
К вам пишу, с одра привстав,
И привет мой хромоногой
Окрылит пусть телеграф.

Пусть умчит его, играя,
В дивный, светлый угол тот,
Где весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая
В купах зелени поет.

15 ИЮЛЯ 1865 г.

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

* * *

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и долы,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она все ярче, все живее —
Вся разгорается она —
Еще минута — и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей.

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

23 НОЯБРЯ 1865 г.

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом —
Искала слов, не находила —
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилося над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

ГРАФИНЕ А. Д. БЛУДОВОЙ

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* — не значит *жить*...

Во имя милого былого,
Во имя вашего отца —
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.

* * *

Так! Он спасен — иначе быть не может!
И чувство радости по Руси разлилось...
Но посреди молитв, средь благодарных слез,
Мысль неотступная невольно сердце гложет:

Все этим выстрелом, все в нас оскорблено!
И оскорблению как будто нет исхода:
Легло, увы! легло позорное пятно
На всю историю Российского народа!

* * *

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

КНЯЗЮ СУВОРОВУ

Два разнородные стремленья
В себе соединяешь ты —
Юродство без душеспасенья
И шутовство без остроты.

Сама природа, знать, хотела
Тебя устроить и обречь
На безответственное дело,
На безнаказанную речь.

* * *

И в Божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А все ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!..»

Бессильна, как она ни злися,
Несвоевременная дурь, —
Метели, вьюги улеглися,
Уж близко время *летних* бурь.

* * *

Когда расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе как рак,—
Кто ж тут спасет, кто пособит?
Ну кто ж, коль не моряк.

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых —
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь былое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое былое
Словно дышит в забытьи;
Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

* * *

На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладем слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.

6 Зак. 7181

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

* * *

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.

Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.

Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине —
Югом блещет, югом веет,
И живется как во сне.

Все привольней, все приветней
Умаляющийся день —
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.

Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни —
Очарованные ночи,
Очарованные дни...

Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви...

Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой...

В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом —
Есть улыбка, есть сознанье,
Есть сочувственный прием.

И святое умиленье
С благодатью чистых слез
К нам сошло, как откровенье —
И во всем отозвалось...

Небывалое доселе
Поднял вещий наш народ —
И *Дагмарина* неделя
Перейдет из рода в род.

* * *

Умом — Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

* * *

Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной, —
Что скажем здесь, перед отчизной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный —

Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш чистый, добрый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет —

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души —
Высокой и ко благу страстной

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась —
Но на призывный Божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший все совокупить
В ненарушимом полном строе,
Все человечески-благое,
И русским чувством закрепить —

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России.

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель, навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда.

* * *

Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слыхал торжественного слова?
Века векам его передают.

И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью Божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..

Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!

О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах —
Везде он правды личным стал врагом!

Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!

В РИМЕ

Средь Рима древнего сооружалось зданье —
То Нерон воздвигал дворец свой золотой;
Под самою дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, царь земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
— Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной. —
«Весь мир тебе слугой, а мне слугою — время».

* * *

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же *второй*.

* * *

Как этого посмертного альбома
Мне дороги заветные листы,
Как все на них так родственно-знакомо,
Как полно все душевной теплоты!

Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеяла былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.

* * *

«И дым отечества нам сладок и приятен!» –
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш – и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!

ДЫМ

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес,—
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу к нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет...
Все тот же лес, волшебный и родной.

СЛАВЯНАМ

Привет вам задушевный, братья
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подда́нства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех.

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные.
Вот, вот что ненавидят в нас:
Вам не прощается Россия,
России не прощают вас!

Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: — Это я!

При неотступном вспоминаньи
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как Божья кара, их страшит!

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.

И то, что длилося веками,
Не истощилось и поднесь,
И тяготеет и над нами —
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Белая Гора!

А между нас — позор немалый, —
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим Провиденью —
Ему известны день и час...

И эта вера в правду Бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив — Верховный Промыслитель,
И суд Его не оскудел,
И слово «Царь-Освободитель»
За русский выступит предел.

СЛАВЯНАМ

*Man muß die Slaven
an die Mauer drücken*[*]

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Да, стенка есть — стена большая,—
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.

Так пусть же с бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!

---

[*] Славян должно прижать к стене *(нем.)*.

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

* * *

Напрасный труд — нет, их не вразумишь.
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

К ПОРТРЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАНЦЛЕРА, КНЯЗЯ А.М. ГОРЧАКОВА

В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия —
Свой меч, иззубренный в бою, —

Он Волей призван был верховной
Стоять на страже, — и он стал —
И бой упорный, бой неровный —
Один — с Европой продолжал.

И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот —
Иноплеменный мир дивится,
Но Русь легко его поймет.

Он, первый, угадал в чем дело, —
И им, впервые, Русский Дух
Союзной силой признан смело —
И вот венец его заслуг.

* * *

Lorsqu'un noble prince, en ces jours de démence,
Decort de sa main le bourreau des Chrétiens, —
Pourrait-on dire encore, ainsi qu'aux temps anciens:
«Honny soit qui mal y pense»?

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

* * *

Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отвратить, не избежать удара —
И правда Божья видима для всех.

То Божьей правды праведная кара,
И ей в отпор чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тиара
В последний раз купается в крови.

А ты — ее носитель неповинный,
Спаси тебя Господь и отрезви —
Молись Ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови...

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕПЕШ ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА, НАПЕЧАТАННЫХ В «JOURNAL DE ST.-PÉTERSBOURG»

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток —
О, как поймут тогда значенье
Великодушных этих строк.

Как первый, яркий луч денницы,
Коснувшись их — озолотит
Все эти вещие страницы
И для потомства освятит.

И в излияньи чувств народных —
Как Божья чистая роса —
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза...

Они раскроют для потомства,
Как, сильны верою живой,
Всем видам лжи и вероломства
Отпор мы дали роковой...

На них записана вся повесть
О том, что́ было и что́ есть —
Изобличив Европы совесть,
Они спасли России честь.

* * *

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее — но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

ИЮНЬ 1868 г.

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготеет над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, —
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло,
Беспомощное дитя.

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

Стихов моих вот список безобразный —
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...

В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

ПАМЯТИ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца —
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.

Душа живая, он необоримо
Всегда себе был верен и везде —
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...

Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся — и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.

И не Руси одной по нем сгрустнется —
Он дорог был и там, в земле чужой, —
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.

МОТИВ ГЕЙНЕ

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день —
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...

Обессиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую тьму —
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

7 Зак. 7181

* * *

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направленью,
А русский вы — сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделенью...

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

* * *

«Нет, не могу я видеть вас...» —
Так говорил я в самом деле,
И не один, а сотню раз, —
А вы — и верить не хотели.

В одном доносчик мой неправ —
Уж если доносить решился,
Зачем же, речь мою прервав,
Он досказать не потрудился?

И нынче нудит он меня —
Шутник и пошлый и нахальный —
Его затею устраня,
Восстановить мой текст буквальный.

Да, говорил я, и не раз —
То не был случай одинокий —
Мы все не можем видеть вас —
Без той сочувственно-глубокой

Любви сердечной и святой.
С какой — как в этом не сознаться? —
Своею лучшею звездой
Вся Русь привыкла любоваться.

14-ое ФЕВРАЛЯ 1869

Великий день Кирилловой кончины —
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?

Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаяся и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...

Причастные его труду
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений,

И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем — и словеса святые
Его воспомянув — воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!

Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения Славянам»...

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней — чужда лицеприятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косой равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой,

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

11-ое МАЯ 1869

Нас всех, собравшихся на общий праздник снова,
Учило нынче нас Евангельское Слово
В своей священной простоте:
«Не утаится Град от зрения людского,
Стоя на Горней высоте».

Будь это и для нас возвещено не всуе —
Заветом будь оно и нам —
И мы, великий день здесь братски торжествуя,
Поставим наш союз на высоту такую,
Чтоб всем он виден был — всем братским племенам.

* * *

Как насаждения Петрова,
В Екатерининской долине
Деревья пышно разрослись –
Так насаждаемое ныне,
Здесь русское живое слово
Расти и глубже коренись.

<О. И. ОРЛОВОЙ-ДАВЫДОВОЙ>

Здесь, где дары судьбы освящены душой,
Оправданы благотвореньем,
Невольно человек мирится здесь с судьбой,
Душа сознательно дружится с Провиденьем.

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит выспрь — очам на диво —
Как бы парящий к небесам,
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест —
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест —

К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там — не праздный житель —
На склоне трудового дня.
И кто бы мог, без умиленья,
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую в борьбе?

Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознанье
Заслуг своих и добрых дел —
Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменной строй.

В ДЕРЕВНЕ

Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно-дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит,
Летит — куда, сама не зная,
И как шальная голосит.

Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногий,
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,
Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!

И словно сам он, вслед за ними,
Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!
Какой же смысл в движеньи этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?

Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой, —

И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.

Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков, —
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной — ты скажешь — просто лает,
А он свершает высший долг, —
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк!

ЧЕХАМ ОТ МОСКОВСКИХ СЛАВЯН

На ваши, братья, празднества́,
Навстречу вашим ликованьям,
Навстречу вам идет Москва
С благоговейным у‌пованьем.

В среду восторженных тревог,
В разгар великого волненья,
Приносит вам она залог,
Залог любви и единенья.

Примите же из рук ея
То, что́ и вашим прежде было,
Что́ старочешская семья
Такой ценой себе купила,

Такою страшною ценой,
Что память эта и поныне —
И вашей лучшею святыней,
И вашей жизненной струей.

Примите Чашу! Всем звездой
В ночи судеб она светила
И вашу немощь возносила
Над человеческой средой.

О, вспомните, каким она
Была вам знаменьем любимым,
И что в костре неугасимом
Она для вас обретена.

И этой-то великой мзды,
Отцов великих достоянья,
За все их тяжкие труды,
За все их жертвы и страданья,

Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даете ей срамить, увы,
И честь отцов и правду Божью.

И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тягчайший, плен духовный,
Еще сносить ты осужден,
О чешский люд единокровный?

Нет, нет, недаром благодать
На вас призвали предки ваши,
И будет вам дано понять,
Что нет спасенья вам без Чаши.

Она лишь разрешит вконец
Загадку вашего народа:
В ней и духовная свобода,
И единения венец.

Придите ж к дивной Чаше сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите к ней
С надеждой, верой и любовью.

* * *

Природа – Сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

* * *

Как нас ни угнетай разлука,
Но покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Все то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится — и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

СОВРЕМЕННОЕ

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно — блещет море
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.

Угощает он на славу
Милых западных друзей,
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при кликах исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна —
Коронованная фея,
Рима *дочь*, его жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей —
Как вторая Клеопатра
В сонме царственных гостей,

На Восток она явилась
Всем на радость, не на зло.
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам —

Только там, где тени бродят,
Там в ночи — из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан.

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ

Спешу поздравить. Мы охотно
Приветствуем ваш неуспех,
Для вас и лестный, и почетный,
И назидательный для всех.

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.

Ох, нет, то знают и они —
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили — вы одни, —
Все им известно — inde irae!..*

Во всем великом этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае,
Везде, везде встречали вас.

И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,

Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить — непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

* Отсюда гнев *(лат.)*.

Ю. Ф. АБАЗЕ

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится, и рвется,
И хочет высказаться вслух...

Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...

Из тяжкой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки — *душу живу*,
В них вашу душу слышим мы.

* * *

Так Провидение судило,
Чтоб о величии грядущем
Великого Славянского царя
Возвещено вселенной было
Не гласом грома всемогущим,
А звучным писком комара.

* * *

<Из Гёте>

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волненье,
В небе ликуя, томясь на земли,
        Страстно ликующей,
        Страстно тоскующей,
Жизни блаженство в одной лишь любви...

ГУС НА КОСТРЕ

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя. Все молчит.
Лишь слышен легкий треск — и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.

Дым побежал — народ столпился гуще,
Вот все они — весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд — и люд гнетущий,
Ложь и насилье — рыцарство и клир.

Тут вероломный кесарь — и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.

Тут и она — та старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что́ принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.

И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит,
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится — и голос не дрожит.

Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель,
В своей высокой простоте

Не изменив ни Богу, ни народу,
Боролся он — и был необорим —
За правду Божью, за ее свободу,
За все, за все, что бредом назвал Рим.

Он духом в небе — братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.

О чешский край — о род единокровный!
Не отвергай наследья своего —
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!

И цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

* * *

Над русской Вильной стародавной
Родные теплются кресты,
И звоном меди православной
Все огласились высоты.

Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела —
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.

Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.

Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденьем
Живых тревожить здесь покой.

В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.

К. Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

* * *

Доехал исправно, усталый и целый,
Сегодня прощаюсь со шляпою белой,
Но с вами расставшись... не в шляпе тут дело...

ДВА ЕДИНСТВА

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней —
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши —
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...

* * *

Веленью высшему покорны,
У *мысли* стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не *арестантский*, а *почетный*
Держали караул при ней.

* * *

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

* * *

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля –

И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом, –

Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал –
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.

Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

Федор Иванович Тютчев. 1850–1851.
Раскрашенная фотография К. Даутендея

Эрнестина Федоровна Тютчева. 1862.
Фотография И. Робийяра

2

Умомъ – Россiю не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить –
У ней особенная стать –
Въ Россiю можно только вѣрить

Автограф стихотворения «Умом – Россию не понять...»

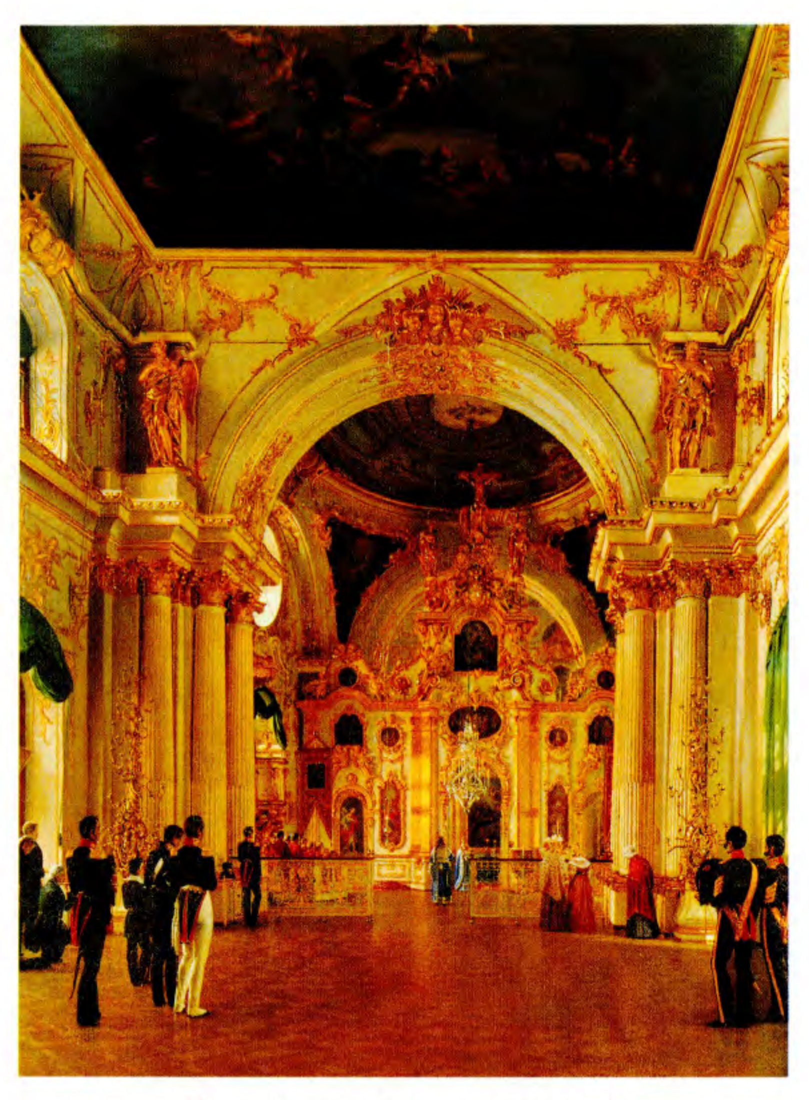

Усадьба Овстуг. 1849.
Рис. Драницына

Елена Александровна Денисьева. <1850>.
Худ. Иванов

Автографы стихотворений «Чародейкою Зимою...»
и «Славянам» («Они кричат, они грозятся...»)

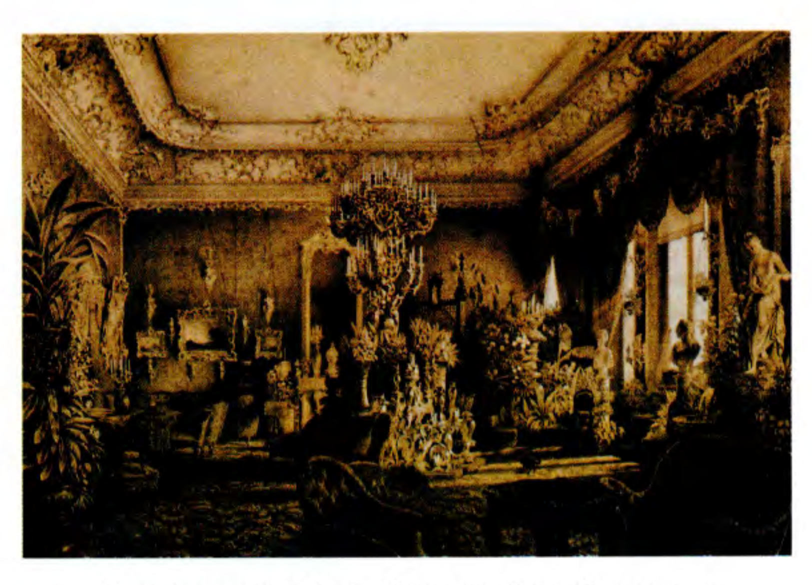

Большая церковь Зимнего дворца. 1829.
Худ. А. Тыранов

Великий князь, цесаревич Александр Николаевич.
Ок. 1850. *Худ. И. Винберг. Миниатюра на кости*

Александровская колонна и Главный штаб. Петербург. 1850-е гг.
Раскрашенная литография с рис. худ. Арно

Большая гостиная Великой княгини Елены Павловны в Михайловском дворце. 1850-е гг. *Литография с акварели Л. Премацци*

* * *

Ah, quelle méprise —
Incroyable et profonde!
Ma fille rose, ma fille blonde
Qui veut se faire *soeur grise*.

9 Зак. 7181

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел — куда мы все идем,
И я теперь — на голой вышине
Стою один, — и пусто все кругом —

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой — и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И — что́ со мной, не сознавая сам...

Бесследно все — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Все будет то ж — и вьюга так же выть
И тот же мрак — и та же степь кругом.

Дни сочтены — утрат не перечесть...
Живая жизнь давно уж позади —
Передового нет — и я, как есть,
На роковой стою очереди...

* * *

Давно известная всем дура —
Неугомонная цензура
Кой-как питает нашу плоть —
Благослови ее господь!

* * *

С Новым Годом, с новым счастьем,
С постоянною удачей;
Вот привет любви собачьей,
Ты прими его с участьем.

* * *

Впросонках слышу я — и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошел событий целый ряд,
Но вера нас не обманула,
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.

Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя,
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово,
То слово Русского Царя.

И все, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно —
Пред честностью Его державной
Все рушилось само собой.

И вот — «свободная стихия», —
Сказал бы наш поэт родной, —
Шумишь ты, как во дни былые,
«И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..»

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену,
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил — насилье пало:
Оно пошло, как ключ, ко дну.

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что Бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам, и без урона —
Бессмертный черноморский флот.

Да в сердце русского народа
Святиться будет этот день,
Он — наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Был день суда и осужденья —
Тот роковой, бесповоротный день,
Когда — для вящего паденья —
На высшую вознесся он ступень —

И Божьим промыслом теснимый,
И загнанный на эту высоту,
Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту —

Когда, чужим страстям послушный,
Игралище и жертва темных сил,
Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...

О новом бого-человеке
Вдруг притча создалась — и в мир вошла,
И святотатственной опеке
Христова Церковь предана была.

О, сколько смуты и волнений
С тех пор воздвиг непогрешимый тот,
И как под бурей этих прений
Кощунство зреет и соблазн растет.

В испуге ищут *правду Божью*,
Очнувшись вдруг, все эти племена,
И как тысячелетней ложью
Она, для них, вконец отравлена.

И одолеть они не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь — и где исход?..

. . . .

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта —
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

* * *

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русской,
В науке был он человеком.

ПАМЯТИ М.К. ПОЛИТКОВСКОЙ

*Elle a été douce devant la mort**

Многозначительное слово
Тобою оправдалось вновь:
В крушении всего земного
Была ты — кротость и любовь.

В самом преддверье тьмы могильной
Не оскудел в последний час
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запас...

И та же любящая сила,
С какой, себе не изменя,
Ты до конца переносила
Весь жизни труд, всю злобу дня, —

Та ж торжествующая сила
Благоволенья и любви,
Не отступив, приосенила
Часы последние твои.

И ты, смиренна и послушна,
Все страхи смерти победив,
Навстречу ей шла благодушно,
Как на отеческий призыв.

О, сколько душ, тебя любивших,
О, сколько родственных сердец —
Сердец, твоею жизнью живших,
Твой ранний поразит конец.

* Она была кроткой перед лицом смерти *(фр.)*.

Я поздно встретился с тобою
На жизненном моем пути,
Но с задушевною тоскою
Я говорю тебе: прости.

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда все гуще сходят тени
На одичалый мир земной, —

О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено, —
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено

С великой тайною загробной,
Так это — видим, верим мы —
Исход души, тебе подобной,
Ее исход из нашей тьмы...

* * *

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень.

Но и Святой Руси пределом
Его призыва не стесняй,
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,

Своею дальнею волною
И ту долину захватя,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя,

Тот светлый край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она.

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повей,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

* * *

Чертог Твой, Спаситель, я вижу украшен,
Но одежд не имею, да вниду в него.

* * *

Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре;
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем ноябре.

* * *

Мир и согласье между нас
Сказались с первого же дня, –
Поздравим же, перекрестясь,
Тебя со мной — с тобой меня.

* * *

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, —
О, этот мир, так молодо-прекрасный, —
Он сто́ит тысячи миров.

НАПОЛЕОН III

И ты свершил свой подвиг роковой,
Великих сил двусмысленный наследник,
Муж не судеб, а муж случайности слепой,
Ты сфинкс, разгаданный и пошлою толпой,
Но правды Божьей, не земной,
Неотразимый проповедник,
Ты миру доказал на деле,
Как шатко все, в чем этой правды нет:
Ты, целых двадцать бурных лет
Мир волновавший — и без цели,
Ты много в мире лжи посеял,
И много бурь ты возрастил,
И уцелевшего рассеял,
И собранного расточил!
Народ, взложивший на тебя венец,
Ты ложью развратил и погубил вконец;
И, верный своему призванью,
Оторопевший мир, игрой своей смутя,
Как неразумное дитя,
Ты предал долгому шатанью.
Спасенья нет в насилье и во лжи,
Как ни орудуй ими смело,
Для человеческой души,
Для человеческого дела.
Знай, торжествующий, кто б ныне ни был он,
Во всеоружии насилья и обмана,
Придет и твой черед, и поздно или рано,
Ты ими ж будешь побежден!
Но в искупленье темных дел
Ты миру завещал один урок великий:
Да вразумятся им народы и владыки

И всякий, кто б тебе соревновать хотел; —
Лишь там, лишь в той семье народной,
Где с властью высшею живая связь слышна,
И где она закреплена
Взаимной верою и совестью свободной,
Где святы все ее условья,
И ей народ одушевлен —
Стоит ли у престола он
Иль бодрствует у изголовья
Одра, где царский сын лежал,
И весь народ еще недавно
Тот одр болезни окружал
Своей молитвой православной, —
О, тут измене места нет,
Ни разновидным ухищреньям,
И крайне жалок был бы тот,
Кто б этот оскорбил народ
Иль клеветой, иль подозреньем.

* * *

Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал.
Века бы за веками проходили;
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.

* * *

Тебе, болящая в далекой стороне,
Болящему и страждущему мне
Пришло на мысль отправить этот стих,
Чтобы с веселым плеском волн морских
Взлетело бы тебе в окно,
Далекий отголосок вод родных,
И слово русское хоть на одно мгновенье
Прервало для тебя волн средиземных пенье,
Из той среды далеко не чужой,
Которой ты была любовью и душой,
Где и поднесь с усиленным вниманьем
Следят твою болезнь сердечным состраданьем,
Будь ближе, чем когда, душе твоей присущ
Добрейший из людей, чистейшая из душ,
Твой милый, добрый, незабвенный муж!
Душа, с которою твоя была слита,
Хранившая тебя от всех соблазнов зла;
С которой заодно всю жизнь ты перешла,
Свершая честно трудный подвиг твой
Примерно-христианскою вдовой!

Привет еще тебе от тени той,
Обоим нам и милой, и святой,
Которая так мало здесь гостила,
Страдала храбро так — и горячо любила,
Ушла стремглав из сей юдоли слез,
Где ей, увы! — ничто не удалось —
По долгой, тяжкой, истомительной борьбе
Прощая все и людям, и судьбе.
И свой родимый край так пламенно любила,

Что, хоть она и воин не была,
Но жизнь свою отчизне принесла;
Вовремя с нею не могла расстаться,
Когда б иная жизнь спасти ее могла!

* * *

Британский леопард
За что на нас сердит?
И машет все хвостом,
И гневно так рычит?
Откуда поднялась внезапная тревога
Чем провинились мы?
Тем, что, в глуби зашед
Степи средиазийской,
Наш северный медведь —
Земляк наш всероссийский —
От права своего не хочет отказаться
Себя оборонять, подчас и огрызаться
В угоду же друзьям своим
Не хочет перед миром
Каким-то быть отшельником-факиром;
И миру показать и всем воочию́,
Всем гадинам степным
На снедь предать всю плоть свою.
Нет, этому не быть! — и поднял лапу...

Вот этим леопард и был так рассержен.
«Ах, грубиян! Ах, он нахал! —
Наш лев сердито зарычал. —
Как, он, простой медведь, и хочет защищаться
В присутствии моем, и лапу поднимать,
И даже огрызаться!
Пожалуй, это дойдет до того,
Что он вообразит, что есть <и> у него
Такие же права,
Как у меня, сиятельного льва...
Нельзя же допустить такого баловства!»

* * *

Конечно, вредно пользам государства
В нем образовывать особенное царство,
Но несогласно с пользами подданства
И в Ханстве возбуждать особенное ханство,
Давно минувших лет возобновлять приемы и следы,
И, устранив все современные лады,
Строй новый заводить,
И самозванно, произвольно
Вдруг на Москве первопрестольной
В затменье умственном, Бог ведает каком,
Вдруг заявить себя ожившим баскаком
Для несуществующей Орды.

* * *

Во дни напастей и беды,
Когда из Золотой орды
В Москву баскаков насылали,
Конечно, и тогда их выбирали,
Москве предоставляя в дар
Учтивейшего из татар,
Насколько совместимы два эти слова —
Ну, словом, лучшего из той среды,
И не отправили бы Дурнова...
А впрочем, тут много шума из пустого.

* * *

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА

Благоуханна и светла
Уж с февраля весна в сады вошла —
И вот миндаль мгновенно зацвела,
И белизна всю зелень облила.

* * *

Мы солнцу Юга уступаем Вас.
Оно одно — должны сознаться мы —
Теплее нашего Вас любит —
А все-таки хотя здесь царство и зимы,
Мы ни с какими бы странами
Здешних мест не променяли бы.
Здесь сердце Ваше остается с нами.
Ступайте ж, уезжайте с Богом,
Но сердце Ваше нам залогом,
Что скоро Вы вернетесь к нам —
И пусть в отъезда час — со всех сторон,
И даже с бедного одра страданья,
Молитв благие пожеланья
За Вами понесутся вслед —
Всех русских душ торжественный привет.

* * *

Вот свежие тебе цветы
В честь именин твоих, —
Еще цветы я рассылаю,
А сам так быстро отцветаю.
Хотелось бы собрать пригоршню дней,
Чтобы сплести еще венок
Для именинницы моей.

17-ое АПРЕЛЯ 1818

На первой дней моих заре
То было рано поутру в Кремле,
То было в Чудовом монастыре.
Я в келье был, и тихой и смиренной,
Там жил тогда Жуковский незабвенный.
Я ждал его, и в ожиданье
Кремлевских колколов я слушал завыванье,
Следил за медною бурей,
Поднявшейся в безоблачной лазури –
И вдруг смененной пушечной пальбой –
Все вздрогнули, понявши этот вой.
Хоругвью светозарно-голубой
Весенний первый день лазурно-золотой
Так и пылал над праздничной Москвой.
Тут первая меня достигла весть,
Что в мире новый житель есть
И новый царский гость в Кремле
Ты в этот час дарован был земле.
С тех пор воспоминанье это
В душе моей согрето
Так благодатно и так мило –
В теченье стольких лет не изменив жило,
Меня всю жизнь так верно провожало.
И ныне, в ранний утра час,
Оно все так же дорого и мило,
Мой одр печальный посетило,
И благодатный праздник возвестило.
И мнилось мне всегда,
Что этот раннего событья самый час
Мне будет на всю жизнь благим предзнаменованьем.
И не ошибся я: вся жизнь моя прошла

Под этим кротким благостным влияньем.
И милосердою судьбою
Мне было счастье суждено,
Что весь мой век я над собою
Созвездье видел все одно —
Его созвездье — и будь же до конца оно
Моей единственной звездою.
И много, много раз
Порадуй этот день и этот мир, и нас...

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

Царь благодушный, царь с евангельской душою,
С любовью к ближнему святою,
Принять, державный, удостой
Гимн благодарности простой!
Ты, обнимающий любовию своей
Не сотни, тысячи людей,
Ты днесь воскрыльями ея
Благоволил покрыть и бедного меня,
Не заявившего ничем себя
И не имевшего на царское вниманье
Другого права, как свое страданье!..
Вниманьем благостным своим
Меня призреть ты удостоил
И дух мой ободрил и успокоил...
О, будь же, царь, прославлен и хвалим,
Но не как царь, а как наместник Бога,
Склоняющего слух
Не только к светлым легионам
Избранников своих, небесных слуг,
Но и к отдельным, одиноким стонам
Существ, затерянных на сей земле,
И внемлющего их молитвенной хвале.
Чего же, царь, тебе мы пожелаем?
Торжеств ли громких и побед?
От них тебе большой отрады нет!
Мы лучшего тебе желаем,
А именно: чтобы по мере той,
Как призван волей ты святой
Здесь действовать, в печальной сей юдоли,
Ты сознаваем был все более и боле
Таким, каков ты есть,
Как друг добра нелицемерный...
Вот образ твой и правильный и верный,
Вот слава лучшая для нас и честь!

БЕССОННИЦА

(Ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла,
И всюду водворилась мгла,
Все тихо и молчит; и вот луна взошла,
И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь нескольких церквей, потерянных вдали,
Блеск золоченых глав, унылый, тусклый зев
Пустынно бьет в недремлющие очи,
И сердце в нас подкидышем бывает,
И так же плачется и также изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.
Но тщетно плачется и молится оно:
Все вкруг него и пусто и темно!
Час и другой все длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.

* * *

Хоть родом он был не славянин,
Но был славянством всем усвоен,
И честно он всю жизнь ему служил,
Так много действовал, хоть мало жил,
И многого ему принадлежит почин —
Он делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин!..

* * *

Бывают роковые дни
Лютейшего телесного недуга
И страшных нравственных тревог;
И жизнь над нами тяготеет
И душит нас, как кошемар.
Счастлив, кому в такие дни
Пошлет всемилосердый Бог
Неоценимый, лучший дар —
Сочувственную руку друга,
Кого живая, теплая рука
Коснется нас, хотя слегка,
Оцепенение рассеет
И сдвинет с нас ужасный кошемар,
И отвратит судеб удар, —
Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и любовь.

Стихотворения,
приписываемые Ф.И. Тютчеву

* * *

Австрийский царь привык забавить
Собой и други и враги —
Неаполь нос ему приставит,
А русский царь роги.

* * *

Ну, как тому судить поэтов дар
О их ошибках превосходстве, —
Кому лицеем был амбар
И кто смышлен лишь в скотоводстве.

* * *

Каким венком нам увенчать
Питомца русского Парнаса,
На коем возлегла печать
Могучих вдохновений Тасса?
Ты лавров не захочешь, нет, —
Они душе твоей постылы
С тех пор, как дивный твой поэт —
Твой Тасс — и на краю могилы.
Не мог их дань ты взять с земли,
Но девы павшего Сиона
Другой венок тебе сплели
Из сельских крин и роз Сарона.

* * *

Какие песни, милый мой,
Когда вокруг лишь ненависти крики,
А в сердце скорбь о глупости людской,
Которою, как некой тьмой,
Ослеплены и малый и великий?

Какие песни в той стране,
Где старики, как язву, мысль бичуют
И с целой армией в бронях и на коне
Противу мальчиков воюют?

В стране, где эта мысль, лишась прямых путей,
По закоулкам татем бродит,
От грубых прячась сторожей,
И в детях лишь себе защитников находит?

О родина моя! Ужели никогда
Без роковых преград, беэ пропастей глубоких,
Как реки плавные равнин твоих широких,
Ты не пойдешь путем разумного труда?

И будет вечно мысль не там, где сила,
А сила будет век темна
И безответна, как могила,
И, как могила, холодна?

А мысль... ужель она средь тысячи шпионов,
Как дичь для травли злых невежд <...>

* * *

Я не ценю красот природы,
Когда душа потрясена,
Когда свинцовая невзгода
Тмит бедный дух кошмаром сна.
Природы лучшие красоты
Меняют часто годы, дни
Из нас поймет, пожалуй, сотый,
Что мы ей только и сродни.
Нет, преждевременная вялость
Ее не будит скорби в ней.
И нам в себе души усталость
Нести тяжелей и больней.
Природы воздух ядовитый
Нас отравляет не всегда:
Мы себялюбием повиты —
И эта губит нас беда.

* * *

De son crayon inimitable
Pour meriter un mot, une virgule, un trait
Un diable se convertirait,
L'angē se donnerait au diable.

* * *

Проходя свой путь по своду,
Солнце знает ли о том,
Что оно-то жизнь в природу
Льет в сиянье золотом,

Что лучом его рисует
Бог узоры на цветке,
Земледельцу плод дарует,
Мечет жемчуг по реке?

Вы, на все бросая <милый>
Взгляд ваш, знаете ль о том,
Что вся жизнь моя и силы
В вашем взоре огневом?

* * *

Не в первый раз волнуется Восток,
Не в первый раз Христа там распинают,
И от креста луны поблекший рог
Щитом своим державы прикрывают.
Несется клич: «Распни, распни его!
Предай опять на рабство и на муки!»
О Русь, ужель не слышишь эти звуки
И, как Пилат, свои умоешь руки?
Ведь это кровь из сердца твоего!

* * *

Корабль в густом, сыром тумане
Как бы затерянный стоит...
Недавней бурей в океане,
Компас изломанный молчит,
И цепи якорей порвались...
Теченье ж все несет, несет...
Бросают поминутно лот,
Уже на камни натыкались...
Друг друга — подле не видать.
Ужель, о Боже, погибать! —
И в экипаже — ужас дикий...
А мгла густей и все густей,
И глухо раздаются в ней
Пловцов взывания и клики...

Спаси их, Господи, спаси!
Пошли Ты им в сей час великий
Хоть луч единый с небеси!

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В разделе «Другие редакции и варианты» собраны все известные редакции и варианты стихотворений, сохранившиеся в автографах, авторитетных списках, прижизненных и первых посмертных изданиях, по 1900 г. включительно.

Стихотворения в поэтическом наследии Тютчева 1850–1873 гг. имеют значительно больше вариантов, чем в его предшествующей лирике. Это свидетельствует о повышении требовательности поэта к своему творчеству, большей тщательности в работе над словом. Публикуемые материалы воссоздают, хотя и фрагментарно, историю тютчевских текстов, позволяют прикоснуться к тайнам творческой лаборатории поэта.

В раздел вошли наиболее обширные редакции и варианты стихотворений «Близнецы», «Молчи, прошу — не смей меня будить...» <Из Микеланджело>, «Успокоение», «Как хорошо ты, о море ночное...», «Две силы есть — две роковые силы...», «О жизни той, что бушевала здесь...». Особенно много работал поэт над текстами, когда брался за социально-политическую тематику, над переводами Все изменения самих текстов, заглавий, подзаголовков зафиксированы в этом разделе (варианты строф, строк, изменения в порядке слов, перемещения отдельных стихов). Не приведены лишь явные опечатки в изданиях. Все сведения о местонахождении иных редакций и вариантов даны в соответствии с принятыми в данном издании сокращениями. Слова, зачеркнутые в автографе или в списке, заключены в квадратные скобки. Нумерация стихов — с левой стороны — означает место строки в стихотворении, вошедшем в том.

ПОЭЗИЯ

(с. 9)

2 Среди клокочущих зыбей —
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1 Ед. хр. 25. Л. 3.
4 Она [сама] слетает к нам
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 3.

«КОНЧЕН ПИР, УМОЛКЛИ ХОРЫ...»

(с. 10)

6 Лишь курились ароматы
Москв., 1850. № 13. Кн. 1. С. 2;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 47 и след. изд.
15 И безумными толпами
Москв., 1850. № 13. Кн. 1. С. 2;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 47 и след. изд.
16 Как над этим дальним чадом
Москв., 1850. № 13. Кн. 1. С. 2; *Сушк. тетрадь*. С. 90;
Муран. альбом. С. 107.
17 В черном выспреннем пределе
Москв., 1850. № 13. Кн. 1. С. 2;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 47 и след. изд.;
Сушк. тетрадь. С. 90; *Муран. альбом*. С. 107.
19 Отвечая смертных взглядам
Москв., 1850. № 13. Кн. 1. С. 2;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 47; *Изд. 1854*. С. 47;
Сушк. тетрадь. С. 90; *Муран. альбом*. С. 107.

РИМ НОЧЬЮ

(с. 11)

4 Наполнился своей безлюдной славой
Список — *Сушк. тетрадь*. С. 39.

7 Как будто лунный [свет] и град почивший

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4.

ВЕНЕЦИЯ

(с. 12)

16–18 Широко ложилась в мире,
Все могучее и шире –
Тень от Львиного Крыла —

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 187.

БЛИЗНЕЦЫ

(с. 13)

5–16 Есть два другие близнеца —
Две тоже демонские власти —
И нет неодолимей страсти,
Им покоряющей сердца...

Одолевают нас они
Своей неразрешимой тайной —
Союз их кровный — неслучайный,
Даны им роковые дни...

И кто ж — когда бунтует кровь
В поре всесильных увлечений,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и Любовь!..

Автограф – РНБ. Ф. 179.
№ 12 (альбом Н.В. Гербеля). Л. 192.

7 И обаянья их ужасней

Изд. СПб., 1886. С. 145.

ПРОРОЧЕСТВО

(с. 14)

5 [Три года — не удержат нас!]

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1.

«УЖ ТРЕТИЙ ГОД БЕСНУЮТСЯ ЯЗЫКИ...»

(с. 15)

1 [Вот] третий год беснуются языки,
5 В раздумье грустном князи и владыки,
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 4;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 56 и след. изд.
3 Как стая диких птиц перед грозой,
13 Ветр свирепел — но: «да не будет тако!»—
Списки – *Муран. альбом.* С. 85,
Сушк. тетрадь. С. 76–77.

«НЕТ, КАРЛИК МОЙ! ТРУС БЕСПРИМЕРНЫЙ!..»

(с. 16)

3 Своей [боязнью] маловерной
5 Иль все [надежды], execution упованья,
6 [Свой ум и душу] потребя,
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 2–3.
6 Все убежденья истребя,
Муран. альбом. С. 83, *Изд. СПб., 1886.* С. 168.
5 Иль есть святые упованья,
14 Лишь верь она в себе самой
Муран. альбом. С. 85.
6 [Иль] убежденья [ис]требя,
9 [Но] так ты дорог провиденью,
Сушк. тетрадь. С. 74–76.

«ТОГДА ЛИШЬ В ПОЛНОМ ТОРЖЕСТВЕ...»

(с. 17)

3 Строй вожделенный возвратится
Муран. альбом. С. 80; *Сушк. тетрадь.* С. 71.

«НЕ РАССУЖДАЙ, НЕ ХЛОПОЧИ...»

(с. 18)

3 [Дневную боль проспи в ночи]
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 6 об.

4 А завтра быть тому, что будет.

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 56 и след. изд.

6 Несчастья, радость и тревогу.

Москв. 1851. № 22. Кн. 2. С. 220.

«ПОШЛИ, ГОСПОДЬ, СВОЮ ОТРАДУ...»

(с. 19)

4 Бредет по жаркой мостовой;

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 33;
Изд. 1854. С. 68; *Изд. Маркса*. С. 111.

16 Главы его не освежит.

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 33 и след. изд.

НА НЕВЕ

(с. 20)

1 И опять звезда ныряет
14 Пышноструйная волна

Совр. 1854. Т. XLV. С. 13 и след. изд.

15 Приюти в твоем просторе

Совр. 1854. Т. XLV. С. 13 и след. изд.

«ПОД ДЫХАНЬЕМ НЕПОГОДЫ...»

(с. 22)

2 Вздувшись, почернели воды
4 И на глянец их суровый
6 Светит трепетным лучом
10 Над стихиею лазурной

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 3.

«ОБВЕЯН ВЕЩЕЮ ДРЕМОТОЙ...»

(с. 24)

5 Еще на ветке шелестит

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 40 и след. изд.

ДВА ГОЛОСА

(с. 25)

3 Над нами светила молчат в вышине,
4 Под нами могилы — молчат и оне.

Рукописная копия — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1.

6 Бессмертью их чужды труды и тревоги.

Рукописная копия — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1.

ГРАФИНЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

(в ответ на ее письмо)

(«Как под сугробом снежным лени...»)

(с. 26)

22 Он для меня их уловил
После 32 И страстно песнь ее звучала,
Пленяя души и сердца —
Она Бетховена играла,
И... доиграла до конца...

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 5–6.

«DES PREMIERS ANS DE VOTRE VIE...»

(с. 28)

10 Combien le ciel était plus pur!
11 Que de suaves rêveries
15 Je crois sentir, dans une brise

Изд. 1900. С. 6.

ПОМИНКИ

(Из Шиллера)

(с. 29)

5 [Ликовали, восседая]
8 [В честь правителей богов]
41 И поник он головою,

42 Грустной думой одержим;
44 Мало их вернется с ним.
45 Пойте ж громче гимн хвалебный!
50 Мирно-радостный возврат —
51 У домашнего [чертога]
59 Где хранят святой устав!
68 В небе божий суд не дремлет
78 Неподвластно вышней силе
81 [Произвольною] рукой
121 Память падшего — святее.
122 Брашник бодрый и мастистый,
123 Старец Нестор днесь встает

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1–4.

13 И сидела в длинном строе
25 И воздвигся, жертвы ради,
27 Градозиждущей Палладе
32 Счастье жеребия сеет
38 Царь царей, Атреев сын
40 Уцелевший строй дружин
41 И внезапною тоскою
42 Омрачился царский взгляд
44 Мало их пойдет назад
62 И супругой, взятой с бою,
64 Пышный стан обвив рукою,
122 Старец Нестор, здесь маститый
123 Брашник, кубок взяв, встает
143 Всемогучее вино

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 50–54.

15 Жены, дети павшей Трои
115 Сын Тезеев провещал, —
123 Братник кубок взяв, встает
130 Выпей, мать, струи целебной
152 Дым и пар — здесь все земное,

Раут. 1851. С. 75–80.

«СМОТРИ, КАК НА РЕЧНОМ ПРОСТОРЕ...»

(с. 34)

4 Льдина за льдиною плывет

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 4.

«О, КАК УБИЙСТВЕННО МЫ ЛЮБИМ...»

(с. 35)

2 Как в буйной слепости страстей
12 Горячей влагою своей.
15 Ее волшебны взоры, речи
17 И что ж теперь? И где ж все это?
35 Боль злую, боль ожесточенья,
38 Как в буйной слепости страстей

Список — *Сушк. тетрадь.* С. 68–70

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

(с. 38)

16 Не встретишь желтого листа

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1 Ед. хр. 30. Л. 4. и след. изд.

НАШ ВЕК

(с. 40)

10 Как ни скорбит пред замкнутою дверью:

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 45 и след. изд.

«О, НЕ ТРЕВОЖЬ МЕНЯ УКОРОЙ СПРАВЕДЛИВОЙ!..»

(с. 42)

7 И самого себя, краснея, узнаю

Список — *Сушк тетрадь.* С. 66.

«НЕ ОСТЫВШАЯ ОТ ЗНОЮ...»

(с. 43)

5 От зарниц все трепетало

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 49 и след. изд.

6 Неба сонные ресницы

Раут. 1852. С. 201.

7 [Разверзалися порою]

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505 Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2 об; *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 49 и след. изд.

Раскрывалися порою

Раут. 1852. С. 201.

10 [Загорались над землею]

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2 об; *Раут.* 1852. С. 201; *Совр.* 1854. Т. XLIV. С 49 и след. изд.

«В РАЗЛУКЕ ЕСТЬ ВЫСОКОЕ ЗНАЧЕНЬЕ...»

(с. 44)

4 И рано ль, поздно ль будет пробужденье.

Материалы. С. 54; *Изд. Маркса.* С. 154.

«ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ, ГДЕ МИРТ И ЛАВР РАСТЕТ...»

(Из Гёте)

(с. 45)

3 И целый год, в зеленых листьях скрыт,
4 Цветет лимон и апельсин горит?..

Раут. 1852. С. 201.

5 Ты знаешь край?.. Туда, туда с тобой
8 Лошак бредет в тумане по скалам

Совр. 1854. Т. XLIV. С 49 и след. изд.

11 Ты знаешь путь?.. туда и нам с тобой

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 50; *Изд. 1854.* С. 101.

Ты знаешь путь?.. Туда, туда с тобой

Изд. 1868. С. 58; *Изд. СПб., 1886.* С. 385.

12 Нам путь лежит — уйдем, властитель мой!

Раут. 1852. С. 201.

След проложен: уйдем, властитель мой!

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 50 и след. изд.

13 Ты знаешь дом на мраморных столбах

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 50 и след. изд.

14 Сияет даль и купол весь в лучах

Раут. 1852. С. 202.

17 Ты знаешь дом?.. Туда, туда с тобой

Совр. 1854 Т. XLIV. С. 50 и след изд.

«КАК ВЕСЕЛ ГРОХОТ ЛЕТНИХ БУРЬ...»

(с. 47)

3 Гроза нахлынувшею тучей

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3; *Изд.1900*. С. 187.

11 Тревожно [свищут] их вершины

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3.

«НЕДАРОМ МИЛОСЕРДЫМ БОГОМ...»

(с. 48)

1 Не даром милосердным Богом

Список Эрн. Ф. Тютчевой — *Муран. альбом*. С. 63.

5 И нет для бедной птички проку

Списки Эрн. Ф. Тютчевой — *Муран. альбом*. С. 63, *Альбом Тютчевой*. С. 126; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 55; *Изд.1854*. С. 133 и след. изд.

10 От первых перушек с гнезда,

Список — *Альбом Тютчевой*. С. 126.

11 Взлелеяла и возростила —

Список — *Альбом Тютчевой*. С. 126; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 55 и след. изд.

16 Настанет день, — день непреложный:

Список Эрн. Ф. Тютчевой — *Муран. альбом*. С. 63; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 55 и след. изд.

18 Погибнет под ногой твоей.

Списки Эрн. Ф. Тютчевой — *Муран. альбом*. С. 63, *Альбом Тютчевой*. С. 126; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 55 и след. изд.

«С ОЗЕРА ВЕЕТ ПРОХЛАДА И НЕГА...»

(Из Шиллера)

(с. 49)

7 И весь он очнулся от райского сна

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 50; *Изд. 1854*. С. 102.

«НЕ ГОВОРИ: МЕНЯ ОН, КАК И ПРЕЖДЕ, ЛЮБИТ...»

(с. 52)

2 Как прежде, мною дорожит...

Список – *Сушк. тетрадь*. С. 52.

«ЧЕМУ МОЛИЛАСЬ ТЫ С ЛЮБОВЬЮ...»

(с. 53)

7 И ты невольно устыдилась
9 Ах, когда б живые крылья
12 Безмерной пошлости людской

Список – *Сушк. тетрадь*. С. 67–68.

«ТЫ, ВОЛНА МОЯ МОРСКАЯ...»

(с. 54)

1 О, волна моя морская
4 Чудной силы ты полна

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1.

13 Будь верна стихии бурной

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1 об;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 48 и след. изд.

14 Будь угрюма иль светла

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 30. Л. 1об; *Изд. 1900*. С. 197.

«ЧАРОДЕЙКОЮ ЗИМОЮ...»

(с. 58)

3 И под снежной [пеленою]
5 Чудной [роскошью] блестит

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5.

9 Весь опушан, весь окован

Изд. СПб., 1886. С. 196.

Весь опушен, весь окован

Изд. 1900. С. 201.

14 Он лишь вспыхнет и заблещет

Изд. СПб., 1886. С. 196; *Изд. 1900*. С. 201.

15 [Бессознательной] красой

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5.

НЕМАН

(с. 60)

11 Когда стоял *Он* над тобой –
12 *Он сам* – могучий, южный демон?
15 И *Он* струю твою ласкал
22 – Казалось – *Он* парил над ними –
25 Лишь одного *Он* не видал –
26 Не видел *Он*, воитель дивный,
28 Стоял другой... стоял и ждал...
31 И неизбежная десница –

Раут. 1854. С. 163–164

25 Лишь Одного он не видал:

Список – *Альбом Тютчевой*. С. 140–140 об.
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 44–45 и след. изд.

33 Итак, победно, шли полки,

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 45 и след изд.

33 И так победно шли полки,

Изд. 1900. С. 206; *СН*. 1914. Кн. 18. С. 56.

ЛЕТО 1854

(с. 64)

1 О это лето, это лето –
2 Мне подозрительно оно –
3 Не колдовство ли просто это? –
4 И нам за что подарено? –

Автограф – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр 22. Л. 50 об.

Так ни с того и ни с чего

Изд. 1868. С. 163; *Изд. СПб., 1886* С. 205.

5 Смотрю тревожными очами

Автограф – РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр 22. Л. 50 об.

12 Под старость лишь тревожит нас

Изд. 1868. С. 163; *Изд. СПб., 1886*. С. 205.

«ТЕПЕРЬ ТЕБЕ НЕ ДО СТИХОВ...»

(с. 66)

4 Настало время роковое.
7 Не целый мир, а целый ад

11–12 Со дна восстали царства тьмы
Во имя правды и свободы.
14 Тебе грозят ниспроверженьем

Корректурный листок *Раута* – РГИА.
Ф. 772. Оп. 6. 1855. Ед. хр. 150786. Л. 7.

14–16 Тебе куют порабощенье, –
Ты, слово будущих времен,
Глагол их, жизнь и просвещенье.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 31 Л. 2–3.

17–20 О будь же в роковой борьбе
Победы нашей ты залогом,
Будь верно самому себе, –
И оправдайся перед Богом.

Корректурный листок *Раута* – РГИА.
Ф. 772. Оп. 6. 1855 Ед хр 150786. Л 7;
Список Е.Ф. Тютчевой – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 57–57 об.

НА НОВЫЙ 1855 ГОД

(с. 67)

1 Стоим мы слепы пред судьбою:

Списки – *Альбом Тютчевой.* С. 143; РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 55 об; ед. хр. 184. Л. 57 об.;
Изд. 1868. С. 166; *Изд. СПб., 1886.* С. 210;
Изд. 1900. С. 210

4 А бред пророческий Духов.

Автограф – РНБ, альбом Г.П. Данилевского. Л. 21;
Изд. 1868. С. 166; *Изд. СПб., 1886.*
С. 210; *Изд. 1900.* С. 210.

4 А бред пророческих Духов.

Списки – *Альбом Тютчевой.* С. 55;
РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 57 об.

5 Еще нам далеко от цели

Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 184. Л. 57 об.

5 Нам далеко еще до цели –

Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184 Л. 57 об.

8 В громах родился Новый год...
Автограф — РНБ, альбом Г.П. Данилевского. Л. 21.
Списки — *Альбом Тютчевой*. С. 55; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 55; ед. хр. 184. Л. 57; ед. хр. 184. Л. 57 об. — 58 об.

12 Принес он людям на земле
Автограф — РНБ, альбом Г.П. Данилевского. Л. 21;
Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 55 об.; ед. хр. 184. Л. 57, Л. 57 об. — 58 об.

12 Несет он людям на земле
Список — *Альбом Тютчевой*. С. 143.
Изд. 1868. С. 166 и след. изд.

14 Но, исполнитель тяжких кар,
РА. 1867. № 12. Стлб. 1638.

16 Давно задуманный удар
Автограф — РНБ, альбом Г.П. Данилевского. Л. 21.
Списки — *Альбом Тютчевой*. С. 143; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 55 об. — 56; ед. хр. 184. Л. 57 об. — 58 об.; *Изд. 1868*. С. 167 и след. изд.

18 С собой принес он два меча:
Автограф — РНБ, альбом Г.П. Данилевского. Л. 21;
Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 55 об; ед. хр. 184. Л. 57 об. — 58 об.

20 Другой — секира палача.
Список — *Альбом Тютчевой*. С. 143–143 об.;
Изд. 1868. С. 167 и след. изд.

21 Но на кого?.. Одна ли выя,
Списки — *Альбом Тютчевой*. С. 143; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 55 об.; ед. хр. 184. Л. 57 об. — 58 об.; *Изд. 1868*. С. 167 и след. изд.

24 И смутен замогильный стон
Список — *Альбом Тютчевой*. С. 143 об.;
Изд. 1868. С. 167 и след. изд.

ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА АВСТРИЙСКОГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

(с. 68)

2–4 Бесстыдству также есть предел.
Как! — пред его священной тенью

И он, и он предстать посмел?

Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 67.

3 Клянусь его священной тенью,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 4.

5–6 Ужель не грянет отовсюду
Один всеобщий вопль тоски.

11 Будь заклеймен своим названьем

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 4;
Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 67.

12 Апостол их — Искариот...

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 4.

«ЭТИ БЕДНЫЕ СЕЛЕНЬЯ...»

(с. 71)

5 Не поймет и не оценит

Список – *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 16;
Изд. 1868. С. 170; *Изд. СПб., 1886*. С. 217.

12 Обошел, благословляя

Список – *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 16.

«ВОТ ОТ МОРЯ И ДО МОРЯ...»

(с. 72)

2 Нить железная скользит,
4 Эта нить порой гласит.
7 Птица вещая садится

РБ. 1857. Ч. II. Кн. 6. С. 143.

Гр. РОСТОПЧИНОЙ

(«О, в эти дни — дни роковые...»)

(с. 74)

3–8 Отраден будь тебе возврат
В места душе твоей родные.

Отраден будь душе твоей
И дней минувших добрый гений,

И горсть еще живых друзей,
И сколько милых привидений.

Список – РГАЛИ. Ф. 2567 (Ю.Г. Оксман). Оп. 2. Ед. хр. 122. Л. 1.

<ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО>

(«Молчи, прошу — не смей меня будить...»)

(с. 76)

Oui, le sommeil m'est doux! plus doux — de n'être pas!
Dans ces temps de malheur et de honte suprême
Ne rien voir, rien sentir, c'est la volupté même!..
Craignez de m'éveiller... de grâce, parlez bas...

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 23 об.

НОЧЬ M. ANGELO

Мне любо спать — отрадней камнем быть —
В сей век стыда и язвы повсемест<ной>
Не чувствовать, не видеть — жребий лестный,
Мой сон глубок — не смей меня будить...

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 25.

Отрадно спать — отрадней камнем быть.
О, в этот век преступный и постыдный —
Не жить, не чувствовать — удел завидный —
Прошу: молчи — не смей меня будить.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Ед. хр. 33. Л. 24.

«С ВРЕМЕНЩИКОМ ФОРТУНА В СПОРЕ...»

(Из Шиллера)

(с. 81)

4 Твоя мне дружба усладит.
5 Дарами лучшими своими
Строфа 3 отсутствует.

Автограф – РНБ. Ф. 797. № 2;
РА. 1898. Кн. 3. № 10. С. 252.

«НАД ЭТОЙ ТЕМНОЮ ТОЛПОЙ...»

(с. 83)

1–8 Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?

Смрад, безобразье, нищета, —
Тут человечество немеет —
Кто ж это все прикрыть сумеет?..
Ты, риза чистая Христа!

Автограф — Гос. музей Л.Н. Толстого (III, инв. 60543);
Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 69.

13 Кто их излечит, [нас] прикроет?

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

«ЕСТЬ В ОСЕНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ...»

(с. 84)

3 Весь день стоит как бы хрустальный

Автографы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 3;
Альбом *Тютч.-Бирилевой; Изд. 1868*. С. 175 и след. изд.

«СМОТРИ, КАК РОЩА ЗЕЛЕНЕЕТ...»

(с. 85)

4 От каждой ветви и листа
9 Над нами ходят их вершины
12 К нам долетает с вышины

РБ. 1858. Ч. II. Кн. 10. С. 5.

«В ЧАСЫ, КОГДА БЫВАЕТ...»

(с. 88)

11 И брызнет искрометной
14 С лазоревых высот
25 Так много-благодатна

РБ. 1858. Кн. 10. С. 4.

11 Зак. 7181

УСПОКОЕНИЕ

(«Когда, что звали мы своим...»)

(с. 90)

Когда, что звали мы своим
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —

Пойдем и взглянем вдоль реки,
Туда, по склону вод,
Куда стремглав бегут струи,
Куда поток несет —

Неодолим, неудержим,
И не вернется вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы льются из очей,
И видим мы сквозь слез,
Как все быстрее и быстрей
Волненье понеслось...

Душа впадает в забытье —
И чувствует она,
Что вот помчала и ее
Великая Волна.

Автограф — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 2.

«ОСЕННЕЙ ПОЗДНЕЮ ПОРОЮ...»

(с. 91)

7 Безгласны, тихи — без движенья
8 Белеют в этой полумгле

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2;
Изд. 1868. С. 179 и след. изд.

9 [И сходят сумрачные тени]

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2об.

И на широкие ступени

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2об.;
Изд. 1868. С. 179 и след. изд.

10 [Октябрьских ранних вечеров]
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2об.

13 И в тайне сумрака немого
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2об.; *Изд. 1868*. С. 179 и след. изд.

И сад желтеет как дуброва
РБ. 1859. Кн. 13. С. 3.

14 Лишь слабо светит под звездой
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2об.; *Изд. 1868*. С. 179 и след. изд.

15 Как память дальнего былого
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2об.; *Изд. 1868*. С. 179; *Изд. СПб., 1886*. С. 223.

16 Пустынный купол золотой
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2об.; *Изд. 1868*. С. 179 и след. изд.

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

(с. 92)

19 Местами лишь проглядывают пятна
газ. «Наше время». 1860. 17 января. С. 12.

«ЕСТЬ МНОГО МЕЛКИХ, БЕЗЫМЯННЫХ...»

(с. 94)

2 Светил в небесной высоте.
Список Д.И. Сушковой – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 73.

2 Светил в небесной глубине
Списки М.Ф. и Э.Ф. Тютчевых – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 74, 76.

2 Светил в небесной вышине
Список М.Ф. Тютчевой – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 75.

4 Недосязаемы оне
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1.

5–8 Знать не для нас таким светилам
От века суждено светить,

Лишь телескопа дивным силам
Они подвластны, может быть.

Список Д.И. Сушковой – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 73.

5–8 И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить...
Есть в небе много звездной пыли,
Но нам ее не различить.

5–8 Таким загадочным светилам
И верим и не верим мы –
Лишь телескопа дивным силам
Дано их вырывать из тьмы...

Списки М.Ф. и Э.Ф. Тютчевых – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 74, 75. 76.

6 [Им не для нас дано светить]

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1.

14 Свет неослабный и живой

Список Д.И. Сушковой –РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 73 об.

16 Везде мы видим [над] собой.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1 об.;
Списки – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 73 об., 74, 76.

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

(с. 95)

1 Не двинулась ночная тень –
2 Высоко в небе месяц светит,
3 Царит себе – и не заметит,
4 Что уж родился юный День
9–12 *Строфа отсутствует*

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2;
Изд. СПб., 1886. С. 234.

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

(«И в нашей жизни повседневной...»)

(с. 96)

3 В край незнакомый, в край волшебный

Изд. СПб., 1886. С. 232; *Изд. 1900*. С. 231.

11 Все лучше там, светила шире —

Изд. СПб., 1886. С. 232.

15 Душе так радостно легко

Изд. СПб., 1886. С. 232.; *Изд. 1900.* С. 231.

19 Отдашься общему теченью —
20 И жизнь охватит нас опять!

Изд. СПб., 1886. С. 232–233.

MEMENTO

(Vevey 1859 — Génève 1860)

(с. 102)

7 Как эти горы, волны и светила
8 И в полутьме своей она любила

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой*;
Изд. 1868. С. 187 и след. изд.

10 И пред грозой, уж близкой, разрушенья

Изд. 1868. С. 187 и след. изд.

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО

(с. 105)

17–20 Досужая, она не мимоходом
О вас пеклась, ласкала, берегла,
Учила вас — и с новым каждым годом
Любовь ее все крепла и росла.
21–24 И как, старея, пламенный напиток,
Все пламенней и чище и сильней,
Так и на вас даров ее избыток
Все с каждым годом нисходил полней.

Список М.Ф. Тютчевой-Бирилевой — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 85–85 об.

И как, старея, гроздий золотистых
Все чище кровь и пламенно живей,
Так светлых песен, вдохновений чистых
Ваш кубок с каждым годом был полней.

Список М.Ф. Тютчевой-Бирилевой — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 86.

АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

(с. 108)

1 Ты взял свой день... Замеченый от века,

Списки – РГАЛИ Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 92;
Муран. альбом. С. 115.

2 Великою Господней Благодатью,
4 И возвратил семье меньшую Братью.

Список – *Муран. альбом.* С. 115.

4 И возвратил семье меньшую братью...

Список – *Альбом Тютчевой.* С. 164.

«Я ЗНАЛ ЕЕ ЕЩЕ ТОГДА...»

(с. 109)

7 [Так] свежей прелести полна,
9 Как бы незрима, неслышна,
10 Роса ложилась на цветы.
11 И жизнь ее тогда была

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 36. Л. 5–5 об.; *Изд. 1868.* С. 193.

15 [Не изменившись], как звезда

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 4 об.

15 А не погибла, как звезда.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 36. Л. 5 об.; *Изд. 1868.* С. 193.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

(«Теперь не то, что за полгода...»)

(с. 111)

3 [Но вся] великая природа
6 Она устроила [ваш] пир
13 Фонтаны [брызжут] тиховейно,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 6–6 об.

6 Она устроила вам пир—
Строфа 3 отсутствует.
9–12 (13–18) Фонтан играет тиховейный
И, засыпая, дышит сад —
И [благосклонно]-юбилейно
Петровы липы [вам] шумят,
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 8.

«ИГРАЙ, ПОКУДА НАД ТОБОЮ...»

(с. 112)

4 Ты жизнь, назначенная к бою,
11–12 Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...
16–20 Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета
Нам смутно грезившемся сне.
РА. 1874. Вып. 7. С. 221–223.

23 FEVRIER 1861

(«La vieille Hécube, hélas, trop longtemps éprouvée...»)

(с. 115)

La vieille Hécube, hélas, par tant de maux brisée —
Echappant à des Dieux trop longtemps irrités —
Se réfugie enfin — chienne douce et frisée
Sous l'abri protecteur de vos chères bontés.
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 2.

А. А. ФЕТУ

(«Тебе сердечный мой поклон...»)

(с. 117)

2 И мой, какой ни есть, портрет
Изд. 1900. С. 246.

СВЯТЫЕ ГОРЫ

(с. 119)

3 Ночь июньская лежит
6 И во тьме Донец блестит

Изд. 1900. С. 253.

«УЖАСНЫЙ СОН ОТЯГОТЕЛ НАД НАМИ...»

(с. 121)

3–4 В крови до пят, мы боремся с тенями, —
В лукавой мгле — соблазн со всех сторон.
7 Вертеп разбойников в дому молитвы

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1–1 об.

ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЮ А. А. СУВОРОВУ

(с. 122)

3 Что Русские честим мы «людоеда»,
Список — РГАЛИ. Ф. 505 Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 9.
8 Всем жертвуя народу своему, —
Автограф — РГБ. Ф. 308. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 4. Л. 69.

«КАК ЛЕТНЕЙ ИНОГДА ПОРОЮ...»

(с. 123)

6 Внесет в наш угол за собой —
11 В наш круг и чопорный и скучный,
21–22 И самый дом [воскрес и] ожил,
[Свою угрюмость потеряв],
29 [Внезапно-]милого явленья,
Нежданно-милого явленья,
31 Ту роскошь стройную движенья
33 И резвый смех и звучный голос,

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 6–7 об.

Н. И. КРОЛЮ

(с. 125)

8 [Вот] чья-то песнь вдруг раздалась.
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 3.

19-ое ФЕВРАЛЯ 1864

(«И тихими последними шагами...»)

(с. 126)

9–10 И раз еще два образа родные —
Их как святыню в сердце он носил —

Альбом Тютч.-Бирилевой. С. 31.

«УТИХЛА БИЗА... ЛЕГЧЕ ДЫШИТ...»

(с. 128)

8 Их ветхость пышную лелеет

Автограф — *ИРЛИ.* № 16959. Л. 3.

«О, ЭТОТ ЮГ, О, ЭТА НИЦЦА...»

(с. 131)

3 Мысль, как подстреленная птица, —
7 И вся дрожит, прижавшись к праху,
8 В сознаньи грустного бессилья...

Список М.Ф. Тютчевой-Бирилевой — *ИРЛИ.* № 12540.

«КОГДА НА ТО НЕТ БОЖЬЕГО СОГЛАСЬЯ...»

(с. 134)

6 Одной заветной предалась любви

Список — *Альбом Тютчевой.* С. 187.

«КАК ХОРОШО ТЫ, О МОРЕ НОЧНОЕ...»

(с. 135)

1

Nice 2/14 janvier 1865
1 Море ночное — о море ночное —
2 Здесь так лучисто — а там так темно,
2 Здесь так лучисто — там [сизо-] темно,
3 В [месячном свете] — словно живое —

5 Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
6 Что расходилась в ночной темноте?
8 Звезды проснулись — смотрят и те.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 7.

2

Nice, ce 2/14 janvier. 1865

Море ночное, о море ночное,
Что так лучисто и что так темно?
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды — глядят с высоты...

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 8.

3

Как хорошо ты, о море ночное,
Искры в ночи — золотое пятно.
В лунном сиянии — словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

Ницца. 2/14 генваря 1865.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 6, 5.

4

2 Здесь лучезарно, там сизо-черно.
14 Вдруг онемев, я потерян стою —

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505 Оп. 1.
Ед. хр. 38. Л. 4–4 об.; *Изд. 1868*. С. 212.

ОТВЕТ НА АДРЕС

(с. 136)

1 Куда себя морочите вы грубо,
2 Какой у вас с Россиею разлад

Список — РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 105.

«ОН, УМИРАЯ, СОМНЕВАЛСЯ...»

(с. 138)

7 Родное Слово, на просторе

Автограф – РНБ. Ф. 797. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Строфа 3 отсутствует.

Автограф – *ИРЛИ.* № 8874 – при письме
к А Н. Майкову от 3 апр. 1865 г.

9–10 Уж неопутанное боле,
От прежних уз отрешено –
12 Его приветствует оно...

Автограф – РНБ. Ф. 797. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Строфа 4 отсутствует.

Автографы – *ИРЛИ.* № 8874 – при письме
к А.Н. Майкову от 3 апр. 1865 г.;
РНБ. Ф. 797. Оп. 1. Ед. хр. 3.

17(9) О велико Его значение –

Автограф – *ИРЛИ.* № 8874 – при письме
к А.Н. Майкову от 3 апр. 1865 г.

17(13) Так, велико Его значенье –

Автограф – РНБ. Ф. 797. Оп. 1. Ед. хр. 3.

21(13,17)–24(16,20) Он – как борец ветхозаветный,
За нас боровшийся всю ночь –
И до Звезды Передрассветной
Себя не давший превозмочь.

Автографы – РНБ. Ф. 797. Оп. 1.
Ед. хр. 3; *ИРЛИ.* № 8874 – при письме
к А.Н. Майкову от 3 апр. 1865 г.

«СЫН ЦАРСКИЙ УМИРАЕТ В НИЦЦЕ...»

(с. 139)

3 «То Божья кара за поляков», –
12 Да не услышит их Россия –

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 2–2 об.

1–4 Сын умирает в дальней Ницце, –
А здесь, вблизи, нам строят ков...
Уж ходит *слово* по столице:
«То казнь отцу за поляков».

5–8 Для этих взглядов страшно-узких,
Для этих пошлых тайных злоб —
Тут нужен или польский поп
Иль *некто* из министров русских.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 3.

12-ое АПРЕЛЯ 1865

(*«Все решено, и он спокоен...»*)

(с. 140)

5 Наследник лучшего наследства,
10 Есть связь и естества сильней,

РИ. 1865. 14 апреля. № 79. С. 4.

«ПЕВУЧЕСТЬ ЕСТЬ В МОРСКИХ ВОЛНАХ...»

(с. 142)

3 И [тихой] мусикийский шорох
После 12 И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне
Души отчаянной протест?

Автограф — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 6.

«БЕДНЫЙ ЛАЗАРЬ, ИР УБОГОЙ...»

(с. 146)

1 Беспомощный и убогой

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп 1. Ед. хр. 38. Л. 1; *Изд. 1868*. С. 215 и след. изд.

2 И с усильем и с тревогой

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп 1. Ед. хр 38. Л. 1.

«КАК НЕОЖИДАННО И ЯРКО...»

(с. 150)

2 По влажной неба синеве,

газ. «День». 1865. 25 сентября. № 33. С 780; *Изд. 1868*. С. 219; *Изд. СПб., 1886*. С. 277.

9–16 *Строфа отсутствует*

Автограф – *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 2. № 1084.

«НОЧНОЕ НЕБО ТАК УГРЮМО...»

(с. 151)

5 [Зарницы лишь одни живые]

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр 38. Л 3–3 об.

«КОГДА РАССТРОЕННЫЙ КРЕДИТ...»

(с. 159)

4 [Сел и] сидит, как рак, –

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп 1 Ед. хр 40. Л. 3.

«НА ГРОБОВОЙ ЕГО ПОКРОВ...»

(с. 161)

3–4 Немного было у него врагов
Из тех, кто не враги России

РИ. 1866. 7 сентября. № 229. С. 4.

«КОГДА ДРЯХЛЕЮЩИЕ СИЛЫ...»

(с. 162)

10 На [новый, современный] мир,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505 Оп. 1 Ед хр 41. Л. 1.

Строфы 4-я и 5-я переставлены местами

Изд. СПб, *1886*. С. 291–292.

«НЕБО БЛЕДНО-ГОЛУБОЕ...»

(с. 163)

3–4 Что-то радостно-родное
Веет, светится во всем –
8 Зыбью тихою струит –

Строфы 3 и 4 отсутствуют.

17(9)-18(10) Чистым пламенем, спокойно,
По ночам горят огни —
22 (14) Предан был на эти дни
24 (16) Духу света и любви —
30 (22) В этом воздухе живом

Автографы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 40. Л. 8–8 об., 10–11.

31 (23) Чье-то чудится дыханье

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 8 об.

Чье-то чуется дыханье

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 11.

32 (24) Чей-то слышится прием —

Автографы — РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 8 об., 11.

33 (25) И немое умиленье

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 11.

34 (26) Недоступное уму
36 (28) И сказалося всему —

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 9.

И во всех отозвалось.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 11.

39 (31) И дагмарова неделя

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 9.

И Дагмарова неделя

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 12.

«ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ КАРАМЗИНА...»

(с. 166)

10 Тебе, наш добрый, чистый гений,

Изд. 1868. С. 231.

21 Так будь же нам ты путеводной,

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1.Ед. хр. 41. Л. 5 об.

Строфы 4 и 5 отсутствуют.

32 (24) И до конца служить России.

Вестник Европы. Т. IV. 1866, декабрь. С. LXII.

«ТЫ ДОЛГО ЛЬ БУДЕШЬ ЗА ТУМАНОМ...»

(с. 168)

7 Пустым и [беглым метеором]
11 [Смотри,] чей флаг там гибнет в море —

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 6.

«ХОТЯ Б ОНА СОШЛА С ЛИЦА ЗЕМНОГО...»

(с. 169)

6 Кто приютит, кто примет гостью Божью?

Список Эрн. Ф. Тютчевой – *Альбом Тютчевой.* С. 203; *Изд.1900.* С. 301.

В РИМЕ

(«Средь Рима древнего сооружалось зданье...»)

(с. 170)

1–8 Когда громадное здесь воздвигалось зданье
(То Нерона царя дворец был золотой),
Под самою его гранитною пятой
Былинка с Кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе — знай это, Бог земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
— Как мне не уступить? Мир гнется подо мной.
– «Весь мир тебе слугой, а мне слугою — Время».

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 7; *Изд. 1900.* С. 439.

ДЫМ

(с. 174)

10 Навстречу к нам, из полумглы лесной,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2.

10 Навстречу нам, из полумглы лесной

Автограф – собр. П. Г. Богатырева (Москва); *Изд. 1868.* С. 239.

11 Обвеянных каким-то чудным светом
15 Нам чуялось нездешнее созданье,

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2.

15 Нам чуялись нездешние созданья,

Автограф — собр. П. Г. Богатырева (Москва).

16 Но близок был нам этот чудный мир
17–18 И вот опять мы к сказочному лесу
С привычною любовью подошли.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2.

24 Ленивый, вялый, бесконечный дым!

Автографы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42.
Л. 1–2; собр. П. Г. Богатырева (Москва).

27 Иль бегают по сучьям обожженным

Автограф — собр. П. Г. Богатырева (Москва).

29 Нет, это сон — вот ветерок повеет
31 И вот опять стоит и зеленеет

Автографы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42.
Л. 1–2; собр. П. Г. Богатырева (Москва).

32 Наш прежний лес, волшебный и родной...

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2.

32 Ваш прежний лес волшебный и родной.

Автограф — собр. П. Г. Богатырева (Москва).

СЛАВЯНАМ

(«Привет вам задушевный, братья...»)

(с. 176)

18 И порван наш семейный строй,
20 Все ж дети матери одной.
35–36 Устав был создан фарисейской,
Один для них — другой для нас —
39–40 И их скрестила стародавность
Как достояние славян
41 И то, что создано веками,

Список — *ИРЛИ*. № 17411. Л. 1–2 об.

42 Не оскудело и поднесь
49 А между тем позор немалый
61 И грянет клик к объединенью.

Изд. 1868. С. 241–244.

СЛАВЯНАМ

(«Они кричат, они грозятся...»)

(с. 179)

4 В отважном натиске своем —
8 Вот, вот что трудно разгадать
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 5.
Вот, вот что трудно разобрать.
Автограф — *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 2045.
13 Ее не раз уж штурмовали
21 Пускай же, с бешеным задором
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 42 Л. 5 об., 6.
Пускай же бешеным напором
Автограф — *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 2045.
22 [Они] теснят вас и прижмут
24 [Потом увидим что] возьмут
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 4.
Строфа 7 отсутствует.
Автографы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 42. Л. 6; *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 2045.
29 (25) [Она] раздвинется пред вами —
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 6.
Стена раздвинется пред вами —
Автографы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 42. Л. 6; *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 2045.
30 (26) [Обхватит вас и обоймет,
31 (27) Потом сомкнется пред] врагами
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 5 об.
30 (26) [Обхватит,] как живой оплот
32 (28) И к вам поближе подойдет.
Автограф — *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 2045.

«НАПРАСНЫЙ ТРУД — НЕТ, ИХ НЕ ВРАЗУМИШЬ...»

(с. 181)

4 А им фетиш [доступней], чем идея.
А им фетиш дороже, чем идея.
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 11.

[Ему кадят они, а не идее.]

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр 42. Л. 10

5-6 Как перед ней ни подличайте вы,
Вам не добиться милостей Европы

7 [В ее глазах] всё будете, увы –
Вы для нее всё будете, увы –

Автограф – РГАЛИ. Ф 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 11.

К ПОРТРЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАНЦЛЕРА, КНЯЗЯ А. М. ГОРЧАКОВА

(с. 182)

5 Он волей призван был державной
7 И бой отважный, бой неравный
10 Упорный поединок тот:
12 Одна лишь Русь его поймет:

Изд. 1868. С. 247.

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕПЕШ ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА, НАПЕЧАТАННЫХ В «JOURNAL DE ST.-PÉTERSBOURG»

(с. 186)

4 Великолепных этих строк –

Автографы – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 4;
ГАРФ. Ф. 838. Оп.1. Ед. хр. 163. Л. 6.

6 Коснувшись их – воспламенит

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 3.

Коснувшись, их воспламенит,

Автограф – ГАРФ. Ф. 838. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 6.

7-8 И эти вещие страницы
Озолотит и освятит! –

Автограф – ГАРФ. Ф. 838. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 6.

9 И в излияниях народных,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 4.

Строфа 4 отсутствует.

Автограф – ГАРФ. Ф. 838. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 6 об.

13 Они поведают потомству

Автографы – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 42. Л. 3 об., 4 об.

14 Что — сильны правдой лишь одной —
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 3 об.
Как крепки верою живой
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 4 об.
15 Обманам лжи и вероломству
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 4 об.
17–18 О наших днях — живая повесть —
О лучших днях — живая весть —
20 Они спасут России честь.
Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 3 об.

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

(с. 191)

3 Не мог склонить своей я лени праздной,
7–8 Так что ж тут хлопотать? Рука забвенья
Исправит все чрез несколько минут.
Автограф — *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 27. № 118;
газ. «Русский». 1869. 31 января № 37. С. 4.
8 Свершит и здесь свой корректурный труд.
РА. 1874. № 10. Стлб. 402.

«ВЫ НЕ РОДИЛИСЬ ПОЛЯКОМ...»

(с. 194)

8 Всех тех, кому закрыли рот.
Автограф — ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1.
Ед. хр. 163. Л. 12–12 об.

«ДВЕ СИЛЫ ЕСТЬ – ДВЕ РОКОВЫЕ СИЛЫ...»

(с. 198)

4 Зовут их — Смерть, зовут их Суд людской.
9 Но Смерть честней — чужда лицеприятья,
Список РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 52. Л. 142–143 об.
11 Ей нипочем ни просьбы, ни проклятья,
Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 96.

15 Не косит все, но лучшие колосья
Списки – *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 96;
РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52 Л. 142 об.

16 С досадой в поле вырывает вон
Список – *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 96.

19 Вступающей с отвагою во взоре,
Списки – *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 96;
РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. Л. 143

Строфа 6 отсутствует
Список – *Альбом Тютч -Бирилевой.* С. 96.

22–23 Всех прав своих, всей власти красоты,
Бестрепетно, в каком-то упоеньи
Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр 52 Л. 143.

25 (21) Личинами чела не прикрывая,
Список – *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 96.

25 (21) Личинами чела не прикрывает,
Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр. 52. Л. 143 об.

26 (22) Не допустив принизиться челу,
27 (23) И с кудрей молодых, как пыль, свевая
Список – *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 96

«КАК НАСАЖДЕНИЯ ПЕТРОВА...»

(с. 201)

5–6 Расти и ты, родное слово,
И глубже, глубже коренись...
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4.

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ

(«Там, где на высоте обрыва...»)

(с. 203)

2 Воздушный, светозарный храм
8 Святой блюститель здешних мест –
9–11 У ног его свою обитель
Его покровом осеня,
Живешь ты там — не праздный житель

20-22 Тобой свершенных добрых дел,
Живи и бодрствуй для примера,
Нам заявляющего вновь,
24 И непреклонная любовь.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 3-3 об.

ЧЕХАМ ОТ МОСКОВСКИХ СЛАВЯН

(с. 206)

7 Она приносит вам залог
38 На вас сзывали предки ваши,
42 Призванье вашего народа

Список – *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 63-65.

СОВРЕМЕННОЕ

(с. 210)

7 Нынче весело пирует
8 [Правоверный] падишах...
14 Франгистанской их земли
26-28 Веселится средь огней
О исправленном исламе
Христианский сонм князей!
29 И конца их нет приветам,
34 Тут горит звезда одна,
40 С свитой царственных гостей.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 427.
Оп. 1. Ед. хр. 986(1). Л. 89

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ

(с. 212)

1-4 Спешу поздравить с неудачей
Она – блистательный успех,
Для вас почетна наипаче,
И назидательна для всех.
9 Ах, нет, то знают и они –

12 Все ведают, et inde irae!,
13 Во всем обширном этом крае

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 244–245.

<ИЗ ГЁТЕ>

(*«Радость и горе в живом упоенье...»*)

(с. 215)

3 В небе ликуя, убита тоской,
6 Жизни блаженство в любви лишь одной.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 2.

ГУС НА КОСТРЕ

(с. 216)

6 Тут все они — весь этот темный мир:

Автограф — *ИРЛИ.* № 16959. Л. 4–5.

30 Еще он здесь, еще в кругу своих

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 3.

37–38 И цепи той с юродствующим Римом
Судьбу твою сковавшей так давно

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 4.

38 Твою судьбу сковавшей так давно

Автограф — *ИРЛИ.* 16959. Л. 4–5.

40 Ты растопи последнее звено.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 4;
ИРЛИ. 16959. Л. 4–5.

40 Расплавь скорей сомкнутое звено.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 5 об.

40 Расплавь скорей железное звено.

Автограф — *ИРЛИ.* 16959. Л. 4–5.

ДВА ЕДИНСТВА

(с. 221)

3 Но не смущайся, сердце наше, —

газ. «Голос». 1870. № 274. 4 октября.

3 Но не смущайтесь, братья наши!
5 «Единство» — возгласил оракул наших дней —
7-8 А мы попробуем спаять его любовью,
А там посмотрим — что прочней?

ж. «Заря». 1870. № 10, октябрь. С. 3.

«ЧЕМУ БЫ ЖИЗНЬ НАС НИ УЧИЛА...»

(с. 223)

3 Есть неизменчивая сила,
5 Нет, увядание земное
7 И от палящего их зноя
12 Не все, что жило здесь — умрет.

Строфы 4 и 5 отсутствуют.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 10.

После 4 Нет — то не призрачные тени,
Не мир, лишь видимый во сне,
Оне — превыше всех сомнений —
Уж потому, что то — оне...
5 (9) Нет — увядание земное

Автограф — РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 122. Л. 2–3; *Изд. СПб., 1886.* С. 350–351; *Изд. 1900.* С. 346–347.

13 (17) Но эта вера — для немногих,
14 (18) Ее доступна благодать
15 (19) Лишь тем, кто в испытаньях строгих,
18 (22) Страданьем собственным умел

Автограф — РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 122. Л. 2–3; *Изд. 1900.* С. 346–347.

«ДА, ВЫ СДЕРЖАЛИ ВАШЕ СЛОВО...»

(с. 224)

1 Князь, вы сдержали ваше слово

Автограф — Гос. центр. музей муз. культуры им. М.И. Глинки (собрание А.Б. Гольденвейзера).

6 Опять послушною волной

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 8.

12 Умел найти в себе самом

Автограф – *ИРЛИ*. Р I. Оп. 42. № 20 Л 32–32 об.

13–16 Кто, сильный волей и терпеньем,
Умел и действовать и ждать,
И налагать узду стремленьям,
И своевременно дерзать.

Автографы – *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 42. № 20. Л. 32–32 об.;
Гос. центр музей муз. культуры им. М.И. Глинки
(собрание А Б. Гольденвейзера).

Строфа 4 отсутствует

Автографы – *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 42. № 20. Л. 32–32 об.;
РГАЛИ. Ф. 505 Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 8–8 об

14 Расчет с отвагой [сочетал]

Автограф – ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 14 об

16 То положительно дерзал

Автограф – ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр 163. Л. 15 об.

20 (16) И сдвинет глупость в дураках?

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 8 об.

«БРАТ, СТОЛЬКО ЛЕТ СОПУТСТВОВАВШИЙ МНЕ...»

(с. 226)

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел – куда мы все идем,
И я теперь – на голой вышине
Стою один – и пусто все кругом –

И долго ль мне стоять тут одному?
День, год другой – и пусто будет там,
Где я стою теперь – гляжу во тьму
И что со мной? Не [сознавая] понимаю сам –

Бесследно все – и так легко не быть –
При мне – иль без меня, на месте том
Все будет то ж – и вьюга так же выть –
И тот же мрак – и та же голь кругом.

Дни сочтены – утрат не перечесть...
Живая жизнь давно уж позади –

Передового нет — и я, как есть,
На роковой стою очереди...

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 9

7-8 Где я теперь — смотрю в ночную тьму,
Но что́ со мной не сознавая сам...

Биогр. С. 308; *Изд. СПб., 1886.* С 343

ЧЕРНОЕ МОРЕ

(с. 230)

11-13 И все, что так еще недавно
Враждою создано слепой,
Что было так самоуправно —

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3.

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА

(с. 232)

18 Воздвиг с тех пор непогрешимый том,

Автограф — РГБ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2.

«ОТ ЖИЗНИ ТОЙ, ЧТО БУШЕВАЛА ЗДЕСЬ...»

(с. 234)

От жизни той, во дни былые
Пробушевавшей над землей,
Когда здесь силы роковые
Боролись слепо меж собой,
И столько бед здесь совершалось,
И столько крови здесь лилось,
Что уцелело и осталось?
Затихло все и улеглось.
Лишь кое-где, как из тумана
Давно забытой старины,
Два-три выходит здесь кургана

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1.
Ед. хр 47. Л. 2–2 об.

«ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА...»

(с. 238)

7 Пусть будет слышен в мире целом,
9 Своим последним, крайним кругом
11 Где с тяжким борется недугом
Отсутствует 4 строфа.
18 (14) Отрадой в душу ей повей —

Автографы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1–1об.; *Собр. Пигарева*, в письме Д.Ф. Тютчевой от 16 апреля 1872 г.

«КАК БЕСТОЛКОВЫ ЧИСЛА ЭТИ...»

(с. 240)

Как бест<олковы числа эти>
Какой су<мбур в календаре>
Стоит <зима уж на дворе>
А мне вот пр<ивелось во всем ее расцвете>
В ее пр<елестнейшей поре>

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 2.

НАПОЛЕОН III

(с. 243)

Строка 3 отсутствует.
9 (8) Ты целых двадцать лет
10 (9) Мир волновавший без цели —
11 (10) Ты в мире много лжи посеял
Строка 16 отсутствует.
19 (17) Его он предал долгому шатанью.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 9–10 об.

1 И ты свершил свой жребий роковой

Список И.С. Аксакова — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 176–176 об.

7–8 Ты миру доказал, как шатко все, в чем нет
Той правды внутренней, и доказал на деле.

Список Эрн Ф. Тютчевой — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 177–178; *Гражданин*. 1873. № 2. 8 января. С 37; *Изд 1900* С. 359.

10-11 Мир волновавший, но без цели,
Ты в мире много лжи посеял

Список И.С. Аксакова – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 176–176 об.

9-11 Ты, волновавший мир без цели,
В эти двадцать бурных лет, –
Ты много, много лжи посеял

Гражданин. 1873. № 2. 8 января. С. 37.

13 И уцелевшего развеял

Списки: И.С. Аксакова – РГАЛИ. Ф 505. Оп. 1.
Ед хр. 52. Л. 176–176 об.; Д.Ф. Тютчевой – ГАРФ.
Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 3146. Л. 1–2;
ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 3146. Л. 3–3 об

24 Для человеческого тела

Списки: Эрн. Ф. Тютчевой – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 177–178;
Д.Ф. Тютчевой – ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1.
Ед. хр. 3146. Л. 1–2; ГАРФ. Ф. 728.
Оп. 1. Ед. хр. 3146. Л. 3–3 об.

38 И ею всей народ одушевлен –
40 Или стоит у изголовья
42 И сей народ еще недавно

Список Эрн. Ф. Тютчевой – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 177–178.

43 Тот одр болезни осенял

Список И.С. Аксакова – РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 176–176 об.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА

(с. 252)

4 И с самого утра жара уж тяжела

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 3.

17-ое АПРЕЛЯ 1818

(с. 255)

1 На ранней дней моих заре
4 В уютной келье, темной и смиренной,

5 В ней жил тогда Жуковский незабвенный
7 Я слушал колоколов завыванье,
8 Следил всеобщий трепет ожиданья.

Строки 9–11 отсутствуют.

12 (9) Светло<й> хоругвь<ю> голубой
13 (10) Весенний первый день отрадно-голубой,
14 (11) Так светозарно веял над Москвой
15 (12) И тут-то первая меня достигла весть,
16 (13) Что новый в мире житель есть
18 (15) То ты дарован был земле
20(17)–32 Всю жизнь в душе согрето
Всю жизнь насквозь, насквозь, насквозь,
Меня, как верный спутник, провожало
И нынче, в ранний утра час,
Оно еще, как столько раз,
Оно мою всю душу осияло.
И днесь, у самых дней моих заката,
Оно мне также дорого и свято,
Как в продолженье целой жизни было,
И так неизреченно мило —
И я, связуя тот же свет
С великим этим вспоминаньем,
Благодарю судьбу с сердечным трепетаньем,
Что жизнь моя, какая б ни была,
Вся до конца пройти могла
Под этим кротким благостным влияньем.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505.
Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1–5.

1 На ранней дней моих заре,
4 В уютной келье, темной и смиренной,
7 Колоколов Кремля я слушал завыванье.
8 За медною следил я бурей,
9 Поднявшейся с безоблачной лазури

Строки 10–11 отсутствуют.

14 (12) Так светозарен был над праздничной Москвой.
18 (16) Ты в тот день дарован был земле!..
20 (18) В душе моей всю жизнь согрето;
22 (19) В теченье стольких лет не изменяло,
23 (20) Как верный спутник мой, повсюду провожало,

25–28 (22–25) Оно еще, как столько раз,
Все также дорого и мило.
И днесь, у самых дней моих заката,
Мою всю душу осенило
29 (26) Что этот раннего событья час
30 (27) Мне будет на всю жизнь благим знаменованьем.
33 (30) Благодарю мою судьбу,
34 (31) Что ей мне было суждено
35 (32) Весь век мне видеть над собою
36 (33) Созвездие все то же и одно
37 (34) Созвездие Его, и будь же до конца оно
39 (36) И много, много раз порадуй этот день
40 (37) И человечество, и нас!

Список – РГАЛИ Ф. 505
Оп. 1. Ед. хр. 52 Л. 194–195.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

(с. 257)

12 Вниманьем благостным Твоим
23 Что ж Царь, тебе мы пожелаем?..
30 Ты сознаваем был все более и более

Список Д.Ф. Тютчевой – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 206–207.

БЕССОННИЦА

(Ночной момент)

(с. 258)

6–7 И вот при блеске лунной ночи
Лишь, нескольких церквей, потерянных в сизой ночи

Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр 52. Л 193.

11–15 И так же плачется и так же изнывает,
Но тщетно плачется и молится оно,
Вокруг него и пусто, и темно, —
Час и другой все длится жалкий стон,
Слабеет, наконец, — и утихает он

Список – РГАЛИ. Ф 505. Оп. 1.
Ед. хр. 52. Л 192–193 об.

«ХОТЬ РОДОМ ОН БЫЛ НЕ СЛАВЯНИН...»

(с. 259)

1 Он родом был не славянин,
4 Так много действовал, хоть мало жил,
6 Он делом доказал, что в поле и один

Изд. СПб., 1886. С. 356. *Изд. 1900.* С. 371.

«БЫВАЮТ РОКОВЫЕ ДНИ...»

(с. 260)

8–10 Неоцененный лучший дар —
Сочувственную душу друга,
Кого живая, чистая рука
13 И сдвинет с нас ужасного кошмара

Список Д.Ф. Тютчевой – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 7 об.
РС. 1873. Т. VIII, август. С. IV.

Переводы
стихотворений, написанных на французском языке

* * *

(с. 23)

Когда в ночной тиши лазурью дышит воздух,
Сиянием стихий волнуются сердца,
Вовеки слава вам, божественные звезды.
Священный ваш огонь да длится без конца!

И человечий род, страдающий и тленный,
Рожденный лишь на миг и гибнущий тотчас
Проходит, устремив глаза к огням вселенной:
— Идущие на смерть приветствуют вас!

(Перевод В.А. Кострова)

12 Зак. 7181

* * *

(с. 28)

В минуты нашего свиданья
Услышать более всего
Хочу твои воспоминанья
Про годы детства Твоего.

Я за тобой пойти намерен
На тайный край бегущих вод,
Чтоб увидать счастливый берег
И светом полный небосвод.

Где над волной, не зная бури,
Цветут весенние цветы,
Где в глубине речной лазури
Твои купаются мечты.

О, поделись своим наследством —
Виденьем золотого сна,
Где пахнет солнцем, пахнет детством
Невыразимая весна!

(Перевод В.А. Кострова)

<А. С. ДОЛГОРУКОЙ>

(с. 62)

Чудо чистой гармонии, тайна, печаль!
В этом милом созданьи нет жизненной прозы.
И душа погружается в ясную даль,
И рождаются в сердце неясные грезы.

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 79)

Или откройте дверь,
Иль тут же затворите,
А, может быть, запритесь изнутри.
Ах, милая, что там не говорите —
Вы мной играете и... черт Вас побери!

(Перевод В.А. Кострова)

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

(с. 87)

Вам не к лицу, мой друг, носить наряд неброский,
К деревьям Севера проситься в хоровод,
Не притвориться вам российскою березкой, –
В вас все цветет, смеется и поет.

Сомнительна подобная картина,
И, улыбаясь, я произнесу:
«Нет! Жаркому пыланью апельсина
Не спрятаться в березовом лесу».

(Перевод В.А. Кострова)

ЕЕ В<ЕЛИЧЕСТВУ> ИМПЕРАТРИЦЕ

(с. 97)

Очарованье, волшебство и сказка
Приходят Вас почтить, склонясь у Ваших ног,
Над Вами ж только Истина и властна,
Где б не явились Вы, она царит как Бог.

(Перевод В.А. Кострова)

ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛЕНЕ ПАВЛОВНЕ

(с. 98)

Здесь все возможно, все я помнить буду.
Все кстати, все прелестно до конца.
В таком дому всегда есть место чуду —
Оно — обычай Вашего дворца.

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 101)

С пустыни северных полей
До южных блещущих морей
Пусть долетит мой бедный стих
С приветом к дочери моей.

(Перевод В.А. Кострова)

23 ФЕВРАЛЯ 1861

(с. 115)

Гекуба старая, скитаясь по оврагу,
Пришла в грязи от носа до хвоста,
Но Вы отмыли бедную собаку.
Как в юной девушке прекрасна доброта!

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 183)

Король палача христиан наградил,
Как видно — настала другая эпоха.
«Стыдись же, об этом подумавший плохо», —
Не скажешь, как раньше народ говорил.

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 225)

Какой пассаж! Конфуз какой!
Дочь юная моя, без спроса
Румяна и златоволоса
Решила серой стать сестрой.

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 267)

Мой карандаш! Он слову знает меру,
Являя смысл в аду или в раю.
Из-за него сменил бы дьявол веру,
И ангел душу б погубил свою.

(Перевод В.А. Кострова)

Комментарии

Во второй том Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева вошли стихотворения, написанные им начиная с 1850 г. и до поэтических строк 1873 г., продиктованных в последние месяцы жизни. Как и в первом томе, составитель и комментаторы стремились сообщить читателю наиболее полные сведения о каждом тексте стихотворения, автографе (если он имеется), об истории работы над ним, истории публикаций, местонахождении автографов и главных списков. Указаны источники напечатанных в томе текстов.

Со времени выхода в свет наиболее полных для своего времени и широко комментированных изданий, подготовленных Г.И. Чулковым (1933–1934 гг.) и К.В. Пигаревым (1965 г.), значительно обновилась интерпретация многого в поэзии Ф.И. Тютчева, уточнены датировка некоторых стихотворений, их адресность, изменения места хранения автографов и списков. В комментариях объяснено, почему именно выбранный для публикации текст более всего соответствует воле автора. Зафиксированы отступления от автографов, вызванные, как правило, приведением к современным нормам грамматики. Не полностью сохранены многоточия в пять-семь и более точек, которые Тютчев любил ставить в конце строк, частые тире, употребление прописных букв (большие буквы в начале и середине слов) и характер почерка, осовременены старинные орфографические нормы. При описании автографов эти особенности и их коррективы отмечены.

В ходе изучения истории публикаций стихотворений учитывались содержание сборника стихотворений Тютчева 1854 г. и большой подборки в «Современнике» 1854 г. (оба подготовлены И.С. Тургеневым). Изучена лирика поэта, появлявшаяся на страницах «Москвитянина», других журналов и газет середины XIX в., стихотворения, вошедшие в сборник 1868 г., публикации И.С. Аксакова, первое полное (для того времени) издание «Сочинения. Стихотворения и политические статьи» (СПб., 1886), подготовленное А.Н. Майковым, сборники, вышедшие в свет в 1880-х гг. В 1900 г. появилось следующее собрание сочинений Тютчева, созданное не только на основе прежних публикаций, а и путем обращения заново к автографам, отбора редакций и вариантов, синтаксического, пунктуационного оформления стихотворений. Это собрание было подготовлено семьей поэта и А.А. Флоридовым.

В комментариях учтены размышления о тютчевских текстах, зафиксированные во вступительных статьях и комментариях к

изданиям А.Ф. Маркса (под ред. П.В. Быкова), а также более поздние книги, составленные и прокомментированные Г.И. Чулковым, К.В. Пигаревым и другими текстологами. Авторы комментариев к стихотворениям данного издания пересмотрели бытовавшие ранее оценки работы предыдущих издателей, комментаторов, редакторов, начиная с И.С. Тургенева. Отступления от тютчевских текстов, их правка ныне объясняются не только недопониманием творческой манеры поэта и его эстетических вкусов, но и общей атмосферой интеллектуальной, в том числе литературной жизни второй половины XIX в. и особенно начала века XX.

В комментариях ко второму тому поставлена задача воссоздания тютчевского творческого настроя, поэтической субъективности, своеобразия его эстетических эмоций, раскрытия его духовности, монархических и религиозных позиций. Особенно заметна связь стихотворений, вошедших в этот том, с политической публицистикой и эпистолярием Тютчева (см. т. 3–6 настоящего издания).

Значительное место в комментариях заняли отзывы литературных критиков, писателей, поэтов, публицистов и философов о наиболее выдающихся, как бы программных, стихотворениях — «Поэзия», «Эти бедные селенья...», «Над этой темною толпой...», «Пошли, Господь, свою отраду...», «На новый 1855 год», «А.А. Фету», о стихотворениях «денисьевского» цикла.

После 1844 г. и до конца своих дней Тютчев в основном жил в России, лишь наездами бывая в европейских странах. В стихотворениях этого периода он чаще обращается к событиям русской жизни, а если речь шла о западноевропейской, то с подчеркнуто русской точки зрения. В комментариях дано развернутое объяснение реальной социально-политической ситуации той поры в России и Западной Европе. Впервые прокомментированы религиозные, православные взгляды поэта, отраженные в его стихах, отдельных образах и обращениях.

Приведен необходимый историко-культурный, литературный и лингвистический комментарий. В справочном аппарате использованы принятые сокращения.

Текстологическая работа и комментирование осуществлены группой ученых под руководством В.Н. Касаткиной, авторская принадлежность комментариев (или фрагментов) обозначена в следующих сокращениях: *А.А.* — А.П. Ауэр, *А.Б.* — А.И. Безбородова, *Э.З.* — Э.В. Захаров, *В.З.* — В.П. Зверев, *В.К.* — В.Н. Касаткина, *Н.К.* — Н.Г. Коваленко, *А.М.* — А.Ф. Монахова, *Е.О.* — Е.С. Островская, *Ю.Р.* — Ю.А. Ростовцев, *Ф.Т.* — Ф.Б. Тарасов, *А.Ш.* — А.В. Шапурина, *Т.Ф.* — Т.В. Федосеева. О характере и точности тютчевских переводов стихотворений иностранных классиков дали свои заключения Л.К. Латышев (*Л.Л.*) и М.Г. Марианашвили (*М.М.*).

ПОЭЗИЯ

(с. 9)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 3; *Мураново* (воспроизведен в ж. «Новый путь», 1903, № 11).

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 43); *Муран. альбом (*с. 50); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55 (1). Л. 85.

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 7. Кн. 1. С. 163; вошло в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 39; *Изд. 1854.* С. 39; *Изд. 1868.* С. 117; *Изд. СПб., 1886.* С. 136; *Изд. 1900.* С. 160.

Печатается по автографу *Мураново.* См. «Другие редакции и варианты». С. 274.

Автограф в РГАЛИ — на небольшом листе бумаги, чернилами; вариант беловой, с заглавием, с одной поправкой в 4-й строке: «Она сама слетает к нам»; зачеркнуто слово «сама» и сверху написано — «с Небес». 2-я строка — «Среди клокочущих зыбей...». Последнее слово поддержало аллегорический образ, возникший уже в первой строке (образ грозы на море) и продолженный в следующих строках. Появление в 4-й строке слова «с Небес» закрепляло аллегорию. Синтаксическое оформление стихотворения традиционно тютчевское, особенно в стихотворениях с образом воды: в конце строк 2-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й стоит тире с удлиненными линиями.

Автограф *Мураново* беловой, без исправлений, правка предыдущего варианта 4-й строки учтена. Появился вариант 2-й строки: «Среди клокочущих страстей». В графике выражена тенденция к написанию прописных букв в начале слов, не обязательно заглавных: «Страстей», «Стихийном», «Сынам», «Громов», «Клокочущих», «Небес», «Земным», «Лазурной», «Взоре», «Море», «Елей», в слове «Небесная» первая буква «N» (лат.). Очевидно, что графика передавала стремление к олицетворению изображаемого. Заглавие «Поэзия» подчеркнуто; в конце стихотворения — также черта; тире стоят в конце 4-й и 6-й строк, в 5-й — запятая и тире.

Печатные издания восходят к автографам: в *Москв.* 2-я строка — «Среди клокочущих страстей», в *Совр.* — «Среди клокочущих зыбей», также в *Изд. 1854*, *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886*, *Изд. 1900.* Все эти издания отдали предпочтение слову «зыбей». Везде стихотворение печатается с заглавием. В *Изд. СПб., 1886* появи-

лась дата — «1848», она указана и в *Изд. 1899*, в других изданиях отсутствует. Печатные издания не воспроизводят особенностей тютчевской графики и пунктуации. Но появилось тире после слова «Небесная» в 5-й строке («Небесная — к земным сынам»). Оно сохраняется в подавляющем большинстве изданий. Как правило, стихотворение печатается как однострофное (таково оно и в автографе). Но в *Изд. 1899* напечатано в виде двух четверостиший.

Г.И. Чулков (*Чулков II*. С. 18) за основу взял второй автограф, воспроизведенный в *Москв.* и в ж. «Новый путь», но по ошибке на первое место поставил 4–5-ю строки (там же. С. 297), хотя в автографах и в *Москв.* стихотворение печатается со строки «Среди громов, среди огней...» и т. д. Дату 1848 г. он принял с сомнением.

Датируется концом 1840-х — началом 1850-х гг., цензурное разрешение в *Москв.* — 31 марта 1850 г.

Стихотворение начало ряд высказываний поэта о социальных катаклизмах, вводило в сферу его тревожных предчувствий и в то же время надежд на силу поэтического слова, благотворно воздействующего на людские души.

По-видимому, С.С. Дудышкин (*Отеч. зап*. С. 55–56) первым отозвался на тютчевскую «Поэзию»: «...как вдруг откуда-то послышался прежний гармонический строй и чей-то звучный голос снова напевает слуху давно знакомую ему мелодию... Приятно забыться хоть на час в беседе с музою и вспомнить то время, когда она была постоянною гостьей в нашей литературе» (цитирует полностью стихотворение по *Изд. 1854. — Ред.*). Дальнейший анализ образов состоит в утверждении чистого искусства, заключенного в лирике «вечно-ясной», «вечно-прекрасной», живущей «на недоступной высоте», откуда все представляется ей в светлом сиянии. С улыбкою смотрит она на мир Божий, и никакая гроза не смутит ее покоя. Самое смятение природы видит она не иначе как в ярких, радужных цветах. Из прозрачных облаков и из молниеносных туч равно берет она свои краски, которыми пишет великолепные картины. Радости жизни становятся ярче под ее оживленною кистью, и самые тревоги жизненные как бы смягчаются и получают более нежный колорит от одного прикосновения волшебной руки ее. Как сама она полна гармонии, так все, даже самые горькие жалобы сердца, разрешаются на языке ее в удивительную гармонию». Эстетический комментарий Дудышкина подчеркнул идею «примирительной» роли поэзии, и критик неоднократно употребляет само слово «гармония», которое отсутствует в стихотворении, акцентирующем разлад мятежного бытия с поэзией. У Тютчева поэзия «льет примирительный елей», запечатлен сам процесс, но ничего не сказано о его результатах. В *Пантеоне*, отд. 5. С. 5–6 крити-

ке подвергнут разбор стихотворения в *Отеч. зап.*, рецензент упрекает автора хвалебной статьи за красивость, риторику слога и одобрение неясных образов Тютчева.

А. Дерман полемизировал с В.Я. Брюсовым по поводу сперва «Silentium!», а затем и «Поэзии»: «Не менее странно истолкование, данное стих. «Поэзия»: «...лиры у Тютчева было две, впрочем, дивно согласованных между собою. Первая была посвящена поэзии, воспевающей «блеск проявлений» дневного мира, поэзии умиротворяющей, явной. Это о ней сказал Тютчев:

Она с небес слетает к нам,
Небесная — к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре,
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

Другая (лира) была посвящена хаосу и стремилась повторить «страшные песни», взрывающие в сердце «порой неистовые звуки».

Никаких двух лир, хотя бы и «дивно согласованных», у Тютчева не было, а была одна и об этой одной говорится в «Поэзии», от которой, к сожалению, оторваны первые три строчки, без которых мысль стихотворения пропадает. Вот они:

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих зыбей,
В стихийном пламенном раздоре
Она с небес слетает к нам

и т. д.

Эти строки с непререкаемой убедительностью говорят, что «поэзия» слетает не только для «воспевания» блеска проявлений «дневного мира», как это кажется Брюсову, но слетала в самый разгар «стихийного пламенного раздора», чтобы пролить на него «примирительный елей»; т. е. не для превращения «стихийного раздора» по существу в блеск проявлений «дневного мира», а для введения, и этого блеска, и раздора, и всех внутренних хаотических процессов душевной жизни в русло поэтического выражения, в ритмический порядок. Не о *содержании* хаоса или дневного блеска говорит здесь поэт, а лишь о *процессе* творчества, о *превращении бесформенности в форму*» (*Заветы*. С. 197–198).

Д.С. Дарский так прокомментировал стихотворение: «Грозная вьюга вдохновенья» проясняется лазурным видением утреннего новорожденного мира. Или как у Тютчева «Поэзия» (полное цитирование, вторая строка — со словом «зыбей». — *Ред.*). Но «примирительный елей» поэзии — что он, как не творческое обретенье соответственных воплощений. Дикое смятение разре-

шается установлением «богоявленного Идеала» (*Дарский*. С. 129–130). Далее исследователь приводит стих. «Сон на море» (*В.К.*).

«КОНЧЕН ПИР, УМОЛКЛИ ХОРЫ...»

(с. 10)

Автограф — *Собр. Погодина*. Л. 3–3 об.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 90), *Муран. альбом* (с. 106–107).

Первая публикация — *Москв*. 1850. № 13. Кн. 1. С. 2 с подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 47; *Изд. 1854*. С. 47; *Изд. 1868*. С. 148; *Изд. СПб., 1886*. С. 152–153; *Изд. 1900*. С. 173.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 274.

Автограф на небольшом листе бумаги, сложенной пополам. Записан в ряду стих. «Венеция», «Рим ночью», затем — «Кончен пир, умолкли хоры...». Слова «Пир», «Амфоры», «Градом», «Дворцами», «Домами», «Чадом», «Смертным», «Лучами» с увеличенной первой буквой, первая строфа (семистишие) отделена интервалом; в синтаксическом оформлении преобладают тире (в конце первых пяти строк и в 15-й), в конце стихотворения (в конце 20-й строки) — многоточие.

В списках текст в основном тот же, строфы не выделены, в 19-й строке — «смертных взглядам» (в автографе — «смертным взглядам»), в 16-й — «Как над этим дальним чадом» (в автографе — «Как над этим дольным чадом»), в 17-й — «В черном выспреннем пределе...» (в автографе — «В горнем выспреннем пределе»).

В изданиях XIX в., начиная с *Москв.*, текст отличается от автографа изменением времени действия: в автографе — эффект настоящего момента, но в изданиях 6-я строка дана в ином варианте — «Лишь курились ароматы...» (вместо «курятся»); действие отнесено к прошлому, хотя в стихотворении создано общее впечатление сейчас происходящего действия, быстрого, даже внезапного перехода пирующих из зала на улицу, вообще лихорадочной, нездоровой динамики происходящего. Вариант автографа («курятся») больше содействует сохранению этого впечатления, хотя другие глаголы в стихотворении даны в прошедшем времени, но это — «только что прошедшее» время: «Кончен пир, умолкли хоры / Опорожнены амфоры, / Опрокинуты корзины, / Не допиты в кубках вины...» Вариант 15-й строки («И безумными толпами» вместо «И бессонными толпами», как в автографе) логически будто более правильный (толпа «безумная»), однако усиление отрицательного определения

толпы («безумная» вместо «бессонная») огрубляет исходную мысль поэта: безумия (можно подумать — апокалиптического) еще все-таки нет, хотя метанимический образ «бессонной толпы», а также «беспокойного» даже ночью града, «дольного чада», странного, зловещего («тускло-рдяного») освещения готовят подобное предчувствие. Но вариант *Москв.* («Как над этим дальним чадом»), не повторившийся в последующих изданиях, явно ошибочен, он вносит иную пространственную перспективу; у Тютчева — только вертикаль: здесь, на земле, — бессонные толпы, а там, в небесной дали, — «непорочные» лучи звезд (а не «чад»).

Вариант автографа 17-й строки («В горнем выспреннем пределе») также превосходит в художественной выразительности, эмоционально-идейной содержательности вариант изданий *Москв.* и следующих, а также в упомянутых списках — «В черном выспреннем пределе»). Поэту ночное небо видится не «черным», а высоким: «в горнем... пределе» — образ более возвышенно-торжественный, нежели упрощенный и зловещий: «черном... пределе». Значительно уменьшается противопоставление земли и неба с его звездами. Издания второй половины XIX в. усилили в стихотворении Тютчева апокалиптические настроения.

Вариант 19-й строки в *Москв.*, *Совр.*, *Сушк. тетради* и *Муран. альбоме*, «исправляющий» тютчевскую метанимию («смертных взглядам» вместо «смертным взглядам», как в автографе), снижает в образе роль глаз, взгляда, всегда столь важного для поэта-романтика (взгляды остались без определения-эпитета).

В *Москв.*, как и в списках, напечатано без выделения строф, в остальных изданиях оно представлено как двухстрофное.

В *Изд. СПб., 1886* в конце стихотворения проставлен год — 1850.

Датируется концом 1849 — началом 1850 г.; оно было отправлено в *Москв.* вместе со стихотворениями, напечатанными в журнале 1850 г. № 7, цензурное разрещение которого — 31 марта 1850 г.

Р.Ф. Брандт обнаружил в нем идею «земной суеты» (*Материалы*. С. 51). Л.Н. Толстой отметил его буквами «Т. К.» (Тютчев. Красота), подчеркнул 14-ю строку (*ТЕ*. С. 146) (*В. К.*).

РИМ НОЧЬЮ

(с. 11)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4; собрание И.С. Зильберштейна (РГАЛИ); *Собр. Погодина*. Л. 2 об.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 39); *Муран. альбом* (с. 45); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55(1). Л. 87.

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 13. Кн. 1. С. 3, с подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 30–31; *Изд. 1854.* С. 62; *Изд. 1868.* С. 104; *Изд. СПб., 1886.* С. 75; *Изд. 1900.* С. 170.

Печатается по автографу *Собр. Погодина.* См. «Другие редакции и варианты». С. 274.

Автограф РГАЛИ на той же бумаге и тем же почерком, теми же чернилами, что и «Поэзия»; есть заглавие. Вариант беловой. Но в 7-й строке слово «свет» зачеркнуто и сверху написано — «мир». Образ «лунного мира», обозначенного в правке, оказался доминантным в стихотворении; он существует почти в каждой строке. С поэтическим видением особого «лунного мира» связано и написание с прописной буквы как бы его главных персонажей — «Луна», «Град». Пунктуация в автографе, видимо, также призвана передать безмерность «лунного мира», неясность его очертаний, отсюда повторы тире (в конце 1-й, 2-й, 7-й строк) и многоточий, иногда до семи точек в конце строк (4-й, 6-й, 8-й), в конце 5-й строки — восклицательный знак, а в 6-й — восклицательный знак с многоточием. В конце стихотворения отсутствует восклицание, «громкая» интонация как бы затухает, теряясь в многоточии. Точек в стихотворении нет.

Автограф в *Собр. Погодина* — с отчеркнутым заглавием «Рим ночью», текст прежний, исправления учтены («лунный мир» — в 7-й строке); отличия в синтаксисе незначительны (в конце 8-й строки — восклицательный знак и многоточие).

Списки в *Сушк. тетради* и *Муран. альбоме* повторяют автограф РГАЛИ (ф. 505), но в 4-й строке появился вариант: «Наполнился своей безлюдной славой», притом в *Сушк. тетради* в слово внесено исправление: было — «наполнила», стало — «наполнился». Пунктуация изменена: исчезли многоточия в конце строк, убраны тире. Везде отсутствуют прописные буквы в словах «ночи», «луна», «спящий град», «славой». В списке РГАЛИ текст тот же, что и в автографе РГАЛИ.

В *Москв.* воспроизведен автограф РГАЛИ (ф. 505) и учтена правка в 7-й строке (не «лунный свет», а «лунный мир»), выделены две строфы, сохранено заглавие «Рим ночью», но тютчевская пунктуация сильно изменена: многоточие — лишь в конце 6-й строки (здесь восклицательный знак и четыре точки), поставлен восклицательный знак в конце стихотворения. Отсутствуют тире в конце 1-й, 2-й, 7-й строк, многоточие в конце 4-й и 8-й строк, нет восклицательного знака в конце 5-й, отсутствуют прописные буквы в указанных выше словах.

Печатный текст в лексическом отношении везде идентичен, отличен лишь в пунктуации. Исчезают, как правило, многоточия в конце строк, а также восклицательный знак в конце 5-й строки, но в 4-й в конце ставят многоточие (*Изд. СПб., 1886*); в этом же издании в кон-

це стихотворения появился восклицательный знак с многоточием. Такое завершение сохраняется в следующих изданиях. Везде печатается с заглавием, без даты, но помещено в разный по времени контекст: в *Изд. СПб., 1886* отнесено к стихотворениям, написанным до 1837 г., в *Изд. 1900* напечатано среди стихотворений конца 1840-х — начала 1850-х гг. В *Изд. 1899* помещено среди стихотворений о природе, а не в группе поэтических текстов, названных «Жизнь. История. Политики», хотя «Рим ночью» — явно урбанистическое стихотворение с историческим подтекстом (мотивом римской «славы» и римского «величия», но «отжившего»). Обычно печатается как однострофное, но в *Изд. 1900* — в виде двух четверостиший, в изд. *Чулков II* и *Лирика I* — также.

Л.Н. Толстой отметил это стихотворение буквой «К.» (Красота) (*ТЕ*. С. 145).

Датируется так же, как «Поэзия», концом 1840-х — началом 1850-х гг. (*В.К.*).

ВЕНЕЦИЯ

(с. 12)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 187–187 об.; Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 2–2 об.; *Собр. Погодина*. Л. 1 об. — 2.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 37–38); *Муран. альбом* (с. 43–44); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55(1). Л. 179; Л. 291.

Первая публикация — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 30; вошло в *Изд. 1854*. С. 30; *Известия*. 1855. Т. IV. 1-й ряд; *Изд. 1868*. С. 102; *Изд. СПб., 1886*. С. 70–71; *Изд. 1900*. С. 171.

Печатается по автографу РГАЛИ (ф. 505). См. «Другие редакции и варианты». С. 275.

Автограф, по которому печатается текст, беловой, на той же бумаге, теми же чернилами, тем же почерком, что и «Поэзия», «Рим ночью», с заглавием «Венеция», с отчеркнутыми строфами шестистиший. Заглавные буквы — в словах «Жених», «Кольцо», «Народы», «Воеводы», «Чета», «Львиного Крыла»; слова «Львиного Крыла» подчеркнуты. Своеобразие синтаксиса — длинные многоточия (до восьми точек) в конце 6-й, 12-й, 20-й, 24-й строк, а также после слов «А теперь?..»; тире стоят в конце строк 2, 8, 14, 21. Выражение «Дивовалися Народы» заключено в скобки. Точек нет.

Автограф РГАЛИ (ф. 195), также беловой, с заглавием «Венеция». Изменения — лишь в 3-й строфе: отсутствует строка «Разрасталась в целом мире», вместо нее — «Широко ложилась в мире». Отличия есть и в грамматическом оформлении: отсутствуют скобки в 10-й строке,

нет подчеркивания в 18-й строке; «А теперь!» с восклицательным знаком, а не с вопросительным, есть некоторые замены многоточий на тире и наоборот.

Текст в *Собр. Погодина* совпадает с автографом РГАЛИ (ф. 505), строфа (шестистишие) отчеркнута, также выделены слова «Львиного крыла». Есть незначительные отличия в синтаксисе: после «А теперь!..» восклицательный знак, а не вопросительный, в конце 6-й строки тире, а не многоточие.

В списках существенных изменений нет, но отсутствуют прописные буквы, подчеркивания, есть варианты в пунктуации. В некоторых списках (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55(1). Л. 291) под заглавием «Венеция» помещено стих. П.А. Вяземского «По зеркалу зыбкого дола...». Ошибочно приписанное Тютчеву, оно вошло в *Изд. СПб., 1886* (с. 198–199), *Изд. 1899* (с. 108) и *Изд. 1900* (с. 202). Тютчев отзывался похвально об этом стихотворении Вяземского, и оно, действительно, близко его эстетическим вкусам.

Печатные издания воспроизвели автограф РГАЛИ (ф. 505), однако, как это часто было в печатных публикациях, оставили без внимания тютчевскую графическую и интонационную выразительность текста; отсутствует выделение слов «Львиного крыла», скобки в 10-й строке, некоторые многоточия, строка, являющая вопрос и ответ, «А теперь?.. В волнах забвенья» печатается на одной линии. В печатных изданиях есть колебания в определении типа тематики стих. «Венеция»: в *Изд. 1883* печаталась в разделе «Природа», в *Изд. СПб., 1886* — в разделе «История»; *Изд. 1899* — снова в разделе «Природа».

Датируется, как и стих. «Поэзия», «Рим ночью», — началом 1850 г. (и не позднее 1852 г.).

В.Ф. Саводник назвал это стихотворение в ряду других («Альпы», «Женева», «Снежные горы», «Венеция», «Итальянская villa»), связанных с яркими, красочными пейзажами Италии и южной Германии. Он отметил, что поэт «сроднился душой с роскошными и радостными картинами разнообразной южной природы», что он «не переставал мечтать о далеком, прекрасном юге, тосковать по его светлой красоте» (*Саводник*. С. 182) (*В.К.*).

БЛИЗНЕЦЫ

(с. 13)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1 и РНБ. Ф. 179. № 12 (альбом Н.В. Гербеля). Л. 192.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 44–45), соответствующий автогра-

фу РГАЛИ; *Муран. альбом* (с. 52); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 120), рукой Эрн. Ф. Тютчевой.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886.* С. 145–146, с датой: «1849». В *Изд. 1900.* С. 151 дата снята.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 275.

Запись стихотворения в альбоме Гербеля относится к более позднему времени (1857). К.В. Пигарев (*Лирика I.* С. 400) предполагал, что она сделана по памяти (6-я строка читалась первоначально: «Две демонические власти...»), и текст ее в художественном отношении уступает общеизвестной редакции автографа РГАЛИ.

На обороте автографа РГАЛИ рукой Ф.И. Тютчева столбцами написаны на *фр. яз.* имена поэтов. В первом столбце — Гомер, Пиндар, Эсхил, Аристофан, Менандр и др.; во втором столбце — Гесиод, Анакреон, Софокл, Еврипид и др.; в третьем столбце — Вергилий, Тибул, Овидий и др.; в четвертом столбце — Гораций и др. Ниже — пятый столбец (Данте, Петрарка и др.). Продолжение этого списка столбцами имеется на листе, на обороте которого написан автограф стих. «Поэзия». Среди авторов, включенных Тютчевым в список, — Ламартин, Корнель, Руссо, Вольтер, Беранже, Гюго, Делавинь, Гёте, Гейне, Виланд, Шиллер, Новалис. С какой целью составлял поэт список древних и новых авторов, неизвестно, но затем он разрезал лист и на оборотах обрезков записал стихи, вероятно, в небольшой промежуток времени.

Поскольку стих. «Поэзия» опубликовано в *Москв.* и цензурное разрешение помечено 31 марта 1850 г., то и стих. «Близнецы» можно датировать не позднее начала 1850 г. Возможно, был прав А.Н. Майков, впервые напечатавший стихотворение с датой: 1849 г. Его поддерживал П.В. Быков, утверждавший, что в «оригинале» стоит дата: 1849 г. Местонахождение «оригинала» с такой датой неизвестно (*Ю.Р.*).

Изд. СПб., 1886; Изд. 1900 в целом следуют за текстом автографа РГАЛИ, отказываясь лишь от персонификации понятий «Смерть», «Сон», «Самоубийство», «Любовь». Эти слова печатаются А.Н. Майковым и А.А. Флоридовым со строчной буквы. В *Изд. СПб., 1886*, кроме того, вместо второго «нет» во 2-й строфе написано «их»: «И обаянья их ужасней». Пунктуационные изменения незначительны.

В.Я. Брюсов считал, что «смерть для Тютчева, хотя он склонен был видеть в ней полное и безнадежное исчезновение, исполнена была тайного соблазна» (Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 201). По мнению исследователя, в стихотворении поэт «ставит на один уровень смерть и любовь» (там же. С. 202).

Д.С. Мережковский, анализируя стихотворение, пришел к выводу, что у Тютчева «жажда любви — жажда смерти, самоубийства» (*Мережковский.* С. 90). На этом основании Мережковский заключал: «Жизнь — зло, жизнь — боль; чем живее, тем злее, больнее. Бегство от зла, от боли — бегство от жизни — смерть» (там же. С. 91). По мнению Б.М. Козырева, «Близнецы» — чисто бодлеровский миф зрелого Тютчева и по времени написания (до 1852 г.) близкий к «Цветам зла» (1857) (*Козырев.* С. 107) (*А.М., А.Ш.*).

ПРОРОЧЕСТВО

(с. 14)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1.

Списки — Е.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 53 об.); Эрн. Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 61); *Муран. альбом* (с. 82–83).

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 57, без заглавия. Вошло в сб. «Русская потаенная литература». Лондон, 1861. С. 214, под заглавием «Предание», авторство приписано А.С. Хомякову; в сб. «Братьям-славянам». М., 1867. С. 50, без заглавия. Включено в *Изд. 1868.* С. 161, без заглавия и даты; в *Изд. СПб., 1886.* С. 156, только с датой — «1850»; в *Изд. 1900.* С. 156 — с заголовком «Пророчество», подписано «1 марта 1850». В изданиях воспроизводится без разделения на строфы, что не соответствует графике автографа.

Печатается на основе списка *Муран. альбома* с добавлением в последний стих тире из автографа. См. «Другие редакции и варианты». С. 275.

Датируется 1 марта 1850 г. согласно помете в автографе.

Автограф представляет собой скоропись, в некоторых местах трудночитаемую. Перед стихотворением — дата, заключенная в скобки: «(1-го марта 1850)». Текст разделен на 2 строфы. Первая состоит из 6-ти строк, из которых 5-я по счету зачеркнута — «Три года не удержат нас!». После слов 6-й строки — «...и грянет час...» — стоит многоточие. Во 2-й строфе — прописные буквы существительных и тире в конце второго и третьего стихов.

К.В. Пигарев при издании опирался на список из *Муран. альбома*, где заглавие «Пророчество» приписано на полях, по его мнению, рукой самого поэта (*Лирика II.* С. 360). Г.И. Чулков сомневался, что эта помета принадлежит Тютчеву, и, издавая сборник, воспроизводил текст по автографу, «не считая возможным ввести как заглавие помету Мурановского альбома. Равным образом и дату, заключен-

ную в скобки, мы считаем пометою, а не заглавием, хотя она в рукописи — над текстом, а не под ним» (*Чулков II*. С. 312–313).

В стихотворении отражается славянофильский характер идей Тютчева. Е.В. Тарле отмечал: «Победа Нахимова, победа Бебутова, переход через Дунай и даже, отчасти, разрыв отношений с Англией и Францией — все это укрепляло в славянофилах не только веру в победу, но и уверенность, что Николай I полон решимости не уводить войска с Дуная, пока славяне не будут освобождены от турецкого, а, может быть, и австрийского владычества. Для них 1853 год был годом ожидания, весна 1854 года, напротив, сулила близкое наступление великих событий» (Тарле Е.В. Крымская война. В 2-х т. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 449). Также Б.Н. Чичерин уточняет, что «для славянофилов в особенности это была священная война, борьба за православие и славянство, окончательное столкновение между Востоком и Западом...» (Воспоминания Б.Н. Чичерина // Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Часть II. М., 1991. С. 106). Более того, оборона Севастополя стала важным фактором объединения русской общественности в едином патриотическом порыве: по всей России собиралось ополчение, органы печати предоставляли свои страницы для смелых призывов. Именно в это время на страницах *Совр.* появляется стих. Тютчева. Николай I признал его публикацию несвоевременной. «12 марта 1854 г., по поручению царя, генерал-адъютант Н.Н. Анненков направил министру народного просвещения А.С. Норову «конфиденциальное» отношение: «В вышедшей на сих днях книге «Современника» за текущий март месяц напечатаны стихотворения Ф. Тютчева, в числе коих помещены следующие стихи (приведено полностью стих. «Не гул молвы прошел в народе...»). Государь император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: *«Подобные фразы не допускать»*. Уведомляя о сем ваше превосходительство, имею честь присовокупить, что о таковой высочайшей воле сообщается мною вместе с сим для надлежащего сведения государственному канцлеру иностранных дел и генерал-адъютанту графу Орлову» (РГИА. Ф. 772. Оп. 6, г. 1854. Ед. хр. 150584). Об этом эпизоде упоминает в своем дневнике от 18 марта 1854 г. А.Ф. Тютчева. См. *При дворе-1*. С. 134.

Поэт представил будущее Православной России как непосредственной преемницы Византийской империи, четырехсотлетняя годовщина падения которой (1453–1853) рассматривалась как символическая дата. В материалах к политическому трактату «Россия и Запад» Тютчев выделил два начала России — «Славянское племя, православную Империю». И далее: «Россия гораздо более православная, нежели славянская. И, как православная, она

является залогохранительницей *Империи*», а «Империя не умирает. Она передается. <...> 4 прошедших Империи. 5-я — окончательная. <...> Империя христианская» (*ЛН-1*. С. 222, 224).

И своды древние Софии, / В возобновленной Византии... — имеется в виду мечеть Айя-София в Константинополе, ранее бывшая христианским храмом (*Э.З.*).

«УЖ ТРЕТИЙ ГОД БЕСНУЮТСЯ ЯЗЫКИ...»

(с. 15)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 4.

Списки — *Муран. альбом* (с. 85.); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 76); *Сушк. тетрадь* (с. 76–77).

Первая публикация — ж. «Северная пчела», 1850. № 52, раздел «Пчелка», с датой «Март 1850». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 56 (дата — «1850»); *Изд. 1854*. С. 137; *Изд. 1868*. С. 124 (дата в заглавии: «(1850)»); *Изд. 1900*. С. 158. В *Изд. СПб., 1886* не вошло «вероятно, по случайной небрежности» А.Н. Майкова (*Чулков II*. С. 321).

Печатается по тексту «Северной пчелы» с уточнением по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 276.

В автографе четко разделены строфы — два четверостишия и два трехстишия (в публикациях XIX в. это не соблюдается — последняя строфа состоит из шести стихов). 4 сквозные рифмы подтверждают намеренное обращение Тютчева к форме сонета. В рукописи поэт вносит изменения в третий стих: вместо «стая» — «в стае». В текстах же *Муран. альбома, Совр.*, в изданиях XIX в. третий стих читается: «Как стая диких птиц перед грозой».

К.В. Пигарев, анализируя тексты, относит дату написания «к первым числам марта (между 1 и 6) 1850 г.» (*Лирика II*. С. 361).

Датируется 1850 г.

Содержание стихотворения является поэтической вариацией на слова Манифеста Николая I от 14 марта 1848 г. по поводу революционных событий в Австрии и Пруссии. Выделенные курсивом слова заимствованы из текста Манифеста. К тому же Р.Ф. Брандт сообщает, что «С нами Бог» — «девиз памятной медали венгерского похода» (*Материалы*. С. 48).

В январе 1850 г. во французском ж. «Revue des Deux Mondes» вышла статья Тютчева «La papauté et la question romaine» («Папство и римский вопрос»). Революция определялась как производное от католицизма, с его духом индивидуализма. В стихотворении употребление слова «языки» вместо «народы» обусловлено рассуждением в статье

об идолопоклонстве «людей Запада перед всем, что есть форма, формула и политический механизм. Идолопоклонство это сделалось как бы последнею религией Запада». Роль силы, способной уберечь Европу от разрушительной бури революции, Тютчев предназначал России, во главе которой стоял православный монарх. Также в заключении статьи поэт описывает трепетное волнение от посещения Николаем I гроба апостолов в Риме: «Коленопреклоненный Царь был не один: вся Россия была там, склоня колена с ним вместе. Будем надеяться, что не напрасно вознеслась ее молитва перед святыми останками!..» (*Изд. СПб., 1886*. С. 487) (*Э.З.*).

«НЕТ, КАРЛИК МОЙ! ТРУС БЕСПРИМЕРНЫЙ!..»

(с. 16)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 2–3.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 76), где только две первые строфы; *Муран. альбом* (с. 83–85); *Сушк. тетрадь* (с. 74–76).

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 128 (с датой «(1850)»). Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 168; *Изд. 1900*. С. 168 (уточняется дата: «Май 1850»).

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 276.

Датируется 1850 г.

В автографе текст помещен на двух листах: на первом — четыре строфы, на втором — три. Перед стихотворением дата «(Май 1850)». Во 2-й строке над словом «жмися» надписано это же слово более разборчиво иною, вероятно, редакторскою рукою (*Чулков II*. С. 314). В 3-й строке слово «душою» стоит над зачеркнутым «боязнью». В 5-й строке слово «надежды» заменено на «святые». 6-й стих первоначально читался: «Свой ум и душу потребя», затем окончательный вариант был вписан сверху над зачеркнутой, кроме последнего слова, частью стиха.

Обращено к государственному канцлеру гр. Карлу Васильевичу Нессельроде (1780–1862). Заглавие «На графа Нессельроде» воспроизводится в *Изд. СПб., 1886*. Нессельроде начинал как дипломат, при императорах Александре I и Николае I участвовал в международных конгрессах. Министр иностранных дел в 1822–1856 гг., «в сущности, — уточняет Р.Ф. Брандт, — уже с 1816 как управляющий иностранной коллегией» (*Материалы*. С. 50); вице-канцлер с 1828 г., государственный канцлер с 1844 г. В политической деятельности руководствовался принципами «Священного Союза». Австрофил и поклонник Меттерниха, способствовал в 1849 г. вмеша-

тельству в австрийские дела, когда венгерское восстание было подавлено русскими войсками. На него падает отчасти ответственность за Крымскую войну 1853–1856 гг., увольнение его в 1856 г. после более чем полувековой дипломатической службы было вызвано неудачей этой войны.

По мнению Тютчева, позиция Нессельроде не соответствовала национальным интересам России (см.: *Кожинов*. С. 136–198). Неслучайно в этом стихотворении пророческое обращение к будущему страны: «Всемирную судьбу России — / Нет! вам ее не запрудить!..» См. также стих. «Русская география», «Рассвет», «Пророчество». 4 октября 1853 г. А.Ф. Тютчева записала в дневнике: «При одной мысли об этом кружится голова. Неужели, как постоянно и в прозе и в стихах повторяет мой отец, неужели правда, что Россия призвана воплотить великую идею всемирной христианской монархии...» (*При дворе-1*. С. 124) (*Э.З.*).

«ТОГДА ЛИШЬ В ПОЛНОМ ТОРЖЕСТВЕ...»

(с. 17)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 5.

Списки — *Муран. альбом* (с. 80); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 80); *Сушк. тетрадь* (с. 71).

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 127 (дата «(1850)»). Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 154; *Изд. 1900*. С. 157.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 276.

Датируется первой половиной 1850 г.

Р.Ф. Брандт заметил, что здесь «прекрасная и пресимпатичная мысль о необходимости русско-польского примирения выражена довольно прозаично» (*Материалы*. С. 48). После польского восстания 1831 г. поэту важно утвердить мысль, что Россия выступает в интересах самой Польши как славянского народа, которому самой судьбой предопределено быть составляющей великой державы («Как дочь родную на закланье...». См.: Т. 1. С. 145–146). Позже в статье «Россия и Германия» его суждения принимают категоричный характер. Он считает, что Польша, изменившая «великому началу» славянства, обречена на погибель из-за своего «ложного образования» и «ложной национальности, которая была ей привита». При этом Тютчев оговаривается, что ни в коем случае не выступает против самобытности «польской народности». В статье «Россия и революция» поэт прямо назвал Польшу «крамольно католическою», «фанатическою последовательницею Запада и постоянною изменницею относительно своих

братий». Несмотря на такой приговор, в лирике того периода Тютчев выражал надежду, что Польша все же станет полноправным членом славянской семьи. См. также «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» (Т. 1. С. 191).

И.С. Аксаков по этому поводу писал: «Польский вопрос решался для Тютчева степенью верности польского народа славянской народности и славянским церковным, т. е. восточным или вселенским преданиям. Но изо всех ветвей славянского племени, Польская сильнее всех отторглась от славянского братства, — отрекшись от существеннейших стихий славянства, изменив духу славянскому, предавшись на сторону Запада, приняв в душу, в кровь и плоть своей национальности латинство и таким образом связав свою судьбу с судьбою всего латинствующего западного мира. <...> Вопрос о Польше сводится к вопросу: в какой степени способна она стать снова славянскою и Православною?..» (*Биогр.* С. 224) (*Э.З.*).

«НЕ РАССУЖДАЙ, НЕ ХЛОПОЧИ...»

(с. 18)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 6 об.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 47); *Альбом Тютчевой* (с. 92); *Муран. альбом* (с. 55).

Первая публикация — *Москв.* 1851. № 22. Кн. 2. С. 220; затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 56; *Изд. 1854.* С. 136; *Изд. 1868.* С. 160; *Изд. СПб., 1886.* С. 155; *Изд. 1900.* С. 174.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 276.

Автограф черновой, с исправлениями. Зачеркнуто: «Дневную боль проспи в ночи», сверху надписан окончательный вариант строки: «Дневные раны сном лечи». Восклицательный знак в конце стихотворения сближается по написанию с вопросительными знаками в 7-й строке, что может объясняться созданием вопросительно-восклицательной интонации или инерцией написания. Энергия движения мысли, собирающая воедино афористично законченные высказывания, передана с помощью тире (в конце 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, середине 2-й, 4-й (после «чему»), 8-й строк). С прописной буквы написаны «Глупость», «Судит», «Завтра», «Печаль», «Радость», «Тревогу», «Слава Богу». Слово «все» подчеркнуто. Отсутствует деление на строфы, что нашло отражение в ряде изданий: *Москв.*, *Совр.*, *Изд. 1854*, *Изд. 1868.*

Текст стихотворения написан на второй странице пригласительного билета на имя Ф.И. Тютчева. Церемониймейстер граф

А.М. Борх (1804–1867) и его жена графиня С.И. Борх (1809–1871) просили поэта «оказать им честь отобедать у них в четверг 6 июля в 5 $^1/_2$ часов» (пер. с *фр.: Чулков II.* С. 320.). Приглашение было отослано 3 июля 1850 г., что дает возможность для предположительной датировки — начало июля 1850 г.

В *Москв.* (ценз. пом.: ноября 15 дня 1851 г.) опубликовано под заглавием «Совет» и подписано «Ф.Т.». Вместо «печаль» в 6-й строке поставлено «несчастья». Изменена пунктуация. Тире сохраняется лишь в последней строке (перед «слава Богу!»). Появляется восклицательный знак в конце 1-й строки.

В *Совр.* печатается в общей подборке стихотворений Тютчева под номером «LXXXIX». Изменен вид 4-й строки: «А завтра быть тому, что будет». Редактор отказывается от восклицательной интонации в 1-й (*Москв.*) и последней (автограф) строках. 1-я строка завершается многоточием, 4-я — тютчевским двоеточием, которого не было в *Москв.* В конце стихотворения поставлена точка. Последующие издания в основном повторяют текст *Совр.*

В *Изд. 1854* помещено в контекст стих.: «Два голоса», «Дума за думой, волна за волной...», «Уж третий год беснуются языки...», «Рассвет», написанных в 1850 г. С указанием даты: «1850» появляется в *Изд. СПб., 1886*, здесь же впервые оно разделяется на 2 строфы, что было поддержано поздними изданиями.

Стихотворение часто цитировалось И.С. Тургеневым в письмах к А.А. Фету, Я.П. Полонскому, Ж.А. Полонской, М.Г. Савиной. «...«Не хлопочи», — сказал мудрец Тютчев, — «безумство ищет»... придет час, придет случай, и прекрасно. А метаться навстречу часа, навстречу случая — безумство», — советует Тургенев Фету в письме от 16 июля 1860 г. (*Тургенев.* Т. 4. С. 109). Особую актуальность для Тургенева приобрело в 1882 г. (время болезни писателя и безотрадного душевного состояния).

Критиками по-разному оценивалось отношение поэта к Богу и миру, высказанное в стихотворении. А. Круковский решил, что «под влиянием близости к природе» в душе поэта развился «своего рода фатализм, слабое доверие к силам и способностям человека». «...Выражением этого бессилия ума и воли, подавляемых внешними силами, является небольшое восьмистишие, которое может быть рассматриваемо как своего рода поэтическое исповедание Тютчева». Вывод стих. «Не рассуждай, не хлопочи...» представлялся критику «безотрадным», но «неизбежным» «для того, кто видит в человеке и его могучей мысли лишь слабое отражение игры «внешних тайных сил...» (А. Круковский. Поэзия Ф.И. Тютчева // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1910. Октябрь. С. 182–183). А.Г. Горнфельдом оно также рассматривается как выражение житейской философии Тютче-

ва, но силой, захватывающей и покоряющей поэта, мыслится здесь «мир мелких человеческих интересов» (*Горнфельд*. С. 7).

Напротив, священник В. Беседа в работе «Религиозные мотивы в поэзии Тютчева» увидел в этом восьмистишии «урок христианского повседневного настроения»: «Прекрасно стихотворение, в котором выражается истинно Евангельский взгляд на то, в каком настроении должны мы проводить дни своей земной жизни:

Не рассуждай, не хлопочи...

Как это напоминает знаменитое Златоустовское «слава Богу за все», сказанное на вечере его жизни!

Раны дневные лечи сном, забыв в нем все накопившееся днем раздражение против людей и неблагоприятных жизненных обстоятельств и не разжигая в себе духа злобы на всех и все. Предайся на завтра в волю Божию; ничего не желай и ни о чем не тужи, а за прошедшее, хорошо ли оно или худо, благодари Бога. Ведь в этих словах идеал совершенной преданности Божественному Провидению» («Странник. Духовный журнал современной жизни, науки и литературы». Петроград, 1915. Март. С. 391).

Разночтения в трактовке основных выводов стихотворения могут объясняться созвучием последнего не только философии христиан, но и мироощущению античных стоиков.

Тематически произведение Тютчева соотносится с пушкинским «Если жизнь тебя обманет...» (1825). Общими являются вопрос о приятии-неприятии жизни, форма совета, продуктивная для выражения философии поэта. Стихотворения отличаются по тональности. Мягкая проповедь смирения уступает у Тютчева место призыву к мужественному терпению и стойкости (*А.М.*).

«ПОШЛИ, ГОСПОДЬ, СВОЮ ОТРАДУ...»

(с. 19)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1–2.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 42–43); *Альбом Тютчевой* (с. 119); *Муран. альбом* (с. 49–50).

Первая публикация — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 33–34. Вошло в *Изд. 1854*. С. 68; *Изд. 1868*. С. 135–136; *Изд. СПб., 1886*. С. 164–165; *Изд. 1900*. С. 177–178.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 277.

Автограф беловой. Текст стих. занимает 3 страницы: 1–1 об. — 2. Вместо заглавия стоит дата: «Июля 1850»; так и датируется. Строфы

отчеркнуты. Начиная со 2-й строфы, строчки «съезжают» вверх, к правой кромке листа. Плохо прочитываются слова «манит», «осенит», в последнем буквы жирно выделены. С прописной буквы написаны «Господь», «Саду», «Зной», «Злак», «Грот». Недоступность, загражденность роскошного сада для «бедного нищего» подчеркивается несколькими тире: в конце 4-й строки, в 5-й («—через ограду—»), 6-й, середине 9-й («не для него —»), в строках 10-й, 16-й, 19-й («—мимо саду—»); но в 1-й строфе, 3-й строке оборот «мимо саду» стоит в запятых. Точкой завершаются лишь 2-я и последняя строфы.

В первой публикации есть отступления от текста автографа. Редактор совсем отказывается от тире, «выравнивая» пунктуацию в соответствии с принятыми нормами. Вместо «жесткой» в 4-й строке появляется «жаркой», «не осенит» в 16-й строке заменяется «не освежит». В большинстве изданий отдано предпочтение тургеневскому тексту. С сохранением тютчевского варианта в строке 4 опубликовано в *Изд. 1900*. С. 177. *Чулков II*. С. 39.

Стремление реализовать в первой и последней строфах оба элемента 2-й строки «Тому, кто в летний жар и зной» (В.Н. Топоров. Заметки о поэзии Тютчева / Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством // *Тютч. сб. 1990*. С. 60) понятно, но кажется излишним. «Не освежит» лексически целесообразнее, однако «не осенит» созвучнее 13, 14 стихам по смыслу и рифме.

Интересным представляется указание на литературное происхождение строки «Бредет по жаркой мостовой» в *Изд. Маркса* (с. 626): «... Вся эта строка: «Бредет по жаркой мостовой» напоминает подобный же стих «Тащусь по жаркой мостовой» в анонимном стихотворении «Характеристика», напечатанном в «Литературной газете» 1831 г., т. III, № 16, с. 129.

Бумаги деловым мараньем
Лишенный жизни остальной,
В душе с тоской, в чертах с страданьем,
Тащусь по жаркой мостовой.
На утомительной дороге
Мне попадаются порой
Иль гордый шут в мишурной тоге,
Или товарищ разгульной.
И наблюдатель без ошибки
Во мне давно заметить мог
И Баранжера пол-улыбки
И тягостный Жильбера вздох».

Вероятность такой реминисценции невелика, учитывая тот факт, что эпитет «жаркой» появился лишь в *Совр*.

По мнению Р.Ф. Брандта, «в общем чу́дное, это стихотворение

несколько испорчено повтореньями...». Критик делает предположение, что три средних строфы «представляют разные редакции одной строфы», отдавая предпочтение второй из них (*Материалы.* С. 52). Мысль Брандта не получила развития у исследователей.

Стихотворение вызвало ряд разноречивых откликов.

В статье «Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева» (*Совр.* 1854, апрель) И.С. Тургенев отмечал, что «стихотворения, каковы «Пошли, Господь, свою отраду...» и другие, пройдут из конца в конец Россию и переживут многое в современной литературе, что теперь кажется долговечным и пользуется шумным успехом» (*Тургенев.* Т. 5. С. 427).

Л.Н. Толстой увидел в нем неповторимую тютчевскую интонацию (помета «Т.»), но наиболее удачными показались писателю лишь 3 строфы (отчеркнуты первые 12 стихов) (*ТЕ.* С. 146).

И.С. Аксаков приводил стихотворение в качестве примера «поэтической мысли», «чувствующей и живой». «Здесь мысль стихотворения вся в аналогии этого образа нищего, смотрящего в жаркий летний день сквозь решетку роскошного прохладного сада, — с жизненным жребием людей-тружеников. Но эта аналогия почти не высказана, обозначена слегка, намеком, в двух словах в последней строфе, почти не замечаемых: *жизненной тропой,* а между тем она чувствуется с первого стиха. Образ нищего, вероятно, в самом деле встреченного Тютчевым, мгновенно осенил поэта сочувствием и — мыслью об этом сходстве. Мысль, вместе с чувством, проняла насквозь самый образ нищего, так что поэту достаточно было только воспроизвести в словах один этот внешний образ: он явился уже весь озаренный тем внутренним значением, которое ему дала душа поэта, и творит на читателя то же действие, которое испытал сам автор» (*Биогр.* С. 107–108).

Д.С. Дарский также обратил внимание на реальность изображенных в стихотворении фактов и событий, но только в сфере душевной жизни. В образе нищего критик увидел самого поэта: «Есть у Тютчева еще одно стихотворение, в котором поэтическое иносказание показывает, каким непереносимым бременем ложилась ему на душу дневная тягота. Уже осведомленные в значении, какое вкладывалось Тютчевым в слова: день знойный, полдень, дневной зной, — мы не ошибемся в настоящем толковании стихотворения:

Пошли, Господь, свою отраду...

С наглядной убедительностью предстает душевное состояние поэта. Бесплодной тоской изнуряет его удушливая жестокость жизни. Лишенная живых вод, иссыхает душа» (*Дарский.* С. 40).

Контраст блаженства, роскоши, нищеты и обездоленности, лежащий в основе стихотворения, приобрел социальные черты в паро-

дийном отклике Николая Ломана, сотрудничавшего в 1860-е гг. в «Искре» под псевдонимом «Н.Л. Гнут». Иронически изображая «рабское подражание любимому поэту», сатирик признается: «Может быть, я не слишком требователен, вкус мой неразборчив; но ведь это совсем иное дело <...> Вариация не пародия: она только выясняет основной мотив, выставляет рельефнее красоты подлинника. Варинровал же я стихотворение г. Тютчева: «Пошли, Господь, свою отраду...», хотя мне очень хорошо известно, что оно перейдет в потомство наравне с лучшими произведениями Пушкина» («Искра». 1860. № 39. С. 418–419). Сама пародия появилась в «Искре» в 1860 г. № 8, с. 94, под заглавием «Перед милютиными лавками». Ломан иронизирует над чувством сострадания «бедному нищему», считая сочувствие, участие социальными категориями:

ПЕРЕД МИЛЮТИНЫМИ ЛАВКАМИ

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду,
Бредет по жесткой мостовой

Пошли, господь, свою подачку
Тому, кто жаркою порой,
Как утлый челн в морскую качку,
Идет по знойной мостовой...

Он смотрит к Вьюшину тоскливо
В окно на крупный виноград,
На абрикосы, дули, сливы,
На пастилу и мармелад.

Не для него кокос, арбузы,
Гранаты в золотом огне,
Не для него и толстопузый
Гомер разлегся на окне...

И фрукт привозный из Мессины
Напрасно взор его манит:
Сок ароматный, апельсинный,
Увы, его не освежит!..

Так облегчи, господь, вериги,
Тому, кто много претерпел,
Кто в здешний жизни, кроме фиги,
Других плодов еще не ел.

(Цит. по: Поэты «Искры». Л., 1933. С. 502–503).

Образным строем «Пошли, Господь, свою отраду...» перекликается с написанным в начале 1830-х гг. стих. «Странник». Тютчев вновь обращается к образам дороги, путника, решая вопрос о выборе пути, жизненного предназначения. «Дивный мир», открытый страннику в одноименном стихотворении, оказывается недоступным «бедному нищему». Блаженство связывается теперь «не с движением, но с пребыванием» (В.Н. Топоров. Заметки о поэзии Тютчева / Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством // *Тютч. сб. 1990.* С. 60).

Большое место в структуре стихотворения занимает картина райского блаженства в саду. Включением мотива утраченного рая проясняется метафизический характер пути «бедного нищего» (*А.М.).*

НА НЕВЕ

(с. 20)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 5–5 об. и *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

Списки –*Сушк. тетрадь* (с. 39–40); *Муран. альбом* (с. 45–46).

Первая публикация – *Совр.* 1854. Т. XLV. С. 13. Вошло в *Изд. 1854.* С. 96; *Изд. 1868.* С. 123; *Изд. СПб., 1886.* С. 161–162; *Изд. 1900.* С. 176.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 277.

Автограф РГАЛИ беловой. Озаглавлено: «На Неве», после текста дата: «Июль 1850». Особенности авторской пунктуации – тире в конце 2-й, 6-й, 14-й строк и многоточие в конце 4-й, 8-й; 10-я и 12-я строки завершаются вопросительным знаком и многоточием.

В автографах и списках 1-я строка читается как: «И опять звезда играет». Только *Изд. 1900* повторяет этот вариант строки. В *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* другой вариант: «И опять звезда ныряет». Образ «звезда играет» более соответствует тютчевской романтической эстетике – восприятию одухотворенной природы. Слово «игра» в разных вариантах – одно из часто повторяющихся: весенний гром, «резвяся и играя, грохочет...»; «играют выси ледяные с лазурью неба огневой...»; летом листья «играли с лучами»; «сны играют на просторе...»; «игра и жертва жизни частной...» и т. д. В *Совр.* и след. изд. образ упрощен и приближен к обыденности: «звезда ныряет» (последнее слово Тютчев не использует). Существуют варианты и 14-й строки: автографы, списки, *Изд. 1900* – «Дивно-пышная волна»; *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* – «Пышноструйная волна». И здесь в *Совр.* и след. изд. упрощен тютчевский романтический образ, его эстетическое ви́дение «дивного мира» (ср.: «Сей

дивный мир, их рук созданье...» (речь идет о богах); «изящно-дивные черты», «дивовалися народы...» и т. д.; слово «дивные» — также одно из важных в тютчевском лексиконе).

Датируется июлем 1850 г. по автографу РГАЛИ (*А.Ш.*).

«КАК НИ ДЫШИТ ПОЛДЕНЬ ЗНОЙНЫЙ...»

(с. 21)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 7.

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 34, под общим названием «Стихотворения Ф.И. Тютчева». Вошло в *Изд. 1854.* С. 69; *Изд. 1868.* С. 137; *Изд. СПб., 1886.* С. 167; *Изд. 1900.* С. 175.

Печатается по автографу.

Автограф написан на оборотной стороне приглашения на обед к графине Борх. Стихотворение разделено на четыре четверостишия, второе и третье начинаются с красной строки. С 3-й строки почерк постепенно укрупняется, становится размашистым. Особенно выделяется написание буквы «у». В конце 2-й, 3-й и 4-й строф стоит тире.

Датируется предположительно началом июля 1850 г.; написано на обороте приглашения на обед, помеченного 3 июля 1850 г.

К.В. Пигарев полагал, что этим стихотворением «открывается так называемый «денисьевский» цикл любовной лирики поэта» (см. подробнее *Лирика I.* С. 391).

Д.С. Дарский считал, что поэт стремится «быть освобожденным от тяготы мертвого существования, перестать участвовать в тревогах и смутах хладного света, ускользнуть вон, утихнуть в «тайных», «волшебных думах», среди «прекрасных теней» <...> В отдаленьи от «нескромного шума дня» поэт затворяется в «спокойную храмину», где ряд гармонических впечатлений позволяет забыться в упоеньи артистического отдохновенья» (*Дарский.* С. 29) (*А.Ш.*).

«ПОД ДЫХАНЬЕМ НЕПОГОДЫ...»

(с. 22)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 3.; *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 31, под заголовком «Август 1850 года». Вошло в *Изд. 1854.* С. 63; *Изд. 1868.* С. 105; *Изд. СПб., 1886.* С. 157; *Изд. 1900.* С. 179.

Печатается по автографу *Альбома Тютч.-Бирилевой.* См. «Другие редакции и варианты». С. 277.

На основании описания автографа *Альбома Тютч.-Бирилевой,* сделанного К.В. Пигаревым, можно утверждать, что в РГАЛИ хранится ранняя рукопись стихотворения (см.: *Пигарев.* С. 332). В *Альбом Тютч.-Бирилевой* оно было вписано в первоначальном варианте. «Однако тут же, — пишет Пигарев, — судя по почерку и цвету чернил, поэт заменяет в стихотворении отдельные слова» (там же). В автографе *Альбома Тютч.-Бирилевой* 2-я строка: «Вздувшись, потемнели воды», в автографе РГАЛИ другой вариант: «Вздувшись, почернели воды»; как нередко бывает у Тютчева, он смягчает черную краску и отдает предпочтение слову «потемнели». 4-я строка в автографе *Альбома Тютч.-Бирилевой* дается с предлогом «сквозь» («И сквозь глянец их суровый»), в автографе РГАЛИ — с предлогом «на» («И на глянец их суровый»). В автографах представлен вариант 6-й строки: «Светит радужным лучом» — в *Альбоме Тютч.-Бирилевой,* «Светит трепетным лучом» — РГАЛИ. 10-я строка автографа из *Альбома Тютч.-Бирилевой* читается как «Над волной темнолазурной», в автографе РГАЛИ есть ее вариант: «Над стихиею лазурной».

Все издания печатают стихотворение по варианту автографа *Альбома Тютч.-Бирилевой.*

Датируется 12 августа 1850 г. на основании пометы Эрн. Ф. Тютчевой в автографе *Альбома Тютч.-Бирилевой.*

В.Ф. Саводник заметил, что в этой «пьесе» с «коротким, как бы порывистым хореическим ритмом» изображен «холодный, ветреный закат», и обратил внимание на «обилие в ней *красочных* эпитетов, воспроизводящих непосредственное зрительное впечатление и придающих всей пьесе особенную колоритность» (*Саводник.* С. 168).

По мнению Р.Ф. Брандта, в стихотворении представлено «несколько декадентское изображение свинцово-серой реки, в коей там и сям горят отблески заката» (*Материалы.* С. 52). Критик склонялся к тому, «что автор понимал эту картину как подобие печальной, с редкими проблесками светлой отрады, старости» (там же. С. 53) (*А.Ш.).*

«VOUS, DONT ON VOIT BRILLER, DANS LES NUITS AZURÉES...»

(с. 23)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 4.

Первая публикация — *Изд. 1900.* С. 5. В скобках над стихотворением мелким шрифтом — помета на *фр. яз.* «Promenade avec ma femme»

(«Прогулка с моей женой»). В конце дата — «23 août 1850» — *фр.* 23 августа 1850. Так и датируется. Вошло: *Чулков II.* С. 42; *Лирика II.* С. 248.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, чернилами, с тщательным написанием слов, крупным почерком. Строфы отчеркнуты. В конце, внизу на листе авторская помета на *фр. яз.* «23 août 1850. Promenade de nuit avec Nesty» («23 августа 1850. Прогулка ночью с Нести»).

В стихотворении запечатлено эмоциональное состояние поэта, вызвавшее (во время прогулки с женой Эрнестиной Федоровной под звездным куполом неба) размышления о вечности бескрайнего космоса и эфемерности, суетности человеческого существования.

Перевод В.Я. Брюсова опубликован в *Изд. 1900.* С. 5 (см. также: ж. «Новый путь», 1903, ноябрь, с. 4). Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 119–120) сделал подстрочный и стихотворный переводы. Перевод М.П. Кудинова — в *Лирике II.* С. 417.

В *Изд. 1900* (с. 3–9) названы стихотворения Тютчева, посвященные Эрнестине Федоровне: «Un rêve», «Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées...», «Des premiers ans de votre vie...», «Все, что сберечь мне удалось...», «Все отнял у меня казнящий Бог...», «Не знаю я, коснется ль благодать...»; Г.И. Чулков полагает, что и «Так здесь-то суждено нам было...» относится к ней же (*Чулков I.* С. 404). С.А. Долгополова («Стихи к Эрнестине Дернберг, 1834–1838 // *Летопись. 1999.* С. 291–297) расширила этот список, выявив в наследии поэта 1830-х гг. стихотворения, посвященные этой женщине (*В.К.*).

«ОБВЕЯН ВЕЩЕЮ ДРЕМОТОЙ...»

(с. 24)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 40, с датой в заглавии. Вошло в *Изд. 1854.* С. 80; *Изд. 1868.* С. 149; *Изд. СПб., 1886.* С. 166; *Изд. 1900.* С. 180.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 277.

В автографе перед текстом в скобках дата: «15-го сентября 1850».

В *Совр.* опубликовано с заголовком «15 сентября 1850 года» и пропуском 9-й строки автографа: «С их ветхим листьем изнуренным». Во всех последующих изданиях эта строка также пропущена. Все печатные тексты, за исключением *Изд. 1900,* не совсем точно представили 5-ю строку: «Еще на ветке шелестит» (в автографе: «Еще на ветви шелестит»).

Датируется 15 сентября 1850 г.

И.С. Аксаков высказывал мнение, что по сравнению с «Осенним вечером» в стихотворении «образ осени умильнее, нежнее и сочувственнее» (*Биогр.* С. 92). «Нам особенно нравятся первые пять стихов, — писал он, — нравятся именно своею простотою («из летних листьев разве сотый») и правдою» (там же).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «К.!!» (Красота!!) (*ТЕ.* С. 146) (*А.Ш.*).

ДВА ГОЛОСА

(с. 25)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 36).

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 32–33); *Муран. альбом* (с. 37–38); *Альбом Тютчевой* (с. 91). Имеется рукописная копия — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 1.

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 55–56. Вошло в *Изд. 1854.* С. 134; *Изд. 1868.* С. 115; *Изд. СПб., 1886.* С. 158–159; *Изд. 1900.* С. 159. Во всех изданиях отсутствует деление на 2 части.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 278.

В *Альбоме Тютч.-Бирилевой, Сушк. тетради, Муран. альбоме* помещено перед стих. «Обвеян вещею дремотой...», что делает возможным его датирование 1850 г. То же время написания стихотворения указано в *Изд. СПб., 1886.*

Произведение становится актуальным значительно позднее, в начале XX в. Оно оказывается в сфере внимания ряда русских поэтов и критиков.

«Почти тоном гимна, столь для него необычным, Тютчев славит безнадежную борьбу с Роком человека, заранее осужденного на поражение», — писал В.Я. Брюсов об этом стихотворении (*Изд. Маркса.* С. 32).

Особое значение стихотворение имело для А.А. Блока. В письме к Н.Д. Санжарь от 5 января 1914 г. он признавался, что живет им уже года два и что хотел поставить его эпиграфом к «Розе и кресту» (*Блок.* Т. 8. С. 433). «Два голоса» цитируются Блоком в «Планах и заметках» к драме «Роза и крест»:

> «Тревога и труд лишь для смертных сердец...
> Для них нет победы, для них есть *конец*.

Таков Бертран — не герой, но мозг и сердце всей пьесы, *человек* по преимуществу...» (*Блок.* Т. 4. С. 460).

В стихотворении Тютчева Блок отмечал «эллинское, до-христово

чувство Рока, трагическое». «Есть и другая трагедия — христианская. Но насколько обо всем, что дохристианское, можно говорить, потому что это наше, здешнее, сейчас, настолько о Христовом, если что и ведаешь, лучше молчать (не как Мережковский), чтобы не вышло «беснования» (Мусоргский)» (*Блок, дневник.* Запись от 3 декабря 1911 г. С. 99).

«Два голоса» оказываются созвучными блоковским размышлениям о современной ему действительности: «...Смысл трагедии — *безнадежность* борьбы, но тут нет отчаянья, вялости, опускания рук. Требуется высокое посвящение» (там же. Запись от 14 ноября 1911 г. С. 81).

«История» отношения Блока к этому стихотворению прослежена в книге В.Н. Касаткиной «Поэзия Ф.И. Тютчева» (М., 1978. С. 151–154). Отмечена глубинная связь с пьесой «Роза и крест», найдены текстуальные сближения. «Блок выразил сходное с поэтом XIX в. понимание смысла жизни, увидя его в подготовке «крепких лат», в готовности нести крест страданий, в неуклонном мужестве и борьбе...». Обнаруживаются идейные связи со стихотворением Тютчева и в лирике Блока 1910–1914 гг., в цикле «Возмездие» (1908–1913). «...Измученный жизнью лирический герой этого цикла, — отмечает Касаткина, — нащупывает путь преодоления мрака жизни, и таким путем являются: несгибаемость личности перед пошлостью, упорство сопротивления, хотя и без надежды на победу <...>, смелый вызов на поединок такого противника, как «старый рок» <...>, упорный, терпеливый труд во имя победы света над мраком <...>, реальный взгляд на жизнь, на борьбу и труд, хотя и неверие в грядущее, но и непримиренность с настоящим...»

«Два голоса», эта «величественная попытка утвердить достоинство человека в нем самом, как в высшем существе во Вселенной», рассматривается Б.М. Козыревым как этапное стихотворение, как переломный момент между двумя творческими эпохами Тютчева: античным политеизмом и попытками «создания новых мифологем, основанных на христианских идеях». Начиная с 1850 г., «...главное внимание Тютчева обращено <...> не на природу, а на человеческую душу с ее грехами и искуплениями, радостями и страданиями» (Б.М. Козырев. Письма о Тютчеве // *ЛН-1.* С. 94).

Исследователи обратили внимание на сходство образной системы произведения Тютчева с масонским гимном Гёте «Символы» (1816) (Н.В. Александровская. Два голоса (Тютчев и Гёте) // «Посев. Одесса — Поволжью: Литер.-критич. и научно-худ. альманах». Одесса, 1921. С. 96; M.P. Alexeev. Nochmals über Tütchev und Goethe — «German-slavica», 1932–1933. Hf. I. S. 67; *Козырев.* С. 88). Общими для обоих произведений являются образы молчащих в небесах звезд, а внизу — могил и образ венца. «Но по содержанию

«Два голоса» являются смелой и горькой отповедью названному гимну с позиций сурового и — по моральному своему пафосу — атеистического стоицизма» (*Козырев.* С. 88).

А.И. Неусыхин обнаруживает еще одну перекличку со стих. Тютчева — «Гиперион» (1822) Гельдерлина (Тютчев и Гельдерлин. Неизданный доклад А.И. Неусыхина (1942) // *ЛН-2.* С. 542–547).

Тютчев вводит отсутствующий у немецких поэтов мотив одинокой борьбы с Роком. По наблюдению Ю.М. Лотмана, в структуре стихотворения трагический конфликт находит выражение в ряде перестановок и вариаций на фоне жесткого параллелизма конструкций. Прослеживая «механизм полифонического построения текста», исследователь отмечает, что «окончательная смысловая конструкция создается не путем победы одного из голосов, а их соотнесением» (Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Ю.М. Лотман. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 177). Особенности композиционной, ритмической и звуковой организации стихотворения рассмотрены также в работе И.В. Петровой «Мир, общество, человек в лирике Тютчева» (*ЛН-1.* С. 45–46).

Своеобразие «изумительной» музыкальной композиции «Двух голосов», «быть может, единственной в русской поэзии», отмечено Козыревым в его «Письмах о Тютчеве»: «Первый голос» (два начальных катрена) служит экспозицией, звучащей в глубоком миноре: здесь «борьба безнадежна», здесь боги Олимпа «блаженствуют», а для смертных «нет победы, для них есть конец». «Второй голос» можно назвать репризой с просветлением. В первом катрене этой репризы еще звучит минор, но мы видим уже слабое, чуть заметное смягчение: борьба определяется как «жестокая» и «упорная», но о безнадежности ее больше нет речи. Во втором катрене оказывается, что Олимпийцы вовсе не блаженствуют, а *завидуют* величию борьбы людских «непреклонных сердец»; и, наконец, последние строки этого катрена звучат могучим драматическим мажором: «Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком, / Тот вырвал из рук их победный венец» (*Козырев.* С. 88) (*А.М.*).

ГРАФИНЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

(в ответ на ее письмо)

(*«Как под сугробом снежным лени...»*)

(с. 26)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 5–6.
Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 50–52); *Муран. альбом* (с. 57–59).
Первая публикация — *Раут.* 1852. С. 203–204. Вошло в *Совр.*

1854. Т. XLIV. С. 41–42; *Изд. 1854*. С. 82–83; *Изд. 1868*. С. 121–122; *Изд. СПб., 1886*. С. 170–171; *Изд. 1900*. С. 181–182.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 278.

В автографе имеет заглавие «Графине Р.» и перед текстом помету в скобках: «в ответ на письмо». Состоит из девяти строф. В 19-й строке с прописной буквы написано слово «Чародей» («Он сам же, Чародей всесильный»), в 27-й — слова «Феи Нелюдимки» («И в замке Феи Нелюдимки»). Особенности авторской пунктуации — повторы тире (в конце 1-й, 2-й, 4-й, 9-й, 14-й, 16-й, 18-й, 20-й, 22-й, 26-й, 28-й строк) и многоточия (в конце 8-й, 12-й, 24-й, 32-й строк).

В обоих списках стихотворение озаглавлено «Графине Р. 1850» и включает девять строф. В первом текст подвергнут редакторской правке. В подзаголовочную помету вставлено местоимение «ее»: «в ответ на ее письмо». В 16-й строке подчеркнута заглавная буква в слове «Стигийской» («Во мгле Стигийской роковой»). В 22-й строке поставленные над словами цифры меняют их порядок. По мнению редактора, строка должна читаться: «Их для меня он уловил» (вместо: «Он для меня их уловил»). В 27-й строке подчеркнуто слово «нелюдимки» («И в замке Феи-нелюдимки»). Во втором списке подзаголовок дан в поправленном варианте: «в ответ на ее письмо», а 22-я строка записана с измененным порядком слов: «Их для меня он уловил».

В *Рауте* опубликовано с заголовком «Графине Е.П. Ростопчиной», в *Совр.* и *Изд. 1854* — «Графине Р. 1850 года», в *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* — «Графине Ростопчиной». Во всех печатных текстах есть помета: «в ответ на ее письмо», 22-я строка дана с измененным порядком слов: «Их для меня он уловил». Начиная с публикации в *Совр.*, 27-я строка печатается со словом «невидимки» («И в замке феи-невидимки») вместо «нелюдимки»: Тютчев имел в виду заглавие вышедшей в 1850 г. драмы Ростопчиной «Нелюдимка». Ни в одно издание не вошла 9-я строфа автографа, являющаяся вариацией предыдущей:

И страстно песнь ее звучала,
Пленяя души и сердца —
Она Бетховена играла,
И... доиграла до конца...

Датируется 1850-м г. на основании списков.

Посвящено гр. Евдокии Петровне Ростопчиной, урожденной Сушковой (1811–1858), русской поэтессе. Ростопчина приходилась племянницей Н.В. Сушкову, женатому на сестре поэта Д.И. Тютчевой. Позже Тютчев посвятил ей стих. «Гр. Ростопчиной» («О, в эти

дни — дни роковые...») (см. *коммент.* С. 424). Г.И. Чулков полагал, что «гр. Ростопчина питала чрезвычайную симпатию к Тютчеву» (*Чулков II.* С. 318). Ему были адресованы известные строки:

...тощий, престарелый,
Жизнью сломленный поэт,
В ком душа убила тело
И горит духовный свет.
На лице умно-прекрасном,
На измученных чертах
Есть рассказ о горе страстном,
О мучительных борьбах.

(Там же. С. 319).

Исследователи склоняются к тому, что в стихотворении Тютчева скорее выражается светская учтивость, чем проявляется истинное отношение поэта к Ростопчиной. Так, например, в письме к жене от 13 июля 1851 г. он сообщал: «Намедни я получил самое кокетливо-любезное письмо от графини Ростопчиной, которая зовет меня к себе в гости, прибегая к разным малоубедительным доводам... Как будто такое tête-à-tête возможно хотя бы на 24 часа...» (*Изд. 1984.* Т. 2. С. 155). Летом 1857 г. он писал Эрн. Ф. Тютчевой о «своей приятельнице гр. Ростопчиной»: «Вчера, например, она заставила нас бодрствовать, более или менее, у Нарышкиных (Дима) до часу ночи, читая нам вслух комедию своего сочинения, самую глупую и пошлую вещь, какую только можно себе представить. Зато я был жесток и не скрыл от нее, как тягостно мне было бороться с усталостью и желанием спать во время этого чтения. Тем не менее мы большие приятели» (*СН.* 1915. Кн. 19. С. 250–251).

Мгла стигийская — в античной мифологии река Стикс отделяет царство мертвых от земного мира (*А.Ш.*).

«DES PREMIERS ANS DE VOTRE VIE...»

(с. 28)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой*; перед текстом дата на *фр. яз.* «Ce 12 avril 1851».

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 208, 214.

Первая публикация — *РА.* 1892. Вып. 4. С. 537. Вошло в *Изд. 1900.* С. 6.; *Чулков II.* С. 62; *Лирика II.* С. 249.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 278.

В *РА* второе слово в 10-й строке прочитывалось как «le flot» — волна («Combien le flot était plus pur!»). Этот вариант приняли

Г.И. Чулков и К.В. Пигарев. В *Изд. 1900* в 10-й строке — «le ciel» (небо), в 11-й — дана форма множ. числа («suaves rêveries»), в 15-й — глагол настоящего времени («Je crois sentir, dans une brise / Glisser comme un printemps voilé»).

Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой, ее личность уже во втором французском стихотворении (первое — «Un rêve») вызывает в воображении поэта образы цветов; подобное было и в стих. «Так здесь-то суждено нам было...» с его образом декабрьских роз. Стихотворения, адресованные Эрн. Ф. Тютчевой, наполнены особенно возвышенными ассоциациями.

Переводы А.А. Фета и М.П. Кудинова опубликованы в *Лирике II*. С. 418 (*В.К.*).

ПОМИНКИ
(Из Шиллера)

(с. 29)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1–4.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 58–65); *Муран. альбом* (с. 66–73).

Первая публикация — *Раут*. 1851. С. 75–80. Подпись — «Ф.Т...в». Вошло — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 50–54; *Изд. 1854*. С. 103–109; *Изд. 1868*. С. 61–65.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 278.

В первой публикации была изменена последовательность строф (4-я, 5-я и 6-я строфы напечатаны в конце стихотворения), очевидно, в результате ошибки при наборе. В следующем издании текста ошибка исправлена. В *Изд. 1854* — возвращен вариант первого издания. В последующих — очередность строф восстановлена и соответствует автографу.

Автограф черновой, разборчивый, со следами работы автора над текстом и вариантами некоторых стихов. В изд. *Чулков II* была осуществлена полная замена ранних вариантов на более поздние, К.В. Пигарев в своем издании, печатая по *Совр*. 1854, использовал варианты *Сушк. тетради*. Перевод стих. Шиллера «Das Siegesfest» («Триумф победы») осуществлялся до Тютчева трижды: А. Мансуровым («Новые Аониды». М., 1823. С. 22–30), В.А. Жуковским (*Северные цветы*. 1829. № 1. С. 23–49), М. Писаревым (Тр. вольн. общ. соревн. просвещ. 1828. Ч. XVII. С. 72–78) (*Т.Ф.*).

В шиллеровском оригинале заглавие: «Siegesfest» («Триумф победы»). Возможно, переименование стихотворения в тютчевском варианте связано с тем, что его тональность несколько более ми-

норна, нежели в подлиннике. В этом плане особенно примечательно, что русский поэт оставил не переведенным заключительное четверостишие Шиллера, настраивающее читателя, после описаний бедствий войны, на оптимистический лад. Вот подстрочный перевод последних четырех, отсутствующих у Тютчева строк:

Коня и всадника в пути,
Корабль (в море) окружают опасности;
Завтра мы не сможем (то, что можем сегодня),
А посему давайте жить сегодняшним днем.

В целом перевод Тютчева достаточно точен — с теми неизбежными модификациями содержания, без которых, по-видимому, невозможно было воспроизвести поэтическую форму подлинника.

При сравнении поэтического языка Шиллера и Тютчева выявляются пристрастия последнего: любовь к возвышенной, архаичной лексике и стремление в отдельных местах «облагородить» текст оригинала. Сравним в качестве примера строки 25–28 из перевода Тютчева с их подстрочным переводом:

И воздвигся жертвы ради
Приноситель жертв, Калхас,
Градозиждущей Палладе,
Градорушащей молясь...

Подстрочник:

И вот высоким богам приносит (зажигает)
Жертву Калхас,
Обращаясь к Палладе,
Которая создает и рушит города.

«Облагораживая» поведение персонажей стихотворения, русский поэт выпускает 4-ю строку оригинала, где говорится о том, что корабли опьяненных победой греков «обильно загружены награбленным». Вместо прямолинейного двухстрочия Шиллера «У домашних алтарей / Возможно, готовится убийство» Тютчев употребляет иносказание: «У домашнего порога многих Керы сторожат...»

Баллада состоит из 13 строф. Каждая строфа состоит из октавы и четверостишия. В каждой части строфы реализован четырехстопный хорей. В стихах с мужскими рифмами (четных) последняя доля усечена. В октаве использована система рифмовки a b b a. В переводе структура строф (1, 5 октав) совпадает. Схема рифмовки как в октаве, так и в четверостишии аналогична оригиналу (*Л.Л., М.М.*).

Хоровая песня Шиллера была написана на сюжет «Илиады» и связана с темой возвращения воинов греческого племени ахеян на

родину после длившейся около десяти лет и завершившейся для них победой осады города Трои.

Датируется приблизительно 1850 — началом 1851 г.: ценз. разрешение сб. *Раут* 24 февр. 1851 г.

Пэан (пеан) — торжественная хоровая песня у греков.

Грустно-бледная семья... — речь идет о пленницах, вывозимых из побежденной Трои.

Калхас (Калхант) — главный жрец и прорицатель войска ахеян.

Паллада (Афина, Минерва) — антич. миф. — одно из имен дочери Зевса, богини-покровительницы разума, науки, ремесел, охранительницы городов, но и богини войны.

Атреев сын (Атрид) — царь Агамемнон — предводитель объединенных ахейских войск, выступивший в защиту чести своего брата Менелая, у которого троянским царевичем Парисом была похищена жена Елена, самая прекрасная из земных женщин, дочь Зевса и Леды.

Керы — антич. миф. — богини насильственной смерти у греков, разжигали ненависть и споры, подстрекали людей к кровопролитию.

Гибнет в храмине своей!.. — намек на печальную судьбу Агамемнона, который по возвращении на родину стал жертвой заговора двоюродного брата Эгисфа и собственной жены Клитемнестры.

Кронид — антич. миф. — сын Кроноса, Зевс.

..Аякса брат меньшой... — один из лучших ахейских воинов Тевкр сетует на самовластие богов в связи с самоубийством своего брата Теламонида (Аякса Большого), произошедшим по воле Афины.

Патрокл — друг Ахилла, славился своим благородством и храбростью, погиб в поединке с Гектором, не совсем честном, поскольку в нем незримо участвовал бог Аполлон.

Терсит — единственный из персонажей «Илиады», характеризуемый автором только отрицательно: обладал вздорным характером, был трусом и болтуном.

Но не сильный, а лукавый / Мзду великую стяжал... — спор о чудесных доспехах Ахилла после его гибели был решен в пользу Одиссея, а не Аякса, который вынес тело погибшего героя с поля битвы.

Пелид — сын Пелея, Ахилл, победитель Гектора, ставший в свою очередь жертвой хитрости противника в лице Париса.

Пирр (Неоптолем) — сын Ахилла, без участия которого не могли быть взяты стены Трои.

Сын Тидеев — Диомед, один из самых отважных и удачливых ахейских воинов, славит своего противника, защитника Трои Гектора.

Старец Нестор — старейший и мудрейший из участников похо-

да, правил у себя на родине, в Пилосе, уже третьим поколением подданных, многими советами служил общему благу.

Гекуба (Гекаба) — жена троянского царя Приама, потерявшая в войне всех своих многочисленных сыновей и мужа.

Ниоба (Ниобея) — жена фиванского царя Амфиона, мать семи сыновей и семи дочерей. В наказание за дерзкую похвальбу своими детьми перед богиней Латоной (Лето, Лато) была лишена их. Сын и дочь Латоны Аполлон и Артемида поразили их своими золотыми стрелами. Ниобея окаменела от горя.

Лета — река забвения в царстве мертвых, из которой пили души усопших, когда Харон перевозил их в царство Аида.

Провозвестница жена — Кассандра, дочь Приама и Гекубы, наделенная даром предвидения и редкой красотой. Отвергнув влюбленного в нее Аполлона, была наказана им, люди перестали верить ее предсказаниям. После падения Трои была вынуждена стать наложницей Агамемнона, родила ему двоих сыновей и погибла во время заговора *(Т.Ф.)*.

«СМОТРИ, КАК НА РЕЧНОМ ПРОСТОРЕ...»

(с. 34)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 4.

Первая публикация — *Москв.* 1851. Ч. III. № 11. С. 238, под общим названием «Стихотворения» и с общей подписью «Ф. Т-в», под номером «3». Вошло в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 27; *Изд. 1854.* С. 53; *Изд. 1868.* С. 93; *Изд. СПб., 1886.* С. 140; *Изд. 1900.* С. 145.

Печатается по автографу. В тексте сохранена поправка 4-й строки рукой П.А. Вяземского. К.В. Пигарев справедливо считает, что «нет никаких оснований полагать, что она сделана без ведома Тютчева: все стихотворения поэта, напечатанные в *Москв.* 1850–1851 гг., были получены издателем журнала непосредственно от автора» (*Лирика I.* С. 393). См. «Другие редакции и варианты». С. 279.

В автографе 4-я строка: «Льдина за льдиною плывет» исправлена рукой Вяземского карандашом: «За льдиной льдина вслед плывет». В 14-й строке каждое слово в словосочетании «Человеческое Я» написано с прописной буквы.

Во всех изданиях сохранена поправка 4-й строки Вяземским, но отсутствует написание с прописной буквы значимых для поэта слов.

Датируется весной 1851 г. На этой датировке настаивает Пигарев, исходя из того, что стихотворение «появилось в июньской книжке *Москв.*» (*Лирика I.* С. 393). Ссылаясь на *Изд. СПб., 1886,*

Г.И. Чулков, «за неимением иных данных», датирует его 1848 г. (*Чулков II*. С. 293).

И.С. Аксаков назвал стихотворение в числе тех, «где раскрывается для нас нравственно-философское созерцание поэта» (*Биогр*. С. 112). Он считал, что «мыслящий дух» Тютчева «никогда не отрешался от сознания своей человеческой ограниченности, но всегда отвергал самообожание человеческого я», и поражался способности поэта «воплощать в такие реальные художественные образы мысль самого отвлеченного свойства» (там же. С. 112, 113).

Л.Н. Толстой отметил это стихотворение буквами «Т. Г.» (Тютчев. Глубина) (*ТЕ*. С. 146).

По мысли Ю.И. Айхенвальда, высказанной в 1906 г., Тютчева «в личной утрате <...> утешает зрелище общего жизненного потока. Это очень существенно, что он не верит в индивидуальное бессмертие и не дорожит им <...>. В весенний ледоход одна льдина за другою стремятся в море и, несмотря на свои частные различия, сливаются в одной общей стихии, в одной братской колыбели-могиле» (Айхенвальд Ю.И. Тютчев // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 124).

«Тютчев признавал истинное бытие лишь у мировой души и отрицал его у индивидуальных «я», — писал В.Я. Брюсов в 1910 г. — Он верил, что бытие индивидуальное есть призрак, заблуждение, от которого освобождает смерть, возвращая нас в великое «все». Вполне определенно говорит об этом одно стихотворение («Смотри, как на речном просторе...»), в котором жизнь людей сравнивается с речными льдинами, уносимыми потоком «во всеобъемлющее море». Они все там, большие и малые, «утратив прежний облик свой», сливаются с «роковой бездной» (Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 198).

В.Ф. Саводник приводил это стихотворение в доказательство следующей мысли: «Для человеческой личности с ее неизбежным эгоцентризмом, с ее резким разграничением между *я* и *не-я*, — самая мысль о смерти, об индивидуальном уничтожении, представляет источник тяжелых моральных страданий. А между тем перед лицом безграничного океана мировой жизни само человеческое *я* является лишь бессильным призраком, «обольщением мысли», тенью, скользящей на фоне стихийного круговорота природы и бесследно исчезающей в «роковой бездне» уничтожения» (*Саводник*. С. 190).

«Вызванная собственным воображением картина извечной пучины приобретает над поэтом притягательную власть, — утверждал Д.С. Дарский. — Как очарованный, не в силах он отвести взора от зрелища всеобщего исчезновенья. Снова и снова обращается созерцательной мыслью к безнадежному образу. В этом упорном возвра-

те чувствуется не одна только суровая настойчивость познающего ума, вопреки всем жалобам сердца удерживающего признаваемую истину, — скорее тут сказалось влечение страдающей души к своему последнему успокоению. Можно думать, что представление «роковой бездны» вносило в существо поэта некоторое нравственное исцеление: недаром эта бездна названа «миротворной». И Тютчев привязывается к своей идее со всею верностью остуженной, праведной страсти <...> «О, нашей мысли обольщенье, ты — человеческое я!» — вот восклицанье, которое должно объяснить, почему тайной прелестью возобладала над Тютчевым идея бездны. Она освобождала сознание от обольщения <...> Отказаться от греха лживого познанья, не упорствовать в недостойном самоутверждении, уверовать в слитное бытие — в этом заповедь» (*Дарский*. С. 59–60).

По мнению Д.С. Мережковского, для Тютчева «весь мир — полет к смерти, к небытию. Все явления, все образы, все лики мира плывут в бездну роковую, как тающие льдины в океан» (*Мережковский*. С. 91).

Мета (устар.) — цель (*А.Ш.*).

«О, КАК УБИЙСТВЕННО МЫ ЛЮБИМ...»

(с. 35)

Автограф неизвестен.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 68–70); *Муран. альбом* (с. 76–79).

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 37–38. Вошло в *Изд. 1854*. С. 37–38; *Изд. 1868*. С. 143–144; *Изд. СПб., 1886*. С. 193–195; *Изд. 1900*. С. 195–196.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 280.

Датируется первыми месяцами 1851 г.; основание для этого есть в самом стихотворении, связанном с любовью поэта к Е.А. Денисьевой («Год не прошел») (*Лирика I*. С. 394).

В списке *Сушк. тетради* есть отличия от публикуемого текста: в 11-й строке — «Ее волшебны взоры, речи», 12-й — «Горячей влагою своей», 17-й — «И где ж все это», 33-й — «Боль злую, боль ожесточенья».

«Эта злая и горькая жизнь любви убивает и губит», — заключал В.С. Соловьев в статье «Ф.И. Тютчев», перед тем как процитировать всю первую строфу (Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 292). Блиэок к этому заключению будет и Д.С. Мережковский, когда перед цитированием стих. «О, как убийственно мы любим...» отметит: «Любя, убивал» (*Мережков-*

ский. С. 110). В поэтике стихотворения отчетливо высвечивается то, что отметил Г.И. Чулков в статье «Любовь в жизни и в лирике Ф.И. Тютчева»: «Любовь Тютчева убийственна и самоубийственна» (*Тютч. сб.* С. 31). Н.А. Бердяев с опорой на первую строфу стихотворения определил сходство в художественном воплощении «трагизма» любви у Ф.М. Достоевского и Тютчева: «Так же убийственна у него любовь, как у Тютчева...» (Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 74) (*А.А.)*.

«НЕ ЗНАЮ Я, КОСНЕТСЯ ЛЬ БЛАГОДАТЬ...»

(с. 37)

Автограф — *Собр. Пигарева.*

Воспроизведен в *Лирике I* (с. 133). Перед текстом помета: «Pour vous (à déchiffrer toute seule)» («Для вас (чтобы прочитать наедине)» — *фр.*).

Первая публикация — *РА*. 1892. Вып. 4. С. 536, затем — *Изд. 1900.* С. 9 (в составе цикла «Шесть стихотворений, посвященных Эрнестине Федоровне Тютчевой», открывающего книгу, под номером VI), дата: «(1873)», перед текстом в скобках — «(Pour vous à déchiffrer toute seule)».

Печатается по автографу.

Автограф без даты. Листок со стихотворением был вложен в альбом-гербарий Эрн. Ф. Тютчевой, жены поэта, и был обнаружен ею только в мае 1875 г. Его соседство с французским «Des premiers ans de votre vie...», написанным 12 апреля 1851 г., позволяет датировать его апрелем 1851 г. (месяц уточнен К.В. Пигаревым (*Лирика I*, с. 394), он же открыл письма, проливающие свет на историю обнаружения автографа: Эрн. Ф. Тютчевой к Д.Ф. Тютчевой от 26 мая 1875 г. и И.С. Аксакова к Е.Ф. Тютчевой от 8 июня 1875 г.). Об альбоме-гербарии см.: Долгополова С., Юнггрен А. Альбом-гербарий Эрнестины Федоровны Тютчевой как источник комментария // Тютчевский сборник II. Тарту. 1999. С. 115–120).

Отбивка в 4-й, 5-й и 7-й строках настоящего издания соответствует тексту, подготовленному к печати Пигаревым. Графическое выделение соответствует метрическому: четырехстопный ямб противопоставляется пятистопному, преобладающему в стихотворении. В *Изд. 1900* отбивка есть только в 5-й строке.

И.С. Аксаков в письме к Е.Ф. Тютчевой от 8 июня 1875 г. писал: «Стихи эти замечательны не столько как стихи, сколько потому, что бросают луч света на сокровеннейшие, интимнейшие брожения его

сердца к его жене<...> Каков же был ее сюрприз, ее радость и скорбь при чтении этого привета d'outre tombe (замогильного — *фр.*), *такого* привета, такого признания ее подвига жены, ее дела любви!» (*Лирика I.* С. 395). Она пишет: «C'est tout un évènement dans ma vie désolée» («О, какое это событие в моей безотрадной жизни!» — *фр.*). Стон благодарности, ответный возглас утешенной любви исторгся из ее груди — понапрасну! *Он запоздал!*» (Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева, с. 149–150; Пигарев К. Ф. Тютчев и его время, с. 160).

Написано в первый год любви к Е.А. Денисьевой.

Г.И. Чулков отмечал: «Знаменательно также стихотворение — «Не знаю я, коснется ль благодать...» с таинственным подзаголовком — «Pour vous à déchiffrer toute seule» <...> Расшифровать до конца это стихотворение могла воистину одна только Эрнестина Федоровна Тютчева, и тайну этого стихотворения она унесла в могилу, но *отчасти* мы угадываем теперь эту тайну. Мы знаем теперь о любви Тютчева к иной женщине — это, по-видимому, и было тем событием, которое сделало отношения Тютчева к его жене противоречивыми и мучительными» (*Последняя любовь.* С. 29–30) (*Е.О.*).

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

(с. 38)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1 Ед. хр. 30. Л. 4.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 88–89); *Муран. альбом* (с. 104).

Первая публикация — *Раут.* 1852. С. 202, под общим заглавием «Стихотворения Ф.И. Тютчева» и номером «3». Вошло в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 31–32; *Изд. 1854.* С. 64; *Изд. 1868.* С. 106; *Изд. СПб., 1886.* С. 177–178; *Изд. 1900.* С. 183.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 280.

В автографе стихотворение имеет заглавие «Первый лист». Перед текстом рукой Эрн. Ф. Тютчевой в левом верхнем углу помета на *фр. яз.*: «Май 1851». Разделено на три строфы, 2-я начинается с красной строки и тире, 3-я — с красной строки. Особенности авторской пунктуации — повторы тире в конце 1-й, 3-й и 13-й строк и многоточие в конце 5-й и 10-й. 16-я строка: «Не встретишь желтого листа».

В списках и всех изданиях, начиная с *Раута*, 16-я строка: «Не встретишь желтого листа» печатается как: «Не встретишь мертвого листа». В первом издании стихотворение не разделено на строфы, но 6-я и 11-я строки начинаются с красной строки. В других изданиях строфы выделены.

Датируется маем 1851 г., на основании пометы в автографе.

Стихотворение отмечено Л.Н. Толстым буквой «Т.» (Тютчев) (*ТЕ*. С. 146).

Р.Ф. Брандт предлагал «наперекор всем изданиям, и хотя бы даже подлинной рукописи, но по настоятельному требованию смысла, в начальных стихах «Лист зеленеет молодой, / Смотри, как листьем молодым / Стоят обвеяны березы», вм<есто> «Лист» читать «Лес» (*Материалы*. С. 53). Однако употребление слова «лес» вместо «лист» нарушило бы композиционную целостность стихотворения, обусловленную его заглавием.

Д.С. Дарский высказал мнение, что это стихотворение «на первое впечатление надлежало бы отнести к образцам чисто-художественных воспроизведений природы. С нежнейшей тонкостью живописи, напоминающею опрозраченную бестелесность Нестерова, запечатлена еще не проснувшаяся дрема ранней, едва пробившейся листвы. Казалось бы, трудно связать этот отрывок лирического пейзажа с каким-либо затаенным, хотя бы и философским умыслом. Однако средняя строфа своим вдруг овладевающим намеком понуждает нас угадывать в ней какие-то предвещающие метафизические соответствия» (*Дарский*. С. 132) (*А.Ш.*).

«НЕ РАЗ ТЫ СЛЫШАЛА ПРИЗНАНЬЕ...»

(с. 39)

Автограф — *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 27. № 76. Л. 5.

Первая публикация — *Звенья*. 1932. Т. 1. С. 86.

Печатается по автографу.

Автограф беловой. Написано чернилами. На месте заглавия — длинная черта, выведенная гораздо четче и тверже по сравнению с черточками, которыми отделяются строфы. Чем ближе к финалу, тем длиннее становятся тире. Уходят в тире третий стих первой строфы, второй стих четвертой строфы. В некоторых случаях последняя буква в последнем слове («благоговею», «умиленно», «колено», «смиренье») написана так, что превращается в тире. Под этим напором разомкнулись даже «замкнутые» «ю» и «о». По своей длине приближено к черте, обозначающей заглавие, то тире, которое поставлено после слова «херувим». Возможно, таким образом Тютчев вывел это слово в заглавие стихотворения.

Датируется 1851 г. К.В. Пигарев, определяя время создания и биографическую основу стихотворения, писал: «Обращено к Е.А. Денисьевой вскоре после рождения ее старшей дочери Елены (20 мая 1851 — 2 мая 1865). Впервые опубликовавшая это стихо-

творение Е.П. Казанович полагает, что оно написано «еще до крещения дочери», чем и объясняется выражение «безымянный херувим». Г.И. Чулков считает возможным другое толкование этого эпитета: «Поэт мог назвать своего ребенка «безымянным» ввиду его незаконнорожденности, что очень болезненно ощущалось матерью...» (*Лирика I.* С. 395–396). О жизни Елены Тютчевой см.: *Последняя любовь.* С. 37–44. Стихотворение занимает особое место в сюжетной структуре «денисьевского» цикла, так как в нем лирическое повествование вырастает из конкретного события, в котором преобладают мотивы «вины» и «покаяния». И «херувим» здесь — «ласка, ласкательный привет ребенку, ангельчик» (*Даль 4.* С. 547) (*А.А.*).

НАШ ВЕК

(с. 40)

Автограф — *ИРЛИ.* Ф. 466. № 34, собр. Рязанского музея. Без заглавия.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 89); *Альбом Тютчевой* (с. 137); *Муран. альбом* (с. 105–106).

Первая публикация — *Моск.* 1851. № 16. Кн. 2. С. 379 под заглавием «Наш век». Вошло в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 45; *Изд. 1854.* С. 90; *Изд. 1868.* С. 154; *Изд. СПб., 1886.* С. 197; *Изд. 1900.* С. 204.

Печатается по автографу с сохранением заглавия первопечатного текста. См. «Другие редакции и варианты». С. 280.

В автографе имеется указание на время и место написания: «Москва. 10 июня»; так и датируется — 10 июня 1851 г. Дата в *Моск.*: «Москва, 30 июня, 1851 г.» (возможно, день передачи в печать). В *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. 1900* ошибка: «Москва, 30 июля 1853 года»; *Изд. СПб., 1886*: «1853». В списках повторяются ошибки печатных текстов.

Во всех дореволюционных изданиях, у Г.И. Чулкова (*Чулков II.* С. 64) в 9-й строке напечатано «век». Вслед за К.В. Пигаревым (*Лирика I.* С. 136) принимаем соответствующее современным орфографическим нормам написание «ввек».

Стих. «Наш век» названо И.С. Аксаковым в числе тех, «где задушевные нравственные убеждения поэта высказываются в положительной форме, где открываются нам его положительные духовные идеалы». Это «истинный вопль души, разумеющей болезнь и тоску века», но в то же время это и «исповедь самого поэта». Аксаков отмечает связь между стих. Тютчева «На смерть Жуковского» (1852), «Наш век» (1851) и «Эти бедные селенья...» (1855), «Теперь тебе не

до стихов...» (1854), справедливо считая, что они «взаимно объясняют друг друга» (*Биогр.* С. 114–116).

Русский религиозный философ И.А. Ильин (1883–1954), обращаясь к поэзии XIX в., останавливает свое внимание на последствиях религиозного кризиса. В работе «Россия в русской поэзии», выросшей на основе прочитанных им в 1930-е гг. лекций, он пишет о том, что русская поэзия «предчувствовала и предвидела» «дух безбожия, большевизма» и «назревающее революционное крушение». «Хомяков прямо указывает на *мировой* характер грядущей борьбы и на его духовно-очистительное значение. Тютчев сосредоточивался на его *религиозной природе*:

Не плоть, а дух растлился в наши дни...»

(Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993. С. 206–208).

«Впусти меня! — Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!..» — перефразировка евангельского изречения. К Иисусу приводят бесноватого мальчика, и отец просит его исцелить. «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк. 9, 24) (*А.М.*).

ВОЛНА И ДУМА

(с. 41)

Автограф неизвестен.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 89); *Муран. альбом.* (с. 105). В списках перед текстом дата: «14 июля 1851».

Первая публикация — *Раут.* 1852. С. 202, с заголовком «Волна и дума» и датой «14 июля 1851. Москва». Вошло в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 56, с датой вместо заглавия; *Изд. 1854.* С. 135; *Изд. 1868.* С. 159; *Изд. СПб., 1886.* С. 175; *Изд. 1900.* С. 188.

Печатается по первой публикации.

А.А. Фет цитировал стихотворение как доказательство своего убеждения в том, что «в произведении истинно прекрасном есть и мысль»: «...она тут, за это ручается тайное сродство природы и духа или даже их тождество, как об этом говорит наш поэт на могучем языке своем» (*Фет.* С. 69).

Стихотворение отмечено Л.Н. Толстым буквой «Т.» (Тютчев) (*ТЕ.* С. 146).

В.Ф. Саводник, размышляя об «источнике того глубокого пессимизма, которым проникнуты многие из лучших лирических созданий нашего поэта», полагал, что в стихотворении отразилось тют-

чевское ощущение хаотического начала бытия: «Если в основе всей мировой жизни лежит хаос <...>, то жизнь утрачивает всякий внутренний смысл, всякую цель, становится какой-то пустой игрой слепых стихийных элементов» (*Саводник*. С. 209).

По мнению Д.С. Дарского, Тютчев «искал религиозной связи с живым началом всего, но в мире, раздробленном и недолговечном, видел одну ошибку и слепое блуждание. Не принимал мира. Все призрак и химера, и пустое волненье одинаково и в природе и в человеке. Без конца и успокоенья совершается бесцельное колыханье» (*Дарский*. С. 61) (*А.Ш.*).

«О, НЕ ТРЕВОЖЬ МЕНЯ УКОРОЙ СПРАВЕДЛИВОЙ!..»

(с. 42)

Автограф неизвестен.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 65 об. — 66); *Муран. альбом* (с. 74).

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 36. Вошло в *Изд. 1854*. С. 36; *Изд. 1868*. С. 141; *Изд. СПб., 1886*. С. 181; *Изд. 1900*. С. 193.

Датируется между июлем 1850 и серединой 1851 г.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 280.

Относится к «денисьевскому» циклу. В нем воплотился весь драматизм взаимоотношений Денисьевой и Тютчева. Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т.» (Тютчев) (*ТЕ*. С. 146). Д.С. Мережковский писал: «Правдивость — оправдание поэта: ведь поэзия не что иное, как высшая ступень правдивости. Самой страшной и жалкой правды о себе никто никогда не высказывал безжалостнее, бесстрашнее Тютчева. Может быть, эта последняя правдивость — от последнего одиночества. Есть такие признания, которых люди не делают не только другим, но и себе. Тютчев их делает, потому что не боится быть подслушанным: он всегда один, бесконечно далек от людей, невидим для них, как «дневная звезда» (*Мережковский*. С. 109) *(А.А.)*.

«НЕ ОСТЫВШАЯ ОТ ЗНОЮ...»

(с. 43)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2 об.

Первая публикация — *Раут*. 1852. С. 201, под заглавием «Ночь в дороге». Вошло с датой вместо заглавия в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 48–49; *Изд. 1854*. С. 99; *Изд. 1868*. С. 132; *Изд. СПб., 1886*. С. 160; *Изд. 1900*. С. 189.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 280.

В автографе перед текстом в скобках помета: «дорогой». 7-я и 10-я строки исправлены. 7-я: «Подымались над землею» вместо: «Разверзалися порою». 10-я: «Загоралися порою» вместо: «Загорались над землею». Особенность авторской пунктуации — многоточие в конце 2-й и 5-й строк, тире в конце 10-й. В конце 7-й строки в первоначальном варианте стояло многоточие, после исправления Тютчев не поставил знака.

В *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* есть вариант 5-й строки: «От зарниц все трепетало» (в автографе: «Все в зарницах трепетало»). В авторском прочтении сочетание предложного падежа существительного «зарницы» и предлога «в» является несогласованным определением, обозначая состояние ночного неба. После редакторской правки сочетание родительного падежа существительного «зарницы» с предлогом «от» выступает в качестве обстоятельства причины, что искажает самостоятельность образа неба. В *Рауте* представлен вариант 6-й строки: «Неба сонные ресницы» (в автографе: «Словно тяжкие ресницы»). Отказываясь от авторской конструкции со сравнительным союзом и заменяя эпитет, редактор обедняет образ, делает его однозначным. По первоначальному варианту автографа 7-я строка («Разверзалися порою») печаталась в *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886*. В *Рауте* был дан ее третий вариант: «Раскрывалися порою». Во всех печатных текстах, кроме *Изд. 1900*, 10-я строка соответствует первой редакции автографа: «Загорались над землею».

Датируется 14 июля 1851 г. К.В. Пигарев полагал, что стихотворение написано по дороге из Москвы в Петербург (см. *Лирика I*. С. 397).

Стихотворение отмечено Л.Н. Толстым буквой «К.!» (Красота!) (*ТЕ*. С. 146).

Полагая, что идея хаоса является «ключом» к пониманию лирики Тютчева и определяя его творческую индивидуальность, В.С. Соловьев приводил в доказательство это стихотворение: «Хаос, т. е. само безобразие, есть необходимый фон всякой земной красоты, и эстетическое значение таких явлений, как бурное море или ночная гроза, зависит именно от того, что «под ними хаос шевелится». В изображении всех этих явлений природы, где яснее чувствуется ее темная основа, Тютчев не имеет себе равных» (*Соловьев. Поэзия*. С. 476).

Р.Ф. Брандт считал, что «в этой пьеске, которую можно бы признать простою картинкой, изображено величие Природы и малость перед нею человека» (*Материалы*. С. 54) (*А.Ш.*).

«В РАЗЛУКЕ ЕСТЬ ВЫСОКОЕ ЗНАЧЕНЬЕ...»

(с. 44)

Автограф — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 19, в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 6 августа 1851 г.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 64; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 10.

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 190. Вошло в *Изд. Маркса*. С. 154.

Датируется 6 августа 1851 г.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 281.

Автограф занимает последнюю страницу письма на *фр. яз*. Первая страница письма аккуратна, без помарок, далее почерк становится крупнее, размашистее, чернила — ярче, встречаются исправления, зачеркивания. Автограф стихотворения можно считать черновым. В конце 4-й строки многоточие исправлено на тире. В синтаксическом оформлении текста последнему отдается предпочтение (стоит в конце строк: 1-й, 4-й, середине 2-й — после «как ни люби», 3-й — «любовь есть сон — а сон, одно мгновенье — »).

В *Изд. 1900* отсутствуют тире (за исключением нововведенного в 3-й строке «а сон — одно мгновенье»), многоточия; они заменяются запятыми и точкой в конце стихотворения. Лексических изменений немного. Так, Р.Ф. Брандт высказал предположение, что 4-я строка должна читаться: «И рано ль, поздно ль будет пробужденье» (*Материалы*. С. 54). Мысль о возможном пропуске слова была поддержана *Изд. Маркса*. *СН* возвращается к тютчевскому написанию текста. В синтаксическом оформлении выбран компромиссный вариант: тире заменены запятыми в соответствии с существующими нормами, но остаются тютчевские многоточия в конце 2-й и 5-й строк.

Тексту стихотворения предшествует описание породившего его душевного состояния: «...Чувствую, что письма мои самые пошлогрустные. Они ничего не сообщают и несколько напоминают покрытые мелом оконные стекла, сквозь которые ничего не видать и которые существуют лишь для того, чтобы свидетельствовать об отъезде и отсутствии. Вот в чем несчастье быть до такой степени безличным... Это-то и не дает мне возможности относиться к самому себе настолько серьезно, чтобы интересоваться мелочами своего существования, коль скоро твое ему не сопутствует. А потому единственное мало-мальски сильное чувство, которое я испытываю, — это чувство глухого возмущения перед тем, что — покинутый тобою — я не могу в свою очередь *покинуть самого себя*...

В разлуке есть высокое значенье...

Вот, моя милая кисанька, плохие вирши, выражающие нечто еще того хуже» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 169).

Мотив разлуки, едва намеченный в стих. «Так здесь-то суждено нам было...» (1837), получает развитие в лирике 1850–1860 гг.: «В разлуке есть высокое значенье...» (1851), «Увы, что нашего незнанья...» (1854), «Как нас ни угнетай разлука...» (1869). В эпистолярном творчестве мотив вырастает в большую тему, развиваемую на протяжении десятилетий (с 1837 г. по 1870-е гг.). Особенно остро ощущение разлуки передано в письмах поэта Эрнестине Федоровне. «Я, несомненно, менее чем кто-либо создан для разлуки. Ибо для меня разлука — как бы сознающее само себя небытие», — писал Тютчев жене из Варшавы 23 июня 1843 г. (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 80).

Понятие «разлука» соотнесено с основными онтологическими категориями тютчевского мира (любовь, жизнь, сон, смерть, время, пространство, одиночество, понимание).

«...Для меня решительно нет ничего более мучительного, ничего, что глубже противоречило бы моей природе, чем химеры разлуки, — писал Тютчев. — Это — ежеминутное разочарование, лишение, досада. Всякий раз ты как бы заставляешь меня подвергаться ампутации. <...> Однако нелепо быть до такой степени зависимым от чего-то, что вне нас, и настолько вне нас, что может даже оказаться отделенным расстоянием в несколько тысяч верст. Да, это нелепо, унизительно и, главное, неудобно» (С.-Петербург. 21 мая 1855 г. // *Изд. 1984*. Т. 2. С. 229).

Эпистолярный контекст проясняет «высокое значенье» разлуки, о котором идет речь в стихотворении. Оно «равнозначно «высокому значению» смерти», так как «отсутствующее не может восприниматься как реальное» (Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева (1983) // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 569). Исследователь рассматривает стихотворение в ряду тех, где утверждается «превосходство небытия над бытием» («Обвеян вещею дремотой...» (1850), «Близнецы» (1850–1851) и др.). Особенно остро это «превосходство» Тютчев ощутил после смерти Е.А. Денисьевой (1864 г.). Разлука с любимой породила сумеречное мироощущение и способствовала угасанию жизни поэта (*А.М.*).

«ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ, ГДЕ МИРТ И ЛАВР РАСТЕТ...»

(Из Гёте)

(с. 45)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *Раут*. 1852. С. 201–202. Вошло в *Совр.*

1854. Т. XLIV. С. 49–50; *Изд. 1854*. С. 101; *Изд. 1868*. С. 58–59; *Изд. СПб., 1886*. С. 385–386; *Изд. 1900*. С. 428–429.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 281.

В автографе перед текстом помета на *нем. яз.*: «Kennst du das Land?..» («Ты знаешь край?..»). С прописной буквы написаны слова «Лимон», «Апельсин» (3-я строка), а также слова в составе обращений: «Милый Мой» (6-я строка), «Властитель мой» (12-я строка), «бедное Дитя» (16-я строка). Особенностью авторской пунктуации являются повторы тире (в конце 2-й, 8-й, 9-й, 14-й строк) и многоточия; вопросительный знак и многоточие стоят в конце 4-й, 10-й, 16-й строк.

В *Рауте* печаталось с заголовком: «Kennst du das Land». Начиная с *Совр*. слова «Kennst du das Land?» служат эпиграфом. В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* помещено в разделе «Переводы».

В *Рауте* дан вариант 3–4-й строк: «И целый год, в зеленых листьях скрыт, / Цветет лимон и апельсин горит?..» (в автографе: «Цветет лимон и апельсин златой / Как жар горит под зеленью густой?..»). В варианте автографа сильнее выражено описательное начало: инверсией и своим положением в рифме выделены определения. В автографе в качестве рефрена выступают слова: «Ты был ли там? Туда, туда с тобой» (5-я, 11-я, 17-я строки). В печатных текстах представлены варианты рефрена: 5-я строка — «Ты знаешь край?.. Туда, с тобой» (*Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886*); 11-я строка — «Ты знаешь путь?.. туда и нам с тобой» (*Совр., Изд. 1854*), «Ты знаешь путь?.. Туда, туда с тобой» (*Изд. 1868, Изд. СПб., 1886*); 17-я строка — «Ты знаешь дом?.. Туда, туда с тобой» (*Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886*). В *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868* и *Изд. СПб., 1886* есть вариант 8-й строки: «Лошак бредет в тумане по скалам» (в автографе: «Лошак бредет в тумане по снегам»). Первоначальный вариант ориентирован на развитие содержания предыдущей строки («Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?»): сообщается о вечных снегах на вершинах гор. В другом случае внимание акцентируется на местоположении: в конце строки стоит слово «скалам», которое по значению сближается с рифмующимся словом «крутизнам». В печатных текстах разночтения 12-й строки: *Раут* — «Нам путь лежит — уйдем, властитель мой!»; *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* — «След проложен: уйдем, властитель мой!» (в автографе: «Лежит наш путь — уйдем, властитель мой»). Если в варианте автографа направление следования не является случайным («наш путь»), то в вариантах изданий это некий маршрут движения вообще («путь лежит», «след проложен»). Только в *Рауте* 13-я строка совпадает с вариантом автографа: «Ты знаешь дом на мраморных столпах», во всех остальных изданиях строка печатается со словом

«столбах» («Ты знаешь дом на мраморных столбах»). В сочетании с определением «мраморные» уместнее употреблять слово «столпы» (колонны), чем слово «столбы» (брусы). 14-я строка в первопечатном тексте со словом «даль» («Сияет даль и купол весь в лучах»), в других изданиях, как в автографе, со словом «зал» («Сияет зал и купол весь в лучах»). В строфе, описывающей интерьер «дома», целесообразно говорить о помещении внутри него («зале»), а не о пространстве («дали») вне этого здания.

Датируется предположительно 1851 г., так как было послано Тютчевым Н.В. Сушкову для помещения в *Рауте* в октябре 1851 г.

Является переводом песни Миньоны («Mignon») из романа Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (Ч. III. Гл. I). Посылая стихотворение Сушкову, Тютчев писал: «Романс из Гёте несколько раз переведен был у нас, — но так как эта пьеса из числа тех, которые почти обратились в литературную поговорку, то она навсегда останется пробным камнем для охотников» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 187) (*А.Ш.*).

Это один из лучших поэтических переводов Тютчева. В нем сохранена поэтическая форма, с высокой точностью воспроизведено содержание. По какой-то причине (может быть, потому, что целью предлагаемого путешествия является обретение нового крова) Тютчев поменял местами 2-ю и 3-ю строфы. Стихотворение написано семистишной (септимой) строфой. Используются смежные рифмы. Последняя, 7-я строка опоясывает строфу. 1-я и 7-я строки написаны хореямбом, между ними строки ямбические. В переводе строфа представляет собой секстину. Строфы написаны только ямбической строкой. Рифма смежная, как в оригинале. До Тютчева песню Миньоны переводили В.А. Жуковский, П.Г. Ободовский, А.Н. Струговщиков, П. Шкляревский *(Л.Л., М.М.)*.

«ДЕНЬ ВЕЧЕРЕЕТ, НОЧЬ БЛИЗКА...»

(с. 46)

Автограф неизвестен.

Список — *Альбом Тютчевой* (с. 122), с датой «1851 г.».

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 13. Вошло в *Изд. 1854*. С. 97; *Изд. 1868*. С. 130; В *Изд. СПб., 1886*. С. 179 дата поставлена иная: «1850». В *Изд. 1900*. С. 191 восстановлена дата (1 ноября 1851), но она заключена в скобки.

Печатается по первой публикации, с учетом пунктуации списка, более приближенной к тютчевской.

Датируется 1851 г. по списку.

А.А. Фет в статье «О стихотворениях Тютчева» писал: «Не потому г. Тютчев могучий поэт, что играет отвлеченностями, как другой играет образами, а потому, что он в своем предмете так же уловляет сторону красоты, как другой уловляет ее в предметах более наглядных» (Фет А.А. Соч.: В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 163). Мистическая «отвлеченность» стихотворения вся пронизана красотой, а образ «волшебного призрака» — порождение этой красоты. Сам образ входит в тютчевскую поэтику романтического «двоемирия» как мистико-поэтическая персонификация «мировой души». Поэтому «призрак» — «воздушный житель». Но он «с страстной женскою душой», потому что, по-видимому, связан с образом Эрн. Ф. Тютчевой, с которой Тютчев в июле 1851 г. вел переписку, где много говорилось о разлуке. Как раз в это время в письмах Тютчева дважды возникает мотив «призрака». В письме Эрн. Ф. Тютчевой от 13 июля 1851 г. он признается: «В твоем письме разлит тихий покой, некая безмятежность, которая благотворно на меня подействовала. Я почувствовал себя живущим в твоих мечтаниях жизнью призрака» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 154). И в письме от 31 июля 1851 г. он продолжает развивать тему «призрака»: «Ибо с твоим исчезновением моя жизнь лишается всякой последовательности, всякой связности. Каждое утро я распределяю день так, чтобы быть уверенным, что ни на минуту не остаюсь наедине с самим собою. Ибо тотчас же является призрак...» (там же. С. 162). В письмах Тютчева зарождается образ утешающего призрака; и здесь же крепнет тема невыносимости разлуки, которая ворвется затем в строку «Лишь ты не покидай меня!..».

Н.Г. Чернышевский цитирование третьей строфы, взяв ее из рассказа «Фауст» И.С. Тургенева, связал с мотивом «облагораживания» человека «присутствием девственного душою существа» (Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2-х т. М., 1981. Т. 2. С. 41). А.А. Блок, раскрывая смысл этого стихотворения, пришел к выводу, что образ «призрака» стал у Тютчева «великой женственной тенью», а двумя последними стихами «связал поэт небо и землю — легко и безболезненно» (*Блок*. Т. 7. С. 32) (*А.А.*).

«КАК ВЕСЕЛ ГРОХОТ ЛЕТНИХ БУРЬ...»

(с. 47)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3; *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

Список — *Альбом Тютчевой* (с. 128).

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 32. Вошло в *Изд. 1854*. С. 65; *Изд. 1868*. С. 107; *Изд. СПб., 1886*. С. 176; *Изд. 1900*. С. 187.

Печатается по автографу из *Альбома Тютч.-Бирилевой*. См. «Другие редакции и варианты». С. 282.

В автографе РГАЛИ 11-я строка исправлена. Первоначально она читалась: «Тревожно свищут их вершины». Поэт заменяет глагол «свищут» на «ропщут» («Тревожно ропщут их вершины»). Поправка свидетельствует о стремлении Тютчева одухотворить образ. В автографе *Альбома Тютч.-Бирилевой* (более позднем) поправка учтена. В автографах представлен вариант 3-й строки: РГАЛИ — «Гроза нахлынувшею тучей», *Альбом Тютч.-Бирилевой* — «Гроза, нахлынувшая тучей». Использование разных синтаксических конструкций изменяет смысловые оттенки образа: в первом автографе гроза появляется в виде тучи, во втором гроза — явление самостоятельное, одним из признаков которого выступает темное облако, несущее дождь.

До *Изд. 1900* публиковалось без деления на строфы и с вариантом 3-й строки по автографу из *Альбома Тютч.-Бирилевой* («Гроза, нахлынувшая тучей»). В *Изд. 1900* строфы выделены и 3-я строка представлена в варианте автографа РГАЛИ («Гроза нахлынувшею тучей»).

Датируется 1851 г. на основании списка в *Альбоме Тютчевой*.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «К.!» (Красота!) (*ТЕ*. С. 146).

В.Ф. Саводник цитировал стихотворение в доказательство той мысли, что «Тютчев при изображении природы обыкновенно сосредоточивает свое внимание на одном избранном моменте, и благодаря такому сосредоточению пейзажи его приобретают характер особенной законченности, а обилие метко схваченных деталей придает им яркую наглядность» (*Саводник*. С. 170). «Этот желтый лист, «крутясь», слетающий на дорогу, — писал исследователь, — мастерский заключительный штрих, завершающий всю картину и придающий ей яркую жизненность» (там же. С. 171) (*А.Ш.*).

«НЕДАРОМ МИЛОСЕРДЫМ БОГОМ...»

(с. 48)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 4 об. — 5.

Списки — Эрн. Ф. Тютчевой (*Муран. альбом*. С. 63 и *Альбом Тютчевой*. С. 126).

Первая публикация — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 55. Вошло в *Изд. 1854*. С. 133; *Изд. 1868*. С. 94; *Изд. СПб., 1886*. С. 173; *Изд. 1900*. С. 185.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 282.

Автограф записан во весь лист пожелтевшей тонкой писчей бумаги, сложенной вдвое, коричневыми чернилами, труден для чтения; есть деление на строфы. В 9-й и 15-й строках слова «Девушка»,«Дева» с прописной буквы; в 18-й строке «под ногой» исправлено на «от руки»; даты нет. На обороте записан автограф «Предопределение» теми же чернилами, без даты.

В первом списке (*Муран. альбом*) дата также отсутствует, — этот список более ранний, ближе к автографу — отличаются лишь 1-я, 5-я, 16-я и 18-я строки (в 1-й «милосердным»; в 5-й «птички» вместо «пташки»; вариант 16-й строки «Настанет день, день непреложный» и первоначальный вариант 18-й строки «Погибнет под ногой твоей...»). До этого списка — в *Муран. альбоме* находится список «Предопределение» (с. 62); есть основание предполагать, что тексты переписывались с листа с автографами поэта.

Во втором списке (*Альбом Тютчевой*) стоит дата: «1851»; есть деление на строфы, в 5-й строке вместо «пташки» написано «птички»; вариант 11-й строки «Взлелеяла и возростила»; 16-я и 18-я строки — как в первом списке Эрн. Ф. Тютчевой. Текст этого списка также отличается от автографа пунктуацией.

Стихотворение печаталось без заглавия и даты (в *Изд. СПб., 1886* дата взята из 2-го списка: «1851»), с пунктуационными изменениями. В *Изд. 1868* появляется вариант 16-й строки: «Настанет день, день непреложный» (как в списках Эрн. Ф. Тютчевой). В *Изд. 1900* — вариант 11-й строки «Взлелеяла ее, взростила» и поздний вариант 18-й строки автографа: «Погибнет от руки твоей...».

В XIX в. существовало слово «милосердый» со значением «в ком есть милосердие» (*Даль 2*. С. 327).

Датируется 1851 г. по списку *Альбома Тютчевой*.

В данном стихотворении — обращение поэта к одной из его дочерей, нечаянно раздавившей канарейку. В. Брюсов писал о Тютчеве: «В глубине самого нежного чувства усматривает он губительную, роковую силу <...>; птичка должна погибнуть от руки той девушки, которая вскормила ее «от первых перышек» («Недаром милосердым Богом...»)...» (*Изд. Маркса*. С. 31–32) (*Н.К.*).

«С ОЗЕРА ВЕЕТ ПРОХЛАДА И НЕГА...»

(Из Шиллера)

(с. 49)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2.

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 50. Вошло в *Изд. 1854*. С. 102; *Изд. 1868*. С. 60; *Изд. СПб., 1886*. С. 381; *Изд. 1900*. С. 400.

14 Зак. 7181

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 282.

Автограф беловой. Перед текстом помета на *нем. яз.*: «Es lächelt der See» («Озеро смеется»). В 5-й строке слово «Ангелов» написано с прописной буквы. Особенность авторской пунктуации — повторы тире (в конце 1-й, 2-й, 6-й, 7-й строк) и многоточия (в конце 4-й, 8-й, 10-й, 12-й строк).

Во всех изданиях слова «Es lächelt der See» служат эпиграфом. В *Совр., Изд. 1854* и *Изд. 1868* печатается с заголовком: «Из Шиллера». В *Совр.* и *Изд. 1854* вариант 7-й строки: «И весь он очнулся от райского сна» (в автографе: «И вот он очнулся от райского сна»).

Датируется предположительно 1851 г. на основании того, что автограф написан на одном листе со стих. «Не остывшая от зною...» и «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...».

Является переводом песни мальчика-рыбака (Fischerknabe), с которой начинается драма Шиллера «Вильгельм Телль»: «Es lächelt der See, er ladet zum Bade...» (Акт I. Сцена 1) *(А.Ш.)*.

Стихотворение написано шестистрочной строфой с изменением размера: четырехстопный размер в двух строках переходит в двухстопный. Четырехстопные строки рифмуются смежно. Двухстопные строки завершаются перекрестной рифмой.

В переводе сохранена точная аналогия как по количеству строк в строфе, так и по ритму и метру. Несовпадение наблюдается лишь в очередности женских и мужских рифм *(Л.Л., М.М.)*.

По поводу мастерства Тютчева-переводчика Р.Ф. Брандт писал: «Для стихов «Блаженные звуки Он слышит во сне: То ангелов лики Поют в вышине», на первый взгяд, напрашивается вместо «звуки», ради рифмы, конъектура, «клики» или же «лики» в смысле «ликования», но таковая неуместна, ибо и у Шиллера в соответственных стихах нет рифмы, так же как и в последнем куплете» (*Материалы*. С. 106) (*А.Ш.*).

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

(с. 50)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 4.

Список — *Муран. альбом* (с. 62) с опиской в последней строке: «Она» вместо «Оно».

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 40. Вошло в *Изд. 1854*. С. 40; *Изд. 1868*. С. 150; *Изд. СПб., 1886*. С. 201. А.А. Флоридов, вероятно, видел автограф, ибо 5-я строка в *Изд. 1900*. С. 184 напечатана так, как в рукописи, т. е. с многоточием после союза «и», чем

придается, разумеется, особая интонация выражению «поединок роковой». Однако Флоридов, подобно своим предшественникам по редактированию Тютчева, не разбил пьесу на строфы, а между тем в подлиннике стихотворение разделено на две строфы.

Печатается по автографу с учетом текстологических коррективов, внесенных Г.И. Чулковым, К.В. Пигаревым и А.А. Николаевым, но с сохранением авторского знака (тире) в конце первой строфы. Если все остальные замены (тире на запятые) все же оправданны, то здесь замена тире многоточием представляется неверной. Многоточие ведет стихотворение к интонационному спаду, а Тютчев своим тире как раз противодействовал этому. Кроме того, тире — это способ художественного скрепления строф.

Автограф беловой. Поправок в тексте нет. Это характерно для психологии тютчевского творчества: пережитое и выстраданное в глубинах творческого духа через импровизацию тут же воплощается в художественный текст. Заглавие стихотворения сверху и снизу выделено подчеркиванием («завиток», переходящий в прямую линию).

Датируется началом 1850-х гг.

Входит в состав «денисьевского» цикла, образуя его смысловое ядро. В его психологическом сюжете выразился весь драматизм любовного «поединка» Тютчева и Е.А. Денисьевой, о котором впоследствии расскажет сам Тютчев в письме А.И. Георгиевскому от 13/25 декабря 1864 г.: «За этим последовала одна из тех сцен, слишком вам известных, которые все более и более подтачивали ее жизнь и довели нас — ее до Волкова поля, а меня — до чего-то такого, чему и имени нет ни на каком человеческом языке... О, как она была права в своих крайних требованиях, как она верно предчувствовала, что должно было неизбежно случиться при моем тупом непонимании того, что составляло жизненное для нее условие» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 275). Из письма ясно и то, что вторая строфа оказалась пророческой: «сердце» Денисьевой «изныло» раньше, чем это случилось с Тютчевым. «И в стихах Тютчева вместе с этою любовью возникло что-то новое, открылась новая глубина, — писал Чулков, — какая-то исступленная стыдливость чувства и какая-то новая суеверная страсть, похожая на страдание и предчувствие смерти» (*Последняя любовь*. С. 40).

Тем не менее Тютчев смог вырваться из стихии личных переживаний, превратив стихотворение в философскую манифестацию на тему любви. В истоках ее — шеллинговская концепция «борьбы» противоположностей, которой пронизано человеческое «самосознание». Ф.В.И. Шеллинг особо подчеркивал, что в «самосознании разыграется бесконечная распря» (Шеллинг Ф.В.И. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 92). По Тютчеву, даже

любовь оказывается захваченной этой «распрей». Отсюда его философское видение любви как «поединка рокового», а это предопределяет появление трагического гротеска («союз» — «поединок») в тютчевской художественной философии любви. В виде именно философской аллюзии этот гротеск отразится во фрагменте трактата В.С. Соловьева «Смысл любви»: «Чувство требует такой полноты соединения, внутреннего и окончательного, но дальше этого субъективного требования и стремления дело обыкновенно не идет, да и то оказывается лишь преходящим. На деле вместо поэзии вечного и центрального соединения происходит лишь более или менее продолжительное, но все-таки временное, более или менее тесное, но все-таки внешнее, поверхностное сближение двух ограниченных существ в узких рамках житейской прозы» (Соловьев Вл. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. СПб., 1994. С. 317).

Ю. Айхенвальд, раскрывая содержание тютчевского гротескного образа любви в «Предопределении», отметил: «В самой любви таится уже будущая вражда, разлука или измена, смерть или утомление» (Айхенвальд Ю. Тютчев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 121) *(А.А.)*.

«Я ОЧИ ЗНАЛ, – О, ЭТИ ОЧИ!..»

(с. 51)

Автограф неизвестен.

Списки — *Муран. альбом* (с. 74–75); *Сушк. тетрадь* (с. 65 об. — 67).

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 35. Вошло в *Изд. 1854.* С. 35; *Изд. 1868.* С. 151; *Изд. СПб., 1886.* С. 200; *Изд. 1900.* С. 203.

Печатается по первой публикации.

В первом списке нет тире в середине 1-й строки и отсутствуют запятые в конце 6-й и 7-й строк. В конце 8-й строки не поставлен восклицательный знак, но зато он присутствует в конце 10-й. Во втором списке отсутствует запятая в конце 1-й строки и поставлена точка с тире в конце 12-й.

Датируется не позднее начала 1852 г., так как список имеется в *Сушк. тетради* (с. 399).

Комментируя стихотворение, Г.И. Чулков отметил: «Надо думать, что стихотворение относится к Е.А. Денисьевой, однако, прошедшее, введенное поэтом с первых стихов пьесы и выдержанное до конца, вызывает некоторое сомнение» (*Последняя любовь.* С. 98). К.В. Пигарев склонен был поддержать эту версию (см.: *Лирика I.*

С. 399). Видимо, это предположение верно. Именно на такую страстно-роковую любовь («взор» стал космическим символом этой любви) вдохновил Денисьеву Тютчев. Любовь — страсть, в представлении Тютчева, связывает человека с космическими силами. Постигая эти незримые связи в поэзии Тютчева, С.Л. Франк писал: «Обаяние греха, тьмы, страсти, темного начала во внешне-внутренней космической жизни свидетельствует, что злая, ужасная, враждебная человеку стихия хаоса вместе с тем не просто противоположна светлому началу — иначе она не влекла бы нас к себе, — а есть как бы лишь неадекватная, соответствующая ограниченности и отрешенности человеческого существования, форма проявления божески-всемирной жизни; и соприкосновение, слияние с этой стихией дает блаженство самоуничтожения, вне которого нет возрождения» (*Франк*. С. 21). Все это бушует в подтексте, а отсюда особое художественное выделение эпитета «роковой». В такой художественной атмосфере развивается лирическое повествование во всем «денисьевском» цикле, а потому этот эпитет без всякого напряжения принимает данный текст.

Ф.Ф. Тютчев, процитировав первую и последнюю строфы, писал: «Было бы излишним приводить еще другие стихотворения Федора Ивановича, посвященные женщинам, так или иначе игравшим роль в его жизни; все они одинаково дышат одним и тем же чувством в высшей мере скромного, но глубокого обожания» (Тютчев Ф.Ф. Федор Иванович Тютчев // Тютчев Ф.Ф. Кто прав? Роман, повести, рассказы. М., 1985. С. 499).

В лирической стихии первой строфы выразилось то, о чем писал Андрей Белый в работе «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»: «Спокойные классики Гёте и Тютчев уже в преклонном возрасте влюбляются, как юноши» (Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 396) *(А.А.)*.

«НЕ ГОВОРИ: МЕНЯ ОН, КАК И ПРЕЖДЕ, ЛЮБИТ...»

(с. 52)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 6.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 52); *Муран. альбом* (с. 60); *Альбом Тютчевой* (с. 132).

Первая публикация — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 36. Вошло в *Изд. 1854*. С. 36; *Изд. 1868*. С. 140; *Изд. СПб., 1886*. С. 182 с датой — «1852 г.». В *Изд. 1900*. С. 194 2-я строка подправлена по автографу.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 283.

Автограф беловой. Каждое слово выписано чернилами четко, за исключением второй части первого стиха («так бережно и скудно»), написанной дрогнувшей рукой и бледными чернилами. Строфы отделены чертой (первая длинная, вторая вдвое короче). Удлиненные тире в конце 1-й, 4-й, 7-й, 10-й строк.

Датируется 1852 г.

Стихотворение — еще одно звено в «цепочке» текстов, составляющих «денисьевский» цикл. Но здесь проявилась другая художественная устремленность: Тютчев смог до такой степени перевоплотиться в «женский» образ, что заговорил языком (видимо, в этот поэтический язык вошла речевая манера Денисьевой) своей лирической героини. И.С. Тургенев в статье «Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева» определил, что «язык женского сердца ему знаком и дается ему» (*Тургенев*. Т. 5. С. 426) *(А.А.)*.

«ЧЕМУ МОЛИЛАСЬ ТЫ С ЛЮБОВЬЮ...»

(с. 53)

Автограф неизвестен.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 67–68); *Альбом Тютчевой* (с. 130); *Муран. альбом* (с. 76).

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 37–38. Вошло в *Изд. 1854*. С. 37; *Изд. 1868*. С. 142; *Изд. СПб., 1886*. С. 186; *Изд. 1900*. С. 192.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 283.

Датируется 1852 г. по списку *Альбома Тютчевой.*

Г.И. Чулков, восстанавливая историю публикации стихотворения, отметил: «Тургеневский текст перепечатал Аксаков в 1868 г., изменив 7-ю строку. А.Н. Майков в 1886 г. напечатал пьесу, поставив под текстом дату – 1852. В майковской редакции пьеса появилась и у А.А. Флоридова в 1900 г.» (*Чулков II*. С. 335). Таким образом, после первой публикации и *Изд. 1854* произошло одно изменение: в 7-й строке «постыдилась» было заменено на «устыдилась». Другое текстологическое истолкование стихотворения (с ориентацией на *Сушк. тетрадь* как восходящую к автографу) см.: *Изд. 1987*. С. 396.

Чулков первый предположил, что стихотворение «очевидно, относится» к Е.А. Денисьевой (*Последняя любовь*. С. 40). Этому предшествовало указание Р.Ф. Брандта на то, что «с этой пьесой надо сравнить и стихотворение «О, как убийственно мы любим...» (*Материалы*. С. 54). Хронологическая близость, мотивы «судьбы» и

«толпы» («Судьбы ужасным приговором...», «Толпа, нахлынув, в грязь втоптала / То, что в душе ее цвело...») превращают стихотворения в лирическую дилогию, крепко спаянную со всем «денисьевским» циклом.

Образ жестокой «толпы», генетически связанной с пушкинским стих. «Поэт и толпа» (для Тютчева великая любовь сродни великому искусству), отражает то, что происходило в жизни Денисьевой. «Гнев отца ее не знал пределов и много содействовал широкой огласке всей этой истории, которая, впрочем, не могла не обратить на себя общего внимания по видному положению в свете обоих действующих лиц <...>; бедную Лелю все покинули, и прежде всех сам Тютчев; отец не хотел ее больше знать и запретил всем своим видаться с нею, а из бывших ее подруг осталась ей верна одна лишь Варвара Арсеньевна Белорукова», – свидетельствовал А.И. Георгиевский (*ЛН-2*. С. 110). «Разочарование было в жизни вообще, которая казалась суровой и безжалостной. Люди не простили ей ее «беззаконной любви», — писал Чулков (*Последняя любовь*. С. 40). «Правда, роман поэта с Денисьевой был встречен в обществе неодобрительно», — подчеркнул В.В. Тютчев (Тютчев Ф.И. Избранные стихотворения. Вступительная статья В.В. Тютчева. Нью-Йорк, 1952. С. VI).

В атмосфере конфликта с «обществом» создавался образ «толпы», что вызвало вспышку сатирической гиперболизации в финальном стихе. Эта вспышка подготавливалась и лирическим образом «души», в поэтике которого заметна опора на философию Якоба Бёме, почитавшегося Тютчевым одним «из величайших умов, которые когда-либо проходили земное поприще» (*ЛН-1*. С. 501). Согласно Бёме, человеческая душа пребывает в раздвоении: с одной стороны, «она имеет в себе источник свой также извне, через воздух; и господствует в ней Дух Святой по тому роду и образу, как Он все наполняет, и как все — в Боге, и сам Бог — все» (Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. СПб., 2000. С. 38–39), а с другой — «душа имеет свой источник также и из природы, в природе же есть злое и доброе, а человек в результате греха вверг себя в природную ярость, так что душа его ежедневно и ежечасно оскверняется грехами, то и познание души только частично; ибо природная ярость господствует теперь также и в душе» (там же. С. 39). Эта философская аллюзия дает опору для воплощения тютчевской мысли о невозможности спасения от «бессмертной пошлости людской», ибо она — тоже принадлежность человеческой души. Отсюда вся художественная оправданность появления эпитета «бессмертной». Скорее всего, именно этот эпитет представлен в первозданном тютчевском тексте, а его замена в *Сушк. тетр.* (л. 68) на «безмерной» также является ре-

зультатом сотворчества. Поэтому Н.В. Сушков в этот список внес исправление, написав под «безмерной» «бессмертной».

Возможно, что монолог А.Ф. Тютчевой о «душе» в дневниковой записи от 24 ноября 1855 г. в какой-то степени обусловлен содержанием этого стихотворения: «Бывают минуты в жизни, когда душа действительно не знает, в чем ей найти успокоение. Куда бы она ни повернулась, всюду она впитывает в себя тайную горечь, она чувствует себя совершенно одинокой, покинутой и чуждой в этом мире» (*При дворе-2.* С. 84–85). В критическом отклике К.С. Аксакова на первое издание стихотворений Тютчева есть определение, которое передает поэтическую атмосферу и «Чему молилась ты с любовью...»: «С другой стороны, сочувствие поэта направлено к внутреннему миру человека, к тем таинственным глубинам и безднам души, где возникают призраки, где родятся мечты, где носятся видения, откуда исходит безумие, к миру не мысли ясной и не фантазии головы, но к миру снов, ощущений, предчувствий, какого-то таинственного осязания бесконечности, какого-то смутного чуяния беспредельности, невместимости, чуяния, граничащего с безумием, предощущающего хаос» (Аксаков К.С. Обозрение современной литературы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 210). Попадает это стихотворение в поле притяжения и добролюбовского определения природы поэзии Тютчева: «... а другому доступна, кроме того, — и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни» (Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 28). «Соединение людей — толпа, а толпа — насилие», — подчеркнул Д.С. Мережковский перед тем, как процитировать две первых строки 2-й строфы, а смысл финальной строфы определил: «Уйти от жизни — от пошлости» (*Мережковский.* С. 80) (*А.А.*).

«ТЫ, ВОЛНА МОЯ МОРСКАЯ...»

(с. 54)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1–1 об.

Список с исправлениями поэта — *Сушк. тетрадь* (с. 85–86).

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 47–48, с эпиграфом вместо заголовка. Вошло в *Изд. 1854.* С. 94–95; *Изд. 1868.* С. 146–147; *Изд. СПб., 1886.* С. 189–190; *Изд. 1900.* С. 197–198.

Печатается по списку. См. «Другие редакции и варианты». С. 283.

Автограф — без эпиграфа, с пометой после текста, сделанной Эрн. Ф. Тютчевой: «Апрель 1852». Список также датирован апрелем 1852 г. В списке перед стихотворением эпиграф рукой Тютчева:

«Mobile comme l'onde». Вариант 1-й строки, представленный в автографе: «О, волна моя морская», в списке исправлен Тютчевым: «Ты, волна моя морская». В списке изменена и 4-я строка. Первоначально было: «Чудной силы ты полна», исправлено «Чудной жизни ты полна». В автографе 13–14-я строки «Будь верна стихии бурной — / Будь угрюма иль светла — ». В списке поэт избегает повторения слова «будь» и исправляет эти строки: «Будь же ты в стихии бурной / То угрюма, то светла». В автографе в конце 2-й, 6-й, 8-й, 10-й, 12-й, 13-й, 14-й, 20-й и 24-й строк — тире, в конце 4-й — восклицательный знак и тире.

Во всех изданиях 1-я и 4-я строки печатаются по списку: «Ты, волна моя морская» и «Чудной жизни ты полна», 13-я — по автографу: «Будь верна стихии бурной». Вариант 14-й строки по списку дан в *Совр. и Изд. 1854*, *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886*: «То угрюма, то светла», в *Изд. 1900* эта строка печатается по автографу: «Будь угрюма иль светла».

Датируется апрелем 1852 г., по пометам в автографе и списке.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т.!» (Тютчев!), отчеркнул четыре первые строфы, подчеркнул две последних строки и на полях поставил восклицательный знак (*ТЕ.* С. 146) (*А.Ш.*).

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

(с. 55)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 2–3 об.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55(1). Л. 132.

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 46; *Изд. 1854.* С. 46; *Изд. 1868.* С. 155; *Изд. СПб., 1886.* С. 191; *Изд. 1900.* С. 199.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, написан чернилами на 4-х страницах, по одной строфе на каждой, под заглавием «Памяти В.А. Жуковского». Строфы пронумерованы римскими цифрами и отчеркнуты. Особенности синтаксиса — многоточия в конце четверостиший. Слово «Поэт», а также слова «Божество», «Бог», «Сердцем» — с прописной буквы.

В списке имеет заглавие «На смерть Жуковского», внизу дата — «29 июля 1852».

В изданиях текст не меняется, но варьируется заглавие. В *Совр.* — «На смерть Жуковского», так же в *Изд. 1854*, *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886*. Но в *Изд. 1899* — «На кончину Жуковского», в *Изд. 1900* — «На кончину В.А. Жуковского». У Г.И. Чулкова (*Чулков II.* С. 78–79) и К.В. Пигарева (*Лирика I.* С. 150–151) — возврат к автографу: «Памяти В.А. Жуковского».

В *Изд. СПб., 1886* в конце стихотворения указан год — 1852. Незначительны синтаксические и графические изменения: слово «Бога» в последней строке пишется не только с прописной буквы, но и курсивом и с восклицательным знаком, так же в *Совр., Изд. 1854, Изд. 1868* (но без восклицательного знака); начиная с *Изд. СПб., 1886* слово печатается без курсива.

Датируется июнем 1852 г.; написано по дороге из Орла в Москву в конце июня 1852-го, судя по письму Тютчева от 2 августа 1852 г.

И.С. Аксаков (*Биогр.* С. 113–114) отделил стихотворение от других произведений поэта, выражающих иронию, адресованную самому себе или вообще человечеству с его бессилием, горделивым разумом: «Но от этих стихотворений, все же отрицательного характера, перейдем к тем, где задушевные нравственные убеждения поэта высказываются в положительной форме, где открываются нам его положительные духовные идеалы. Так, в его стих. «На смерть Жуковского» мы видим, как высоко ценит поэт цельный, гармонический строй верующей души, побеждающей внутреннее раздвоение». Биограф полностью привел стихотворение, выделив последнюю строку: «Лишь сердцем чистые — те узрят Бога?» Далее привел как бы по контрасту стих. «Наш век».

Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 55) указал на то, что источником выражения (в начале 3-й строфы): «Поистине, как голубь, чист и цел / Он духом был...», конечно, стало Евангелие: («...будьте мудры, как змии, и просты как голуби» — Мф. 10, 16), что, по его мнению, «вызвало апухтинское уподобление голубю самого Т-ва».

В.А. Жуковский умер 11 апреля 1852 г. в Баден-Бадене. 29 июля Тютчев присутствовал на его похоронах в Александро-Невской лавре. В 1847 г. в Эмсе Жуковский читал Тютчеву свой перевод «Одиссеи» Гомера («были... Омировы») (*В.К.*).

«СИЯЕТ СОЛНЦЕ, ВОДЫ БЛЕЩУТ...»

(с. 57)

Автограф — *ИРЛИ.* Ф. 1. Оп. 27. Ед. хр. 76. Л. 4.

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 48. Вошло в *Изд. 1854.* С. 98; *Изд. 1868.* С. 131; *Изд. СПб., 1886.* С. 180; *Изд. 1900.* С. 186.

Печатается по первой публикации.

Верхняя часть листа рукописи с 1–3-й строками стихотворения оторвана. После текста помета: «Каменный остров. 28 июля».

Датируется 28 июля 1852 г. На Каменном острове (СПб.) поэт жил с июня по сентябрь 1852 г.

В последней строфе обращение к Е.А. Денисьевой.

А.А. Фет заметил словосочетание «поют деревья»: «...деревья поют у г. Тютчева! Не станем, подобно классическим комментаторам, объяснять это выражение тем, что поют сидящие на деревьях птицы, — это слишком рассудочно; нет! нам приятнее понимать, что деревья поют своими мелодическими весенними формами, поют стройностию, как небесные сферы. Зато каким скачком рвется вперед, со второго куплета, лиризм стихотворения, и без того погружающего читателя с первого полустишия в море весеннего восторга. Стихотворение — все чувство, все восторг, но и в нем, при последнем куплете, поэт не ушел от вечной рефлексии. Чувствуешь, что и в минуту наслаждения природой, он ясно видит причину своего восторга» (*Фет*. С. 76–77).

Р.Ф. Брандт был более сдержан в оценке: «В этой пьеске, не лишенной красоты и силы, мне не нравятся повторения: «воды блещут» (стр. I) и «блещут воды» (II-я), «мир... Избытком жизни упоен» (II-я) и «в избытке упоенья» (III-я). Странно, затем, что здесь «поют деревья»: по Фету, они поют, должно быть, «своими мелодическими весенними формами» — он, кажется, прав, что нечего думать о поющих в ветвях птицах» (*Материалы*. С. 53–54).

Д.С. Дарский увидел в стихотворении «религию Тютчева»: «Как далеко отошел он, повинуясь внушениям инстинктов, от истощенных византийских ликов, от святынь сверхжизненных и неприступных. Теперь ему ближе стал ясный мир эллинских богов. Возвращаясь к божественной природе, Тютчев стремился перестроить себя на древний лад» (*Дарский*. С. 72–73) (*А.Ш.*).

«ЧАРОДЕЙКОЮ ЗИМОЮ...»

(с. 58)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 5.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 196; затем — *Изд. 1900*. С. 201.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 283.

В автографе перед текстом дата: «31-го декабря 1852». В 3-й строке слово «пеленою» исправлено на «бахромою»: «И под снежной бахромою». До правки 5-я строка читалась как: «Чудной роскошью блестит», после правки: «Чудной жизнью он блестит». Первоначальный вариант 15-й строки: «Бессознательной красой» Тютчев исправил на: «Ослепительной красой». С прописной буквы написано слово «Зима». Особенности авторской пунктуации — тире в конце 2-й, 5-й, 7-й, 12-й строк и многоточие в конце 10-й.

В изданиях представлены разночтения 9-й строки, обусловленные, вероятно, неточным чтением автографа. В обоих изданиях дается вариант 14-й строки: «Он лишь вспыхнет и заблещет» (в автографе: «Он весь вспыхнет и заблещет»). Ни одно издание не воспроизводит написание с прописной буквы слова «Зима», как в автографе.

Датируется 31 декабря 1852 г., согласно авторской помете. Написано в Овстуге (*А.Ш.*).

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

(с. 59)

Автограф неизвестен.

Список — *Альбом Тютчевой* (с. 152).

Первая публикация — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 38. Вошло в *Изд. 1854*. С. 38–39; *Изд. 1868*. С. 145; *Изд. СПб., 1886*. С. 219; *Изд. 1900*. С. 221.

Печатается по первой публикации.

Датируется не ранее второй половины 1852 г., ибо отсутствует в *Сушк. тетради*, и не позднее начала 1854 г.

В списке в конце 6-й строки нет тире, а в начале 11-й строки после «О» поставлена запятая. В 12-й строке «ты» перемещено в середину и после «и» поставлена запятая: «Блаженство ты и, безнадежность».

Относится к «денисьевскому» циклу. Занимает в нем особое место, так как здесь выражен характер «последней» любви Тютчева, в которой гротескно слились противоположности («блаженство и безнадежность»).

И.С. Аксаков обратил особое внимание на то, что в любовной лирике Тютчева «ни тени цинического ликования, нескромного торжества, ветреной радости: что-то глубоко-задушевное, тоскливо-немощное звучит в этом отделе его поэзии» (*Биогр*. С. 104). Л.Н. Толстой отметил «Последнюю любовь» буквами «Т. Ч.» (Тютчев. Чувство) (*ТЕ*. С. 147). Д.С. Мережковский, процитировав третью строфу стихотворения, скажет, что «мы почти не знаем об этой любви; нам осталось от нее только несколько песен, ни с чем не сравнимых в русской, а может быть, и во всемирной поэзии» (*Мережковский*. С. 110).

Связь с творчеством Г. Гейне увидел в этом тексте В.В. Набоков: «Однако еще в 1832 г. Тютчев (в стихотворении «Silentium!» <...>) ввел музыкальный ритм смешанного, или нерегулярного размера, которым он воспользовался также в своей вдохновленной Гейне «Последней любви» (Набоков В.В. Заметки о просодии // Набо-

ков В.В. Комментарии к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Приложение 11. СПб., 1998. С. 788) *(А.А.)*.

НЕМАН

(с. 60)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 4–5 об., РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 21, в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 27 сентября 1853 г.

Списки – *Альбом Тютчевой* (с. 140–140 об.); РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5638. Л. 3–4.

Первая публикация – *Раут*. 1854. С. 163–164 (ценз. пом.: «февраля 10-го дня 1854 г.»). Вошло в *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 44–45; *Изд. 1854*. С. 88–89; *Изд. 1868*. С. 152–153; *Изд. СПб., 1886*. С. 202–204; *Изд. 1900*. С. 205–206.

Печатается по автографу РГБ. См. «Другие редакции и варианты». С. 284.

Датируется 5–7 сентября 1853 г.

Автограф РГБ беловой. Стихотворение помещено на 3–5 страницах письма. Озаглавлено «Неман», ниже – помета в скобках: «(Проездом через Ковно)». Начало стихотворения старательно выписано, почерк мелкий, ровный, буквы носят несколько заостренный характер, затем почерк становится крупнее, размашистее. Последняя строфа и конец письма выглядят небрежно из-за густо набранных чернил, в результате следы остались на предыдущем листе (видимо, Тютчев торопился закончить письмо и отослать его, чернила не успели просохнуть). Зачеркнуто «чуд» («чудной»), рядом написано «дивной» (2-я строка 4-й строфы). Ряд слов начинается с прописной буквы: «Струя», «Славой», «Часовой», «Супостата», «Годины», «Сам», «Солнце», «Другой» (подчеркнуто), «Стороне», «Рать», «Десница», «Гордо», что связано скорее с особенностями почерка Тютчева, нежели с каким-то особым смыслом, вкладываемым в эти слова поэтом.

В автографе РГАЛИ вместо заглавия помета в скобках: «(Проезжая через Ковно)» и дата (рукой Эрн. Ф. Тютчевой): «Сентябрь 1853» (запись выполнена карандашом). Порывистый характер поэта проявляется и здесь (к концу стихотворения почерк теряет свою первоначальную ясность). Строфы также отделяются чертой друг от друга. Не вполне совпадает ряд слов, написанных с прописной буквы: «Бога», «Супостата», «Годины», «Сам», «Демон», «Струю», «Чудными», «Солнце», «Другой» (подчеркнуто), «Стоял», «Рать», «Лица», «Десница», «Строе».

Автографы «Немана» создают неверное ощущение «неустойчивости и случайности тютчевской пунктуации», так как «при полном тождестве текста знаки препинания расставлены в них по-разному» (*Чулков II*. С. 343). В тексте РГБ ряд риторических вопросов — обращений к Неману — завершается второй строфой (в первой и последней строчках), тогда как текст РГАЛИ ограничивается лишь первыми тремя предложениями; отсутствие восклицательного знака в последнем из них объясняется, видимо, сохранением вопросительно-восклицательной интонации. Знаки трудно различимы в тексте. В автографе РГБ повышенная смысловая нагрузка распределяется между тире и многоточием. В тексте РГАЛИ многоточие используется лишь дважды (после «ждал» и в конце стихотворения), когда говорится о власти времени над судьбами людей. Тире является основным конечным знаком строк и строф (за исключением последней). Общее число тире, по сравнению с автографом РГБ, возрастает.

В *Рауте* постановка знаков препинания перестает быть содержательной. Тире и многоточия часто стоят не на своем месте, появляются точки, восклицательные знаки. Переосмысливается содержание стихотворения: с прописной буквы написано и курсивом выделено (6 раз): «Он», «Он сам» (о Наполеоне). Со строчной буквы начинается «другой» (не подчеркнуто), «десница». Наполеон становится главным героем событий, затмевая своим величием Неман, «навеки» утвердивший «целость русского порога».

Совр. и последующие издания сохраняют тютчевское понимание событий. «Одного» (1-я строка 4-й строфы) персонифицировано и напечатано с прописной буквы, как и «Другой», «Десница». 1-я строка последней строфы читается: «Итак, победно шли полки» (также в *Изд. 1854*, *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886;* «И так...» – в *Изд. 1900*) вместо «А так» (в автографах). Отступление от автографа, видимо, вызвано недооценкой тютчевской интонации противопоставления Божественной Воли («неизбежная Десница») и победного, гордого шествия наполеоновских полков. Пунктуация «выравнена» в соответствии с существующими нормами. В конце 4-й строки 1-й строфы поставлен восклицательный знак (что было поддержано другими изданиями), в конце 1-й строки 4-й строфы – двоеточие. Строфы завершаются точкой. Простые предложения в составе сложных отделяются запятой.

Изд. 1854, *Изд. 1868* практически повторяют текст *Совр*.; с незначительными пунктуационными изменениями — *Изд. СПб., 1886*, *Изд. 1900*. Варьируется заглавие стих.: «Проезд через Ковно» (*Раут*), «Проезжая через Ковно» (*Совр*. и последующие), «Неман», с пометой в скобках: «(Проездом через Ковно)».

В письме к Эрн. Ф. Тютчевой, датированном в *СН* 14 сентября 1853 г., поэт пишет: «Я хотел продолжать и послать тебе стихотворе-

ние, которое навеяно было мне скукой в Ковно, но у меня его нет сейчас под рукой — и потому до другого раза» (*СН*. 1914. Кн. 18. С. 52–53). В следующем письме к жене Тютчев записывает текст стихотворения, предваряя его такими строками: «Так как ты еще занимаешься русским языком, то вот тебе нечто для испытания твоих познаний. Это стихи, о которых я тебе говорил, навеянные Неманом. Чтобы их уразуметь, следовало бы прочесть страницу из истории 1812 года Сегюра, где говорится о переходе через эту реку армии Наполеона; или по крайней мере вспомнить картинки, так часто попадающиеся на постоялых дворах и изображающие это событие» (там же. С. 54).

Произведение получило сочувственный отклик в *Пантеоне*. В заметке о *Рауте* имя Тютчева названо в числе многих «доброхотных дателей», таких, как Ростопчина, Павлова, Жадовская, Берг, Миллер, Лизиндер, Колошин, Кушнерев и пр. «Из стихотворений нам лучше всего понравилось «Проезд через Ковно» Ф.И. Тютчева, которое мы и решились выписать...» (Пантеон. 1854. Т. XIV. Кн. 3. (Март). С. 8).

Тематически связано с произведениями Я.П. Полонского («Переход через Неман (13 июня 1812 года)», К.Н. Батюшкова («Переход русских войск через Неман 1-го января 1813 года»), Л.Н. Толстого («Война и мир»). (См.: Горожанский Я.И. Отражение Отечественной войны 1812 г. в поэзии, художественной и народной, и в литературе вообще. Юбилейный сборник. 1812–1912. СПб., 1912. С. 7–13, 231).

В.В. Кожинов отмечает «остросовременное звучание» стихотворения: «Вспоминая о прошлом, поэт не мог не думать о надвигающемся — и давно предвиденном им — новом вторжении с Запада» (*Кожинов*. С. 321). Стих. «Неман» появилось в печати в феврале 1854 г., а в марте Франция и Англия, к которым вскоре присоединилась Италия, объявили войну России.

Ковно — ныне г. Каунас. Здесь «и сегодня показывают тот холм на берегу Немана, с которого французский император наблюдал переправу своих войск» (там же).

Южный демон — намек на корсиканское происхождение Наполеона (*А.М.*).

<А. С. ДОЛГОРУКОЙ>

(«Un charme vit en elle — irrésistible et pur...»)

(с. 62)

Автограф неизвестен.

Список — РГАЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 15, в письме Д.Ф. Тютчевой.

Первая публикация — Т.Г. Динесман: *ЛН-1*. С. 176.

Печатается по списку.

Датируется началом 1854 г.

Список содержится в письме Д.Ф. Тютчевой от 13 февраля 1854 г. к приятельнице О.Н. Смирновой. Перед стихотворением следуют такие строки: «Si je pouvais rimer je vous ferais de jolis vers, dans le genre de ceux que papa a fait à Alek. Dolg. que je vais vous citer». («Если бы я обладала поэтическим даром, я написала бы вам что-нибудь в духе прелестного стихотворения, которое мой отец посвятил Алек<сандрине> Долг<орукой>» — перевод с *фр*. Т.Г. Динесман). Далее идет четверостишие. В первой публикации слова «irrésistible et pur» прочитаны как «<merveille> de tact pur». Уточнение внесено М.К. Тюнькиной.

Александра Сергеевна Долгорукая (1836–1913?) — из древнего княжеского рода. Отец, Сергей Алексеевич Долгорукий, (1809–1891) был тайным советником, статс-секретарем, членом Гос. совета (с 1871 г.). Мать, Марья Александровна, урожденная Апраксина (1816–1892). С 1852 г. Александра Долгорукая вместе со старшей дочерью Тютчева Анной была фрейлиной цесаревны Марии Александровны, жены будущего царя Александра II. Александре было 18 лет, когда Тютчев написал эти стихи. В основе поэтического образа лежат ее реальные черты. Анна Федоровна отмечала в своем дневнике «непреодолимое обаяние» Александры, ее «ум и изящество», а также удивительную «загадочность» ее характера. Приезжая к дочери, Тютчев неоднократно встречал Долгорукую: «На первый взгляд, эта девушка, высокого роста, худая, развинченная, несколько сутуловатая, с свинцово-бледным лицом, бесцветными и стеклянными глазами, смотревшими из-под тяжелых век, производила впечатление отталкивающего безобразия» (*При дворе-1*. С. 91–92). Поэт мог неоднократно наблюдать, как она совершенно преображалась, оживляясь «под влиянием разговора, танцев или игры», и «во всем ее существе происходило полнейшее превращение. Гибкий стан выпрямлялся, движения округлялись и приобретали великолепную чисто кошачью грацию молодого тигра, лицо вспыхивало нежным румянцем, взгляд и улыбка приобретали тысячу нежных чар, лукавых и вкрадчивых. Все ее существо проникалось неуловимым и поистине таинственным обаянием...» (там же. С. 92). Об этой загадочности и говорит Тютчев, не касаясь другой стороны ее характера, отмеченной Анной Федоровной: «...в гордой и вкрадчивой пленительности ее, по существу, жестокой и властной натуры было что-то хищное, напоминавшее не кошку с ее мелким коварством, а, скорее, тигра, горделивого и царственного в своей развращенности» (там же. С. 92–93). Причину «жестокости» Долго-

рукой А.Ф. Тютчева видела в тяжелой семейной обстановке, где, по рассказам, Александра «всегда была предметом ненависти со стороны своей матери» (там же. С. 93).

Как указывает Динесман, в начале 1860-х гг. с Долгорукой (к тому времени женой генерала П.П. Альбединского) познакомился И.С. Тургенев, и она послужила ему прототипом героини романа «Дым» – Ирины Ратмировой (*А.Б.*).

СПИРИТИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

(с. 63)

Автограф – *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 27. № 76. Л. 3.

Первая публикация – *Звенья*. 1932. Кн. 1. С. 87.

Печатается по автографу.

При первой публикации снабжено обширным комментарием Е.П. Казанович (с. 87–91): «Четверостишие «Спиритистическое предсказание» относится ко времени начала Крымской кампании, когда Тютчев особенно увлекался спиритизмом, правильнее сказать – той отраслью его, которая называется в обыденной речи «столоверчением», и искал у двигающихся столов ответа на особенно захватывавшие его в те годы вопросы об исходе кампании и о будущей судьбе России. Об этом увлечении поэта мы знаем из разных печатных источников, и более подробно из дневника А.Ф. Тютчевой-Аксаковой». «Отец провел у меня вчерашний день, – записывает она 14 ноября 1853 года. – Он с головой увлечен столами, не только вертящимися, но и пророчествующими. Его медиум находится в общении с душой Константина Черкасского <...> Теперь эта душа, став православной и патриотичной, проповедует крестовый поход и предвещает торжество славянской идеи. Странно то, что дух этого стола как две капли воды похож на дух моего отца: та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог. Этот стол очень остроумный, очень вдохновенный, но его правдивость и искренность возбуждают во мне некоторые сомнения» (*При дворе-1*. С. 128). А в другом месте, 6/18 апреля 1854 г.: «Мой отец находится в состоянии крайнего возбуждения, он весь погружен в предсказания своего стола, который по поводу восточного вопроса и возникающей войны делает множество откровений, как две капли воды похожих на собственные мысли моего отца. Стол говорит, что восточный вопрос будет тянуться 43 года, что он разрешится только в 1897 г., когда потомок теперешнего императора вступит на константинопольский престол...» (там же. С. 135–136) и т. д.

Четверостишие могло быть написано в промежутке между этими двумя записями дневника, т. е. между ноябрем 1853 г. и апрелем 1854 г., скорее, ближе к последнему, когда начались военные действия на Дунае, вначале удачные для русской армии; на это последнее обстоятельство как будто намекает и первая строка четверостишия...» (*Э.З.*).

ЛЕТО 1854

(с. 64)

Автографы (2) — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 22. Л. 50 об.; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 163. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 205; *Изд. 1900*. С. 207.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 284.

Первый автограф — в письме поэта к Эрн. Ф. Тютчевой от 11 августа 1854 г. из Петербурга. Второй (РГАЛИ), беловой, в нем стихотворение имеет заголовок «Лето 1854».

Автографы отличаются вариантами 1–6-й строк. Автограф РГБ: «О это лето, это лето — / Мне подозрительно оно — / Не колдовство ли просто это? — / И нам за что подарено? — / Смотрю тревожными очами». Автограф РГАЛИ: «Какое лето, что за лето! / Да это просто колдовство — / И как, прошу, далось нам это / Так ни с того и ни с сего?.. / Гляжу тревожными глазами». Во втором автографе Тютчев избегает повторения слова «это» в 1-й и 3-й строках, а также переделывает 4-ю строку, в которой ритм стихотворения требовал смещения нормативного ударения в слове «подарено». Изменение 5-й строки во втором автографе обусловлено общим стилем, приближенным к разговорному: поэт употребляет слово «глаза» вместо возвышенного «очи». В варианте первой строфы второго автографа отчетливее звучит мотив неразгаданного очарования, непостижимости красоты природы: усиливается значение слова «колдовство», ставшего в конце 2-й строки ритмически ударным.

Все издания печатают стихотворение по автографу РГАЛИ, но без заголовка. *Изд. 1868* и *Изд. СПб., 1886* дают вариант 4-й строки: «Так ни с того и ни с чего», искажая устойчивое выражение «ни с того ни с сего», употребляемое поэтом. В этих же изданиях есть вариант 12-й строки: «Под старость лишь тревожит нас» (в автографе: «Под старость лишь смущает нас»).

Датируется августом 1854 г.

Перекликается со строками из письма поэта к Эрн. Ф. Тютчевой от 5 августа 1854 г.: «Какие дни! Какие ночи! Какое чудное лето! Его

чувствуешь, дышишь им, проникаешься им и едва веришь этому сам. Что мне кажется особенно чудесным — это продолжительность, невозмутимая продолжительность этих хороших дней, внушающая какое-то доверие, называемое удачей в игре. Уж не отменил ли Господь окончательно в нашу пользу дурную погоду?» (*СН.* 1915. Кн. 19. С. 215) (*А.Ш.*).

«УВЫ, ЧТО НАШЕГО НЕЗНАНЬЯ...»

(с. 65)

Автограф — РГБ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 59 об. — в письме к Эрн. Ф. Тютчевой, от 11 сентября 1854 г. из Петербурга.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 171. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 212; *Изд. 1900.* С. 213.

Печатается по автографу.

В автографе выражение «до свиданья» подчеркнуто.

Датируется 11 сентября 1854 г. в соответствии с датой письма.

В письме четверостишию предшествует следующий текст: «Я терпеть не могу писать на авось, предрешать будущее... Но так как не совсем невозможно, что вы выехали из Овстуга девятого, как предполагали, и что завтра, послезавтра вы можете приехать в Москву, я не хочу, чтобы твоя надежда получить там известия от меня была обманута. Вот почему я решаюсь адресовать тебе туда эти несколько строк, прося госпожу Судьбу (как говорил, кажется, граф де Местр) принять в соображение те причины, которые я только что изложил, и простить мне, что я беру на себя смелость предполагать, что вы благополучно прибыли в Москву. О, как я далек от преувеличенного доверия и как мало расположен грешить избытком спокойствия. Итак, до скорого свидания. Да хранит вас Бог...» (*СН.* 1915. Кн. 19. С. 220).

26 июля 1858 г. поэт писал Эрн. Ф. Тютчевой: «Никто, я думаю, не ощущал больше, чем я, свое ничтожество пред лицом этих двух деспотов и тиранов человечества: времени и пространства». Время, по выражению Ю.М. Лотмана, изучавшего поэтический мир Тютчева, — такой же его враг, как и пространство: «оно разъедает бытие, превращая его в небытие». «Эти категории не были для Тютчева философскими абстракциями, а входили в его непосредственное каждодневное жизненное самоощущение, переживались им как бытовая реальность. Ощущение это было тем сильнее, что Тютчев не относил, как это делает большинство людей, пространство и время к естественным и, следовательно, незамечаемым категориям бытия. Само наличие их причиняло ему вполне реальное и ощутимое страдание» (*Тютч. сб. 1990.* С. 123, 133) (*Ф.Т.*).

«ТЕПЕРЬ ТЕБЕ НЕ ДО СТИХОВ...»
(с. 66)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2—3.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184 (тетрадь Е.Ф. Тютчевой). Л. 57–57 об. Корректурный листок *Раута* — РГИА. Ф. 772. Оп. 6. 1855. Ед. хр. 150786. Л. 7.

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 164, с датой «декабрь 1854 года», неверной, по мнению К.В. Пигарева (*Лирика II*. С. 366). Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 207, «1854»; *Изд. 1900*. С. 201, «(декабрь) 1854».

Печатается по *Изд. 1868*, где при жизни поэта опубликован наиболее оформленный и выверенный текст произведения. См. «Другие редакции и варианты». С. 284.

Датируется по списку Е.Ф. Тютчевой, где перед стихотворением помечено: «1854 г. 24-го Октября».

Автограф занимает два листа разного формата, что, возможно, послужило основанием для Г.И. Чулкова говорить о двух автографах (*Чулков II*. С. 347). Наверху первого листа надпись: «Е. Поповой. 1854». Ниже — три строфы: первая, вторая и пятая (соответственно изданию), отделенные друг от друга горизонтальными чертами, без особых помет. На втором листе дан вариант четвертой строфы и первый стих пятой строфы, которая заключает текст стихотворения в списке Е.Ф. Тютчевой (там же). После всего внизу приписка: «и т. д.».

Чулков комментирует: «Стихотворение относится к политическим событиям 1854 г. Любопытно, что как раз в начале этого года Тургенев предпринял издание стихотворений Тютчева (ср. письмо И.С. Тургенева к С.Т. Аксакову. «Вестник Европы». 1894. № 4. С. 482). Тютчеву казалось, что Запад подготовляет разгром России. В феврале Англия и Франция заключили с Турцией оборонительный и наступательный союз, а 1 марта Николаю I был предъявлен ультиматум об очищении дунайских княжеств. Тютчев писал 10/22 марта 1854 г.: «Мы приближаемся к одной из тех исторических катастроф, которые помнятся веками...» (*СН*. 1915. Кн. 19. С. 199). Тютчеву было «не до стихов», но Тургенев продолжал начатое им дело, и 30 мая того же года цензор Бекетов разрешил к печати первый сборник стихотворений поэта. 11 сентября 1854 г. началась, как известно, осада Севастополя» (*Чулков II*. С. 348).

К.В. Пигарев дополнил: «Стихотворение было предназначено к помещению в сборнике "Раут". Московский цензурный комитет, обратив внимание на «неопределенность и несколько резкий тон изложения», но «имея в виду поэтическое достоинство» стихотворения, представил его 30 декабря 1854 г. в корректуре «на благоусмот-

рение» министра народного просвещения. 22 января 1855 г. Главное управление цензуры определило дозволить стихотворение к печати. Однако, вопреки этому решению, министр приказал: «оставя без ответа, считать конченным сие дело» (РГИА. Ф. 772. Оп. 6. 1855. Ед. хр. 150786. Л. 1–3, 6). В деле имеется корректурный листок с текстом стихотворения, озаглавленным «Е. И. П., требовавшей у автора стихов в альбом» (там же. Л. 7). В тексте много ошибок. Инициалы в заглавии, по-видимому, расшифровываются как «Екатерине Ивановне Поповой» (1820–1878), одной из знакомых поэта» (*Лирика II*. С. 366).

Начало Крымской войны 1853–1856 гг. осмыслено поэтом как столкновение двух сил, различных в своих внутренних устремлениях. Россия вступала в битву с врагами ее национальной идеологии (православие, самодержавие и народность). Обращение к Божественному слову в стихотворении раскрывается как единственный залог справедливого разрешения противостояния. Ранее Тютчев писал об этом: «Невозможно, чтобы было иначе; невозможно, чтобы приступ бешенства, обуявший целую страну, целый мир, каковым является Англия, не привел к чему-нибудь ужасному. Все это бешенство, и все это лицемерие, и это нелепое хвастовство, и эта бесстыдная ложь... Ах нет, они уж чересчур пересаливают, и Господь в своем правосудии даст этим молодцам урок, которого они заслуживают...» (из письма к Эрн. Ф. Тютчевой, 10/22 марта 1854 — *Изд. 1984*. Т. 2. С. 209) (*Э.З.)*.

НА НОВЫЙ 1855 ГОД

(с. 67)

Автограф — РНБ, альбом Г.П. Данилевского. Л. 21.

Списки — *Альбом Тютчевой* (с. 143–143 об.); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 55 об. — 56; ед. хр. 184. Л. 57 об. — 58 об. Список рукою А.П. Елагиной.

Первая публикация — *РА*. 1867. № 12. Стлб. 1638; вошло в *Изд. 1868*. С. 166–167; *Изд. СПб., 1886*. С. 210–211; *Изд. 1900*. С. 210–211.

Печатается по первой публикации с уточнением по автографу: слово «Божьих» в 14-й строке было заменено по цензурным причинам на «тяжких» (*Изд. 1987*. С. 399). См. «Другие редакции и варианты». С. 285.

Спорным остается вопрос о датировке. В примечании к первой публикации П.И. Бартенев, издатель *РА*, писал: «В начале 1855 года нам довелось услышать эти стихи в одном тесном приятельском кружке; но они были весьма мало распространены,

почти вовсе не ходили по рукам, как другие тогдашние произведения, и до сих пор мы не встречали их в печати. Между тем стоит перенестись мыслию к злосчастной эпохе Альмы и Инкермана, стоит вспомнить напряжение всей Европы, тогдашнюю общественную и политическую духоту, чтобы понять, какой животрепещущий смысл имело это стихотворение для того времени. Нельзя не признать за ним высокого *историко-литературного* значения. Мы испросили у автора обязательного дозволения закрепить печатью эти удивительные в их поэтической чуткости строфы» (*РА*. 1867. № 12. Стлб. 1638–1639). В *РА*, *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900* опубликовано под заглавием «На новый 1855 год», в *Изд. 1900* датировано 1854 г. В списках дата уточняется: «31 декабря 1854» (*Альбом Тютчевой*). Под заглавием «На 1-е янв. 1855 г.» записано в альбоме Е.Ф. Тютчевой, «На 55 год» — в списке Елагиной. Между тем в альбоме писателя Г.П. Данилевского (1829–1890) произведение озаглавлено: «1856», а записка, предшествующая тексту стихотворения, датируется следующим образом: «С.-Петербург. 31 декабря, 1855» (см. *Лирика I*. С. 166, 409). Время создания, указанное в списках и печатных изданиях, свидетельство Бартенева и текст автографа (с чередованием глаголов прошедшего и будущего времени, характеризующих действие наступающего года) позволили А.А. Николаеву высказать предположение, что заглавие «1856» в альбомной записи вызвано актуальностью пророчеств Тютчева не только для 1855 г., но и для следующего года (*Изд. 1987*. С. 399).

В записке, адресованной владельцу альбома Г.П. Данилевскому, Тютчев пишет: «Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе?.. У меня собственно — никакой. Назвать вам мысль — *чужая*. Чья же именно?.. Это довольно трудно объяснить — да и не нужно». В записке и в тексте стихотворения содержится намек на спиритические сеансы, популярные в светских кругах во время Крымской войны. П.И. Бартенев вспоминал, «как в 1853–55 годах в Москве почти в каждом сколько-нибудь барском доме до поздней ночи засиживались за вертящимися столами, а в магазинах продавались особые приспособления карандаша для таинственных начертаний. Занятия эти внушили Ф.И. Тютчеву его пророческие стихи: «Стоим мы слепо пред Судьбою...» (в декабре 1854 г.)» (*РА*. 1892. № 8. С. 482).

По всей видимости, стихотворение, созданное под новый, 1855 г., поэт вписал в альбом Данилевского годом спустя.

Осмысляя события Крымской войны, Тютчев писал в письме Эрн. Ф. Тютчевой от 21 мая 1855 г. о «недомыслии, которое наложило свою печать на наш политический образ действий» и сказалось

«в нашем военном управлении». «Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. Следствия подобной системы не могли иметь предела или ограничения — ничто не было пощажено, все подверглось этому давлению, всё и все отупели» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 231).

Образ с кровью творимой молитвы «Черты его ужасно строги, Кровь на руках и на челе!..» подчеркивает и безмерность страданий русского народа, и поругание самого святого. В конце 1853 г. в письме к жене Тютчев с горечью отмечал, что в Петербурге очень много людей, которые, «благодаря своему положению», могут причинить России «гораздо больше вреда», чем ее нынешние враги (цит. по: *СН*. 1914. Кн. 18. С. 61–63. Письмо от 24 ноября 1853 г.). Поэт был возмущен непатриотизмом людей, стоящих у власти, и беспечностью, равнодушием светского общества. После севастопольской катастрофы он согласился с женой: «...О да, ты вполне права, — наш ум, наш бедный человеческий ум захлебывается и тонет в потоках крови, по-видимому — по крайней мере так кажется, — столь бесполезно пролитой...» (Письмо от 17 сентября 1855 г. Цит. по: *Изд. 1984*. Т. 2. С. 238).

В письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 20 июня 1855 г. поэт говорит о предощущении переворота, который «как метлой» сметет «ветошь» русского общества». «Пока у нас все еще, как в видении Иезекииля. Поле усеяно сухими костями. Оживут ли кости сии? Ты, Господи, веси! Но, конечно, для этого потребуется не менее чем дыхание Бога, — дыхание бури...» (там же. С. 235).

Крымскую войну поэт воспринимал как величайшую катастрофу. «...Никогда еще, быть может, не происходило ничего подобного в истории мира: империя, великая, как мир, имеющая так мало средств защиты и лишенная всякой надежды, всяких видов на более благоприятный исход» (там же. С. 239). Виновным в сложившемся положении Тютчев считал императора Николая I. «Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах», — писал Тютчев жене 17 сентября 1855 г. (там же. С. 239).

Н. Оцуп (Ф.И. Тютчев / Числа. Париж, 1930. № 1. С. 150–161) полагал, что «многое» «от лучшего, глубочайшего Тютчева» содержит в себе стих. «На новый 1855 год»; по мнению критика, политические стихи поэта написаны в большинстве своем не «без доли ложного пафоса», носят «приподнятый и какой-то не по-тютчевски безапелляционный тон». «Все, однако, меняется <...>, когда Тютчев

прикасается не к поверхности события, а к стихии, скрытой за ним. Перечитайте хотя бы стихотворение «На новый 1855 год». <...> Слова и намеки напряжены, тревожны. Атмосфера, внушаемая Тютчевым, такая, как если бы он писал о каком-либо грозном явлении природы. Заботы о преходящем, расчеты политика и дипломата уступили место «инстинкту пророчески глухому». Тютчев обмолвился в этих стихах даже прямым предсказанием (тогда же сбывшимся) о смерти Николая I и военном разгроме России. Уж одних этих строчек довольно для реабилитации политических стихов поэта, уступающих другим его стихам, но неотъемлемых от его творчества».

Попытка расшифровать «неясные «роковые» слова, звучащие в ответ на вопрос: «Но для кого ?..» последней строфы стихотворения, была сделана в книге А. Лежнева «Два поэта. Гейне. Тютчев» (М.,1934). Несмотря на «библейский язык предсказаний» произведения Тютчева, критик задает риторические вопросы: «Что это? предсказание революции? предчувствие гибели старого порядка вещей, гражданской войны, несущей месть и воздаяние? Не отсюда ли этот язык, напоминающий язык «Кар» Гюго и «Ямбов» Барбье, эта пламенная и величавая риторика трибуна?» Отмечен провидческий характер предсказаний поэта: «Россия проиграла войну и утратила руководящую роль в европейской политике, а Николай I пал, «пораженный Провидением»... Военная неудача и дипломатическое поражение России оценивается Лежневым как «чересчур мизерно [е] даже в глазах Тютчева-дипломата». «Апокалиптические формы» предчувствия поэта истолковываются как ожидание революции. «И если не социальный катаклизм, не революция, то к чему бы этот язык трибуна? Это увлечение и эти угрозы? Этот обращенный к обширной аудитории пафос? Страх перед грозным будущим здесь прикрывает тайную симпатию к году-мстителю» (с. 31–33). Критик как бы забывает факт неприятия Тютчевым революции (см. его работу «Россия и революция», 1849) и преуменьшает масштабы последствий Крымской войны 1853–1856 гг. «После 1856 г. Россия оказывала на европейские дела меньше влияния, чем в любой период по окончании Великой северной войны в 1721 году, и так и не добилась того преобладания, каким она пользовалась до 1854 г.» — наблюдение современного английского историка Алана Тэйлора (Цит. по: *Кожинов*. С. 323).

Поражение русской армии тяжело переживалось поэтом. В дневнике А.Ф. Тютчевой сохранилось свидетельство «подавляющего и ошеломляющего впечатления севастопольской катастрофы» (слова Тютчева. Письмо к жене от 9 сентября 1855 г. Цит. по: *Изд. 1984*. Т. 2. С. 235): «...Мой отец только что приехал из деревни, ничего еще не

подозревая о падении Севастополя. Зная его страстные патриотические чувства, я очень опасалась первого взрыва его горя, и для меня было большим облегчением увидеть его не раздраженным; из его глаз только тихо катились крупные слезы...» (*При дворе-1*. С. 49). 17 сентября 1855 г. Тютчев писал о возможном возвращении России «на верный путь» — ценою «долгих и весьма жестоких испытаний» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 239) (*А.М.*).

ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА АВСТРИЙСКОГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

(с. 68)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 4.

Списки — вместе с автографом находится текст стихотворения, исполненный, видимо, Е.Ф. Тютчевой, с указанием авторства и датой: «СПб. Март 1855» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 5); Эрн. Ф. Тютчевой или И.С. Аксакова (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 67); неустановленного лица (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 4); в списке *Тетради* текст датирован «1 марта 1855. СПбург». Австрийский эрцгерцог Вильгельм прибыл в Петербург 27 февраля 1855 г.

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 169, с тем же заголовком и датой: «1855». Перепечатано в *Изд. СПб., 1886*. С. 209. В *Изд. 1900*. С. 212, заголовок «На приезд австрийского эрцгерцога на похороны Императора Николая».

Печатается по *Изд. 1868* с исправлением слова «Безумству» во 2-й строке на «Бесстыдству». См. «Другие редакции и варианты». С. 286.

Датируется 1 марта 1855 г. по списку *Тетради*.

Перед текстом автографа помета на *фр. яз.*: «A S[a] M. <ajesté> Apostolique» («Его Апостольскому величеству» — титул австрийского императора). Три строфы четко разделены между собой. В рукописи автор широко использует тире (после 1, 2, 4 и 11 стихов) и многоточия (после 8, 9 и 12 стихов).

А.А. Николаев отмечал: «21 марта 1868 г. Цензор И. Росковшенко писал начальнику Главного управления по делам печати М.Н. Похвисневу, что в Сборнике 1868 г. находится стихотворение, которое «заключает брань, обращенную и к Австрийскому эрцгерцогу и к царствующей династии Габсбургов... Неуместна была бы задержка нами этих стихов, на это нет у нас закона; но во всяком случае, я считаю

нужным предупредить об этих стихах Ваше превосходительство, — было бы жаль, если б австрийский посланник предъявил жалобу на почтенного автора этих горячих стихов» (Цит. по: «Щукинский сборник». М., 1910. Вып. 9. С. 206–207). Похвиснев предупредил Тютчева о возможных неприятностях, но Тютчев «только рассердился и объявил, что ему дела нет, пускай захватывают все издание, и что он об нем знать ничего не хочет...» (см.: письмо М.Ф. Бирилевой И.Ф. Тютчеву от 1 апр. 1868 г. // *Мураново*). Стихотворение не было изъято из *Изд. 1868*. (См.: *Изд. 1987*. С. 400.)

«Стихотворение, — считал К.В. Пигарев, — отражает возмущение русских придворных и официальных кругов политикой Австрии во время Крымской войны, в частности, отказом соблюдать нейтралитет» (*Лирика II*. С. 367). Политика России в отношении Австрии оказалась несостоятельной. Николай I поддерживал юного австрийского монарха: вооруженная интервенция России в 1849 г. во время венгерского восстания спасла Австрию от неминуемого распада, дипломатическое вмешательство Николая I в германские дела в 1850 г. дало преимущество Австрии над Пруссией во всех делах Германского союза. Не случайно Р.Ф. Брандт использовал разные варианты второго стиха для комментария, говоря о «безумстве» русских австрофилов и о «бесстыдстве» австрийского правительства, «спасенного в 1849 г. Николаем Павловичем от венгерских повстанцев, но не пославшего ему помощи в Крымскую войну, чем содействовало его поражению и смерти, о коей потом будто бы соболезновало» (*Материалы*. С. 56–57).

По этому поводу В.С. Аксакова записала в дневнике 8 марта 1855 г.: «Австрийцы, кажется, не успели в своей подлости. Государь Александр принял сухо принца Вильгельма, а сегодня нам сообщил Юрий Оболенский стихи Тютчева, и Ивану — Елагина; стихи сильные, и видно, что искренние (это, вероятно, общее впечатление) и, конечно, дойдут до государя тем более, что дочь Тютчева любима новой государыней» (Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. С.-Петербург. 1913. С. 81).

А.Ф. Тютчева описывает приезд эрцгерцога: «После обедни весь двор собрался в красной гостиной, прилегающей к зале, где стоял гроб. В эту минуту вдруг объявили, что приехал эрцгерцог Вильгельм Австрийский. При этом известии лицо государя изменилось, на нем появилось выражение сухое и надменное, странным образом противоречащее его обычному выражению мягкому и приветливому. Он сказал Шувалову: «Где он, просите его сюда». Он не делал ни шага к нему навстречу и прием его был как нельзя более холоден. Это никого не удивило. Все хорошо понимали, что происходило в душе молодого императора при приеме людей, содействовавших тому, что разбилось сердце покойного императора» (*При дворе-1*. С. 197).

В стихотворении раскрываются истинные причины политической интриги Австрии в отношении России. Жизненность произведения подтвердилась и после смерти поэта во время посещения страны австрийским императором. 17 марта 1874 г. известный славянофил Ю.Ф. Самарин (1819–1876) писал А.О. Смирновой-Россет: «Петербург был очень польщен приездом австрийского императора; все старое забыто и смыто, хоть сызнова начинать эксперименты над австрийской признательностью. <...> Помните стихи бедного Тютчева! Как жаль его. Эта порода людей совершенно перевелась не только у нас, но, кажется, и за границею; скоро не останется и таких, которые умели бы понимать их значение и ценить их». (РГБ. Ф. 265. К. 40. Ед. хр. 2. Л. 269–272) (*Э.З.*).

«ПЛАМЯ РДЕЕТ, ПЛАМЯ ПЫШЕТ...»

(с. 69)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 66, сделанный И.Ф. Тютчевым, по-видимому, с журнальной публикации (вместо заглавия: «Русская старина 1885 г. Февраль»); *Альбом Тютчевой* (С. 151).

Первая публикация — *PC.* 1885. Т. XLV, февраль. С. 433, дата: «10 июля 1855 г.», подпись: «Ф.И. Тютчев». Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 215, дата: «1855», *Изд. 1900.* С. 215, дата: «10 июля 1855».

Печатается по *Изд. СПб., 1886,* где исправлена опечатка в 14-й строке: «ловлю» (в *PC* «люблю»).

Датируется летом 1855 г.

PC опубликовала подборку из двух стих. — «Пламя рдеет, пламя пышет...» и «Так, в жизни есть мгновения...» со следующим примечанием за подписью редакции: «Помещенные выше два стихотворения сообщены нам *г. Денисьевым* чрез обязательное посредство Якова Петровича *Полонского.* Одно из стихотворений, замечает Яков Петрович, писано рукою Ф.И. Тютчева, другое — переписано. В издания сочинений Тютчева они не вошли, быть может, потому, что это не более как экспромты, видимо написаны наскоро, без отделки и обращены были поэтом к госпоже Д***» (*PC.* 1885. № 2. С. 439). Под г. Денисьевым, видимо, подразумевается Ф.Ф. Тютчев, сын поэта от Е.А. Денисьевой, а под госпожой Д*** — сама Е.А. Денисьева.

Обращено к Е.А. Денисьевой. Летом 1855 г. Денисьевы снимали дачу на Черной речке, где, по-видимому, стихотворение и было написано.

В. Брюсов в статье «Ф.И. Тютчев. Критико-биографический очерк» ссылается на стихотворение в качестве иллюстрации следующей мысли: «Другой любимый прием Тютчева <...> состоит в сопоставлении предметов, по-видимому, совершенно разнородных, и в стремлении найти между ними сокровенную связь» (*Изд. Маркса*. С. 35) (*Е.О.*).

«ТАК, В ЖИЗНИ ЕСТЬ МГНОВЕНИЯ...»

(с. 70)

Автограф неизвестен.

Первая публикация – *РС*. 1885. Т. XLV. Февраль. С. 433, вместе со стих. «Пламя рдеет, пламя пышет...», под общим названием «Стихотворения Ф.И. Тютчева» и номером «II». Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 216; *Изд. 1900*. С. 214.

Печатается по первой публикации.

О примечании редактора *РС* см. *коммент.* к стих. «Пламя рдеет, пламя пышет...». С. 411.

Датируется предположительно июлем 1855 г. Как считает К.В. Пигарев, оно «внутренно связано» со стих. «Пламя рдеет, пламя пышет...», имеющим дату: «10 июля 1855 г.» (*Лирика I*. С. 405).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т. К.» (Тютчев. Красота) (*ТЕ*. С. 147).

В.Ф. Саводник, говоря о «замечательном искусстве, с каким Тютчев умел проникаться настроением, разлитым в природе, и передавать его двумя-тремя метко схваченными чертами», отмечал: «Иногда это проникновение становится настолько глубоким, что душа поэта как бы растворяется среди окружающей природы, охватывается чувством всеобъемлющего единства, утрачивает сознание резкой грани, разделяющей *я* от *не-я* <...> Но и отдаваясь всецело охватившему его настроению, поэт сознает, что осенившая его «благодать самозабвения», доступна ему лишь в редкие мгновения, — и лишь на мгновение, — и что чувство, владеющее им в эти блаженные минуты, настолько сложно и необычайно, что для выражения его у него недостает слов — «их трудно передать» (*Саводник*. С. 184–185).

Д.С. Дарский перечислял признаки, позволяющие считать стихотворение выражением тютчевского космического чувства:

«1. Опорным пунктом чувства служат явления природы:

Шумят верхи древесные
  Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
  Беседуют со мной...

2. Смысл происходящего переживания состоит в поглощении индивидуального сознания высшей и обширнейшей блаженной эмоцией, у Тютчева названной «благодатью земного самозабвения».

3. Наступившее состояние сверхразумно и вследствие этого невыразимо в слове:

Их трудно передать...

4. Внутреннее изменение сводится к исчезновению с поля сознания обычного душевного содержания, которое рассматривается как низшее в моральном отношении, причем душа возвышается к созерцанию совершенных ценностей:

Все пошлое и ложное
　Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
　Так близко и легко...

5. Чувство полнейшей удовлетворенности, безмятежной радости в связи с потемнением светлой области сознания:

И любо мне, и сладко мне...
Дремотою обвеян я, –
О время, погоди!..

6. Расширение личного сознания до пределов универсальных:

И мир в моей груди».

(*Дарский*. С. 119) (*А.Ш.*).

«ЭТИ БЕДНЫЕ СЕЛЕНЬЯ...»

(с. 71)

Автограф неизвестен.

Списки – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55 (1). Л. 147, с датой: «1855»; *Муран. альбом* (с. 109), с датой: «13 августа... дорогою 1855»; ему предшествует в альбоме стих. «Вот от моря и до моря...» с датой: «13-го августа – Рославль 1855»; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 54; ед. хр. 183. Л. 52 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 16), с датой: «Рославль, 13 августа 1855». В письме Д. Ф. Тютчевой к А. И. Козловой от 15 августа 1855 г. (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 595. Л. 1–4) имеются списки двух стих.: «Эти бедные селенья...» (под заглавием «Дорогою», взятым в скобки) и «Вот от моря и до моря...» (с датой: «13 августа»). Им предшествует описание престольного

праздника в Овстуге в день Успения Пресвятой Богородицы и указания на стихи, написанные Тютчевым: «...deux poe´sies compose´es par papa pendant son voyage de Moscou à la campagne» («...два стихотворения, которые папа сочинил по пути из Москвы в деревню» — *фр.*).

Первая публикация — *РБ*. 1857. Ч. II. Кн. 6. С. 143. Затем — *Изд. 1868*. С. 170; *Изд. СПб., 1886*. С. 217; *Изд. 1900*. С. 216.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 287.

Первая публикация, в *РБ*, отличается от последующих ближайших изданий 5-й строкой: «Не поймет и не заметит», в то время как в *Изд. 1868*, *Изд. 1883*, *Изд. СПб., 1886* — «Не поймет и не оценит». Но в *Изд. 1899*, *Изд. 1900* — «Не поймет и не заметит».

В первом издании в обороте «Русского народа» первое слово с прописной буквы, также «Царь небесный» (по-видимому, опечатка во втором слове, оно также должно быть с прописной буквы); в 6-й строке слово «Что́» с ударением. Последняя строка — «Исходил, благословляя», а не «Обошел, благословляя», как в *Альбоме Тютч.-Бирилевой*. Оборот со словом «исходил» и в *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886*, *Изд. 1883*, *Изд. 1899*, *Изд. 1900*. Однако ударение в слове «Что» не сохраняется в большинстве изданий, также не всегда сохраняется заглавная буква в 4-й строке, но «Царь Небесный» всегда с прописными буквами в обоих словах. В *Изд. СПб., 1886* указан в конце год написания — 1855.

Стихотворение соотносится с размышлениями Тютчева о характере русского народа, высказанными в статье «Россия и революция» (1848 г.): «Россия прежде всего христианская империя: русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы» (*Изд. Маркса*. С. 295).

Д. Благой отметил, что некоторые строки из поэмы Сушкова «Москва» (1847) «запомнил/и/сь Тютчеву и невольно отразил/и/сь впоследствии на знаменитом его стихотворении «Эти бедные селенья...».

У Сушкова:

Широко ты, Русь святая,
Пораскинулась у нас!
Не поймет тебя, родная,
Не окинет вражий глаз!»

(Мурановский сборник. Вып. 1. *Мураново*, 1928. С. 70).

Н.Г. Чернышевский в «Заметках о журналах. Июнь 1857» (*Совр*. 1857. № 7. С. 157) после слова «вознаграждение» собирался процитировать «Эти бедные селенья...», однако цитирование осталось в рукописи, как и его слова: «Давно мы не говорили о стихах – это потому, что давно мы не встречали в наших журналах таких стихотворений, которые заслуживали бы особенного одобрения своими художественными достоинствами. Теперь мы должны указать читателям на прекрасные пьесы, помещенные г. Тютчевым во 2-й книге «Русской беседы», из которых приводим первую...» (Н.Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. С. 964). Т.Г. Шевченко переписал текст стихотворения в свой «Дневник» и отметил, что «с наслаждением прочитал» его во 2-м номере *РБ* (Запись от 26 октября 1857 г.) (Т.Г. Шевченко. Автобиография. Дневник. Киев, 1988. С. 197). Параллель между тютчевскими образами и поэзией Шевченко конца 1850-х гг. прослежена в книге В.Н. Касаткиной «Поэтическое мировоззрение Ф.И. Тютчева» (Саратов, 1969. С. 110–111). Там же подробно рассмотрен вопрос: «Эти бедные селенья...» Ф.И. Тютчева в сознании современников» (с. 108–121).

Высоко оценил стихотворение редактор *Совр*. И.И. Панаев. Он писал 28 июня 1857 г. В.П. Боткину: «Это выучивается наизусть всеми... Все от этого в восторге — и в самом деле это забирает за сердце» (Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. М.; Л., 1930. С. 424). И тогда же И.С. Тургеневу: «Не правда ли, это вещь, глубоко захватывающая за сердце? Каков изломанный старичок? Вот такие стихотворения печатать приятно. Тютчев обещал дать несколько стихотворений в «Современник» (цит. по: *ЛН*. М., 1964. Т. 73. Кн. 2. С. 121).

В *РВ* (1868. Т. 77. № 9. С. 362–364) был отклик «П. Щ.» (П. Щебальского) на стихотворение в связи с анализом эволюции миросозерцания Тютчева. Автор замечает поворот поэта от «лирического периода» своей поэзии и «сферы идеалов» к идее, «которая поразила его своим величием», — панславизму, который связывается им и с влиянием В. Ганки на Тютчева. Процитировав полностью послание поэта к чешскому деятелю, рецензент перешел к рассмотрению стих. «Эти бедные селенья...»: «Самое возвышенное, самое благородное, самое богатое будущностию, самое славное и полезное для России из всех политических соображений становится отныне источником вдохновений Тютчева: возвращение к самобытной жизни миллионов попранных наших братий и участие России в этом столько же политическом, сколько и христианском, подвиге — вот идея, на высоту которой он поднял-

ся, вступив в область реальности. Он не перестает служить идеалу, но более прежнего всматривается в действительность; скорби обыденной жизни не ускользают от его внимания, но он приурочивает их к идеальным стремлениям своего духа. Вот что вырывается у него из души, когда, выехав из пышного города, вагон мчал его мимо печальных деревень его родины (полностью цитирует стихотворение по *Изд. 1868* с прописными буквами в выражениях «Русского народа!», «Царь Небесный». — *В.К.*). Мне кажется, что самые отчаянные реалисты не скажут, что в приведенном стихотворении русская деревня идеализирована, а если в грустном обращении к ней г. Тютчева нет раздражения, а, напротив, слышится бездна любви, то неужели это недостаток?»

Полемически отозвался об идейном смысле стихотворения А.К. Толстой, признававшийся в письме М.М. Стасюлевичу от 19 февраля 1869 г.: «Если б Вы знали, какой я плохой хозяин! Ничего не понимаю, а вижу, что все идет плохо. Это сознание внушило мне следующий ответ на известное стихотворение Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа!

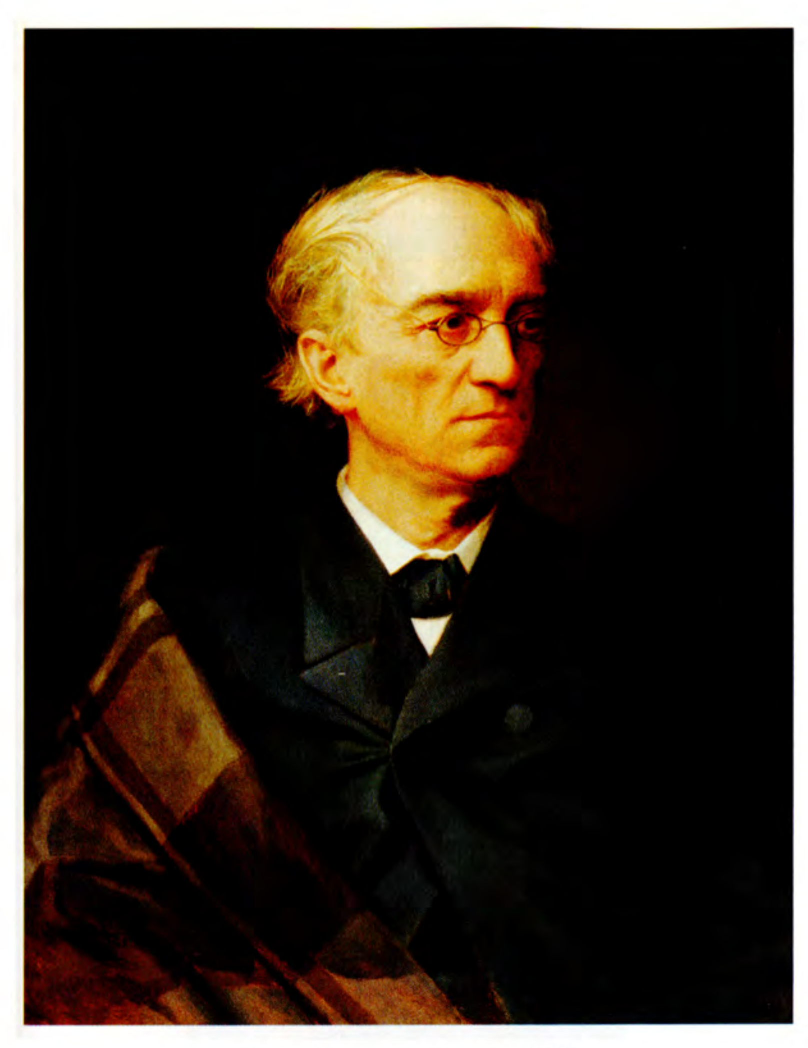
Вот мой ответ:

Одарив весьма обильно
Нашу землю, Царь Небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.
Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали —
Нам на то благословенье
Царь Небесный дал едва ли!
Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!»

(Толстой А.К. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1964. Т. 4. С. 266).

Сходная реакция была на стихотворение у А.Н. Майкова, написавшего пародию «Эти пьяные селенья...» 1881 г. (см.: Радуга. Альманах Пушкинского Дома. П., 1922. С. 271). А.А. Фет, дружески-восторженно относившийся к Тютчеву, тем не менее сдержанно отозвался о стихотворении, не считая его актуальным: «Прелестного стихотворения г. Тютчева

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа...

Федор Иванович Тютчев. 1876.
Худ. С. Александровский

Василий Андреевич Жуковский. 1837–1838.
Худ. К. Брюллов

Петр Андреевич Вяземский. 1857.
Фотография С. Левицкого

Князь Александр Михайлович Горчаков. 1867.
Худ. Й. Кёлер

Николай Алексеевич Некрасов. 1857.
Фотография С. Левицкого

Иван Сергеевич Тургенев. 1857.
Фотография С. Левицкого

Автографы стихотворений *(сверху вниз)*:
«Не рассуждай, не хлопочи...»;
«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»;
«Есть в осени первоначальной...»

Памятник «Тысячелетие России». 1862.
г. Новгород. Современная фотография. *Фрагмент*

Святой равноапостольный Кирилл, учитель Словенский. XIII в.
Фреска церкви св. апостола Петра (Болгария)

Вячеслав Ганка. <1840-е гг.>
Литография

Афанасий Афанасьевич Фет. Москва. Начало 1860-х гг.
Фотография Ф. Мебиуса

Михаил Петрович Погодин. 1850-е гг.
Литография А. Мюнстера с фотографии Бергнера

нельзя назвать современным. Оно точно так же было бы современным за две тысячи лет, как, вероятно, и будет еще на неопределенное время» (*Фет*. С. 82).

Но И.С. Тургенев сочувственно понял идейно-нравственную направленность стихотворения: к рассказу «Живые мощи», над которым писатель работал в начале 1870-х гг., он взял эпиграф из тютчевского стихотворения — «Край родной долготерпенья, край ты русского народа!». В рассказе немало реминисценций из стихотворения. У Тургенева получалось в рассказе: долготерпение не составляет сущности народного характера, ведь Лукерья вынуждена терпеть по необходимости, а не по внутреннему призванию. Но в этой способности она проявляет необыкновенную душевную силу, не падает духом, не черствеет сердцем, ее внутренняя жизнь активна, отнюдь не ленива, она даже готова быть заступницей народа. Общий вывод Тургенева: если народ так «долго терпелив», «помогать такому народу, когда его постигает несчастие, — «священный долг каждого из нас» (*Тургенев*. Т. 4. С. 604).

И.С. Аксаков (*Биогр*. С. 71, 137–138, 275–276) неоднократно обращался к стихотворению; он процитировал его полностью, выделив вторую строфу, увидев в ней антитезу западничеству и выражение тютчевского христианства. Развивая мысль об идейных заблуждениях («мистификации»), касающихся истории Европы и «конституционных заклинаний» как якобы надежного средства смирить Революцию, биограф противопоставил этому суждению тоже тютчевский тезис: «Только Русская мысль, поставленная вне революционной среды, в состоянии судить здраво о совершающихся событиях» (там же. С. 135); дальше он процитировал: «Не поймет и не заметит...» (всю строфу. — *Ред.*), полагая, что комментарием к этому стихотворению и ему подобным служат слова поэта-публициста о России как державе христианской.

Еще раз Аксаков заговорил об этом стихотворении в связи с крестьянской реформой 1861 г.; он сказал о двух стих. — «Эти бедные селенья...» и «Над этой темною толпой...»: «Первое было написано еще в 1857 году, следовательно в самом начале толков и прений, волновавших тогда всю Россию, и служит как бы ответом на слышавшиеся со всех сторон опасения, что уничтожение крепостного права только раздражит в народе его дикие инстинкты и побудит его к мести». Далее он развивает мысль о том, что в этих «небольших пиесах» сказалась заветная вера поэта в христианскую стихию Русского народного духа, что «главным историческим фактором, главным мирным решителем и свершителем всего

дела должен явиться и явится самый дух народа...» (*Биогр.* С. 275–276).

Ф.М. Достоевский трижды процитировал тютчевское стихотворение в своих сочинениях. Писатель выделил мысль об угнетенном положении народа, его «крестной ноше»: «Вот потому-то, что народ русский сам был угнетен и перенес многовековую крестную ношу, — потому-то он и не забыл своего «Православного дела» и страдающих братьев своих, и поднялся духом и сердцем, с совершенной готовностью помочь всячески угнетенным» (*Достоевский.* Т. 23. С. 104). Мысль писателя о нравственном пробуждении, нравственной активизации народа не адекватна тютчевской, но стих. «Эти бедные селенья...» должно было подтверждать идею писателя о жертвенных настроениях русского народа, «чувстве добровольного долга... заступиться за слабого...» (там же. С. 103). Вторая идея тютчевского стихотворения, которая заставила Достоевского процитировать его в 1880 г. в речи о Пушкине, — о благословенности русского народа: «Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил, благословляя» Христос» (там же. Т. 26. С. 148). Писатель поддержал мысль об особой миссии русского народа, связав ее с русским Православием. В романе «Братья Карамазовы» третья строфа стихотворения включена в «Легенду о Великом инквизиторе», рассказанную Иваном Карамазовым. Слова поэта:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...

оказались символом той философской этической системы суждений, которая противостояла отрицанию свободы для людей, силы свободных убеждений и власти данных Христом нравственных заветов. Достоевский заставил Ивана Карамазова и Великого инквизитора отрицать идеальный пафос тютчевского стихотворения. Согласно Ивану Карамазову (но не Достоевскому), правы не Тютчев и его единомышленники, верящие в то, что народ способен по своей воле, свободно идти к высокой, идеальной, по Тютчеву, цели, а инквизитор, подавляющий народ мечом, авторитетом и ложью.

Отчетливое осуждение тютчевской концепции народа, выраженной в стихотворении, прозвучало в статьях М.А. Протопопова («Женское творчество», 1891, особенно ругательный отзыв) и Н.Г. Аммона (Несколько мыслей о поэзии Тютчева // Журнал Министерства народного просвещения. 1899, июнь. С. 446–470).

Аммон упрекает поэта за идеализм в отношении к народу. Поэт витает в облаках, пишет Аммон, и закрывает глаза на трезвую, неприкрашенную и печальную правду жизни, заменяет правду гипотезами. Поэт провозглашает особую миссию русского народа, якобы благословенного, и забывает насущные нужды народа. Тютчев обозревает мировую арену с высоты орлиного полета, а своя домашняя жизнь остается в тени. Аммон скептически смотрит на тютчевскую веру в русский народ, соглашаясь с А.К. Толстым, который смеется над демократами. Для Аммона народ темен и невежествен, поэтому нельзя приписывать ему высшее сознание и надеяться на его какую-либо особенную роль в русской и мировой истории, нужно просто удовлетворить его реальные нужды. Народу, конечно, нужна свобода, но в меру, и эту меру очень важно соблюдать.

В последние десятилетия XIX в. стих. «Эти бедные селенья...» обычно рассматривалось одновременно с другим — «Над этой темною толпой...» (см. *коммент.* С. 433).

Л.Н. Толстой ввел стих. «Эти бедные селенья...» в «Круг чтения», «6 октября. Недельное чтение. Живые мощи». Толстой воспроизвел и эпиграф «Край родной долготерпенья — / Край ты русского народа!..» (Толстой Л.Н. Круг чтения. М., 1991. Т. II. С. 85).

Н. Овсянников («Московские ведомости». 1899. № 212. 4 авг., с. 4), считая поэта славянофилом, цитировал вторую строфу стих. («Не поймет и не заметит...»), связывая все стихотворение с публицистическими сочинениями Тютчева, усматривая в них объяснение христианской позиции, исходной и в его поэзии: «Слова Тютчева о христианстве в Русском народе служат комментарием к позднейшим стихам его о «родном крае долготерпенья» <...> Вообще славянофильские убеждения Тютчева, выработанные им в его долгой, одинокой заграничной жизни, отражаются в большей части его стихотворений».

В. Буренин («Новое время». 1899. № 8524. 19 ноября. С. 2) вспомнил стихотворение и полностью привел его, исказив 6-ю строку («Чуждый взор иноплеменный»), он отметил «трогательное изображение скорбной «смиренной наготы» русской земли». Буренин считал Тютчева просвещенным либералом и демократом, в патриотических стихах которого слышен «голос пророка-созерцателя».

В.С. Соловьев (*Соловьев. Поэзия*. С. 480), указывая на сложность и многоцветность отношений поэта к России, отмечал: «Было в них даже некоторое отчуждение, с другой стороны — благоговение к религиозному характеру народа: «всю тебя, земля

родная, — в рабском виде Царь Небесный — исходил благословляя», — бывали в них, наконец, минутные увлечения самым обыкновенным шовинизмом». Священник Иоанн Филевский (Религиозно-философские воззрения Ф.И. Тютчева. Набросок к 100-летию его рождения / Мирный труд. Повременное научно-литерат. и обществ. издание. Харьков. 1904. № 4. С. 86–95) пишет: «В глубинах христианской религиозности Тютчев полагает разгадку *таинственной психологии народной души,* народно-жизненных, высококультурных идеалов. Народ русский — это духовное олицетворение святости Христовой, смирения и страданий. Его «Эти бедные селенья...» (цитирует полностью. — *Ред.*). Как умилительна и бессмертна эта тема и этот идеал христианской религиозности нашего великого народа в путях и опытах всечеловеческой радости и всеобщего успокоения».

Неодобрительно отозвался об идейно-эмоциональном содержании стихотворения А.М. Горький в «Заметках о мещанстве» (1905). Когда власть безнаказанно насиловала народ, русская литература, писал он, «смотрела на это преступление против жизни ее родины и лирически вздыхала: «Край родной долготерпенья, Край ты русского народа!». (М. Горький. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1953. Т. 23. С. 347). Д.С. Мережковский (*Мережковский.* С. 101), усматривая какие-то инфернальные связи в личности Тютчева, заявлял: «Люди стыдливо скрывают тайну своего зачатия и рождения: так славянофилы скрывают ненависть к Западу, из которой они родились. Тютчев обнажил этот стыд, и, если нагота оказалась чудовищной, то вина не его, а русского стиля, «русского духа». Этот «стыд», обращенный к России, Мережковский усмотрел в последних строках стих. «Эти бедные селенья...»; благословение России Христом воспринимается как проклятие остальных народов и потому русский стиль и русский дух обвиняются им в гордыне.

Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 57) о стих. «Эти бедные селенья...»: «Дивно-поэтическое выражение твердой веры в великую силу как будто жалкого в своей смиренности русского народа. Оговорки, коими обставил похвалу этому стихотворению граф Петр Ив<анович> Капнист (в сноске Брандт указал: Сочинения гр. П.И. Капниста. Т. II. С. 348 и 349. — *Ред.*), находивший, что в нем «обнаружились очень рельефно» и «недостатки» Тютчева и что в конечной строфе замечается «туманность внешней формы» — мне представляются неосновательными. Вариант ко II строфе, уничтожающий рифму «Не поймет и не оценит» (Брандт говорит об *Изд. 1868* и *Изд. СПб., 1886. — Ред.*), не выигрывает и по смыслу; «не заметит» — усиливает выражение».

Вяч. Иванов на протяжении 1904–1916 гг. обращался в статьях к стихотворению Тютчева, стараясь уяснить глубины его смысла: «Большое искусство – искусство мифотворческое. Из символа вырастет искони существовавший в возможности миф, это образное раскрытие имманентной истины духовного самоутверждения народного и вселенского. Разве христианская душа нашего народа, проникновенно и мифически названного богоносцем, не узнает себя в мифотворческих стихах Тютчева? —

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя...»

(Поэт и чернь / Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. С. 142).

В 1915 г. он писал: «Истинно русское мироощущение всецело зиждется на предварении в сердце тайны всеобщего воскресения. Поэтому чисто славянофильскую «установку» взгляда на Русь выразил Тютчев словами, к ней обращенными:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что́ сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Вот это сквозящее и тайно светящее и есть святая Русь, и, кто любит ее, кто взыскует, необходимо будет любить и то, через что она, сквозя, светится и светит, кроме греха, не дающего ей светиться и светить.

Полюбит он ее и в ее «скудной природе», и «бедных селениях», и в ее женственно-благоухающей нежности, и в ее мужественной царственности,– не в одних только духовных лучах ее, но и в ее сиротливой тоске и материнской ласке. Полюбит он всю ее самобытность, все ее своеобразие и загадочную, несравненную единственность; ибо так хочет любовь, знающая и утверждающая в любимом его единственность, и такова тайна любви, что в единственном и через единственное открывается для нее всеобщее и вселенское» (Живое предание / там же. С. 349).

К 1916 г. относится его отзыв: «Удрученный ношей крестной... (цитирует всю строфу. – *Ред.*). «Эти слова Тютчева особенно помнил Достоевский. Эпическому славянофильству они должны были звучать глуше. Но в них вздохнула вся тоскующая о Невидимом Граде трагическая Русь. Трагический тип русской души объемлет всех из народа нашего, взыскующих Града. Этот безмолвствующий, почти молчальнический священный трагизм из века в век много-

страдально питается глубочайшим чувством несоизмеримости между терпеливо переносимым земным и пламенно чаемым небесным на преображенной земле. Отсюда особенный внутренний опыт смерти и воскресения в народе нашем, какого не знают более счастливые в своем внешнем бытии народы, торжественнее и соборнее справляющие праздник Рождества Христова, чем тот день, когда на востоке из переполненного неземным, несказанным веселием сердца вырываются слова: «Друг друга обымем» (Два лада русской души / там же. С. 376). Мнение С.Л. Франка развертывается в этом же русле: «<...> Связь между красотой увядания, страдания, бедности во внешней природе и христианским религиозным чувством ясно выражена у Тютчева (полностью приводит стихотворение. — *Ред.*). То, что «сквозит и тайно светит» в смиренной наготе русской природы, есть, конечно, все то же высшее начало, символом которого является возвышенно-стыдливая улыбка страдания. Это начало объемлет собою и картину увядающей природы, и отдельную измученную человеческую душу, и национальный характер русского народа; и это начало для Тютчева тождественно с христианством» (*Франк*. С. 28–29).

И.А. Ильин, осмысливая национально-патриотическое чувство в работе «Россия в русской поэзии» (Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 169–171), сопоставляет «земную Россию, отведенный нам Богом *сад*» и Россию духовную: за земной Россией «сокрыта, в ней таится, в ней живет — невнешнее, внутреннее, сокровенное, духовное начало; *иное значение, иная красота, иной глас.* Для этого — вечного и священного, *Божьего* — внешняя Россия есть как бы *риза,* через которую *сияет эта духовная субстанция.* Вот так, как это выражено у Тютчева... (полностью приводит стих. «Эти бедные селенья...». — *Ред.*). За *Россией земной* — живет, созерцает, поет, молится и творит Россия *духовная*; и эта духовная Россия, о жизни которой мы знаем всего только, увы, за одну тысячу лет, но которая жила и две тысячи лет тому назад, она-то и есть глубже всего *наше материнское лоно; наша детская колыбель; вскормившая нас духовная и незримая природа; наше духовное, отеческое гнездо; наше духовное национальное жилище; наш, взращенный нами, перед лицом Божиим, духовный сад.* Это главное, непреходящее богатство наше, *которым для нас насыщена наша природа и которое оформило и осмыслило наш быт.* И когда мы произносим это простое и в то же время необъятное слово «Россия» — и чувствуем, что мы назвали что-то самое главное в нашей жизни и в нашей личной судьбе, то мы твердо знаем, что мы разумеем не просто природу, или территорию, или быт, или хозяйство, или государство, — *но русский дух,* выросший во всем этом, создан-

ный этим и создавший все это в муках, в долготерпении, в кровавой борьбе и в непрестанном молитвенном напряжении». Ильин предложил наиболее глубокое, проникновенное осмысление знаменитого тютчевского стихотворения (*В.К., А.М.*).

«ВОТ ОТ МОРЯ И ДО МОРЯ...»

(с. 72)

Автограф неизвестен.

Списки — *Муран. альбом* (с. 108), с датой «13 августа — Рославль 1855»; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 15–16), дата: «13 августа 1855».

Первая публикация — *РБ*. 1857. Ч. II. Кн. 6. С. 143–144, с датой «13 августа 1855 г.». Вошло в *Изд. 1868*. С. 168, дата: «1855 г.», причем несколько изменен текст стихотворения; в *Изд. СПб., 1886*. С. 218 перепечатан вариант *Изд. 1868*, как и в *Изд. 1900*. С. 217.

Печатается по *Изд. 1868*. См. «Другие редакции и варианты». С. 287.

Датируется августом 1855 г. по списку *Альбома Тютч.-Бирилевой*.

Написано по пути из Москвы в Овстуг в Рославле Смоленской губернии (*Лирика II*. С. 406). Здесь отражены переживания и беспокойство поэта по поводу осажденного Севастополя во время Крымской войны 1853—1856 гг. Последовавшее вскоре падение Севастополя произвело на поэта «подавляющее и ошеломляющее впечатление» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 235). (См. *коммент.* к стих. «Не Богу ты служил и не России...». С. 423.)

Известна восторженная оценка этого стихотворения Н.Г. Чернышевским (вместе со стих. «Эти бедные селенья...», см. *коммент.* к нему. С. 413) (*Э.З.*).

«НЕ БОГУ ТЫ СЛУЖИЛ И НЕ РОССИИ...»

(с. 73)

Автограф неизвестен.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой*. В рукописи перед текстом помета: «Н. П.» («Николаю Павловичу»).

Первая публикация — ж. «Былое». 1922. № 19. С. 76.

Печатается по списку.

Является эпиграммой-эпитафией Николаю I, умершему 18 февраля 1855 г. Г.И. Чулков в комментариях обосновывает: «То, что эта эпиграмма действительно принадлежит Ф.И. Тютчеву, подтверждается твердым семейным преданием. Внуки поэта слышали неодно-

кратно из уст своей тетки, Дарьи Федоровны Тютчевой, рассказ о том, что Ф.И. Тютчев писал на смерть Николая I эпиграмму-эпитафию со столь резкой оценкой личности Императора, что жена поэта, Эрнестина Федоровна, весьма смущалась самим фактом существования такого документа. Эпиграмма считалась утраченной, пока внуки поэта не нашли альбома своей тетки, Марии Федоровны Бирилевой» (*Чулков II.* С. 348–349). Причем Чулков связывает вероятную дату написания эпиграммы с началом 1855 г. Но, по мнению К.В. Пигарева, она не является откликом на смерть Николая I, а написана уже позже, когда пал Севастополь. Патриотические чувства поэта были оскорблены, и он «подверг резкой критике личность и деятельность умершего самодержца» (*Лирика I.* С. 408). Впрочем, и Чулков, разрешая вопрос: «...мог ли Ф.И. Тютчев, патриот и монархист, произнести столь жестокий приговор покойному Императору»,— приходит к выводу, что именно Севастопольская катастрофа обнажила несостоятельность той правительственной политики, которую поддерживал Николай I (*Э.З.*).

Гр. РОСТОПЧИНОЙ

(«О, в эти дни — дни роковые...»)

(с. 74)

Автограф неизвестен.

Список — РГАЛИ. Ф. 2567 (Ю.Г. Оксман). Оп. 2. Ед. хр. 122. Л. 1.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 173. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 214; *Изд. 1900.* С. 218.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 287.

В *Изд. 1868* и *Изд. СПб., 1886* имеет заглавие «Гр. Ростопчиной», в *Изд. 1900* — «Графине Ростопчиной». В *Изд. 1868* и *Изд. 1900* датировано 16 октября 1855 г.; так и датируется.

Написано по поводу возвращения гр. Е.П. Ростопчиной в Петербург. Публикация в 1846 г. баллады Ростопчиной «Неравный брак», где в аллегорической форме были изображены взаимоотношения России с Польшей, вызвала негодование Николая I. Поэтесса была вынуждена на длительное время покинуть столицу, куда смогла вернуться только после смерти царя. О личности Ростопчиной и ее отношениях с Тютчевым см. *коммент.* к стих. «Графине Е.П. Ростопчиной» («Как под сугробом снежным лени...»). С. 363.

О, в эти дни — дни роковые — речь идет о Крымской войне, падении Севастополя (*А.Ш.*).

«О ВЕЩАЯ ДУША МОЯ!..»

(с. 75)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1–1 об.

Первая публикация – *РБ*. 1857. Ч. II. Кн. 6. С. 144. Вошло в *Изд. 1868*. С. 172; *Изд. СПб., 1886*. С. 213; *Изд. 1900*. С. 219.

Печатается по автографу.

В автографе перед текстом дата (рукой Эрн. Ф. Тютчевой): «1855»; так и датируется.

В черновой рукописи обзора Н.Г. Чернышевского «Заметки о журналах. Июнь 1857» стих. «О вещая душа моя!..» отмечено в числе других «прекрасных пьес», помещенных Тютчевым в *РБ*, и приведено полностью. См.: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. IV. С. 964 (*Ю.Р.*).

И.С. Аксаков полагал, что в стихотворении «крик сердечной боли» разрешается «воплем скорби и верующего смирения», и настаивал на том, что «самая способность смирения, этой силы очищающей, уже служит залогом высших свойств», присущих поэту (*Биогр.* С. 46–47).

«Примкнуть к «Вождю на пути совершенства», заменить роковое и убийственное наследие древнего хаоса духовным и животворным наследием нового человека, или Сына человеческого, – первенца из мертвых, – вот единственный исход «из злой жизни» с ее коренным раздвоением и противоречием, – исход, которого не могла миновать вещая душа поэта», – писал В.С. Соловьев (*Соловьев. Поэзия*. С. 479).

По мнению Д.С. Дарского, стихотворение было написано Тютчевым «в припадке тоски»: «Каким неземным, недостижимым совершенством казалось ему существо Жуковского, который и «стройно жил» и «стройно пел». И не видя в себе ни строя, ни цельности, и не зная прочного примирения, в беспомощности отчаянья ему оставалось только метаться и стонать» (*Дарский*. С. 28).

П. Исаев в двух заключительных строках стихотворения заметил «попытку найти разрешение тайны в живом религиозном чувстве» (Исаев П. Религиозные мотивы в творчестве Ф.И. Тютчева // Рязанские епархиальные ведомости. 1913. № 13–15. С. 532).

Д.С. Мережковский был убежден, что воплощенное в стихотворении ощущение «мы <...> чувствуем изредка», а поэт – всегда, «нам нужно усилие, чтобы дойти до этого, а ему, – чтобы уйти от этого» (*Мережковский*. С. 76).

В. Беседа называл душу «жилицей не только земного, но и горнего мира» и видел ее последнее «пристанище – у ног Христа» (Бе-

седа В. Религиозные мотивы в поэзии Тютчева // Странник. 1915. Т. 3. С. 385).

Как Мария — имеется в виду Мария Магдалина, раскаявшаяся евангельская грешница (*А.Ш.*).

<ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО>

(«Молчи, прошу — не смей меня будить...»)

(с. 76)

Автографы (4) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 23 об., 24, 25; РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 1.

Список — альбом Е.Ф. Тютчевой (Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 28).

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 171, под заглавием «Сонет Микель-Анджело. (Перевод)» и с датой «1855 г.». Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 413; *Изд. 1900*. С. 438.

Печатается по автографу РГБ. См. «Другие редакции и варианты». С. 288.

Источник стихотворения — четверостишие Микеланджело (1475–1564) «Grato m'è'l sonno, e più l'esser di sasso...». Первоначальный тютчевский перевод — на *фр. яз.*: «Oui, le sommeil m'est doux plus doux — de n'être pas...». Этот текст, впервые опубликованный в сб. *Звенья*. 1933. Кн. 2. С. 279, печатался отдельно от русских вариантов, начиная с изд. «Библиотеки поэта». 1939 г. Находится в тетради Эрн. Ф. Тютчевой с записями ее грамматических упражнений по русскому языку.

Этот автограф (так же как и автограф французского перевода) находится в тетради Эрн. Ф. Тютчевой. Во 2-й строке отсутствуют знаки препинания перед «...в этот век» и в конце строки.

Автограф, озаглавленный «Ночь M. Angelo» («Мне любо спать — отрадней камнем быть...» — РГАЛИ. Л. 25) и расположенный под французским текстом стихотворения, представляет собой явно первоначальный вариант четверостишия. Первая строка и здесь соответствует итальянскому оригиналу. В следующем автографе (РГАЛИ. Л. 24) она лишь стилистически изменена: «Отрадно спать — отрадней камнем быть...». В автографе РГБ происходит существенная перемена: 1-я строка становится 4-й, а заключительная, с небольшой поправкой, открывает стихотворение («Молчи, прошу — не смей меня будить...»). Нельзя не заметить совпадения первого слова здесь и в стих. «Silentium!», хотя смыслы, вложенные в слово «молчи», различны.

Список в альбоме Е.Ф. Тютчевой повторяет автограф РГБ, но с ошибкой во 2-й строке: вместо «постыдный» — «развратный»

(разрушена рифма «постыдный» — «завидный»). Хотя в списке, явно позднее, внесена поправка, ошибка попала в *Изд. 1868*.

Датируется 1855 г. по первой публикации.

Стихотворение Микеланджело явилось ответом другому поэту: Восхищенный изваянием Ночи на саркофаге Юлиана Медичи (во Флоренции), Джован Баттист Строцци написал, что стоит разбудить Ночь, и она заговорит. Г.И. Чулков приводит эти стихи в своем *коммент.* Перевод: «Ночь, которую ты видишь в столь сладком виде Спящею, была агнелом изваяна Из этого камня, а так как она спит, то имеет жизнь — Разбуди ее, если этому не веришь, и она проговорит к тебе». Чулков предполагает здесь, ссылаясь на *Известия*. 1911. XVI. Кн. 3. С. 19–20, подражание греческой антологии: «Сатира Диодор усыпил, а не изваял; Если тронешь, разбудишь — серебро спит» (*Чулков II*. С. 354–355). По мнению К.В. Пигарева, «четверостишие Микеланджело было в особенности созвучно переживаниям Тютчева в годы Крымской войны» (*Лирика I*. С. 407). В одном из писем 1870 г. Тютчев снова цитировал стих. Микеланджело (*В.З., Ф.Т.*).

«ТОМУ, КТО С ВЕРОЙ И ЛЮБОВЬЮ...»

(с. 77)

Автограф — РГБ. Вклеенный лист в экземпляр *Изд. 1854*, хранящийся в Отделе редких книг. После текста помета: «С.Петерб[ург]. 4 января 1856» и подпись — «Ф. Т-в». Так и датируется.

Первая публикация — *РА*. 1907. Вып. 2. С. 276. Вошло в *ЛН*. Т. 19–21. 1935. С. 399.

Печатается по автографу с той же датировкой.

Рукопись обнаружил Р.Ф. Брандт в Румянцевском музее, куда экземпляр поступил из библиотеки Абрама Сергеевича Норова (1795–1869). 19 февраля 1904 г. Брандт в письме к И.Ф. Тютчеву отметил: «Есть ли у вас посвящение Норову — «Тому, кто с верой и любовью...»? (В Румянцевском музее при издании 1854 г. имеется вклеенный листок с автографом этой пьески, которая у меня списана)» (*ЛН-2*. С. 532).

А.С. Норов — писатель и государственный деятель, с 1854 по 1859 г. занимал пост министра народного просвещения. В примечании *РА* приводится следующий факт: «Свое искреннее, непоказное благочестие соединял он с обширной ученостию и благодушием. В Казани произошли студенческие беспорядки. Государь Николай Павлович прогневался, и университету грозило закрытие. Для успокоения Государя Норов поехал в Казань и нравственным влиянием своим прекратил юношеское волнение». Норов сотрудничал в

«Полярной Звезде», «Сыне Отечества» и других периодических изданиях. Был избран в члены Академии наук.

Служил ей мыслию и кровью — Норов сражался под Бородином, где был ранен в ногу, отчего ходил на деревянном костыле (*Э.З.*).

«ВСЕ, ЧТО СБЕРЕЧЬ МНЕ УДАЛОСЬ...»

(с. 78)

Автограф неизвестен.

Списки — Д.Ф. Тютчевой *(Мураново);* РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 68.

Первая публикация — *Изд. 1900,* с датою в скобках — «(1856)». С. 7.

Печатается по списку РГАЛИ.

Датируется 8 апреля 1856 г., согласно помете в списке Д.Ф. Тютчевой.

Список РГАЛИ максимально приближен к автографу, о чем свидетельствует характерный для Тютчева пропуск запятых в 1-й и 2-й строках, а также повтор через тире в 4-й строке. В списке нет двоеточия в конце 3-й строки. Во всех публикациях запятые дополняются, а вместо тире тоже ставится запятая. Но авторское тире следует сохранить, так как оно выполняет не только риторическую, но и ритмообразующую функцию.

Четверостишие создано в день рождения Эрн. Ф. Тютчевой и прочно закрепилось в группе стихотворений, посвященных жене (см.: Долгополова С.А. Стихи к Эрнестине Дёрнберг. 1834–1838 // *Летопись 1999.* С. 291). С его появлением эта группа все больше стала походить на лирический цикл. Стихотворение-«молитва» внесло в него тот трагизм, который присущ «денисьевскому» циклу. Заклинательная формула в конце («Переживи — переживи!») звучит, как талисман, который должен сделать жизнь Эрн. Ф. Тютчевой более долгой, чем жизнь самого Тютчева. Тютчев не мог принести в жертву любовь («поэт любил любовь» — *Последняя любовь.* С. 11), но мог принести в жертву собственную жизнь. Любовь к жене никогда не угасала в душе Тютчева, а потому в этой лирической миниатюре выразилось то, на что указал Ф.Ф. Тютчев: «Как древнеязыческий жрец, созидающий Храм, населяющий его богами и затем всю жизнь свою служащий им и их боготворящий, так и Федор Иванович в сердце своем воздвиг великолепный поэтический храм, устроил жертвенник и на нем возжег фимиам своему божеству — женщине. Как искренно верующий несет на жертвенник своему идолу лучшее, что он имеет, так и Федор Иванович поверг к стопам своего божества лучшие свойства своей души...» (Тютчев Ф.Ф. Федор

Иванович Тютчев. Материалы к его биографии // Тютчев Ф.Ф. Кто прав? Роман, повести, рассказы. М., 1985. С. 498) *(А.А.)*.

«IL FAUT QU'UNE PORTE...»

(с. 79)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1.

Первая публикация — *Тютчевиана*. С. 16. Затем — *Чулков II*. С. 262.

Печатается по автографу. Написанные с прописных букв слова (une Porte, ma Bien-aimée, le Diable) приведены в соответствие с современной французской орфографией.

Автограф карандашом на небольшом клочке желтоватой бумаги, неровно оборванном в нижней части. Знаки препинания отсутствуют.

В первой публикации указана дата: ноябрь–декабрь 1856. У Г.И. Чулкова повторена предположительная дата первой публикации. К.В. Пигарев в примечаниях отметил: «датируется ноябрем 1856 г.» (с. 419). А.А. Николаев также указал дату: ноябрь 1856.

Датируется ноябрем 1856 г.

Написано от имени второй дочери поэта от первого брака Дарьи (1834–1903), которую одна дама высшего света в Петербурге уговаривала принять участие в любительском спектакле по комедии-пословице Альфреда де Мюссе «Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée» («Нужно, чтобы дверь была или открыта, или закрыта» — *фр.*). Дочь Тютчева отказывалась, ссылаясь на отсутствие артистических данных, однако устроительница спектакля была настолько настойчива, что Тютчев предложил дочери ответить на ее назойливость сочиненным им французским четверостишием.

Мотивируя дату написания (ноябрь 1856), Пигарев указывает: «Об этом спектакле упоминает Эрн. Ф. Тютчева в письме к брату К. Пфеффелю от 24 ноября 1855 г. (архив Музея-усадьбы Мураново имени Ф.И. Тютчева)» (*Лирика II*. С. 419). По всей вероятности, в цитируемые примечания Пигарева при обозначении года вкралась опечатка: 1855 вместо 1856 (*В.З.*).

Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

(с. 80)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *РВ*. 1857. Т. VII. Кн. 2. Февраль. С. 837. Вошло в кн.: Полн. собр. соч. Н.Ф. Щербины. СПб., 1873; затем — *Изд. 1900*. С. 220.

Печатается по первой публикации.

В *РВ* напечатано с заглавием-посвящением, с подписью «Ф. Тютчев», с пометой в конце — «Петербург. 4 февраля 1857 г.», цензурная помета — «февраля 28-го 1857». Характерен поэтический контекст в этом журнале: «Нива» А. Майкова, «Н.Ф. Щербине» Тютчева, «Ель (Из Фрейлиграта)», «Неэра. Вольный перевод из А. Шенье» Ю. Жадовской. Как в тютчевском стихотворении, так и в других — восхождение к «идеалу красоты».

В *Изд. 1900* текст тот же, что в *РВ*, в комментариях указано, что «Н.Ф. Щербине» не вошло ни в одно издание после *РВ* 1857 г.

Датируется 4 февраля 1857 г. согласно помете в *РВ*.

Г.И. Чулков (*Чулков II*. С. 359) сообщал, что в *ИРЛИ* есть автограф стихотворения; К.В. Пигарев отверг этот факт. Автограф не удалось обнаружить до сих пор.

Отношения Тютчева с Николаем Федоровичем Щербиной (1821–1869) противоречивы. Стихотворение старшего поэта к младшему явно сочувственное, и в собрании стихотворений Щербины 1873 г. было напечатано в виде приветственного вступления. Сохранилась тютчевская записка к Щербине от 21 апреля <1856>, где Тютчев отзывается о цикле «Ямбы» и его «живом слове», названном «splendida bilis» («блестящая желчь» — *лат.*). Тютчев знал Щербину и по его службе в Главном управлении по делам печати в последние годы жизни. Однако Щербина, остроумный и желчный, как определяют его характер, ответил Тютчеву через десять лет эпиграммой «Вопль Ф.И. Тютчева» (она была не самой ядовитой по сравнению со стихами, обличающими других поэтов):

В Главном управленьи
Служба мне — не манна...
В этом положеньи
Жутко мне и странно!
Подписав решенье
В «предостереженье»
Мужу милой Анны, —
Выйдешь, как из ванны.

Неизвестны ни реакция на нее, ни факт знакомства с ней Тютчева. Но поэт много помогал И.С. Аксакову («мужу милой Анны») и в письмах к нему и к Анне Федоровне говорил об идейной солидарности со своим зятем.

Р.Ф. Брандт в комментариях к тютчевскому стихотворению выразил скорее сочувственное отношение к младшему поэту: «Щербина <...> жил при довольно жалкой обстановке, резко противоречившей светлым образам его известных «Греческих стихотворений» (*Материалы*. С. 59). Тютчева, видимо, пленили именно эти «свет-

лые образы» античных грез поэта, но и контрастные с ними скептические мысли в «Ямбах» о современной действительности были тоже близки Тютчеву. Миросозерцание Щербины определяют как пантеистическое. Тютчев откликался на дух его антологических произведений — «служенье пред идеалом красоты». В этом смысле стих. «Н.Ф. Щербине» можно отнести к числу эстетически программных для Тютчева. В то же время в целом собрание стихотворений Щербины представляет собой противоречивое сочетание «лазурной ясности» неба и «клокочущих страстей» социальности, о чем Тютчев говорил в «Поэзии»; это противоречивое единение в оценках Тютчева явилось как «служенье» идеалу красоты, и как «блестящая желчь» («splendida bilis» — *лат.*) (*В.К.*).

«С ВРЕМЕНЩИКОМ ФОРТУНА В СПОРЕ...»

(Из Шиллера)

(с. 81)

Автографы (2) — РНБ. Ф. 797. № 2; Ф. 179. № 12. Альбом Н.В. Гербеля. С. 193–194 об.

Первая публикация — *Шиллер. 1857*. Т. II. С. 247. Далее: *Шиллер. 1875*. Т. I. С. 623; *РА*. 1898. Кн. 3. № 10. С. 252; *Изд. 1900*. С. 442.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 288.

Первый автограф — на отдельном листке, третья строфа отсутствует. 4–5-я строки: «Твоя мне дружба усладит. / Дарами лучшими своими».

Второй автограф — на одном листе со стих. «Problème», имеет помету — «(из Шиллера)», без заглавия, с датой: «2 апреля 1857 г.»; так и датируется.

В изд. *Шиллер. 1875*, *Изд. 1900* озаглавлено: «Фортуна и мудрость», в тексте *РА* в 1-й строке: «Временщиком», а 4-я строка напечатана по первому автографу. Пунктуация различна во всех изданиях. 5-я строка везде напечатана по первому автографу. В *Изд. 1900* имеется подзаголовок: «(Из Шиллера)».

В *Изд. 1900*. С. 421 имеется помета, что «Фортуна и Мудрость» — перевод, сделанный «специально» для изд. *Шиллер. 1857*. Первый том этого издания был разрешен цензурой 26 апреля 1857 г., следовательно, принимая во внимание дату второго автографа, можно предположить, что стихотворение было создано ко 2 апреля 1857 г.

Это перевод из Шиллера «Das Glück und die Weisheit» («Счастье и Мудрость» — Фортуна — Счастье, София — Мудрость) (1781 г.).

В изд. *Шиллер. 1875* сообщается, что раннее его переложение на русский язык принадлежит А. Струговщикову. Существуют также переводы В.Т., Н. Гербеля (напечатанные в изд. *Шиллер. 1875*. С. 30). У Гербеля на одну строфу больше. Н. Голованов перевел это стихотворение в 1899 г. (*Н.К.*).

Перевод стихотворения «Das Glück und die Weisheit» достаточно точно передает содержание подлинника. Стихотворение написано четырехстрочной строфой. В перекрестных рифмах реализован ямбический размер. В нечетных строках с женскими рифмами появляется наращенный слог. Четные строки написаны по схеме мужских рифм. Размер и рифмы выдержаны очень симметрично. Перевод стихотворной архитектоники полностью соответствует оригиналу *(М.М., Л.Л.)*.

«ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ЕГО НА ЗАПАДЕ ИСЧЕЗ...»

(с. 82)

Автограф неизвестен.

Списки — письмо П.В. Жуковского, сына знаменитого поэта, к А.В. Плетневой (*ИРЛИ*. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 85. Л. 60–60 об.); письмо Д.Ф. Тютчевой к Е.Ф. Тютчевой от 13 апреля 1857 г. (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 45).

Первая публикация — «Временник Пушкинского Дома». Пг., 1914. С. 40.

Печатается по списку *Мураново*.

Согласно свидетельству Д.Ф. Тютчевой, стихотворение было написано 6 апреля 1857 г. на форзаце десятого тома «Сочинений В. Жуковского», который содержал его неизданные произведения и был подарен ей Тютчевым. Тютчев, вместе с П.А. Вяземским, Д.Н. Блудовым, П.А. Плетневым и М.А. Корфом, являлся членом комитета по редактированию издания. В 1857 г. вышли четыре тома, подготовленные комитетом, ставшие продолжением девятитомного прижизненного издания «Сочинений» Жуковского (СПб., 1849). Первый из этих четырех томов и подарил Тютчев дочери.

В письме Д.Ф. Тютчевой к сестре, содержащем список стихотворения, есть следующие слова: «Папа́ подарил мне посмертные сочинения Жуковского с четверостишием, которое перепишу тебе... Я хочу переписать тебе стихи папа́, которые он написал на собрании сочинений Жуковского в канун годовщины со дня его смерти...» (*ЛН-2*. С. 288). Эти слова и указывают на то, что стихотворение было написано 6 апреля (Жуковский скончался 7 апреля 1852 г.), а дата «11 апреля», стоящая в списке под текстом стихо-

творения, — это дата надписи, сделанной Тютчевым на книге-подарке.

Жуковский занимает особое место в поэтическом пантеоне Тютчева, являясь своеобразным идеальным «другом», духовно близким идеалам его лирического «я». Эпитет «пророческая звезда» перекликается с выражением о Карамзине в стих. «Великий день Карамзина...»: «...будь нам путеводной, Будь вдохновительной звездой — Свети в наш сумрак роковой...». «Звездный» троп, возникающий на стыке мотивов небесного — земного, дня — ночи, вводит тему гения-небожителя, ангела-хранителя обитателей дольнего мира (*Ф.Т.*).

«НАД ЭТОЙ ТЕМНОЮ ТОЛПОЙ...»

(с. 83)

Автографы (3) — Гос. музей Л.Н. Толстого (III, инв. 60543); *Альбом Тютч.-Бирилевой*; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 2 об.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 69; ед. хр. 183. Л. 52 об. — 53; ед. хр. 183. Л. 56 об.; ед. хр. 184. Л. 54–54 об.; *Альбом Тютчевой* (с. 153); РГБ. Ф. 139. К. 10. Ед. хр. 11. Наборная рукопись рукою Ю.Ф. Самарина — из портфеля журнала *РБ*. 1858.

Первая публикация — *РБ*. 1858. Т. 2. Кн. 10. С. 3. Ценз. пом.: 17 мая 1858 г. Вошло в *Изд. 1868*. С. 174; *Изд. СПб., 1886*. С. 221; *Изд. 1900*. С. 223.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 289.

Текст автографа (Гос. музей Л.Н. Толстого) состоит из двух строф и является, по-видимому, первой редакцией стихотворения. В пользу этого предположения свидетельствует письмо Д.Ф. Тютчевой к Е.Ф. Тютчевой от 24 августа / 5 сентября 1857 г. (*ЛН-2*. С. 290–291), в котором одна из дочерей Тютчева сообщает о впечатлениях, полученных ею от поездки в окрестностях Овстуга, совершенной вместе с отцом. В тексте письма на *фр. яз.* есть указание на стихи, изображающие очарование той поры, — «Есть в осени первоначальной...», текст которых прилагается к письму. Произведение датируется 22 августа, далее следует текст стих. «Над этой темною толпой...». Первая строфа его совпадает с вариантами автографов РГАЛИ и *Альбома Тютч.-Бирилевой*, вторая имеет следующий вид:

Смрад, безобразье, нищета,—
Тут человечество немеет —
Кто ж это все прикрыть сумеет?..
Ты, Риза чистая Христа.

После текста стоит дата: «Овстуг. 15 августа 1857». Письмо Д.Ф. Тютчевой — одно из первых свидетельств о существовании произведения. В автографах РГАЛИ и *Альбома Тютч.-Бирилевой* представлена, следовательно, переработанная, окончательная редакция стихотворения.

Автограф РГАЛИ — аккуратно записанный (синими чернилами, обычно у Тютчева — черные) беловой текст. Вместо заглавия над стихотворением — год в скобках «(1857)». Многоточия стоят в конце 4-й, 6-й, 11-й строк, в конце стихотворения (12-й строке) — тире. Тютчев, как обычно, не стремится к категоричности и эмоционально-смысловой завершенности высказываний (точки в автографе отсутствуют). Слова «Народа», «Свобода», «Сон», «Сердце» написаны с прописной буквы.

В автографе *Альбома Тютч.-Бирилевой* 11-я строка первоначально выглядела следующим образом: «Кто их излечит, нас прикроет?», затем «нас» зачеркнуто и надписано «кто». Имеется помета на *фр. яз.* (рукой Эрнестины Федоровны): «15 août. 1857».

Среди списков встречаются два варианта стихотворения (из двух и трех строф), с некоторыми пунктуационными изменениями. В текстах с первоначальной редакцией указано не только время, но и место создания: «Овстуг. 15 августа 1857».

В *РБ* помещено в рубрике «Изящная словесность» в числе «Шести стихотворений Ф. Тютчева». Вместо заглавия поставлен год — 1857, но без скобок, которые есть в автографе РГАЛИ. Прописных букв в словах «Народа», «Свобода» нет.

В *Изд. 1868* опубликовано под заглавием «Народный праздник» и датировано 1857 г. В *Изд. СПб., 1886* выходит под тем же заглавием, но время создания уточняется: «15 августа 1857». Та же дата указана в *Изд. 1900*, но стихотворение появляется в печати без заглавия.

Написано в Овстуге в день престольного праздника Успения Пресвятой Богородицы. Наблюдения за крестьянами породили размышления об их судьбе в связи с предстоящей реформой 1861 г. В сентябре 1857 г. Тютчев писал гр. А.Д. Блудовой: «...Одним словом, власть в России на деле *безбожна*, ибо неминуемо становишься безбожным, если не признаешь существования живого непреложного закона, стоящего выше нашего мнимого права, которое по большей части есть не что иное, как скрытый произвол <...>

Вот почему мне кажется неизбежным, что в продолжение первого времени по крайней мере <...> истинное значение задуманной реформы сведется к тому, что произвол в действительности более деспотический, ибо он будет облечен во внешние формы законности, заменит собою произвол отвратительный, конечно, но гораздо более простодушный и, в конце концов, быть может, менее растлеваю-

щий...». Далее французский текст сменяется русским: «И тем не менее никто лучше меня не сознает того, что мы пройдем через эту фазу, — мы обязаны через нее пройти, чтобы понести в пути все наказания, столь нами заслуженные» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 251–252).

Ю.Ф. Самарин в письме к А.О. Смирновой от 16 февраля 1858 г. цитировал «Над этой темною толпой...», отмечая: «Верно! — Но в чьих руках теперь эта риза? Обетованной земли мы все-таки не увидим и сложим свои кости в пустыне» (цит. по: *Чулков II*. С. 361).

И.С. Аксаков отмечал, что стих. «Над этой темною толпой...» Тютчева, как и «Эти бедные селенья...», было написано «в самом начале толков и прений, волновавших тогда всю Россию, и служит как бы ответом на слышавшиеся со всех сторон опасения, что уничтожение крепостного права только раздражит в народе его дикие инстинкты и побудит его к мести. В этих стихах сказалась заветная вера поэта в христианскую стихию Русского народного духа. Он понимал, что громадная историческая неправда не может быть упразднена одним внешним формальным законом, — что разрешение задачи не исчерпывается точностью регламентов и правильностью расчетов, — что никакие материальные вознаграждения не в состоянии были бы возместить, если бы в самом деле потребовалась уплата, тех невещественных потерь и зол, которые были неизбежным для крестьянства последствием крепостных отношений; что наконец главным историческим фактором, главным мирным решителем и свершителем всего дела должен явиться и явится самый дух народа, дух той земли, которую всю, по выражению его же, Тютчева,

В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...»

(*Биогр*. С. 275–276).

Художественные достоинства стихотворения получили неоднозначную оценку в русской критике. Л.Н. Толстым произведение отмечено буквами «Т. Г.» (Тютчев. Глубина). Целиком отчеркнуто, как наиболее удачное (*ТЕ*. С. 147). Р.Ф. Брандтом «Над этой темною толпой...», «Императору Александру II», «Ватиканская годовщина», «Русская география», «Тогда лишь в полном торжестве...» отнесены к «прямо слабоватым (недостаточно поэтичным)» произведениям Тютчева (*Материалы*. С. 127).

В.С. Соловьев в статье «Поэзия Тютчева» (Вестник Европы. 1895. № 4. С. 735–752) рассматривает стих. «Над этой темною толпой...» в контексте «патриотических пророчеств нашего поэта»: «На взятие Варшавы» («Как дочь родную на закланье...» (1831), «Русская география» (1848–1849), «Два единства» (1870). Развивая мысль Тютчева о великом призвании России, Соловьев писал:

«...как в душе природного мира и в душе отдельного человека светлое духовное начало имеет против себя темную хаотическую основу, которая еще не побеждена, еще не подчинилась высшим силам, — которая еще борется за преобладание и влечет к смерти и гибели, — точно так же, конечно, и в этой собирательной душе человечества, т. е. в России. Ее жизнь еще не определилась окончательно...». Формулируя «окончательный смысл» «патриотических пророчеств» Тютчева, философ заключает: «...судьба России зависит <...> от исхода внутренней нравственной борьбы светлого и темного начала в ней самой». В этом «условие для исполнения ее всемирного призвания» (*Соловьев. Поэзия*. С. 482–483).

Выражением веры в то, что «спасение возможно на религиозной почве», считал последнее четверостишие и П. Исаев в статье «Религиозные мотивы в творчестве Ф.И. Тютчева (по поводу 40-летия со дня смерти)» // Рязанские епархиальные ведомости, 1913. № 13–14. С. 527–536; № 15. С. 567–570.

Заслуживает внимания указание современного исследователя М.М. Дунаева на характер прочтения понятия «свобода» в тютчевском стихотворении: «Следует с определенностью сказать, что поэт имеет в виду не ту свободу, которую заидеологизированное сознание большинства связывает со стереотипом «революционной борьбы» — к революции у Тютчева было неизменное неприятие — Тютчев ведет речь о Свободе в высшем, религиозном понимании, что и раскрывается далее в его стихах» (Дунаев М.М. Православие и русская литература: Учеб. пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 6-ти ч. М., 1997. Ч. II. С. 399) (*А.М.)*.

«ЕСТЬ В ОСЕНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ...»

(с. 84)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 3, 4; *Альбом Тютч.-Бирилевой*.

Первая публикация — *РБ*. 1858. Ч. II. Кн. 10. С. 3. Вошло в *Изд. 1868*. С. 175; *Изд. СПб., 1886*. С. 222; *Изд. 1900*. С. 224.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 289.

Первый автограф РГАЛИ (л. 3) написан карандашом на обороте листа с перечнем почтовых станций и дорожных расходов по пути из Овстуга в Москву. Почерк неровный, написание некоторых букв выдает дорожную тряску. Начиная с 9-й строки, со слов «птиц не слышно боле», текст дописан рукой дочери поэта М.Ф. Тютчевой. Ею же сделана пояснительная помета на *фр. яз.*: «Написано в коля-

ске на третий день нашего путешествия». Второй автограф РГАЛИ (л. 4) беловой. В третьем автографе из *Альбома Тютч.-Бирилевой* перед текстом дата на *фр. яз.* рукой Эрн. Ф. Тютчевой: «22 августа 1857». В автографах представлены варианты 3-й строки: карандашный автограф РГАЛИ — «Весь день стоит как бы хрустальный», этот же вариант в автографе из *Альбома Тютч.-Бирилевой*, беловой автограф РГАЛИ — «Прозрачный воздух, день хрустальный».

В *РБ* 3-я строка печатается по варианту белового автографа РГАЛИ, в последующих изданиях — по варианту чернового автографа РГАЛИ и автографа из *Альбома Тютч.-Бирилевой.*

Датируется согласно помете Э.Ф. Тютчевой в автографе из *Альбома Тютч.-Бирилевой* 22 августа 1857 г.

И.С. Аксаков полагал, что в этом стихотворении ярко проявляется тютчевское «умение передавать несколькими чертами всю целостность впечатления, всю реальность образа»: «Здесь нельзя уже ничего прибавить; всякая новая черта была бы излишня. Достаточно одного этого «тонкого волоса паутины», чтоб одним этим признаком воскресить в памяти читателя былое ощущение подобных осенних дней во всей его полноте» (*Биогр.* С. 90–91).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «К.!» (Красота!) (*ТЕ.* С. 147). Особое внимание он обратил на эпитет «праздной». 1 сентября 1909 г. Толстой в разговоре с А.Б. Гольденвейзером, вспомнив строки: «Лишь паутины тонкий волос // Блестит на праздной борозде», заметил: «Здесь это слово «праздной» как будто бессмысленно и не в стихах так сказать нельзя, а между тем, этим словом сразу сказано, что работы кончены, все убрали, и получается полное впечатление. В уменье находить такие образы и заключается искусство писать стихи, и Тютчев на это был великий мастер» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 315). Чуть позже, 8 сентября, беседуя с В.Г. Чертковым, писатель вернулся к этому стихотворению и сказал: «Мне особенно нравится «праздной». Особенность поэзии в том, что в ней одно слово намекает на многое» (*Толстой в восп.* С. 63).

В.Ф. Саводник причислил стихотворение «к лучшим образцам объективной лирики Тютчева» и отметил, что оно «очень типично для тютчевской манеры изображения природы. Объективность, полная простота, точность и меткость эпитетов, иногда совершенно неожиданных («хрустальный» день), уменье схватить мелкую, но характерную для изображаемого момента черту («паутины тонкий волос»), и вместе с тем передать и общее впечатление, — чувство светлого спокойствия, безмятежной покорности, — вот главнейшие черты, характеризующие художественные приемы Тютчева. Линии его рисунка удивительно просты и благородны, краски неярки, но

мягки и прозрачны, и вся пьеса производит впечатление мастерской акварели, тонкой и изящной, ласкающей глаз гармоническим сочетанием красок» (*Сводник.* С. 172–173).

Анализируя стихотворение, Д.С. Дарский писал: «Здесь момент прощальной ясности и отдыха перед недалекой кончиной. Еще сохраняется крепость сил, но сборы в путь уже окончены. Наступило освобождение от истомы жизни; не жаль роскоши лета, порваны связи, и кругом расширился выход» (*Дарский.* С. 64) (*А.Ш.*).

«СМОТРИ, КАК РОЩА ЗЕЛЕНЕЕТ...»

(с. 85)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 5 и *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 54 об.

Первая публикация – *РБ.* 1858. Ч. II. Кн. 10. С. 5. Вошло в *Изд. 1868.* С. 176; *Изд. СПб., 1886.* С. 220; *Изд. 1900.* С. 222.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 289.

Автограф РГАЛИ беловой, без исправлений. С прописной буквы написано слово «Роща». Авторские знаки – тире в конце 2-й, 4-й, 10-й строк и многоточие в конце 12-й.

При первой публикации подверглось редакторской правке. Так, 4-я строка автографа: «От каждой ветки и листа», в *РБ* печаталась: «От каждой ветви и листа». 9-я строка автографа: «Над нами бредят их вершины», в *РБ* дается как: «Над нами ходят их вершины». В *РБ* изменена также 12-я строка: «К нам долетает с вышины» (в автографе: «До нас доходит с вышины»). В *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900* воспроизводится по варианту автографа РГАЛИ. Печатные тексты не сохраняют написание с прописной буквы слова «Роща».

Датируется августом 1857 г. на основании пометы в списке, принадлежащем, как полагает К.В. Пигарев (см. *Лирика I.* С. 412), дочери поэта Е.Ф. Тютчевой: «Августа 1857-го года, дорогою и в Москве».

В.Ф. Саводник почувствовал в этом стихотворении «мощное и спокойное дыхание дремлющей природы, глубокую вибрацию ее жизненных сил» (*Саводник.* С. 178).

Р.Ф. Брандт предположил, что в нем воплотилась мысль о том, что «можно успокоить душевные волнения среди благой тишины Природы» (*Материалы.* С. 60).

«Палящее солнце, нега деревьев, шепот и мгла родника, бредовый говор вершин, орлиный клекот, – писал Д.С. Дарский, – все растаяло и смешалось в горячем и хмарном жизнеощущении. Ка-

жется, все объято уплотненной и живою средою, куда отовсюду истекают разбуженные, бродящие силы и соки. Это особенно близкие Тютчеву природные состояния. Никто в русской поэзии глубже его не вошел и не проникся бездумной и бременящей мощью вселенской жизни. Никто так явственно не услыхал ее густого и знойного подземного прибоя» (*Дарский.* С. 72) (*А.Ш.*).

«КОГДА *ОСЬМНАДЦАТЬ* ЛЕТ ТВОИ...»

(с. 86)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 4.

Первая публикация — *НС.* С. 50. Здесь же воспроизведен автограф (с. 51).

Печатается по автографу.

Автограф беловой, чернилами, на одной странице. Перед текстом помета: «23 февраля. 1858». И текст: «A ma bien chère Marie pour son 18-ième anniversaire de la part de son père» («Моей дорогой Мари к восемнадцатилетию от отца» — *фр.*). В тексте «осьмнадцать» и «нас» подчеркнуты. В конце многоточие.

Посвящено Марии Федоровне Тютчевой, в замужестве Бирилевой (1840–1872), дочери Ф.И. Тютчева и Эрн. Ф. Тютчевой. В 1865 г. М.Ф. Тютчева вышла замуж за героя Крымской войны Н.А. Бирилева, который вскоре после женитьбы заболел психически. В 1866 г. родилась дочь Бирилевых Мария (ум. 1867). С 1870 г. М.Ф. Тютчева становится сестрой милосердия, занимается созданием в Овстуге училища для крестьянских детей. Умерла она в 1872 г. от чахотки в Рейхенгалле, погребена в Петербурге, на кладбище Новодевичьего монастыря. Письма Тютчева к М.Ф. Бирилевой см.: *Изд. 1984.* Т. 2. С. 305–307; *ЛН-1.* С. 482. Ей также посвящено стих. «День православного Востока...». См. С. 238 (*Е.О.).*

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

(«D'une fille du Nord, chétive et languissante...»)

(с. 87)

Автограф неизвестен.

Список — РГБ. Ф. 233. Полторацкий С.Д. К. 11 (продолж.). Ед. хр. 71.

Первая публикация — *Изд. 1900.* С. 446. Затем — *Изд. Маркса.* С. 231; *Чулков II.* С. 122; *Лирика II.* С. 252.

Печатается по первой публикации.

Датируется мартом 1858 г. на основании пометы в списке Полторацкого: «Стихи Федора Ивановича Тютчева, посвященные Лизе Анненковой, март 1858. Петербург». В *Изд. 1900* и *Изд. Маркса* соотнесено со стих. Е.Н. Анненковой «И в нашей жизни повседневной...» (1859 г.). По-видимому, французское стихотворение было первым, на русском языке — вторым.

Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 26) сделал переводы — подстрочный и стихами. В *Изд. Маркса* приведен перевод Зинаиды Ц. (с. 417); в *Лирике II* — перевод М.П. Кудинова (с. 419–420) (*В.К.*).

«В ЧАСЫ, КОГДА БЫВАЕТ...»

(с. 88)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 3–3 об.

Списки — И.Ф. Тютчева (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 71–71 об.), Е.Ф. Тютчевой (в альбоме Е.Ф. Тютчевой — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 55–56), М.Ф. Тютчевой-Бирилевой (в *Альбоме Тютч.-Бирилевой.* С. 87), *Альбом Тютчевой* (с. 168–168 об.); Ю.Ф. Самарина (РГБ. Ф. 139. К. 10. Ед. хр. 11. Л. 1 об. – 2).

Первая публикация — *РБ*. 1858. Кн. 10. С. 4 (в составе подборки стихотворений, в оглавлении — «Шесть стихотворений Ф.И. Тютчева»), затем — *Изд. 1868*. С. 180–181, дата: «1858 г.»; *Изд. СПб., 1886*. С. 224–225, дата: «1858»; *Изд. 1900*. С. 225–226, без даты.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 289.

Автограф беловой, синими чернилами, на двух сторонах одного листа, на первой — строфы 1–3, на второй — 4–7, без заглавия и даты. Строфы отчеркнуты. Лист представляет собой половину обычного листа, оторванную по сгибу. На второй половине (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 4) стих. «Она сидела на полу...». «Искрометный» в 11-й строке подчеркнуто другими (черными) чернилами, рядом вопросительный знак теми же чернилами — пометки, вероятно, не авторские. Особенности пунктуации автографа отражены в публикуемом тексте, за исключением запятой в конце 10-й строки.

Основные разночтения с автографом: «И брызнет огнецветной» в 11-й строке (списки И.Ф. Тютчева и Е.Ф. Тютчевой), «лазуревых» вместо «лазоревых» в 14-й строке (списки И.Ф. Тютчева и Е.Ф. Тютчевой), «Со тверди» в 13-й строке (список в альбоме Эрн. Ф. Тютчевой), «много-благодатна» вместо «мило-благодатна» в 25-й строке (список Ю.Ф. Самарина).

Список Ю.Ф. Самарина является соединительным звеном меж-

ду двумя основными вариантами. Текст списка практически полностью совпадает с автографом, за исключением слова «много-благодатна», которое не поддерживается ни автографом, ни другими списками. Пунктуация не совпадает с автографом, но характерна для Тютчева: тире в конце 2-й строфы, пять точек в качестве многоточия в конце стихотворения. Именно в таком виде с незначительными изменениями в пунктуации стихотворение публикуется в *РБ*, но здесь впервые возникают «огнецветный» и «лазоревый» соответственно в 11-й и 14-й строках, которые попадают в списки, сделанные впоследствии. «Много-благодатна» в них не фигурирует, уступив место чтению автографа «мило-благодатна». В таком виде стихотворение публикуется в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Лирика I* (с. 172–173). В *Изд. 1900* смешаны варианты: «огнецветной», но «лазоревых». Чулков, как и мы, отдает предпочтение автографу (*Чулков II*. С. 207).

В списке Е.Ф. Тютчевой в 12-й строке: «Струей по стенам» — видимо, ошибка; строки 18-я и 20-я читаются соответственно: «Оно нам не несет» и «Оно нас не спасет» — возможно, тоже ошибки. Здесь же сноска в начале стихотворения: «покойной жене» (л. 55), т. е. Эл. Ф. Тютчевой, первой жене поэта.

В. Кожинов указывает, что данное посвящение тем более вероятно, что в 1858 г. исполнялось 20 лет со дня смерти Эл. Ф. Тютчевой (значимость годовщин для поэта общеизвестна, см. стих. «Еще томлюсь тоской желаний...» 1848 г., посвященное десятилетию со дня смерти Эл. Тютчевой, и др.). Однако данное стихотворение написано не 28 августа, в день смерти Эл. Тютчевой, а за несколько месяцев до того, что делает такую мотивировку проблематичной.

Цензурное разрешение *РБ* помечено 17 мая 1858 г., таким образом, стихотворение датируется не позднее апреля 1858 г. Р.Ф. Брандт указывает на косвенность датировки: «Пометка «1858 г.» <...>, видно, основана лишь на времени появления в печати» (*Материалы*. С. 60). Г.И. Чулков ссылается на помету И.С. Аксакова (с. 364), К.В. Пигарев — на цензурное разрешение (*Лирика I*. С. 412). В альбоме Е.Ф. Тютчевой тексту предпослана помета «1858 г. в Москве».

Датируется не позднее апреля 1858 г.

Однако первые четыре месяца 1858 г. Тютчев провел в Петербурге, в Москве — конец августа – сентябрь (см. *Летопись*. С. 120, 123). Возможно, поэт все-таки ненадолго выезжал в Москву. Или же Екатерина Федоровна сделала пометку, соотнося это стихотворение с 20-летием со дня смерти матери, 28 августа 1858 г. (*Кожинов*. С. 113).

Р.Ф. Брандт приводил слово «огнецветный» как один из примеров «своеобразных слов — отчасти необычных, отчасти являющихся в необычном значении» с комментарием: «...причем я бы их всегда, в той или иной мере, одобрил» (*Материалы*. С. 131).

«Лазуревый» кажется более привычным для глаза, однако по сути тоже является гибридом «лазоревого» и «лазурного». Слово «лазуревый» не фиксируется ни словарями современного русского языка, ни словарем Даля. Однако изредка встречается в арсенале поэтов XIX в.

В. Брюсов включает «В часы, когда бывает...» в перечень стихотворений, относящихся к «последней любви» поэта, т. е. Е.А. Денисьевой, добавляя: «...в них страстность чувства соединена с глубокой нежностью и высокой человечностью» (В. Брюсов. Ф.И. Тютчев. Критико-биографический очерк // *Изд. Маркса.* С. 19) (*Е.О.*).

«ОНА СИДЕЛА НА ПОЛУ...»

(с. 89)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 1. 34. Л. 4–4 об.

Списки — Е.Ф. Тютчевой (альбом Е.Ф. Тютчевой, РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 56 об. — 57); Эрн. Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 72–72 об.); *Альбом Тютчевой* (с. 159).

Первая публикация — *РБ.* 1858. Кн. 10-я. С. 2, в составе подборки стихотворений, в оглавлении — «Шесть стихотворений Ф.И. Тютчева», затем — *Изд. 1868.* С. 182, дата: «1858 г.»; *Изд. СПб., 1886.* С. 228, дата: «1858»; *Изд. 1900.* С. 227, без даты.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, синими чернилами, на двух страницах: один лист с двух сторон. На 1-й странице строфы 1–3, на обороте — 4. Лист представляет собой половину обычного листа, оторванную по сгибу. На второй половине (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 3) стих. «В часы, когда бывает...». Чернила те же. Стихотворение без даты и заглавия, строфы отчеркнуты. Запятая в конце 1-й, 5-й строк, в 13-й строке «молча» выделено запятыми. В списке Е.Ф. Тютчевой пунктуация в основном повторяет автограф, любопытно разночтение в 4-й строке: «Брала их в руки — и бросала». «Души» с прописной буквы, как и в автографе. Еще вариант пунктуации: в списке Эрн. Ф. Тютчевой восклицательный знак с многоточием в конце 12-й строки (см. также *Лирика I.* С. 174).

К.В. Пигарев публикует в *Лирике I* (с. 174) вариант начала 9-й и 11-й строк: «О, сколько...» вместо «И сколько...». В 16-й строке в автографе два последовательных наречия соединены дефисом: «страшно-грустно», это написание сохраняется в списке Е.Ф. Тютчевой и воспроизводится при публикации Г.И. Чулковым (*Чулков II.* С. 115). В списке Эрн. Ф. Тютчевой нет знака препинания, в списке *Альбома Тютчевой* запятая.

Посвящено Эрн. Ф. Тютчевой, которая, по семейной легенде, сожгла часть своей переписки, в том числе свои письма к Ф.И. Тютчеву.

Датируется не позднее апреля 1858 г.: ценз. разр. *РБ* помечено 17 мая 1858 г. (см. «В часы, когда бывает...», к которому отсылает и Р.Ф. Брандт, подчеркивая косвенный характер датировки — *Материалы*. С. 60).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т. Ч.» (Тютчев. Чувство) (*ТЕ*. С. 147).

Присущий (устар.) — присутствующий (*Е.О.*).

УСПОКОЕНИЕ

(«Когда, что звали мы своим...»)

(с. 90)

Автограф — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 2.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55(1). Л. 313 (порядковый номер стихотворения — 156).

Первая публикация — *РВ*. 1858. Т. XVI, август. Кн. 2. С. 719–720; вошло в *Изд. 1868*. С. 177–178; *Изд. СПб., 1886*. С. 226–227; *Изд. 1900*. С. 228–229.

Печатается по *РВ*. См. «Другие редакции и варианты». С. 290.

Вольный перевод стих. Н. Ленау «Blick in den Strom» («Взгляд в поток» — *нем.*). Существуют два варианта тютчевского перевода: 1) в автографе и списке (они почти идентичны), 2) вошедший в *РВ*.

В автографе — первый вариант перевода, включающий 5 строф (в *РВ* — 6 строф). Записано тщательно, чернилами, заглавие отсутствует, в конце — дата: «15 августа 1858». Много тире: в конце строк (2, 4, 6, 8, 11, 13, 17), в середине 19-й («Что вот — помчала и ее»); многоточиями завершаются 10-я, 12-я, 16-я строки. Написание (пунктуация) призвано передать бесконечность движения «великой Волны» (последнее слово с прописной буквы).

Список сделан Эрн. Ф. Тютчевой в ее альбоме, отличие от автографа в 19-й строке («умчала» вместо «помчала», как в автографе); внизу на листе указан год — 1858. В списке — иная графика (четные строки каждого четверостишия сдвинуты вправо).

В *РВ* имеет заглавие «Успокоение», подпись — «Ф. Тютчев». Изменения текста начались со 2-й строфы: «Пойдем и взглянем вдоль реки» (автограф), стало — «Пойдем и бросим беглый взгляд» (*РВ*). В автографе первая и вторая строки этой строфы по смыслу повторяли друг друга; во второй редакции поэт отказался

от повтора, уточнив характер «взгляда» («беглый») и в результате изменил рифму в 3-й строке («Куда стремглав струи спешат»). Появилась новая строфа — «Одна другой наперерыв», — содержащая идею рокового зова, которому подчиняется водная, вечно движущаяся стихия. Исчезла строка 3-й в автографе строфы — «Неодолим, неудержим» (имеется в виду «поток»). В новой редакции («За ними тщетно мы следим» — за струями) поэт внес смысловую правку, усилив личное звучание стихотворения, его прямую соотнесенность с наблюдающими («мы следим») и указав на неподвластность водной стихии человеку (тщетность воздействия). Сохранились две следующих строки, заключающие главную мысль: душевное успокоение под влиянием величия природного бытия, к которому прикасается человек — именно к первородной водной стихии: «Но чем мы долее глядим, / Тем легче нам дышать». Во второй редакции союз «И» в начале строки заменен на противительное «Но»: тщете человеческого воздействия поэт противопоставил облегчающее душу влияние природной стихии. В следующей строфе (5-й в *РВ*) вариант «И слезы льются из очей» изменен на «И слезы брызнули из глаз», подчеркнута внезапность сильного ответного душевного движения. Поэт усилил выразительность 3-й строки в этой строфе («волнуясь и клубясь», вместо — «быстрее и быстрей», как в автографе). В последней строфе изменены 3–4-я строки: «Что вот — помчала и ее / Великая Волна» (в автографе), стало: «Что вот, уносит и ее / Всесильная волна». Во второй редакции выступает конечное действие движущейся волны на душу, идея «силы» волны. Однако утрачена первоначальная глубоко тютчевская идея величия природного бытия. В первой редакции образ «Великой Волны» приобретал символическое звучание. Во второй редакции этот смысловой ореол значительно меньше. Мы восстанавливаем вариант автографа в написании слова «Волна» (с прописной буквы).

В *Изд. 1868* печатается по автографу: тоже без заглавия, тоже 5 строф в стихотворении; отступления — в 11-й строке («далее глядим», вместо «долее глядим», как в автографе) и в 19-й («Что вот умчала и ее», вместо «Что вот — помчала и ее»). Значительно изменена пунктуация: тире осталось только в конце 8-й строки. В конце 1-й строфы — многоточие, как и в конце 10-й, 12-й, 16-й, 20-й строк. Таким путем сохранился тютчевский художественный эффект недосказанности, неоконченности мысли. В конце стихотворения указан год — 1858.

В *Изд. СПб., 1886* также воспроизведен текст автографа, но с особенностями списка (ед. хр. 55(1). Л. 313) в графическом оформлении строфы (четные строки сдвинуты вправо); в 11-й строке — «да-

лее», в 19-й — «умчала», как в *Изд. 1868*. Заглавие отсутствует, год — 1858 — указан. Пунктуация подобна той, что в *Изд. 1868*.

В *Изд. 1900* — редакция *РВ*, но без заглавия, без указания года. В стихотворении 6 строф, в основном сохранена пунктуация журнального издания, но убраны тире в конце 2-й, 13-й, 17-й строк.

В изд. *Чулков II*. С. 112–113, в *Лирике II*. С. 175–176 печатается по *РВ*.

Датируется 15 августа 1858 г. (*В.К.*).

В оригинале стихотворение имеет иное, чем у Тютчева, заглавие: «Взгляд в поток». Стихотворение Н. Ленау лиричнее, спокойнее (менее драматично), чем у Тютчева, и короче — четыре строфы, а не шесть. Вот его подстрочный перевод:

Коль счастье от тебя уходит
И не вернется вновь,
Иди к бегущему потоку,
Где все бурлит и исчезает.

В поток смотри, смотри, уставясь,
И легче станет расставаться
Сердцу с потерей, пусть даже
Нет ничего его дороже.

Смотри, не отрывая взора, на реку,
Пока из глаз не брызнут слезы.
Смотри сквозь теплые их капли,
Как вниз бежит поток.

И с грезами придет забвенье.
Оно закроет рану сердца.
И исстрадавшаяся душа
Сама себя увидит уносящейся в потоке.

Мужские и женские рифмы реализуются в немецком тексте смежно. Размер ямбический. В четных строках с женскими рифмами усечен последний ударный слог. Перевод также написан ямбической строкой. В нечетных строках реализован четырехстопный, а в четных строках трехстопный ямб (*Л.Л., М.М.*).

Развернутый отзыв о тютчевском стихотворении принадлежит В.Ф. Саводнику, который полностью перепечатал «Успокоение» и прокомментировал: «Все в природе находится в вечном течении, — возникает, растет, изменяется, исчезает; но для нее, как целого, нет ни рождения, ни смерти: она вечно обновляется, и в этом обновлении находит свое бессмертие. В светлой беззаботности природы, в ее невозмутимом спокойствии заключается высшая мудрость, — человеку остается только учиться ей у природы и, созерцая вечный поток ее явлений, примиряться со своими испытаниями и поко-

ряться роковой неизбежности». Саводник подходит к этому размышлению, вспоминая стих. «Весна», «Певучесть есть в морских волнах...», подводя читателя к тютчевской мысли о «равнодушии» природы ко всему человеческому (*Саводник*. С. 194–195).

Д.С. Дарский обнаружил в стихах Тютчева разрешение мучительных диссонансов в переживании временами особого «облегчения», «спасительного перелома»: «Спадает угрюмое напряжение и немятежное входит безволие. Сознание освобождается от привычных понятий и страхов. Вселяется что-то другое и противоположное прежнему, — светлая примиренность и отдача себя роковым силам. Мысль о конце не грозит и не терзает более, — сладостной и изнеможенной радостью исполняет преобразившийся дух. Состояние полнейшей резиньяции, умиленность, покой...» (*Дарский*. С. 60–61). Далее исследователь полностью привел «Успокоение». Разъясняя смысл стихотворения, Дарский говорил об отказе поэта от уз эгоистического самосохранения: «Всею телесною и кровною своею полнотой готово увериться существо человека, что в общем для всего живого уделе не стоит своекорыстного отстаивания собственного «я». Не в «отдельной струе» утверждается «я», а «во всеобъемлющем море» мирового бытия. Поэтому «Бесследно все, и так легко не быть!» Дарский привел эту строку, указав на способность Тютчева «отвлекаться от себя и забывать свою личность», отсюда и смирение поэта как философско-нравственный принцип. Дальнейший ход мысли исследователя привел его к стих. «Дума за думой, волна за волной...» (*В.К.*).

«ОСЕННЕЙ ПОЗДНЕЮ ПОРОЮ...»

(с. 91)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2–2 об. и РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *РБ*. 1859. Кн. 13. С. 2–3. Вошло в *Изд. 1868*. С. 179; *Изд. СПб., 1886*. С. 223; *Изд. 1900*. С. 230.

Печатается по автографу РГБ. См. «Другие редакции и варианты». С. 290.

В автографе РГАЛИ 9-я и 10-я строки исправлены. В первом чтении: «И сходят сумрачные тени / Октябрьских ранних вечеров», во втором: «И на широкие ступени / Екатерининских дворцов». Новый вариант вносится непосредственно по ходу записи стихотворения. Развивая зрительное впечатление, поэт вводит в текст конкретные приметы царскосельского сада. Внизу помета рукой Эрн. Ф. Тютчевой: «22 октября 1858».

Автограф РГБ беловой. Вверху справа помета Эрн. Ф. Тютчевой: «Царское Село, 22-ое октября 1858». Текст представлен в другой редакции. Переработаны заключительные 7-я и 8-я строки первой строфы: «В какой-то неге онеменья / Коснеют в этой полумгле» (в автографе РГАЛИ: «Безгласны, тихи — без движенья / Белеют в этой полумгле»). Статичная картина становится эмоционально-выразительной. Серьезным изменениям подверглась вторая строфа стихотворения. В 9-й строке поэт использует другое определение: «И на порфирные ступени» (в автографе РГАЛИ: «И на широкие ступени»). В новом чтении фиксируется не величина дворцовых ступеней, а цвет, в который их окрасило заходящее солнце. Этот цвет выступает как характерный признак царской власти («порфира» — пурпурная мантия монарха). В автографах представлены разночтения 13–16-й строк: РГАЛИ — «И в тайне сумрака немого / Лишь слабо светит под звездой — / Как память дальнего былого, / Пустынный купол золотой», РГБ — «И сад темнеет как дуброва, / И при звездах из тьмы ночной, / Как отблеск славного былого, / Выходит купол золотой». В этих заключительных строках в обеих редакциях внимание обращено на светящийся в темноте купол, однако в первом варианте его слабое сияние лишь напоминает о прошлом, во втором — он величественный свидетель былого уважения и заслуг.

В *РБ* текст напечатан в соответствии с автографом РГБ, с разночтением 13-й строки: «И сад желтеет как дуброва» (в автографе: «И сад темнеет как дуброва»). Скорее всего, это просто ошибка. По автографу РГАЛИ публикуется в *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900*. В *Изд. СПб., 1886* текст озаглавлен: «Царское Село», в *Изд. 1900* 15-я строка дана в варианте автографа РГБ: «Как отблеск славного былого».

Датируется 22 октября 1858 г. по пометам Эрн. Ф. Тютчевой.

Стихотворение было отмечено Л.Н. Толстым буквой «К.» (Красота) (*ТЕ*. С. 147) (*А.Ш.*).

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

(с. 92)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой*, в письме поэта к дочери Д.Ф. Тютчевой, без даты.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 17); *Альбом Тютчевой* (с. 161–162); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 65 об. — 66; ед. хр. 184. Л. 61–62.

Первая публикация — *газ.* «Наше время». 1860. 17 января. С. 12.

Вошло в *Изд. 1868*. С. 183–184; *Изд. СПб., 1886*. С. 229–231; *Изд. 1900*. С. 233–234.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 291.

Автограф сопровождается припиской на *фр. яз.* к Д.Ф. Тютчевой: «Вот, моя милая дочь, несколько рифмованных строк, они помогли мне отвлечься от тягот надоевшего путешествия, посылаю их тебе вместо длинного письма... Однако справедливости ради должен тебе сказать, что в эту самую минуту ярко светит солнце, правда, озаряет оно не розовые кусты и не цветущие апельсиновые деревья, а свежие, только что распустившиеся сосульки» (*ЛН-1*. С. 445).

В альбоме Е.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 183) отмечено, что стихотворение написано «из-за границы, осенью, 1859-го года». В списке *Альбома Тютч.-Бирилевой* дата уточняется: «октябрь 1859 г.». В это время поэт был на пути между Кенигсбергом и Петербургом. В конце октября Тютчев писал из Веймара жене, что он не может без ужаса думать о том, что ему придется скоро вернуться в Петербург (см. *СН*. 1916. Кн. 21. С. 171). В следующем письме, из Берлина, Тютчев сообщает: «Сегодня вечером я окунусь — не в вечность, как повешенные в Англии, но в бесконечность, как путешественники в России» (там же. С. 172). Вечером 24 октября / 5 ноября он выезжает из Берлина через Кенигсберг в Россию. 2/14 ноября поэт прибывает в Петербург, на что указывает запись в дневнике М.Ф. Тютчевой-Бирилевой (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 177. См.: *ЛН-2*. С. 307).

Датируется концом октября 1859 г.

Издания (*Изд. 1868* и последующие) ограничились указанием года: «1859». Немного варьируется заглавие: «На возвратном пути» («Наше время», *Изд. 1900*, с пометой в скобках: «(Из Кенигсберга в Петербург)» и «Дорога из Кенигсберга в Петербург» (*Изд. 1868, Изд. СПб., 1886)*. В списках РГАЛИ, в «Нашем времени», в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* первым поставлено стих. «Родной ландшафт ...Под дымчатым навесом...», однако такая последовательность не отражает ни хронологии создания, ни движения художественной мысли.

Унылый северный пейзаж и необозримые пространства России осознавались Тютчевым как погружение в небытие, истощение жизни. В письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 23 июня 1843 г. поэт писал из Варшавы: «Краков тебе понравился бы. <...> это последний живописный ландшафт, какой видит путешественник, направляющийся к Востоку. Ибо, едва выедешь за ворота этого города, как попадаешь на необъятную *равнину*, скифскую равнину, которая так часто поражала тебя на моей рельефной карте, где она образует огромную плоскость; а в действительности она не привлекательней, чем на карте. Пред-

ставь себе местность между Мюнхеном и Фрейзингом, на пространстве, вдвое большем, чем вся Европа. Вот и все... Ты сама понимаешь, что такие края плохо врачуют боль разлуки» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 79). В том же письме: «Закутайся покрепче в свои горы, чтобы возместить для меня отвратительную равнину, в которую я погружаюсь».

Тематически «На возвратном пути» перекликается с рядом стихотворений, где «места немилые, хоть и родные» сопоставляются с «души... родимым краем»: «Здесь, где так вяло свод небесный...» (1830), «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» (1837), «Глядел я, стоя над Невой...» (1844), «Русской женщине» (1848–1849), «Вновь твои я вижу очи...» (1849), «Итак, опять увиделся я с вами...» (1849). Соотнесение параллелей Север — Юг и Россия — Запад приводило критиков (см., например, Гарин И.И. Тютчев // Гарин И.И. Пророки и поэты. М., 1994. Т. 3. С. 393–397) к ошибочной мысли об антирусской направленности поэта, его нелюбви к родине. Справедливо отмечает современная исследовательница Н.В. Королева (История русской поэзии. Л., 1969. Т. 2. С. 212): для Тютчева Север и Юг — понятия не столько географические или политические, сколько эмоциональные. Так, после смерти Е.А. Денисьевой посещение милых сердцу Швейцарии, Франции уже не будет радовать Тютчева («Утихла биза... Легче дышит...», 1864; «О, этот юг, о, эта Ницца...», 1864). Россия станет в полной мере родимым краем для поэта. В письме к А.И. Георгиевскому из Ниццы от 10–11/22–23 декабря 1864 г. он отметит: «...Странное явление встречается теперь между русскими за границею, как бы в смысле реакции противу общего стремления, — это сильнейшая, в небывалых размерах развивающаяся тоска по России при первом соприкосновении с нерусским миром. Здесь, в Ницце, все, состоящее в свите императрицы, начиная с нее самой, в высшей степени одержимо этим чувством, — и никакое яркое, декабрьское солнце, ни это ясное теплое небо, ни это море, ни эти оливы и померанцевые деревья — ничто не может заглушить чувство чужеземности и сиротства. И вот почему здесь «Московские ведомости», как московский благовест, действует так освежительно и успокоительно на русские нервы. <...> Ницца все-таки не что иное, как самое живописно-поэтическое, лучезарно-благолепное захолустье» (*ЛН-1*. С. 385–386).

Произведение вызвало интерес у дореволюционной критики. Д.С. Дарский отмечал «встревоженно-подавленный, сомнамбулический тон» стихотворения «Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...», свидетельствующий о глубоком сомнении поэта в реальности окружающего. «Страх, ноющий и неотвязчивый страх перед скудостью, недостатком жизни одолевал поэта. «Сниться самому себе» — это было его живым, может быть, каждодневным опытом

17 Зак. 7181

под северным небом» (*Дарский.* С. 79). «Грустный вид и грустный час...» привлекло внимание В.Я. Брюсова мастерством стихотворной формы. В критико-биографическом очерке, открывающем Полн. собр. соч. Тютчева (*Изд. Маркса.* С. 5–37), оно приведено в качестве примера «утонченного построения» стихотворения, облеченного «в очень изысканные метры». «При беглом чтении не замечаешь в их построении ничего особенного. Лишь потом открываешь тайну прелести их формы. В них средние два стиха первой строфы (3-й и 4-й) рифмуются со средними стихами второй строфы (9-м и 10-м). Притом, чтобы ухо уловило это созвучие, разделенное четырьмя стихами, Тютчев выбрал рифмы особенно полные, в которых согласованы не только буквы после ударяемой гласной, но и предыдущая согласная (которую французы называют consonne d'appui): «гробовой — живой», «тумана — Лемана» (там же. С. 36).

Леман — одно из французских названий Женевского озера (*А.М.*).

«ЕСТЬ МНОГО МЕЛКИХ, БЕЗЫМЯННЫХ...»

(с. 94)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1–1 об.

Списки – *Альбом Тютч.-Бирилевой* рукой М.Ф. Тютчевой; Д.И. Сушковой – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 73; М.Ф. и Э.Ф. Тютчевых – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 74, 75, 76.

Первая публикация – *Изд. СПб., 1886.* С. 235; вошло – *Изд. 1900.* С. 236.

Печатается по *Лирике II* (с. 144), где публиковалось по *Альбому Тютч.-Бирилевой.* См. «Другие редакции и варианты». С. 291.

Обилие вариантов в списках и отчасти в автографе свидетельствует о значительной работе над стихотворением, основное направление которой — романтизация образов.

Намечалась публикация стихотворения в *Изд. 1868,* но по желанию поэта оно было изъято. И.С. Аксаков (см. *Биогр.* С. 324–325) рассказал о том, как Тютчев был недоволен по разным причинам включением в *Изд. 1868* некоторых стихотворений, не предназначенных им для печати.

В *Изд. СПб., 1886* помещено под заглавием «N.N. (При получении от него в подарок очков)», с пометой «1859»; в *Изд. 1900* — под таким же заглавием и с датой в конце — «20 декабря 1859».

К.В. Пигарев (*Лирика II.* С. 370) прокомментировал стихотворение: «Написано по следующему поводу. 20 декабря 1859 г. Тютчев получил пакет с надписью: Е<го> п<ревосходительству> Федору

Ивановичу Тютчеву от в<еликого> к<нязя> генерал-адмирала для будущего бала». В пакете оказались очки. Этот непонятный подарок заставил Тютчева предположить, что на балу у Н.Н. и В.И. Анненковых, за два дня до присылки очков, он не заметил вел. кн. Константина Николаевича и не поклонился ему. Зная, что генерал-адмирал отличается грубостью, Тютчев принял очки за «урок» с его стороны. Раздраженный, он тотчас ответил Константину Николаевичу стихами, которые и были ему доставлены. «Боюсь, чтобы не вышло истории», — отмечает в своем дневнике М.Ф. Тютчева. Однако присылка очков объяснялась предстоящим костюмированным балом в Михайловском дворце, на котором Тютчев и Константин должны были появиться в одинаковых домино. Будучи близоруким и не желая быть узнанным по своим очкам, последний разослал ряду лиц очки. «Истории» все же не вышло, так как стихи Тютчева, по существу весьма едкие, могли быть истолкованы и в лестном для адресата смысле: стоило только принять на свой счет не строки о «недосягаемых» для глаз «мелких» созвездиях, а строки о «красе небес родных».

Датируется 20 декабря 1859 г. согласно автографу.

Константин Николаевич (1827–1892) – вел. кн., сын Николая I, министр, управляющий Морским ведомством, при нем в этом министерстве работали известные писатели — Гончаров, Григорович, Максимов, Писемский, издавался «Морской сборник» (*В.К.*).

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

(с. 95)

Автограф (ранняя редакция) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2.

Список (поздняя редакция) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 80–80 об.

Первая публикация — *Гражданин*. 1872. № 1 от 3 января. С. 9. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 234; *Изд. 1900*. С. 235.

Печатается по списку. См. «Другие редакции и варианты». С. 292.

В автографе перед текстом помета: «Декабрь. 8 часов утра». Стихотворение состоит из двух строф.

В списке представлена поздняя редакция стихотворения. Текст написан карандашом, а затем чернилами. А.А. Николаев полагает, что карандашный автограф был прописан рукой Д.И. Сушковой (1806–1879), урожденной Тютчевой, сестрой поэта (см.: *Изд. 1987*. С. 403). Заглавие: «Декабрьское утро», внизу помета: «Ф. Тютчев». Поэтом переработана первая строфа и добавлена третья. По своему

содержанию она контрастна первой и второй: ночь-царица вдруг «испаряется», а несмело просыпающийся день предстает «в полном блеске проявлений». И в автографе, и в списке слово «День» выделено прописной буквой. В списке с прописной буквы написаны также слова «Небо» (1-я, 7-я строки), «Землей» (10-я строка).

В *Гражданине* и *Изд. 1900* публикуется в поздней редакции, в *Изд. СПб., 1886* — в первоначальной.

Датируется декабрем 1859 г.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т.!» (Тютчев!) (*ТЕ*. С. 147).

Р.Ф. Брандт высказал мнение, что «картинка» представляет иносказательное изображение неизбежной победы света и добра» (*Материалы*. С. 62) (*А.Ш.*).

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

(«И в нашей жизни повседневной...»)

(с. 96)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 83—83 об.; 81—81 об.; 82—82 об.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 232—233. Вошло в *Изд. 1900*. С. 231-232.

Печатается по списку Д.Ф. Тютчевой (л. 83—83 об.). См. «Другие редакции и варианты». С. 292.

Первый список рукой Д.Ф. Тютчевой, без заглавия. Второй список (неустановленной рукой) в основном совпадает с предыдущим, но в нем имеется заглавие: «Е.Н. Анненковой», в некоторых строках разночтения. Третий список, выполненный также неустановленной рукой, имеет дату: «1859 г.». Текст совпадает со вторым списком, только строки 19–20 отличаются от обоих первых списков: «Отдашься общему теченью — / И жизнь охватит нас опять» (так же в *Изд. СПб., 1886*).

Первая публикация сделана А.Н. Майковым по тексту третьего списка. В 3-й строке звучит рефреном слово «край»: «В край незнакомый, в край волшебный». Меняется характер ощущений души, чувствующей себя «в чистом пламенном эфире»: «так радостно легко» (в списке Д.Ф. Тютчевой здесь — «так родственно-легко»). По-иному осмысляется причина поглощения человека суетой — «тусклой... тенью» жизни. В первой публикации это отказ человека от вознесенности: «отдашься общему теченью / И жизнь

охватит нас опять!». В тексте, записанном Д.Ф. Тютчевой, другое решение проблемы. От человека ничего не зависит, он «обречен заключенью».

Изд. 1900 отчасти следует за *Изд. СПб., 1886*. Сохраняется повтор в 3-й строке: «В край незнакомый, в край волшебный», а также «радостно легко» в 15-й строке. В остальном текст практически совпадает со списком Д.Ф. Тютчевой.

Датируется 1859 г. на основании пометы в списке Д.Ф. Тютчевой.

Посвящено Елизавете Николаевне Анненковой (1840–1886), в замужестве кн. Голицыной.

И. Филевский цитировал стихотворение в доказательство той мысли, что «освящающие силы для борьбы, для труда и работы человеческого духа в этом мире льются к нам из другого «лучшего мира, духовного мира...» (Филевский И. Религиозно-философские воззрения Ф.И. Тютчева // Мирный труд. 1904. № 4. С. 89).

В.Я. Брюсов считал, что «в послании «Е.Н. Анненковой» Тютчев прямо прославляет мир фантазии» (Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 203) (*Ю.Р., А.М., А.Ш.*).

POUR SA M<AJESTÉ> L'IMPÉRATRICE

(с. 97)

Автограф – ГАРФ. Ф. 632. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 129.

Первая публикация (совместно с «Pour madame la Grande duchesse Hélène») готовилась К.В. Пигаревым в *ЛН-1*, однако до этого четверостишия появились в *Изд. 1987*. С. 289.

Печатается по *ЛН-1*. С. 177.

К.В. Пигарев снабдил тексты общим комментарием: «Трудно представить себе придворного менее придворного, чем был Тютчев», – утверждал его первый биограф (*Биогр.* С. 261). Вместе с тем звание камергера и положение в высшем обществе столицы обязывало Тютчева участвовать в придворных и светских вечерах и праздниках. И он участвовал в них, в том числе и своим пером. В публикуемых четверостишиях, написанных по поводу «живых картин» в Зимнем и Михайловском дворцах, присутствует изысканная любезность и галантность, присущая французскому мадригалу. <...> Равнодушный к судьбе своих стихотворений, Тютчев тем более не придавал значения своим мадригалам, написанным «на случай». Тем не менее и они являются фактом его биографии и должны быть учтены. Судя по почерку, чернилам и бумаге, оба четверостишия относятся к концу 1850-х годов» (*ЛН-1*. С. 178). Так датируется и в этом издании.

Обращено к жене Александра II — императрице Марии Александровне (1824–1880). См. *коммент.* к стих. <Императрице Марии Александровне>. С. 492.

В *ЛН-1* помещен подстрочный перевод К.В. Пигарева. В *Изд. 1987* представлен перевод А.А. Николаева (*Э.З.*).

POUR MADAME LA GRANDE DUCHESSE HÉLÈNE

(с. 98)

Автограф — ГАРФ. Ф. 632. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 130. См. *коммент.* к стих. «Pour sa m<ajesté> l'impératrice». С. 453.

Первая публикация — *ЛН-1*. С. 177.

Печатается по *ЛН-1*. С. 177.

Обращено к вел. княгине Елене Павловне (1806–1873), принцессе Вюртембергской, жене вел. кн. Михаила Павловича. Елене Павловне Тютчев был представлен в 1844 г. (см. об этом: *Изд. 1984*. Т. 2. С. 102). Впоследствии он был частым гостем в ее дворцах. Елена Павловна была одной из немногих, кто выразил сочувствие по поводу смерти Е.А. Денисьевой.

Датируется концом 1850-х гг.

В *ЛН-1* (с. 178) помещен подстрочный перевод К.В. Пигарева. В *Изд. 1987* представлен перевод А.А. Николаева (*Э.З.*).

«КУДА СОМНИТЕЛЕН МНЕ ТВОЙ...»

(с. 99)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1.

Первая публикация — Былое. 1922. № 19. С. 72 (статья Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»).

Печатается по автографу.

Автограф написан чернилами, на клочке писчей желтоватой бумаги, без вариантов.

Чулков, публикуя впервые эпиграмму, комментирует: «Ф.И. Тютчев сочувствовал внутренним реформам шестидесятых годов <...> Но это сочувствие было ограничено решительным отвращением ко всему, что напоминало ему об эгалитарных принципах западноевропейской революции. Тютчеву нравился иерархизм старой революционной Европы и только в нем он видел положительные культурные традиции. Либеральные parvenus были ему чужды и неприятны. Русский радикализм шестидесятых годов казался ему провинциальным» (Былое. 1922. № 19. С. 73).

К.В. Пигарев полемизирует по этому поводу: «Содержание эпиграммы пока не поддается расшифровке, но, по-видимому, она никак не связана с буржуазными реформами 60-х годов». Оспаривал Пигарев и утверждение Чулкова, который, основываясь на характере почерка, отнес эпиграмму к началу 1860-х гг. (см. *Тютчевиана.* С. 43): «Между тем эта датировка может быть принята с большими оговорками, т. к. почерк автографа гораздо ближе к почерку, каким поэт писал в более ранние годы» (*Лирика II.* С. 371).

Датируется 1850-ми гг.

Эпиграмма передает горькую иронию автора по поводу навязывания России не свойственных для нее начал. Она дополняет ряд стих.: «Русская география», «Рассвет», «Вот от моря и до моря...», «Пророчество», «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..» и др. (*Э.З.*).

ИЗ ЯКОБА БЁМЕ

(с. 100)

Автограф — *ИРЛИ.* Р. 1. Оп. 27. № 146 (письмо Ф.И. Тютчева к Д.Н. Блудову).

Первая публикация — Л.Н. Кузиной в *ЛН-1* (с. 178–179).

Публикация снабжена комментариями, где приводится немецкий оригинал стихотворения, даются некоторые сведения о Д.Н. Блудове, говорится об основных идеях философа Я. Бёме, подробно сообщается о знакомстве Тютчева с его учением.

Л.Н. Кузина датирует стихотворение началом 1860-х гг., К.В. Пигарев, опубликовавший в *ЛН-1* (с. 499–501) целиком письмо Тютчева к Блудову, датировал письмо 1860–1864 гг. Более точная датировка не представляется возможной.

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) — известный государственный деятель, с юности увлекавшийся литературой. Один из основателей общества «Арзамас», но впоследствии серьезно литературой не занимался. Был председателем Государственного совета и Комитета министров, президентом Академии наук. В последние годы жизни готовил книгу, содержащую рассуждения и замечания по различным вопросам, где его собственные мысли сопровождались и подкреплялись высказываниями философов, общественных деятелей, писателей. Эта работа была частично опубликована его дочерью А.Д. Блудовой лишь в 1866 г.: «Мысли и замечания гр. Д.Н. Блудова», СПб., 1866. Получив в подарок эту книгу, Тютчев отозвался на нее стих. «Как этого посмертного альбома...». Смерти графа Д.Н. Блудова посвящено стих. «19-ое февраля 1864». Еще одно стихотворение адресовано Блудовой — «Гра-

фине А.Д. Блудовой» (1866). Письма Тютчева к А.Д. Блудовой см.: *Урания*. С. 257–260. *Изд. 1984*. Т. 2. С. 250, 334, 358.

Блудов был близко знаком с Тютчевым и, занимаясь научным трудом, обратился к поэту с просьбой перевести стихотворный афоризм немецкого философа Якоба Бёме:

Wem Zeit ist wie Ewigkeit
Und Ewigkeit wie Zeit,
Der ist befreit
Von allem Streit.

(Цит. по *ЛН-1*. С. 178).

Письмо Тютчева, написанное на *фр. яз.*, — ответ на эту просьбу. Стихотворному и прозаическому переводу («Тот, кто уразумел Время как Вечность, а Вечность как Время, стал непричастен никакому горю...») (там же) предшествуют собственные рассуждения поэта, свидетельствующие о его близком знакомстве с идеями Бёме.

Якоб Бёме (1575–1624) — немецкий философ-мистик, пантеист. Оставил множество сочинений («Аврора, или Утренняя заря в восхождении», 1612, «Великая тайна, или Изъяснение Первой книги Моисея», 1623 и др.), где на основе толкования библейских текстов рассматриваются всевозможные проблемы: натурфилософия, антропология, этика и др. Для Бёме характерна экзальтированность стиля, большое количество ярких и смелых поэтических и библейских образов. Мир трактуется им как движение и соединение противоречий; Бог, по Бёме, сливается с природой и объемлет Собой абсолютно все: небо и ад, добро и зло, внешнее и внутреннее. Многие идеи Бёме были восприняты в эпоху Просвещения и получили дальнейшее развитие у представителей романтизма, позже Бёме интересовались Гегель и Фейербах. В России идеи Бёме стали широко известны с конца XVIII в. Его сочинения переводились на русский язык и распространялись в виде списков, пользуясь особенной популярностью среди масонов, противопоставлявших себя, как в свое время Бёме, официальной церкви. Опубликованы сочинения Бёме в русском переводе были в 1815 г. (Бёме Я. Christosophia, или Путь ко Христу. СПб., 1815).

Тютчев, вероятно, познакомился с идеями Бёме еще в России. Позже, живя в Мюнхене, поэт много общался с немецким философом-романтиком Шеллингом — знатоком и ценителем наследия Бёме. Тютчев в том же письме к Блудову называет средневекового философа «одним из величайших умов, которые когда-либо проходили земное поприще», и весьма точно указывает на суть учения Бёме: «Его можно было бы назвать *христианским пантеистом*, если бы сочетание двух этих слов не заключало бы в себе вопиющего

противоречия...» (там же. С. 501). Афоризм о Времени и Вечности отразил важную для Бёме идею познания Вселенной в единстве и согласии всех ее противоречий (*А.Б.*).

«DE CES FRIMAS, DE CES DÉSERTS...»

(с. 101)

Автограф — *Собр. Пигарева.* На обороте обложки экз. *Изд. 1854,* отправленного Тютчевым дочери Дарье в Женеву. Под текстом указана дата на *фр. яз.*: «Pétersbourg. 5/17 mars 1860» («Петербург. 5/17 марта 1860 г.»).

Первая публикация — Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим. 1922, 28–29 мая. Вошло — *Тютчевиана.* С. 16; *НС.* С. 53; *Чулков II.* С. 262; *Лирика II.* С. 253; *Изд. 1987.* С. 290.

Печатается по автографу.

Г.И. Чулков в примечаниях к публикации в *НС* отметил: «Любопытен синтаксический оборот последней строки «Allez-moi saluer ma fille». Это язык не XIX, а начала XVIII века. Подобные выражения можно найти и ранее, в XVII в., у Буало, у Лафонтена и др. Французские письма Тютчева также нередко приближены к языку и стилю XVIII века» (с. 74–75) (*В.З.*).

MEMENTO

(Vevey 1859 — Génève 1860)

(с. 102)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

Список с авторской поправкой — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 6–7.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 187. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 237; *Изд. 1900.* С. 239.

Печатается по списку, заглавие и помета-подзаголовок восстанавливаются по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 293.

Список представлен на двух языках: после строфы на русском языке следует ее перевод на немецкий. В списке есть вариант 7-й строки: «Коль эти горы, волны и светила» — вместо «Как эти горы, волны и светила» (устранен повтор слова «как» в 4-й и 7-й строках). В строке 8-й поэт отказался от словосочетания «полутьме своей» («И в полутьме своей она любила»), заменив его на «смутных очерках» («И в смутных очерках она любила»). Та, которой посвящено стихотворе-

ние, помимо сочувствия вызывает в поэте безмерное уважение — местоимения, называющие ее, пишутся с прописной буквы: «Ей» (6-я строка), «Она» (8-я строка). С прописной буквы начинаются слова «Славе» (3-я строка), «Светила» (7-я строка), «Душа» (15-я строка).

В изданиях 7-я и 8-я строки печатаются по варианту автографа. Начиная с *Изд. 1868*, в текстах изменен предлог в 10-й строке: «И пред грозой, уж близкой, разрушенья» (в автографе и списке: «И под грозой, уж близкой, разрушенья»).

Датируется 20-ми числами октября 1860 г., так как явилось непосредственным откликом на смерть императрицы Александры Федоровны (1798–1860), жены Николая I, скончавшейся 19 октября этого года. В стихотворении Тютчев вспоминает о своих встречах с нею в Веве в 1859 г.

Р.Ф. Брандт высказывал мнение, что заглавие стихотворения «есть сокращенное изречение «Memento mori» — помни о смерти» (*Материалы*. С. 63) (*А.Ш.*).

«ХОТЬ Я И СВИЛ ГНЕЗДО В ДОЛИНЕ...»

(с. 103)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 3.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 171; *Муран. альбом* (с. 118).

Первая публикация — *газ.* «День». 1861. № 10, 16 декабря. С. 3. Вошло в *Изд. 1868*. С. 198; *Изд. СПб., 1886*. С. 246; *Изд. 1900*. С. 250.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, без исправлений. В левом верхнем углу теми же чернилами, что и текст стих., написана и отчеркнута цифра «15» (видимо, нумерация произведения, предназначенного для публикации). Первая строфа выписана старательно, вторая — несколько сжата в объеме, почерк становится менее разборчивым. Поэт почти отказывается от традиционных знаков препинания: запятой (сохранена лишь в конце 5-й и 9-й строк) и точки (завершает произведение). Переходы от «дольнего» к «горнему» Тютчев оформляет тире (в конце 1-й, 4-й, середине 6-й, в конце 10-й, 14-й строк). Бремя земных тягот подчеркивается многоточием (4 точки) в конце 8-й строки. С прописной буквы написано слово «Ангелов».

Слева, перпендикулярно тексту, проставлена дата: «1861. Окт. 10 ч. С. Петербург». Запись выполнена карандашом, почерк носит более заостренный характер, чем у Тютчева. Помета, по-видимому, принадлежит его дочери Анне Федоровне, письмо к которой поэт отправил 10 октября 1861 г. из Санкт-Петербурга. В тексте

письма нет указания на стихотворение, но речь идет о «могучих источниках счастья», заложенных в душе Анны Федоровны, «так и рвущихся наружу» и сдерживаемых средой, в которую молодая женщина «поставлена судьбой». Узнав «свою кровь в том предчувствии, какое вызвал» в дочери юг России («что там — арена предопределенной ей великой будущности»), поэт пишет о необходимости «скорей оторваться от унижений настоящей минуты» для изменения «грядущих судеб» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 268).

Дата «10 октября 1861 г.» впервые появляется в *Изд. 1868*. То же время создания стихотворения указано в *Изд. СПб., 1886*. *Изд. 1900* ограничилось сообщением года: «1861». Обе даты (полная и краткая) встречаются в списках стихотворения. Вероятно, издатели датировали, опираясь на дату письма. Однако Чулков полагал, что стихотворение написано в 1860-м; согласно Пигареву, оно не могло быть создано в Петербурге, и связано с пребыванием Тютчева в Женеве в октябре 1860 г.; с этим мнением следует согласиться (см.: *Лирика I*. С. 415).

Отмечено Л.Н. Толстым как сугубо тютчевское (помета — «Т.»). Все стихи отчеркнуты как наиболее удачные (*ТЕ*. С. 146).

Р.Ф. Брандт определяет стихотворение как «явное иносказанье, изображающее стремление от пошлой жизни к более высокой деятельности» (*Материалы*. С. 64).

В книге Д.С. Дарского произведение рассмотрено в контексте темы «горнего вдохновенья», одной из основных в творчестве Тютчева. «Контраст горных цепей и низин» характеризуется как «символ идеалистических порываний» поэта. «...Стремленье покинуть несносный шум и уединиться переходило в Тютчеве в потребность совершенного очищения от мира, превращалось в метафизическую жажду «чистой, от всего созданного свободной отрешенности» (*Дарский*. С. 30–32).

В обращении поэта к теме «горного — горнего» виделась критику А.Г. Горнфельду созидательная сила тютчевской поэзии: «В неразрешенной трагедии бытия как бы статика его творчества; отчаяние всегда неподвижно. Но эта трагическая беспорывность не ограничивает поэзии Тютчева. В ней есть динамика, есть порыв; высшая красота ее в молитвенно-созерцательном движении ввысь <...> И с этим взором, неизменно и благоговейно обращенным ввысь, пребывает всегда образ Тютчева в нашей мысли. В конце концов, лучшим наследием, переданным нам в его лирике, остается то, что всегда составляет лучший нравственный вывод из всякого истинно художественного и истинно философского произведения...» (*Горнфельд*. С. 20–21).

Идея духовного подъема получает развитие и в ряде других гор-

ных — «горних» пейзажей Тютчева («Утро в горах») (1829), «Снежные горы» (1829), «Альпы» (1830), «Над виноградными холмами...» (начало 1830-х), «Утихла биза... Легче дышит...» (1864). В их основе — осознание своей малости и необходимости быть ближе к Богу (*А.М.*).

«КРАСНОРЕЧИВУЮ, ЖИВУЮ...»

(с. 104)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 3.

Первая публикация — *НС.* С. 95. Вошло: *Чулков II.* С. 263.

Печатается по автографу.

Автограф, беловой, на маленьком листе бумаги, четким почерком; подчеркнуты во 2-й строке слово «свою», в 4-й — «апробую»; в конце 3-й и 4-й строк — тире.

К.В. Пигарев так уточнял свои же комментарии: «Предположение о том, что четверостишие написано от лица дочери поэта М.Ф. Тютчевой и относится к 1864 г. (Изд. 1939. С. 315; Изд. 1957. С. 383), опровергается списком, найденным в бумагах Остафьевского архива Вяземских, с подписью: «Э. Тютчева» и надписью на обороте: «Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому» (РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 2899. Л. 112).

Повод, вызвавший это четверостишие, написанное от лица жены, не выяснен» (*Лирика II.* С. 425).

Датируется 1860-ми гг. (*В.К.*).

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО

(с. 105)

Автограф неизвестен.

Списки — *Муран. альбом* (с. 112–114), М.Ф. Тютчевой-Бирилевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 85–86 об.; Л. 87; Л. 88–89 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 19–21); Эрн. Ф. Тютчевой (*Альбом Тютчевой.* Л. 165–165 об.); Е.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 63 об. – 64 об.).

Первая публикация — *газ.* «Наше время» от 6 марта 1861 г. № 8. С. 141–142, в заметке «Юбилей князя П.А. Вяземского» под заглавием «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», подпись: «Ф. Тютчев». Затем в брошюре «Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика кн. Петра Андреевича Вяземского».

СПб., 1861. С. 20–21; *Изд. 1868*. С. 190–192, дата: «2-ого марта 1861 г.»; *Изд. СПб., 1886*. С. 239–241, дата: «2 марта 1861»; *Изд. 1900*. С. 241–243, дата: «1861».

Датируется: первоначальная редакция — 26 февраля 1861 г. (на основании пометы в списке М.Ф. Тютчевой-Бирилевой); окончательная — март 1861 г.

Печатается по списку *Муран. альбома*. См. «Другие редакции и варианты». С. 293.

В списках представлены три редакции стихотворения. Изменения затрагивают, главным образом, строфы 5–7. Самый ранний список, сделанный М.Ф. Тютчевой-Бирилевой, имеет помету под текстом: «26 февраля», год не указан (РГАЛИ. Ед. хр. 52. Л. 85–86 об.). 7-я строфа отсутствует. Эта же редакция, но с 7-й строфой, представлена в списке Е.Ф. Тютчевой, она же, по-видимому, и была прочитана П.А. Плетневым на торжественном обеде, опубликована в «Нашем времени» и в юбилейной брошюре, в *Изд. Маркса* (с. 135–136). Следующая по времени редакция дошла до нас также в списке М.Ф. Тютчевой-Бирилевой и представляет собой вариант 5-й и 6-й строф (РГАЛИ. Ед. хр. 52. Л. 87), затем переписан полностью (там же. Л. 88–89 об.). Последняя, окончательная редакция (списки *Муран. альбома*, *Альбома Тютч.-Бирилевой*, РГАЛИ. Ед. хр. 55. Л. 165–165 об.) воспроизведена в *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886*, *Изд. 1900*.

Помимо указанных текстуальных различий между списками имеются и менее существенные разночтения. В нескольких списках «муза» в 1-й и 45-й строках пишется со строчной буквы, однако «Она» (муза) в 3-й, 5-й, 8-й строках — с прописной (*Муран. альбом*. С. 112; РГАЛИ. Ед. хр. 52. Л. 85; Л. 88). В остальных списках, напротив, «Муза» с прописной, «она» со строчной (*Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 19; РГАЛИ. Ед. хр. 55. Л. 165; список Е.Ф. Тютчевой. РГАЛИ. Ед. хр. 184. Л. 63 об. — 64). Этот же вариант воспроизводится в *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886*, *Изд. 1900*. В текстах «Нашего времени» и брошюры — все строчные.

В первых трех списках — также прописная в словах «Счастья» (3-я строка) и «Оно» (4-я строка, за искл. *Муран. альбома*), а также «Вы» во всех падежах (13-я, 15-я, 16-я, 18-я, 19-я, 23-я, 38-я и 45-я строки) (как и в списке Е.Ф. Тютчевой) и «Князь» в 27-й строке. Расхождения в пунктуации не очень существенны.

В остальных списках отразились изменения, сделанные поэтом, вероятно, после 2 марта.

В *Изд. 1868* в 22-й строке «сок благодатный» вместо «благородный». В *Изд. 1900* в строках 34, 35 «совершим» вместо «сотворим» (в списке Е.Ф. Тютчевой в 34-й строке изначально было «[совершим]», но исправлено на «сотворим»), а также в 17-й строке «до-

сужная» вместо «досужая», как и в списке РГАЛИ. Ед. хр. 55. Л. 165–165 об.

В большинстве изданий стихотворение датируется 2 марта 1861 г. А.А. Флоридов при публикации в *Изд. 1900* выразил сомнение, что пьеса могла быть написана 2 марта, т. к. в этот день она была уже прочитана на юбилейном обеде (*Изд. 1900*. С. 620). Р.Ф. Брандт в письме И.Ф. Тютчеву от 19 февраля 1904 г. возражает: « ...полагаю, по способу сочинять Федора Ивановича, также и по собственной стихотворной практике, что стихи легко могли сложиться в этот же день до обеда» (*ЛН-2*. С. 531; см. также *Материалы*. С. 198). К.В. Пигарев установил, что стихотворение было написано около 25 февраля 1861 г. (*Лирика I*. С. 415–416), т. к. первое упоминание о нем содержится в письме Д.Ф. Тютчевой к Е.Ф. Тютчевой от 27 февраля 1861 г.: «В будущий четверг будут праздновать 50-летний литературный юбилей Вяземского — по этому поводу папà написал прекрасные стихи, которые я отправлю тебе, как только они будут прочитаны. Папà не хочет, чтобы о них говорили прежде времени» (*ЛН-2*. С. 322).

Приятельские отношения Тютчева с Вяземским продолжались много лет. Ему также посвящены стих. «Князю П.А. Вяземскому» («Теперь не то, что за полгода...») и «Князю Вяземскому» («Есть телеграф за неименьем ног!..»). Письма Ф.И. Тютчева к П.А. Вяземскому см. *Изд. 1984*. Т. 2. С. 26, 101–102, 142–143, 148, 248.

Описание банкета по поводу 50-летнего литературного юбилея П.А. Вяземского см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1904. Кн. 18. С. 292–327. Стихотворение было прочитано в заключение речи П.А. Плетнева, председателя Отделения русского языка и словесности Академии наук. К.В. Пигарев указывает на сходство оценки литературного пути и таланта Вяземского, данной в этом стихотворении, с тем, что писал Вяземскому Плетнев 5/17 января 1859 г.: «Недавно с Тютчевым я опять перечитал всю тетрадь вашу, и мы оба не могли не почувствовать, что сила, свежесть и грация стихов ваших идут в диаметрально противоположную сторону со счетом дней ваших: чем тяжелее груз последних, тем моложе и игривее характер первых» (*Лирика I*. С. 416). См. также речь Плетнева на том же обеде: «Созданный вами язык, более нежели чей-нибудь из наших писателей, доходит до сердца каждого русского, и трогательно отзывается в нем, как те родные, так любимые нами, звуки и выражения, которые в неизменном языке народа нашего, на всем протяжении тысячелетней Истории его, переходят от одного поколения к другому, всегда равно всем внятны, усладительны и незаменимы» (Барсуков Н. Там же. С. 307).

И.С. Аксаков приводил строки 27–31 для иллюстрации к «характеру <...> поэтического творчества» Ф.И. Тютчева, человека, ко-

торый, «по его собственному признанию, тверже выражал свои мысли по-французски», по-французски же говорил, писал статьи и письма, но стихи творил только по-русски. «Значит, из глубочайшей глубины его духа била ключом у него поэзия, из глубины недосягаемой даже для его собственной воли; из тех тайников, где живет наша первообразная природная стихия, где обитает самая правда человека... Здесь кстати привести то, что сам Тютчев высказал уже в 1861 году, в стихах на юбилей князя Вяземского, по поводу «музы» этого замечательного в своем роде поэта» (*Биогр.* С. 85) (*Е.О.*).

«КОГДА-ТО Я БЫЛА МАЙОРОМ...»

(с. 107)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 19), Д.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 90–91).

Первая публикация — *СН.* 1904. Кн. 8. С. 57, в редакционном вступлении к публикации «Письма князя Петра Андреевича Вяземского к Д.Ф. и Е.Ф. Тютчевым»; затем в *Тютчевиане.* С. 17.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, чернилами, на одной странице. Без заглавия и даты, в конце отчеркнуто. Прописные буквы: «Генеральских эполет» в 4-й строке, «Ординарцы» в 7-й строке.

В списке Д.Ф. Тютчевой этому посвящению предпослано стихотворение П.А. Вяземского под заглавием «Князь П.А. Вяземский Марье Федоровне Тютчевой» с пометой «Карлсруе. 24 декабря 1853 г.». Затем идет комментарий на *фр. яз.* «Marie jouait la comédie, enfant, habillée en major («Мари играла в комедии ребенком, в роли майора»). Réponse de Marie au prince Wiazemsky, composée par papa et dite au jubilé de prince («Ответ Мари князю Вяземскому, сочиненный папа и прочитанный на юбилей Князя»). И наконец, стих. «Когда-то я была майором...».

Текст *СН* отличается от автографа пунктуацией: «много-много» в 1-й строке, восклицательный знак в конце 4-й строки, двоеточие в конце 6-й строки и точка в конце всего стихотворения.

Публикации писем П.А. Вяземского к дочерям Тютчева в *СН* предпослано следующее вступление: «Письма эти были доставлены председателем Московского отделения Общества ревнителей русского исторического просвещения Иваном Федоровичем Тютчевым графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву при таком интересном сообщении:

«В 1853 году, в бытность нашу за границей, сестра моя Мария, 13-ти лет, играла на домашнем спектакле роль какого-то майора.

Кн. Петр Андреевич Вяземский посвятил ей по этому поводу следующее стихотворение:

24 декабря 1853 г.

Любезнейший майор, теперь ты чином мал,
Но потерпи, и будет повышенье,
В глазах твоих читаю уверенье,
Что будешь ты, в строю красавиц, генерал.
А в ожидании побед своих и балов
Учись, трудись, и ум, и сердце просвещай,
Чтоб после не попасть, майор мой, невзначай
В разряд безграмотных, хоть видных генералов.

Много лет спустя, в юбилей князя, отец от имени сестры ответил ему следующими стихами:

«Когда-то я была майором...» (и т. д.) (*СН.* Кн. 8. С. 56–57).

Упоминание юбилея кн. П.А. Вяземского позволяет датировать стихотворение 1861 г. Г.И. Чулков не исключает возможность и другой датировки: «В семейном архиве Тютчевых хранится копия с другого известного стихотворения кн. П.А. Вяземского «Я знал майором вас когда-то...», обращенного также к М.Ф. Тютчевой и написанного в Ницце 5 (17) февраля 1865 г., когда она была помолвлена с флигель-адъютантом Николаем Алексеевичем Бирилевым <...> Возможно, что ответ М.Ф. Тютчевой князю Вяземскому, написанный за нее Тютчевым, относится не к юбилею князя, а ко времени пребывания семьи Тютчевых в Ницце, то есть к 1865 году. Это видно из последнего стиха тютчевской пьесы, который вызван, по-видимому, 9-м стихом стихотворения кн. П.А. Вяземского («Вам жезл фельдмаршальский сулил я...»)» (*Чулков II.* С. 484–485). К.В. Пигарев, тем не менее, останавливается на 1861 г., подкрепляя датировку соседством списка его в *Альбоме Тютч.-Бирилевой* со стих. «На юбилей князя Вяземского» (с. 19–21) и стих. «В. Вольфсону» («Недаром русские ты с детства помнил звуки...») (см.: *Лирика II.* С. 371) (*Е.О.*).

АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

(с. 108)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 3.

Списки – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 92; *Альбом Тютчевой.* (с. 164); *Муран. альбом* (с. 115); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 23).

Первая публикация – *Изд. 1868.* С. 189. Вошло: «Моск. ведомости», 1873, № 190, 29 июля; *Биогр.* С. 276; *Изд. 1900.* С. 244.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 294.

Автограф — на полулисте серой почтовой бумаги, синими чернилами, труден для чтения. По почерку его можно отнести к началу 1860-х гг. Карандашные пометы Эрн. Ф. Тютчевой: вверху дата: «25 март 1861»; внизу подпись: «Ф». Заголовок «Александру Второму» подчеркнут. На обороте листка — печатный текст на *фр. яз.* — дополнение к циркулярному письму (Санкт-Петербург, 1 января 1860 г., исходящий № 11) о расширении услуг, предлагаемых российским представительством компании A. Maillard & C°, занимающейся грузоперевозками.

Датируется мартом 1861 г. согласно помете Эрн. Ф. Тютчевой на автографе.

Первый список — неустановленного лица, синими чернилами, на листке бумаги, имеющей водяной знак (корона и рожок). Заголовок: «Императору Александру II».

Второй список — Эрн. Ф. Тютчевой (*Альбом Тютчевой*), в верхней половине листа; над текстом карандашная помета: «все напечатано»; под текстом дата: «19 февраля 1861 года». Заголовок: «Его И. В. Императору Александру II». На этом же листе внизу — список «Так! Он спасен — иначе быть не может!..» (см. *коммент.* С. 520), сделанный Д.Ф. Тютчевой.

Третий список — неустановленного лица (*Муран. альбом*), отличается от автографа пунктуацией, на одном листе со стих. «Князю П.А. Вяземскому». Заголовок: «Александру Второму», под текстом дата: «24-го марта 1861».

В изданиях сохранен заголовок первого списка: «Императору Александру II». Датировка варьируется: в *Биогр.* и *Изд. 1868*: «19 февраля 1861 г.»; *Изд. 1900*: «(март) 1861». Вероятно, дата «19 февраля» означала день оглашения в церквах Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, которому посвящено стихотворение. Манифест был оглашен в церквах 19 февраля 1861 г.

Известно, что Александр II негативно относился к похвалам после опубликованного им Манифеста. Тютчев заметил по этому поводу: «Вероятно, в таких случаях государь испытывает то же самое, что каждый из нас, когда по ошибке вместо двугривенного дашь нищему червонец; нищий рассыпается в благодарности <...>, отнять у него червонец совестно, а вместе с тем ужасно досадно за свой промах» (Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991. С. 191). Существует высказывание М.П. Погодина о том, что Тютчев «всем главным преобразованиям нынешнего царствования <...> сочувствовал от души и радовался всякому твердому шагу

вперед, подавая свой пиитический голос» (Погодин М.П. Воспоминания о Тютчеве / Моск. ведомости. 1873. № 190. 29 июля. С. 3).

Свое почтительное отношение к личности Александра II Тютчев выразил в стих.: «Императору Александру II», «Так! Он спасен — иначе быть не может!..» (см. *коммент.* С. 614, 520) (*Н.К.*).

«Я ЗНАЛ ЕЕ ЕЩЕ ТОГДА...»

(с. 109)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 4–4 об., 5–5 об.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 193. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 242 с пометою — 27 марта 1861, затем в *Изд. 1900.* С. 245.

Печатается по второму автографу РГАЛИ (л. 4–4 об.). См. «Другие редакции и варианты». С. 294.

Датируется 27 марта 1861 г. согласно помете в первой публикации.

Первый автограф (л. 5–5 об.) написан чернилами, содержит лишь одну поправку — в 7-й строке. В 1-й строке запятая после слова «ее»: «Я знал ее, еще тогда». Возможно, после запятой предполагалось иное развитие стиха; вероятнее — Тютчев так обозначил паузу. Но, переписывая текст, не поставил здесь запятую. Строфы отделены горизонтальной линией, все три завершаются многоточием. Второй автограф (л. 4–4 об.) хотя выполнен карандашом, явно более поздний. В нем уже реализована правка первого автографа и появились новые варианты нескольких строк. В 9-й «Когда незрима, неслышна» — вместо «Как бы незрима, неслышна»; в 10-й «Роса ложится на цветы» — вместо «Роса ложилась на цветы»; в 11-й «Вся жизнь ее тогда была» — вместо «И жизнь ее тогда была». Исправление только одно, в 15-й строке «И скрылась в небе, как звезда» — вместо «А не погибла, как звезда».

Изд. 1868 напечатано с ориентацией на первый автограф, остальные — на второй.

Кого имеет в виду поэт, точно не установлено. Г.И. Чулков высказал предположение: «Кому посвящена эта пьеса, мы не знаем. Возможно, что она относится, так же как и «Memento», к жене Николая I, Александре Федоровне» (*Чулков II.* С. 376). Д.С. Дарский подчеркивал «космическое» звучание стихотворения: «Среди русских поэтов нет другого, кто бы с одинаковой полнотой испытал те верховные состояния, которые выше были обозначены именем космического чувства». «Баснословные года» (доисторические, мифические, сказочные) и «первоначальных дней звезда» создают мифический хронотоп, что дает понять: «она» — это «мировая душа» (*Дарский.* С. VIII) (*А.А.*).

«НЕДАРОМ РУССКИЕ ТЫ С ДЕТСТВА ПОМНИЛ ЗВУКИ...»

(с. 110)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Тютчевиана* (с. 17).

Печатается по фотокопии с автографа — *Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1815 (см. воспроизведение *ЛН-2*. С. 345). Написано под фотографическим портретом Тютчева; выше портрета надпись: «Нашему милому гостю, Д-ру Вольфсону».

Обращено к немецкому журналисту и драматургу Вильгельму Вольфсону (1820–1865). В 1861 г. Вольфсон по приглашению Академии наук приезжал из Дрездена в Петербург на празднование пятидесятилетия литературной деятельности кн. П.А. Вяземского. В книге, описывающей юбилейные торжества, один из разделов посвящен Вольфсону, где о нем, в частности, сказано: «На обеде в числе гостей находился немецкий литератор г. Вольфсон, известный не только своими драматическими сочинениями, но и своим постоянным и прилежным изучением умственной деятельности России. Надобно прибавить, что мы обязаны г. Вольфсону очень удачными и, главное, очень верными переводами стихотворений *Пушкина*, *Лермонтова*, *Тютчева* и других русских писателей» («Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского». СПб., 1861. С. 34). Вероятно, в дни торжеств Тютчев и вручил немецкому гостю свой подарок.

Датируется мартом 1861 г.: празднование пятидесятилетия литературной деятельности Вяземского состоялось 2 марта 1861 г. К.В. Пигарев датировал четверостишие также мартом 1861 г., т. к. оно переписано в *Альбоме Тютч.-Бирилевой* вместе со стих. «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» и «Когда-то я была майором...» (*Лирика II*. С. 372). Г.И. Чулков относил стихотворение предположительно к 1862 г., времени основания журнала «Russische revue».

Недаром русские ты с детства помнил звуки — намек на то, что Вольфсон, еврей по происхождению, был уроженцем Одессы.

Теперь для двух миров, на высоте науки, / Посредником стоишь ты мировым... — имеются в виду написанные на *нем. яз.* труды Вольфсона: «Die Schönwissenschaftliche Litteratur der Russen» (Лейпциг, 1843), «Russlands Novellendichter» (3 тома, 1848–1851). Основанный им в Дрездене журнал «Russische revue» содействовал ознакомлению западноевропейского читателя с русской литературой (*Э.З.*).

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

(«Теперь не то, что за полгода...»)

(с. 111)

Автографы (3) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 6–6 об; Л. 8; Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 179–179 об.

Списки – *Муран. альбом* (с. 115–116); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 94; Ед. хр. 55. Л. 170; Е.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ед. хр. 184. Л. 63–63 об.); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 28).

Первая публикация — *газ.* «День» от 21 октября 1861 г. № 2. С. 2, «Князю П.А. Вяземскому», дата: «(Петергоф 12 Июля)», подпись «Тютчев». Затем – *Изд. 1868*. С. 197; *Изд. СПб., 1886*, С. 303; *Изд. 1900*. С. 247.

Печатается по третьему автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 294.

Автографы — на отдельных листах. Первый — черновой, чернилами, на двух страницах (л. 6–6 об.). На первой странице строфы 1–2, на обороте – 3–4. Заглавие в скобках: («Князю П.А. Вяземскому»), ниже: «Петергоф. 12 июль». Исправление в 3-й строке: было «Но вся великая природа», стало – «сама великая природа». В 6-й строке: «ваш пир» изменено: «свой пир». В 13-й строке: «брызжут» зачеркнуто, написано: «плещут». Все строфы завершаются многоточиями.

Второй автограф – чернилами, на одной странице. Заглавие и помета перед текстом чьей-то рукой: «Июль 1862», «Князю П.А. Вяземскому». В 6-й строке: «вам пир». Строфа 3-я отсутствует, видимо, потому, что она не нуждалась в изменениях (вошла в первоначальном виде в третий автограф). В 13-й строке: «Фонтан играет». В 14-й строке: «И засыпая» вместо «Прохладой сонной». В 15-й строке: «и [благосклонно-]юбилейно» вписано: «так над вами». В 16-й строке: «вам шумят» зачеркнуто: «здесь шумят». В конце 1-й и 4-й строфы – тире. Тире также во 2-й строке: «Теперь – не тесный», в конце 10-й строки.

Третий автограф – в собрании фонда Вяземских. Беловой, на двух страницах. На первой странице строфы 1–2, на второй – 3–4.

В *газ.* «День» опубликован вариант 3-го автографа, в *Изд. 1868*, и след. изд. так же.

Написано к 12 июля 1861 г. – дню рождения Вяземского (1792–1878).

«Теперь не то, что за полгода...» – имеется в виду юбилей 50-летия литературной деятельности П.А. Вяземского. См. *коммент.* к стих. «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского». С. 460.

12 июля 1861 г. по поводу дня рождения Вяземского был устроен праздник в Петергофе. Описание его см. в письме Е.Ф. Тютчевой

Д.И. Сушковой от 17 июля 1861 г. (*ЛН-2*. С. 325). Однако Ф.И. Тютчев не принимал в нем участия «из-за своего туалета, состоявшего из некоего <...> малоизящного сюртука» (там же). К письму прилагался список стихотворения в его последней редакции.

Р.Ф. Брандт, комментируя историю публикации, указывает, что в *Изд. СПб., 1886* стихотворение «по явному недосмотру отнесено к 67 году и поставлено на стран. 303 <...>, между стихотворениями «На юбилей князя А.М. Горчакова» и «Славянам» (*Материалы*. С. 64) (*Е.О.*).

«ИГРАЙ, ПОКУДА НАД ТОБОЮ...»

(с. 112)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 9–9 об.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой*, ее рукой (с. 104–105); *Альбом Тютчевой* (с. 172); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 95–95 об.; 96–96 об.

Первая публикация — *РА*. 1874. Вып. 7. С. 221–223, с датой перед текстом: «Mardi, 25 juillet 1861» («Вторник, 25 июля 1861» — *фр.*) и пометой: «Сообщено с подлинника Павлом Дмитриевичем Голохвастовым». Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 247–248, дата: «1862»; *Изд. 1900*. С. 251–252, дата: «1862».

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 295.

Автограф чернилами, на двух страницах: один лист с двух сторон, на первой странице строфы 1–3, на обороте — 4-я. Лист с водяными знаками «1858». Строфы отчеркнуты.

Исправления в 4-й и 12-й строках. Оба раза в качестве первой редакции выступает текст, совпадающий с редакцией *РА*. В 12-й строке исправления вносились в два этапа. Первоначальное «Лишь пробудившегося дня» зачеркнуто и поверх написано «И [слышал] первый лепет дня», а вместо зачеркнутого «слышал» вписано «милый»: «И первый милый лепет дня». Все это позволяет утверждать, что исправленный автограф — последняя редакция стихотворения.

В автографе — изобилие тире. Помимо воспроизведенных: в конце 4-й, 5-й, 6-й, 11-й, 13-й строк. После текста помета в скобках: «(1862)», сделанная не рукой поэта.

Список Д.Ф. Тютчевой (ед. хр. 52. Л. 96–96 об.) совпадает с текстом *РА*. Заглавие: «Неизданное стихотворение Ф.И. Тютчева». Дата перед текстом: «Mardi 25 juillet 1861». Незначительные отклонения в пунктуации. Остальные списки совпадают с автографом. Есть разночтения в пунктуации. Список: ед. хр. 52. Л. 95–95 об. — без да-

ты; ед. хр. 55 — «1862». В *Альбоме Тютч.-Бирилевой* после текста приписка в скобках: «(Предполагаю, что написано в 1862 году летом и посвящено одной из Андреевских)». Во втором списке ошибка в 13-й строке: «розы» вместо «грозы», дата: «1862».

Публикация *РА* отличается от автографа не только датировкой и пунктуацией. Помимо отмеченных выше, существенны варианты последней строфы.

В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* публиковался текст автографа и сохранялась его же датировка. Р.Ф. Брандт, тем не менее, настаивал на французской помете *РА*: «<...> помета эта, наверное, принадлежит самому поэту, и едва ли прав Флоридов, заменивший ее «приблизительным» 62-м годом» (*Материалы*. С. 65). Этого же мнения придерживается и Г.И. Чулков (*Чулков II*. С. 378). Публикуя по автографу, Чулков считал текст *РА* более ранним (там же). К.В. Пигарев, однако, воспроизводит текст *РА* (*Лирика I*. С. 187). Мнения последних о датировке представляются убедительными. Датируется на основании первой публикации — 25 июля 1861 г.

Достоверных сведений об адресате стихотворения нет. Единственным свидетельством так и остается приписка М.Ф. Бирилевой в списке об «одной из Андреевских».

Павел Дмитриевич Голохвастов (1838–1892) — историк, публицист, филолог, был женат на Ольге Андреевне Андреевской (184?–1897), которой, согласно помете М.Ф. Бирилевой, могло быть посвящено стихотворение.

Р.Ф. Брандт приводит «Играй, покуда над тобою...» в качестве примера стихотворения с «более-менее усложненной рифмовкой» (*Материалы*. С. 142). Действительно, схема рифмовки абааб для Тютчева нетипична (*Е.О.*).

ПРИ ПОСЫЛКЕ НОВОГО ЗАВЕТА

(с. 113)

Автограф неизвестен.

Списки — *Муран. альбом* (с. 116–117); *Альбом Тютч.-Бирилевой*, рукой владелицы альбома (с. 29); *Альбом Тютчевой* (с. 168–168 об.); Е.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 65–65 об.).

Первая публикация — *газ.* «День» от 28 октября 1861 г., № 3, с. 3, подпись: «Тютчев». Затем в *Изд. 1868*. С. 194–195, дата: «1861 г.»; *Изд. СПб., 1886*. С. 243–244, дата: «1861»; *Изд. 1900*. С. 248–249, без даты.

Печатается по списку *Муран. альбома*.

Датируется 1861 г.

Лексических различий между списками и публикациями нет, вариации только в области пунктуации. В 16-й строке разночтения между двумя последовательными наречиями (см. *коммент.* к стих. «Она сидела на полу...». С. 442). В тексте «Дня», а также в списках *Муран. альбома* и Е.Ф. Тютчевой, *Изд. 1868, Изд. 1900* какие-либо знаки препинания отсутствуют в обороте: «страшно тяжело». Однако в списке РГАЛИ (ед. хр. 55) и в *Изд. СПб., 1886* между словами появляется запятая: «страшно, тяжело». Р.Ф. Брандт отмечает 3 различных варианта прочтения 16-й строки, указывая, что «соединительная черточка <...> почти равносильна отсутствию знака» (*Материалы*. С. 64).

Последняя, 20-я, строка в тексте «Дня», *Муран. альбоме*, списке Е.Ф. Тютчевой имеет вид «К ней припади и отдохни», а в списке РГАЛИ (ед. хр. 55), *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* — «К ней припади — и отдохни».

Обращено к старшей дочери, А.Ф. Тютчевой (1829–1889), в замужестве Аксаковой. В возрасте 9 лет она потеряла мать (1838 г.), а в 23 стала фрейлиной будущей императрицы Марии Александровны, в дальнейшем — была воспитательницей великой княжны Марии и других детей императора (с 1857 г.) (см. *При дворе-1, 2*). В 1866 г. вышла замуж за И.С. Аксакова. Как и ее муж, отличалась славянофильскими воззрениями. См. письма поэта к дочери: *Изд. 1984*. Т. 2, а также ее письма: Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников // *ЛН-2*. С. 354, 360 и др.

Л.Н. Толстой отчеркнул на полях три первых строфы (*ТЕ*. С. 147) (*Е.О.*).

«ОН ПРЕЖДЕ МИРНЫЙ БЫЛ КАЗАК...»

(с. 114)

Автограф неизвестен.

Список рукой М.Н. Логинова — *ИРЛИ*. № 23430.

Первая публикация — Каторга и ссылка. 1931. № 11–12. С. 210, по списку.

Печатается по первой публикации.

Датируется 1861 г.

Эпиграмма направлена против Григория Ивановича Филипсона (1809–1883), попечителя Петербургского учебного округа, и вызвана его мероприятиями по борьбе со студенческими волнениями 1861 г. В комментарии к первой публикации Д. Благой пишет: «Не менее бурные сцены происходили и в Петербурге. В результате их

Петербургский университет был закрыт, несколько студентов посажено в Петропавловскую крепость. «Героем» усмирений был новый попечитель — казачий атаман Филипсон. Деятельность Филипсона и вызвала эпиграмму Тютчева, до сих пор не появлявшуюся в печати...» (с. 211).

Филиппов сын — положим, так, / А все не Александр Великий — каламбур, построенный на дословном переводе с немецкого языка на русский фамилии Филипсона — «сын Филиппа». Александр Великий был сыном Филиппа II, царя Македонии (*Э.З.*).

23 FEVRIER 1861

(«La vieille Hécube, hélas, trop longtemps éprouvée...»)

(с. 115)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1, 2.

Первая публикация — *Тютчевиана.* С. 16. В начале четверостишия сохранена дата на *фр. яз.*, указанная Тютчевым в автографе. Затем — *НС.* С. 53 (повтор первой публикации); *Чулков II.* С. 262 (дата тоже на *фр. яз.*, но после четверостишия и заключена в квадратные скобки); *Лирика II.* С. 254 (дата написания оговаривается в примечаниях).

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 295.

Автограф написан на синем, согнутом вдвое листе бумаги (Г.И. Чулковым отмечено: «Бумага с водяными знаками: J.F.H. — Turkey Mill. 1859». — *Тютчевиана.* С. 45), карандашом. В архиве обе части листа пронумерованы как два отдельных листа. Судя по всему, на листе 2 (по архивной нумерации) более ранний вариант, своего рода набросок, написанный поспешным почерком и трудно читаемый, особенно в конце отдельных слов и строк. Вариант на л. 1 написан более аккуратно, в его начале Тютчевым поставлена дата: «23 février. 1861», после четверостишия карандашная черта и фиолетовыми чернилами другим почерком (по замечанию Чулкова, «приписка женскою рукою» — *Чулков II.* С. 483) дописано: «Hécube, vieille chien<n>e» («Гекуба, старая собака» — *фр.*). Последнее слово четверостишия написано с прописной буквы: «Bontés».

В комментариях к первой публикации Чулков указал: «По семейному преданию, это стихотворение было послано вместе с собакою Гекубою — Марии Феодоровне Тютчевой, дочери поэта» (*Тютчевиана.* С. 45) (*В.З.*).

«ОБОИМ НИКОЛАЯМ...»

(с. 116)

Автограф неизвестен.

Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 97.

Первая публикация — *Чулков II* (с. 262).

Печатается по списку.

Список выполнен рукой Е.Ф. Тютчевой, датируется 6 декабря 1861 г. Ее же рукой сделана приписка: «Получено в 6 часов и тут же отвечено». Сообщен текст ответного послания Сушкова Тютчеву:

Тезки, оба Николая,
Друга-брата обнимая,
От души благодарят
И целуют всех ребят.

Обращено к брату поэта Николаю Ивановичу и мужу сестры Дарьи Ивановны Николаю Васильевичу Сушкову. Н.В. Сушков (1796–1871) — литератор, поэт, драматург, был другом Тютчева, в его семье в течение долгого времени проживала дочь поэта от первого брака Екатерина. Во время своих наездов в Москву Тютчев был постоянным посетителем салона Сушковых, где собирались многие ученые и литераторы. Поэт высоко оценил издательский проект Сушкова — литературно-исторический сборник «Раут», в котором участвовал своими стихами. Находил положительные черты в драматургическом его творчестве (в частности, в языке драмы «Москва» заметил «печать народности» — «яркость» и «благоухание»). После смерти Сушкова Тютчев писал о его «прекрасной натуре», в которой «под детской впечатлительностью таилась незаурядная сила чувств и стремлений» (письмо к Эрн. Ф. Тютчевой: Мурановский сборник. Вып. 1. Мураново, 1928. С. 269).

Датируется 6 декабря 1861 г., в соответствии со списком (*Т.Ф.*).

А. А. ФЕТУ

(«Тебе сердечный мой поклон...»)

(с. 117)

Автограф – *ИРЛИ*. № 24535/1. Л. 108.

Списки – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 98; *Альбом Тютчевой* (с. 167).

Первая публикация – *Изд. 1868*. С. 196; вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 245; *Изд. 1900*. С. 246.

Печатается по первой публикации с нумерацией двух частей стихотворения. См. «Другие редакции и варианты». С. 295.

В списках стих. «Тебе сердечный мой поклон...» и «Иным достался от природы...» объединены, тексты имеют общий заголовок «А.А. Фету», представлены как одно стихотворное посвящение и разделены лишь чертой.

Изд. 1868 имеет заглавие «А.А. Фету», напечатаны вместе: «Тебе сердечный мой поклон...», «Иным достался от природы...», как единое произведение, притом вначале шестистишие — посвящение, а затем уже стих. «Иным достался от природы...» в виде двух четверостиший. В конце — помета «1861 г.». Следующие издания — *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* — повторили полностью тексты первой публикации, незначительно изменив синтаксис (*Изд. 1900*). В *Изд. Маркса* напечатано так же.

Г.И. Чулков полагал, что сохранились только списки стихотворения; он воспроизвел тексты те же, что и в предыдущих изданиях, и датировал 1861 г. (*Чулков II*. С. 132).

Как единое стихотворение, адресованное Фету, два текста публиковались до 1953 г., пока Б.Я. Бухштаб не заявил о том, что «Иным достался от природы...» и «Тебе сердечный мой поклон...» два разных стихотворения, см. его статью «Три послания Тютчева» (Труды Ленинградского гос. библиотеч. ин-та им. Н.К. Крупской. 1956. Т. 1. С. 235–236). Разъединение стихотворений ученый аргументировал следующим образом: автограф — лист почтовой бумаги, вклеенный в альбом Фет-Шеншиной (М.П. Боткиной), представляет собой тютчевское послание-ответ на просьбу Фета прислать фотографический портрет любимого поэта. В автографе два стихотворения разъединены: одно написано на первом полулисте с подписью и датой. Оборот этого листа чистый, без продолжения стихотворения. На втором полулисте — второе стих. «Иным достался от природы...». Второй аргумент в пользу того, что Тютчев написал два самостоятельных стихотворения — смысл и поэтика посвящений. Шестистишие — типичное сопроводительное послание; два четверостишия — «философское стихотворение» с аллегорическим образом «водоискателя» (ясновидца), обозначившим поэта, наделенного «инстинктом пророчески слепым». Строфика двух стихотворений разная. Бухштаб полагал, что в списках стихотворения слиты по ошибке, ссылаясь при этом на сравнительно часто встречающуюся подобную ошибку в списках и в изданиях.

К.В. Пигарев принял это прочтение посвящений Фету и даже поместил их в разные тома *Лирики* («Тебе сердечный мой поклон...» — во II томе, «Иным достался от природы...» — в I).

А.А. Николаев (*Изд. 1987*. С. 208) вернулся к прежней традиции, напечатав оба стихотворения как единое посвящение Фету, именем

этого поэта и назвав произведение. Однако он выделил в нем две части и пронумеровал их: <1> «Тебе сердечный мой поклон...»; <2> «Иным достался от природы...». Так печатается и в настоящем издании.

«Иным достался от природы...» датируется 1861 г. «Тебе сердечный мой поклон...» — согласно автографу — 12 апреля 1862 г.

Созданные в разное время, два обращения все же объединены самим поэтом, вписавшим их в альбом вместе одно за другим; они посланы в одно время и оба — Фету в связи с его просьбой. Оба выражают отношение старшего к младшему поэту-почитателю. Можно полагать, что сам Тютчев мыслил оба текста как единое посвящение Фету, что подтверждается и прижизненным изданием И.С. Аксакова.

Сближение Тютчева с Фетом произошло во второй половине 1850-х гг. В мемуарах Фет рассказал об их встречах и о собственном восприятии Тютчева, в котором выделил родственные черты: «воздушность», романтическое одухотворение, неземную, звездную поэтическую ориентацию — к «нездешнему», ночное ясновидение. В 1859 г. он опубликовал сочувственную статью «О стихотворениях Тютчева» (*Фет*. С. 63–84), к началу 1860-х гг. относят его поэтическое посвящение, где и находится просьба к «обожаемому поэту» прислать свой портрет. Тютчев откликнулся на просьбу Фета, к началу 1860-х гг. еще недостаточно выявившего себя в печати («Вечерние огни», особенно близкие Тютчеву, еще не были созданы). Приводим стихотворение Фета — «Федору Ивановичу Тютчеву»:

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и поклоном,
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.
Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
Твое чело, твой облик милой.
Твоей камене — повторять,
Прося стихи — я докучаю,
А все заветную тетрадь
Из жадных рук не выпускаю.
Поклонник вечной красоты,
Давно смиренный пред судьбою,
Я одного прошу, чтоб ты
Во всех был видах предо мною.
Вот почему спешу, — поэт!
К тебе я с просьбой и поклоном,
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

(Вечерние огни. М., 1979. С. 87).

Фет посвятил Тютчеву также: «Прошла весна — темнеет лес...», «Нетленностью божественной одеты...», «На книжке стихотворений Тютчева...».

И.С. Аксаков (*Биогр.* С. 99) писал: «В ответных своих стихах к известному нашему поэту, г. Фету, Тютчев говорит (цитирует «Иным достался от природы...» — две строфы, выделив курсивом две последних строки: «Не раз под оболочкой зримой / Ты самое — ее узрел...» — *Ред.).* Этот последний стих справедливее отнести к самому Тютчеву; про него именно можно сказать, что ему было дано не раз видеть природу не во внешней только оболочке, но ее самое, обнаженною, без покровов». «Тебе сердечный мой поклон...» Аксаков не цитировал.

Д.С. Дарский привел первую строфу стих. «Иным достался от природы...», соединив его мысль со строфой из «Безумия» («И мнит, что слышит струй кипенье...»), заявив, что гении наделены даром «прозрения природных глубин», им дано видеть «самое Великую Матерь», но и «слышание» ее тоже — «признак вдохновенных натур» (*Дарский.* С. 123). Дарский, процитировав строфу «Иным достался от природы...», сопоставил тютчевские стихи с «Пророком» Пушкина и со стихотворным посвящением Гёте Баратынского («С природой одною он жизнью дышал...»). Увидел у поэтов «пророческое ясновидение» (*В.К.*).

«ЗАТЕЮ ЭТОГО РАССКАЗА...»

(с. 118)

Автограф неизвестен.

Список М.Ф.Тютчевой — *Собр. Пигарева.*

Первая публикация — *Тютчевиана.* С. 15 (с указанием в конце стихотворения даты — 1862). Вошло — *НС*, раздел «Fragmenta et Dubia». С. 95; *Чулков II.* С. 283; *Изд. 1957; Лирика II.* С. 153; *Изд. 1987.* С. 209 (с указанием даты: февраль 1863).

Печатается по первой публикации.

В комментарии к *Тютчевиане* отмечено: «Эпиграмма «Затею этого рассказа...» печатается с копии из альбома М.Ф. Бирилевой. Наверху надпись: На Казаки (повесть Толстого). Эпиграмма помещена среди известных стихотворений Тютчева, однако отсутствие автографа понуждает нас отнести пока эту эпиграмму к категории dubia. Во всяком случае надпись, указывающая на повесть Толстого, кажется нам недоразумением» (с. 43).

В *НС* не датировано, но в примечаниях дается ссылка на то, что список в *Альбоме Тютч.-Бирилевой* — «с пометою внизу: 1862». Сомнения относительно направленности эпиграммы против «Казаков»

Л.Н. Толстого в примечаниях к этому изданию Г.И. Чулков аргументирует более подробно: «Повесть Толстого «Казаки» относится к 1852 г. Едва ли Тютчев мог откликнуться на нее через десять лет, а самое содержание эпиграммы кажется несколько неожиданным, если поэт в самом деле имел в виду «Казаков» Толстого. <...> Оценка толстовской повести не вяжется с замечаниями Тютчева по адресу кн. П.А. Вяземского, которого он называет «Кюстином нового поколения», враждебно настроенным и предубежденным посетителем малоисследованной страны («un visiteur étranger, malveillant et prévenu, pour un pays nouveau...») за то, что Вяземский неблагосклонно отозвался в своей статье о романе «Война и мир» (*НС*. С. 107). Еще аргумент — любовное отношение поэта к русскому народу в стих. «Эти бедные селенья...» (1855 г., напечатано в 1857 г.).

В комментариях Чулкова главная неточность — датировка повести Толстого. Хотя в подзаголовке «Казаки» названы «Кавказской повестью 1852 года», напечатано произведение в № 1 *РВ* за 1863 г., вышедшем около 24 февраля этого года. Соответственно стихотворение можно датировать не ранее 24 февраля 1863 г.

К.В. Пигарев, печатая эпиграмму «по списку М.Ф. Тютчевой» и не сомневаясь в том, что Тютчев предметом своей колкой иронии в данном случае выбрал именно повесть «Казаки», утверждал: «Поскольку повесть Л.Н. Толстого впервые появилась в январском номере «Русского вестника» за 1863 г., дата списка должна быть признана ошибочной. Эпиграмма, вероятнее всего, написана в феврале 1863 г.». Далее пояснение: «Повесть Толстого вызвала разноречивые отзывы со стороны читателей-современников. Сводку этих отзывов см.: Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 г. М., 1957. С. 605–609. Как справедливо отмечает Гусев, эпиграмма Тютчева в известной степени напоминает мнение писательницы Е. Тур, признававшей высокие художественные достоинства повести, но увидевшей в ней поэтизацию «пьянства, разбоя, воровства, жажды крови» (*Лирика II*. С. 374). (*В.З.*).

СВЯТЫЕ ГОРЫ

(с. 119)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 4–5.

Первая публикация — *газ.* «День». 1862. № 37. 15 сентября. Затем — *Изд. 1900*. С. 253–254.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 296.

Автограф — тщательно записанное стихотворение, строфы-шестистишия обычно отчеркнуты, с прописной буквы — слова: «Богом», «Луною», «Утес», «Небу», «Крест», «Утробе», «Гробе», «Инок», «Святыней».

Издания различаются незначительно: в газете Аксакова «День» и в *Изд. 1900* 3-я строка — «Ночь июньская лежит», в то время как в автографе назван другой месяц: «ночь июльская»; в 6-й строке в указанных изданиях — перестановка слов: «И во тьме Донец блестит», в автографе: «И Донец во тьме блестит»; характерно для поэзии Тютчева смягчение темной краски, ее высветление в образе блестящей реки. Тем более это показательно, что в оригинале (стихотворении дочери поэта) было: «И во тьме Донец блестит».

Представляет собой обработку написанного А. Ф. Тютчевой поэтического посвящения монастырю на правом берегу Сев. Донца в Изюмском уезде Харьковской губернии. Своей сестре Екатерине Анна сообщала в майском письме 1862 г.: «Je t'envoi de nouveaux vers que j' ai écrit sur Святые Горы et que papa a refait à sa manière. Les vers sont comme de raison incomparablement plus beaux que les miens, mais il n' a pourtant pas tout à fait rendu mon idée, comme je l' entendais...» («Посылаю тебе новые стихи, которые я написала о Святых Горах и которые папá переделал на свой манер. Стихи, разумеется, несравненно лучше моих, но он не во всем передал мою мысль, как я ее понимала...» — *фр.*). К письму Анна Федоровна приложила свое стихотворение, которое воспроизведено в *Чулков II*. С. 383 и *Лирика II*. С. 427:

СВЯТЫЕ ГОРЫ

Тихо, мягко, ночь Украйны,
Полна прелести и тайны,
Над дубравою лежит.
Темно небо так глубоко,
Звезды светят так высоко,
И во тьме Донец блестит.

За обительской стеной
Псалмопенье, звон святой
До заутрени молчат;
Под оградою толпой,
Освещенные луной,
Богомольцы мирно спят.

И с крестом там на челе
Белым призраком во тьме
Над Донцом утес стоит.

И, как дух минувших дней,
Он молитвою своей
Богомольцев сторожит.

Во скале той священной
Искони чернец смиренный
Подвиг веры совершал
И в духовном созерцанье
Сколько слез и воздыханий
Перед Богом изливал.

Оттого, как дух блаженный,
Величавый и смиренный
Над Донцом утес стоит,
И в тиши порой ночной
Он молитвой вековой
Спящий мир животворит.

Тютчев сохранил без изменений только 5 строк из 30, поэтому можно считать произведение тютчевским, созданным по «канве» стихотворения дочери; поэт не только выправил погрешности метра, стилистические шероховатости, но и убрал романтический штамп (утес стоит «белым призраком»), вообще сократил олицетворение утеса, который в стихотворении Анны неоднократно наделен «молитвой», утес у нее «смиренный». Тютчев сохранил этот мотив в последней строфе, но убрал фразы, которыми поэтесса, возможно, особенно дорожила: «Искони чернец смиренный / Подвиг веры совершал, / И в духовном созерцанье...»; «Оттого, как дух блаженный, / Величавый и смиренный...». Эти мотивы (смирения и величия, духовного подвига) в тютчевском стихотворении оттеснены идеей живой силы креста, поднятого над утесом. Г.И. Чулков так оценил соотношение стихотворений: «Письмо и стихи А.Ф. Тютчевой мы цитируем по списку, нам предоставленному внуком поэта, Н.И. Тютчевым. До сих пор не было известно, что в основу этой пьесы Тютчева поэтом было положено стихотворение его дочери, наивное и беспомощное по форме, но удивительное по цельности лирического чувства. Мастер бережно отнесся к поэтическому опыту дочери, сохранив неприкосновенными иные удачные строки» (*Чулков II*. С. 384). В *Лирике II* оно отнесено к типу стихотворений «коллективных» (с. 260–261).

Р.Ф. Брандт отозвался о стихотворении: «Здесь выражается благоговейное настроение, чающее спасения от искренней молитвы» (*Материалы*. С. 65).

Датируется маем 1862 г. на основании письма А.Ф. Тютчевой (*В.К.*).

«УЖАСНЫЙ СОН ОТЯГОТЕЛ НАД НАМИ...»

(с. 121)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1–1 об. Подпись: «Ф. Тютчев»; дата: «Москва. Август. 1863».

Список – *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 26), дата: «август 1863».

Первая публикация – *газ.* «День», № 32, 10 августа 1863 г. С. 3–4. Вошло в *Изд. 1868*. С. 119–120, где отмечено – «1863 г.»; в той же редакции, но с уточнением: «Москва. Август 1863» – напечатано в *Изд. СПб., 1886*. С. 254–255; *Изд. 1900*. С. 259–260.

Печатается по *Изд. 1868*. См. «Другие редакции и варианты». С. 296.

Датируется до 9 августа 1863 г. (этим днем помечено ценз. разр. *газ.* «День»).

Автограф беловой, но в печати появились варианты нескольких строк. Тютчев сообщал И.С. Аксакову о поправках к стихотворению в письмах от 8 и 9 августа 1863 г. См.: *ЛН-1*. С. 264.

По утверждению К.В. Пигарева, вызвано совместным дипломатическим выступлением Австрии, Англии и Франции в связи с польским восстанием (*Лирика II*. С. 374). В произведении отражена традиционная тема для тютчевской лирики и публицистики. В августе 1831 г. поэт, находясь в Мюнхене, на взятие Варшавы войсками Паскевича отзывается патриотическим стих. «Как дочь родную на закланье...». Автору важно утвердить мысль, что Россия выступает в интересах самой Польши как славянского государства, которому самой судьбой предопределено быть составляющей великой державы. Позже в статье «Россия и Германия» суждения принимают более категоричный характер. Тютчев считает, что Польша, изменившая «великому началу» славянства, обречена на погибель из-за своего «ложного образования» и «ложной национальности, которая была ей привита». При этом Тютчев оговаривается, что ни в коем случае не выступает против самобытности «польской народности». В статье «Россия и революция» поэт прямо назвал Польшу «крамольно католическою», «фанатическою последовательницею Запада и постоянною изменницею относительно своих братий». Несмотря на строгость приговора, в лирике Тютчев выражал надежду, что Польша все же станет полноправным членом славянской семьи: «Воспрянь – не Польша, не Россия – Воспрянь славянская семья!..» («От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» 16 сентября 1842). Примирение же между Россией и Польшей должно произойти «Не в Петербурге, не в Москве, а в Киеве и в Цареграде...» («Тогда лишь в полном торжестве...», 1850), то есть непременным условием тому является единство веры.

Подобные настроения владели поэтом в течение 1840–1850-х гг. Польское восстание 1863–1864 гг., которому посвящено стихотворение, подтолкнуло к более критической оценке собственных ожиданий. Его письма к Эрн. Ф. Тютчевой 1862–1863 гг. позволяют выявить неподдельную озабоченность поэта происходящим. Тютчеву довелось на месте убедиться, что главная составляющая польского вопроса — «рьяная приверженность к католичеству всей этой белой толпы» (письмо Эрн. Ф. Тютчевой от 1/13 июня 1862 г. // *СН*. 1916. Кн. 21. С. 183–184). Постепенно он склоняется к мнению, что единственно оправданными мерами являются репрессии М.Н. Муравьева, «Кто отстоял и спас России целость, / Всем жертвуя народу своему...» («Его светлости князю А.А. Суворову», 1863).

Тютчев внимательно следил за развитием событий в Польше, подчеркивая вынужденность мер России в отношении Польши, которая движется чуждыми силами, ложными в своей сущности. Это послужило поводом к жестоким защитительным действиям, когда попирались естественные основы государственного устройства. Славянофил Ю.Ф. Самарин, один из близких знакомых поэта и непосредственный член Комиссии внутренних дел в Польше, перед отъездом в Варшаву в начале октября 1863 г. посетил Тютчева и сообщил о задачах правительства в крае. В стихотворении отразились реальные факты того времени. Например, речь идет об участии польского католического духовенства в заговорах. Тютчев в поэтической форме выражал слова Самарина из статьи «Как относится к нам Римская церковь?», также напечатанной в «Дне» (май 1863 г.): «Посмотрим, однако, что делает духовенство. Оно на виду. Из густого леса пробирается в деревню вооруженная шайка, или (опять-таки, говоря новейшим русским языком) *банда инсургентов*. Впереди всех идет ксендз. Не более как час тому назад, он, может быть, приносил на алтаре бескровную жертву. В одной его руке остался крест, а в другой... чтó бы вы думали? Уж не Петров ли меч, не символ ли духовной власти? Нет, этот меч, дававший некогда размахи на всю вселенную, давно уж выпал из одряхлевшей руки. Он сдан в арсенал, и, вместо меча, в руке служителя латинской церкви шестиствольный револьвер. Где не берет слово, там возьмет пуля и прóбьет насквозь не поддающийся увещанию череп, будь он мужской или женский. Перед судом церкви ведь все равны» (Сочинения Ю.Ф. Самарина. В 12 т. М., 1877. Т. 1. С. 306–307).

Как замечает И.С. Аксаков: «Польский вопрос решался для Тютчева степенью верности польского народа славянской народности и славянским церковным, то есть восточным или вселенским преданиям» (*Биогр.* С. 224). Тютчев с величайшей скорбью принимал тот факт, что католическое начало вошло в «кровь и плоть» поляков. Это

18 Зак. 7181

стало причиной их отторжения от славянского мира. Не случайно в письме к Самарину от 24 ноября 1867 г. Тютчев задумывается над «трагическим положением» всего католического славянства, лишенного внутреннего примирения. Его надежды на осуществление единения славянского племени с течением времени рассеивались из-за различного понимания народами своего предназначения (*Э.З.*).

ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЮ А. А. СУВОРОВУ

(с. 122)

Автографы (3) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 2–2 об.; РГБ. Ф. 297. Оп. 1. К. 4. Ед. хр. 9. Л. 144–144 об.; Ф. 308. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 4. Л. 69 (в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 13 ноября 1863 г.).

Списки — *Муран. альбом* (с. 119–120), с заголовком «Князю Суворову» и датою «1863»; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 27), «Его светлости князю Ал. Арк. Суворову», «ноябрь 1863»; альбом Е.Ф. Тютчевой, РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 66 об. – 67, «Кн. А.А. Суворову», «8 ноября 1863 г.», с небольшим комментарием; рукой Эрн. Ф. Тютчевой, И.С. Аксакова и др. – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 99–99 об.: «Ответ Его Светлости Князю Алекс. Аркад. Суворову, по поводу его отзыва о Михаиле Николаевиче Муравьеве: C`est un ogre» (с *фр.*: «Это какой-то людоед»; «жестокий человек», «обжора» — русские значения слова ogre). Кроме того, среди списков находится машинописный текст с заглавием «М.Н. Муравьеву» – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 9 – здесь изменено место третьей и четвертой строф, к слову «людоеда» имеется примечание: «ogre — выражение кн. Суворова о Муравьеве».

Впервые напечатано А.И. Герценом в «Колоколе» от 1 января (нов. ст.) 1864 г. Л. 176. С. 1452. Затем – в *Изд. СПб., 1886*. С. 257, заголовок «Князю А.А. Суворову», дата «12 Ноябр. 1863»; *Изд. 1900*. С. 262–263, «Князю А.А. Суворову», «12 ноября 1863. С.-Петербург». Именно эта дата принимается как верная.

Печатается по автографам РГБ. См. «Другие редакции и варианты». С. 296.

Автограф РГАЛИ черновой, строфы выделены нечетко, почерк трудночитаемый. В отличие от него, текст в письме к Эрн. Ф. Тютчевой беловой. Старательно выписан заголовок: «Его Светлости Князю Ал. Арк. Суворову» и первая строфа.

Обращено к петербургскому военному генерал-губернатору кн. Александру Аркадьевичу Суворову (1804–1882), внуку знаменитого полководца. Суворов воспитывался за границей. До 1848 г. служил в гвардии, потом назначен генерал-губернатором Остзейского

края (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии). В 1861 г. назначен петербургским генерал-губернатором. Его огромная библиотека и семейный архив в 1884 г. вошли в состав петербургской Публичной библиотеки. Еще в должности генерал-губернатора Остзейского края Суворов, будучи расположенным к местной немецкой знати, отличался безразличием к проведению на месте правительственной линии (см.: письмо Ю.Ф. Самарина к М.П. Погодину // Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1911. С. 256–258).

Написано в связи с отказом Суворова подписать приветственный адрес по случаю именин виленского генерал-губернатора графа Муравьева, проводившего с целью подавления польского восстания 1863–1864 гг. и сохранения целостности Российской империи политику военной диктатуры. Отказываясь подписать письмо, Суворов заявил, что «не может сделать этой чести такому людоеду».

Сам Тютчев прокомментировал стих.: «Оно было посвящено князю Суворову по следующему поводу. Надо сказать, что мы послали Муравьеву ко дню Св. Михаила позолоченный горельеф, изображающий его покровителя, и при этом адрес с 80-ю подписями, в числе которых находятся имена: Блудовых, гр. Протасовой, ее сестры кн. Долгорукой и т. д., одним словом — все очень почтенные имена. А князь Суворов, который несомненно добрый, но нелепый человек, давно заявил себя ярым противником Михаила Муравьева и не пропускает случая его выбранить. И вот он объявил, что прекращает всякие сношения с теми лицами, которые уронили свое достоинство, подписав упомянутый адрес. Он, правда, постоянно отличается подобными выходками, но так как на этот раз затронут был общественный интерес несомненной важности, то эта выходка была замечена и вдохновила следующие рифмы» (*СН*. 1916. Кн. 21. С. 206).

А.И. Герцен при первой публикации заключил стихотворение в следующий контекст: «Говорят, что кн. Суворов отказался от поклонения Муравьеву и назвал его *людоедом*. «Московский Ювенал» взял свою цевницу и так защитил человека литовской бойни: <...> Куда девался некогда изящный стих Тютчева? Куда девался талант?.. Вот что значит перейти из декабристов — ...в «Московские Ювеналы» (цит. по: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 18. С. 19). Иного мнения придерживались в России. М.П. Погодин говорил о ложной, несправедливой по отношению к русским позиции польских граждан. Никто из них «не отыскивал виноватых, никто не содействовал, никто не заявлял своего мнения...»; не было беспристрастного суда современников (см. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1906. Кн. 20. С. 197).

М.В. Быков сообщает: «На это князь А.А. Суворов ответил, что дед его никогда бы не скрепил своей подписью письма, посланного

М.Н. Муравьеву. Тогда появились другие стихи, именно князя П.А. Вяземского», отстаивавшего позицию Тютчева (*РС.* Т. XXXVIII. 1883. Апрель. С. 209).

Граф Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866) — государственный деятель, участник кампании 1812–1813 гг. В 1816 г. был членом тайного политического общества и принимал участие в составлении «Устава Союза Благоденствия». В конце 1820 г. разошелся с заговорщиками. После декабрьского восстания был привлечен к следствию, но оправдался и вскоре был назначен вице-губернатором в Витебск. С 1857 г. занимал пост министра государственных имуществ. Весной 1863 г. назначен генерал-губернатором шести северо-западных губерний с чрезвычайными полномочиями.

Тютчев ставит проблему с позиции национальной государственной идеологии. Для него польский вопрос заключался прежде всего в защите интересов России, когда в лице Польши ей противостоял западный мир. Обращение к государственному деятелю придает стихотворению общественное звучание, поэтизация собственных политических взглядов привлекает к идее России как носительницы высшего объединяющего начала славянских народов. Это становится главным в отношении к Муравьеву, потому что тот исполнен не собственной, а государственной волей, принося себя в жертву «призванию», взяв «всю ответственность» за необходимую жестокость на собственные плечи. При этом адресат, Суворов, предстает в ироничном свете. В последних двух стихах автор обращается к непререкаемому авторитету великого национального полководца, что определяет исторический критерий при оценке развернувшихся событий в Польше 1863–1864 гг. (в 1754 г. войска Суворова штурмом взяли предместье Варшавы — Прагу) (*Э.З.*).

«КАК ЛЕТНЕЙ ИНОГДА ПОРОЮ...»

(с. 123)

Автограф с заглавием «Надежде Сергеевне Акинфиевой» — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 6–7 об.

Авторизованный список рукой М.Ф. Тютчевой — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 4–5 об.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 202–204, как два самостоятельных стихотворения: первое — строфы 1–5 с заглавием «N. N.–ой»; второе — строфы 6–9, с датой «1863 г.»; вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 250–251, под названием «К Н.С. А-ой»; *Изд. 1900.* С. 255, с заглавием «Н.С. Акинфиевой».

Датируется 1863 г.

Печатается по списку М.Ф. Тютчевой с правкой Ф.И. Тютчева. См. «Другие редакции и варианты». С. 296.

Она вертела как хотела / Дипломатическим клубком... — Н.С. Акинфиева (1839–1891) – дочь С.П. Анненкова и Е.Д. Шидловской, племянница кн. А.М. Горчакова. Ей посвящена книга С.А. Экштута «Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции» (М., 2001. С. 7–8) *(Ю.Р.)*.

Н. И. КРОЛЮ

(с. 125)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 3.

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 205. Затем *Изд. СПб., 1886*. С. 256 в той же редакции, с пометою: «1863»; *Изд. 1900*. С. 261 — также без изменений.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 296.

Автограф карандашом, в начале 8-й строки есть правка: «Вот» зачеркнуто, вписано «Но» — тем самым устранена тавтология с началом строки 9-й: «И вот». В конце 12-й строки не многоточие (как обычно печатается), а тире.

Точную дату установить невозможно. Нередко указывается 1863 г., но со знаком вопроса (*Чулков II, Изд. 1987*). В *Изд. 1957* (с. 229) К.В. Пигарев отнес стихотворение к «первой половине 1860-х годов», а в *Изд. 1984* (Т. 1. С. 194) датируется предположительно 1863 г. На наш взгляд, оно было создано в период с 1863 по 1865 г.

По жанровой форме напоминает лирическое послание. По версии *Изд. Маркса* адресатом могла быть Н.С. Акинфиева. Чулков это оспорил, справедливо указывая на рукопись Тютчева с «пометой» «Н.И. Кролю». Точнее всех выразился Пигарев: «Посвящено поэту и драматургу Николаю Ивановичу Кролю (1823–1871)» (*Лирика I*. С. 419). Не обращено, а посвящено.

Стихотворение во многом определено ориентацией лирического повествования на Кроля, принадлежность которого к окружению Тютчева установлена со всей определеностью: «К. принадлежал лит. и окололит. богеме, быт к-рой в известной мере сам и формировал; его связи с лит. кругами носили прежде всего характер чисто житейского приятельства и знакомства (в частности, с Ф.И. Тютчевым, к-рый посвятил К. стих. «Сентябрь холодный бушевал», 2-я пол. 1860 гг.)» (Войналович К.В., Кармазинская М.А. Кроль Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 158). «Птичка» здесь — сим-

вол свободного творчества, который генетически связан с балладой Гёте «Der Sanger» («Певец»), поэтический перевод которой Тютчев осуществил в начале 1830-х гг. (см.: Пигарев К. Тютчев — переводчик Гёте // *Урания*. С. 101). «На божьей воле я пою, / Как птичка в поднебесье, / Не чая мзды за песнь свою — / Мне песнь сама возмездье!..» (*Изд. 1984*. Т. 1. С. 289). Некоторые мотивы творчества Кроля могли быть близки Тютчеву, в частности, те, что обозначились в монологах Изерского — героя стихотворной «Комедии из современной жизни»: «Нет, я привык один, в тиши, / Хранить заветные и мысли и желанья»; «Родную нашу Русь душа обнять хотела. / Но Русь старинную, с начальной чистотой» (Кроль Н.И. Комедия из современной жизни. СПб., 1849. С. 59–60).

Тютчев-публицист как родственную стихию мог воспринимать сатирическую направленность художественных опытов Кроля, наиболее полно выразившуюся в таком фрагменте «Желания» (опубл. в «Искре» в 1866 г.): «Певец, ты должен быть не раб толпы, а бог, / И честный гражданин — не клубный скоморох, / Не чествовать — карать, что совесть в нас бесславит, / И все, что нашу Русь так давит, давит, давит» (Поэты «Искры». Л., 1955. Т. 2. С. 849) (*А.А.*).

19-ое ФЕВРАЛЯ 1864

(«И тихими последними шагами...»)

(с. 126)

Автограф неизвестен.

Списки — *Муран. альбом* (с. 120–121); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 31).

Первая публикация — *РИ*. 1864. 22 февраля. № 43. Вошло в *Изд. 1868*. С. 211, под заглавием: «На смерть графа Д.Н. Блудова»; *Изд. СПб., 1886*. С. 262–263; *Изд. 1900*. С. 265.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 297.

Датируется 19 февраля 1864 г. согласно пометам в списках.

Написано по поводу смерти гр. Дмитрия Николаевича Блудова (1785–1864), известного государственного и литературного деятеля. В юности он был другом Карамзина, Жуковского и других участников литературного кружка «Арзамас». После 14 декабря 1825 г. занимал место делопроизводителя Верховного суда. При Александре II назначен президентом Академии наук. С 1861 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров. Тютчев был в очень близких, многолетних дружеских отношениях с Блудовым, равно как и с его дочерью Антониной.

Некоторые комментаторы (например, К.В. Пигарев) видят в словах «И вспомнил он годину обновленья, / Великий день, новозаветный день...» указание на совпадение с днем обнародования Манифеста об освобождении крестьян. Однако более уместно видеть здесь прямой смысл — победу над смертью в Христовом Воскресении. Это подтверждается и двумя последними строками стихотворения («И сам Спаситель отпустил с любовью / Послушного и верного раба»), которые имеют смысловую опору в евангельских словах — обращении Симеона Богоприимца ко Христу: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицем всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2, 29–32). Симеон изрек эти слова, приняв на руки Богомладенца, поскольку по обетованию он должен был умереть только после того, как своими глазами увидит Христа.

Дочь поэта, М.Ф. Тютчева, упомянула в дневнике о возвращении отца 19 февраля домой с вестью о кончине графа Блудова, который «говорил и ходил почти до последней минуты, радовался сегодняшнему дню и солнцу и умер так, что почти и не заметили». А 22 февраля «мама́ и папа́ поехали на похороны графа Блудова, которого гроб несли на руках до Невской лавры» (как раз в день похорон и было напечатано в *РИ* стихотворение Тютчева). В дневнике М.Ф. Тютчевой есть также запись о том, что английский посланник в Петербурге лорд Непир 26 февраля «прислал английский перевод стихов папа́ на смерть гр. Блудова, довольно плохой» (*ЛН-2.* С. 344).

Эрн. Ф. Тютчева писала 29 февраля / 12 марта 1864 г. Д.Ф. Тютчевой: «Не правда ли, какие прекрасные стихи написал папа́ на смерть бедного старика графа Блудова? Мне кажется, что он никогда еще не писал ничего столь задушевного и столь отвечающего воспеваемому предмету — ведь усопший был праведником из праведников, и умер он как праведник» (*ЛН-2.* С. 346–347). А 17 марта она делилась с Д.Ф. Тютчевой впечатлением от прочитанного ею стих. П.А. Вяземского «На смерть графа Д.Н. Блудова»: «Несколько строк, написанных твоим отцом, несравнимо поэтичнее этого бесконечного набора слов» (там же. С. 347) (*Ф.Т.)*.

«НЕ ВСЕ ДУШЕ БОЛЕЗНЕННОЕ СНИТСЯ...»

(с. 127)

Автограф неизвестен.

Список (на телеграфном бланке рукой неустановленного лица) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 55.

Первая публикация — Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим. 1922 г., 28–29 мая.

Печатается по тексту на телеграфном бланке, но с выделением двух стихотворных строк, хотя на бланке — три строки, без деления на стихи и без знаков препинания. Над текстом — запись о подаче из Петербурга 12 апреля 1864 г. в 11.30 и о получении в 6 часов; внизу подпись «Тютчев». На оборотной стороне — адрес: «Москва. Николаевский дворец. Фрейлине Тютчевой».

Датируется 12 апреля 1864 г. на основании пометы в телеграмме.

Стихи были посланы Тютчевым дочери Дарье (второй дочери от первого брака) в день ее рождения. Родилась 12 апреля 1834 г. в Мюнхене, где и прошло ее детство. В 1845–1851 гг. она воспитывалась в Смольном институте, затем жила в семье отца. В 1858 г. стала фрейлиной императрицы Марии Александровны.

В письме от 8/20 сентября 1864 г. Тютчев писал ей: «...если б что и могло меня подбодрить, создать мне по крайней мере видимость жизни, так это сберечь себя для тебя, посвятить себя тебе, мое бедное, милое дитя, — тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, — тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, мое бедное дитя, осталась неутоленной. Ах, да, если бы я мог <...> быть чем-нибудь в твоей жизни, создать тебе по крайней мере некое обманчивое подобие жизни в пустоте и тщете твоего существования, так вот, может статься, — это и меня вывело бы из того безнадежного оцепенения, в коем я нахожусь и которое лишает меня даже способности подыскать слова для его выражения. Одним словом, я желал бы, дочь моя, чтобы эти оставшиеся во мне осколки жизни души и сердца, ни к чему более не пригодные, были пригодны тебе...» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 271). (*Ф.Т.*).

«УТИХЛА БИЗА... ЛЕГЧЕ ДЫШИТ...»

(с. 128)

Автографы (2) — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об.; *ИРЛИ*. № 16959. Л. 3.

Списки — Эрн. Ф. Тютчевой (*Муран. альбом*. С. 121); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 32), сделанный рукою владелицы альбома; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 100; *Альбом Тютчевой* (с. 181). В первых трех списках отсутствует последняя строфа.

Первая публикация — *РВ*. 1865. Т. LV. № 2. С. 686, дата: «Женева, 11-го (23-го) октября 1864 г.», подпись: «Т. ...». Затем — *Изд.*

1868. С. 201, дата: «11-го октября 1863 г.», заглавие «Женева»; *Изд. СПб., 1886*. С. 265, дата: «Женева, окт. 1864»; *Изд. 1900*. С. 267, дата: «(Октябрь) 1864. Женева», причем во всех трех собраниях без последней строфы.

Печатается по автографу РГБ. См. «Другие редакции и варианты». С. 297.

Автограф РГБ беловой, на двух страницах, чернилами. Представляет собой лист, сложенный вдвое. На первой странице строфы 1, 2, на обороте — 3, 4. Строфы отчеркнуты. Помимо «Утихла биза... Легче дышит» (Л. 1–1 об. под № «I») на листе записаны стих. «О, этот юг, о, эта Ницца...» (л. 2, «II») и «Весь день она лежала в забытьи...» (л. 2 об., «III»). Данный лист прилагался к письму Ф.И. Тютчева А.И. Георгиевскому из Ниццы от 13 (25) декабря 1864 г. (см. ниже). На листе пометки рукой неизвестного лица синим карандашом: отчеркнута последняя строфа и написано: «нет в изд. 1868 г. <нрзб.>». В качестве заглавия: «(В Женеве 11/23 октября 1864)». В 1-й строке «легче» со строчной буквы, во 2-й строке «Женевских» с прописной.

Автограф *ИРЛИ* на двух страницах, беловой, чернилами. На первой странице строфы 1–3, на обороте — 4. Строфы отчеркнуты. В качестве заглавия: «Женева. 11/23 октября 1864». 1-я строка: «Утихла биза — легче дышит». В 8-й строке вариант «Их ветхость пышную лелеет». Множество тире: в конце строф (4-я, 8-я и 16-я строки) и строк (10-я, 13-я и 14-я строки).

В трех первых списках дата вместо заглавия: «Женева 11-ое октября 1864». В четвертом списке РГАЛИ (ед. хр. 55) дата та же, но после текста. Он, по-видимому, сделан с публикации, т. к. в 1-й строке: «буря» вместо «биза».

Датируется 11/23 октября 1864 г.

В публикации *РВ* дата также перед текстом, однако графически смещена вправо, т. е. ей придан статус именно даты, а не заглавия. Текст соответствует автографу РГБ. В 1-й строке: «буря» вместо «биза». См. воспоминания А.И. Георгиевского, сотрудника редакции: «...здесь была сделана единственная и несущественная перемена, а именно местное наименование северной бури «биза» заменено более понятным для большинства русских читателей словом «буря»...» (*ЛН-2*. С. 131). В таком же виде стихотворение вошло в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900*.

Посвящено памяти Е.А. Денисьевой, о ее могиле на Волковом кладбище в Петербурге говорится в последней строфе. Написано в Женеве, в заграничной поездке, предпринятой Ф.И. Тютчевым после смерти Е. А. Денисьевой, в 1864 г., и было прислано в письме А.И. Георгиевскому из Ниццы от 13 (25) декабря 1864 г. для публи-

кации в *РВ* (*ЛН-2*. С. 128). См. также запись из дневника М.Ф. Тютчевой от 11/23 октября 1864 г.: «Превосходная погода <...> Все пошли слушать Mermillot <...> Папа́, вернувшись, продиктовал мне стихи <...> Горы были видны, как на ладони» (*ЛН-2*. С. 359).

По замыслу Тютчева, стихотворение должно было открывать цикл, в который помимо него входили «О, этот юг, о, эта Ницца...» и «Весь день она лежала в забытьи...». Позднее, в письме от 3 (15) февраля 1865 г. Тютчев отправил новую «пьесу» — «Как хорошо ты, о море ночное...» (см. *коммент*. С. 499). В февральской книжке *РВ* все 4 стихотворения были опубликованы, однако порядок отличался от авторского. По выражению А.И. Георгиевского, «принят был порядок строго хронологический» (*ЛН-2*. С. 131). В 3-х из 4-х стихотворений, опубликованных в *РВ*, дата и место написания предваряли текст, что придавало всему циклу характер путевых заметок, лирического дневника. Первоначально Тютчев планировал поставить свое полное имя под подборкой, считая это данью памяти Е.А. Денисьевой, однако А.И. Георгиевский и М.Н. Катков убедили его не делать этого. Публикация в *РВ* подписана «Т. ...». См. «Из воспоминаний А.И. Георгиевского» (*ЛН-2*. С. 126–131).

Л.Н. Толстой отметил это стихотворение буквой «К.!» (Красота!) и подчеркнул строку 8 (*ТЕ*. С. 147).

Вяч. Иванов в статье «Символика эстетических начал» (ж. «Весы». 1905. № 5) цитирует стихи 9–12 для иллюстрации следующей мысли: «Возвышенное» в эстетике поскольку оно представлено восхождением, по существу своему выходит за пределы эстетики, как феномен религиозный. В нем скрыта символика теургической тайны и мистической антиномии, чья священная формула и таинственный иероглиф: «богоносец — богоборец». <...> Богоборческий и богоносный пафос восхождения разрешается в жертвенное свершение. Это — пафос трагедии; она же есть жертвенное действо» (Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 824).

В. Брюсов в статье «Ф.И. Тютчев. Критико-биографический очерк» ссылается на те же стихи, также говоря о роли природы в поэзии Тютчева, выходящей за рамки непосредственно эстетического: «Стихи Тютчева о природе — почти всегда страстное признание в любви. Тютчеву представляется высшим блаженством, доступным человеку, — любоваться многообразными проявлениями жизни природы. <...> И не только «блаженство», «прелесть», «обаяние» видит Тютчев в явлениях природы, но и нечто высшее, чем человеческая жизнь, нечто божественное, святое. <...> Монблан кажется ему «откровеньем неземным»...» (*Изд. Маркса*. С. 26–27).

Р.Ф. Брандт приводит 2-й стих в качестве выражения, чье достоинство остается под сомнением, но выдвигает аргументы в его защи-

ту: «Самое слово «сонм» — по звукам препротивное, а сочетанье «сборище, толпа волн» — довольно смелое; но данное слово достаточно известное и, можно сказать, кратко и сильно указывает на многочисленность волн широкого водного простора» (*Материалы.* С. 133). Комментируя это стихотворение, он пишет: «Пьеску эту можно признать простою картинкой; однако в ней есть явное настроение, а пожалуй даже иносказание» и предлагает для сравнения «Гроза прошла», «Утро в горах», «Яркий снег лежал в долине» и «Снежные горы» (там же. С. 67).

Биза — северный ветер на Женевском озере, от *фр.* bise — северный ветер.

Белая гора — дословный перевод названия горы Монблан (*фр.* mont — гора и blanc — белый) (*Е.О.*).

«ВЕСЬ ДЕНЬ ОНА ЛЕЖАЛА В ЗАБЫТЬИ...»

(с. 129)

Автограф — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–2.

Первая публикация — *РВ*. 1865. Т. 55. № 2, февраль. С. 685. Затем — *Изд. 1868*. С. 208, с пометою — «7 июля 1864 г.». Этот же текст и с такою же пометой перепечатан в *Изд. СПб., 1886*. С. 264 и в *Изд. 1900*. С. 266.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, два ряда точек после третьей строфы. Тире (помимо воспроизведенных) в 1-й, 4-й, 6-й строках.

Время создания стихотворения наиболее точно определил К.В. Пигарев: «Посвящено воспоминанию о последних часах жизни Е.А. Денисьевой. Так как Денисьева умерла 4 августа 1864 г., то датировка стихотворения июлем того же года отпадает. Было послано поэтом из Ниццы А.И. Георгиевскому для помещения в *РВ* при письме от 13 декабря 1864 г. вместе с двумя стихотворениями, написанными в октябре–декабре этого года («Утихла биза... Легче дышит...» и «О, этот юг, о, эта Ницца...»)» (*Лирика I*. С. 421). О стремлении Тютчева напечатать этот текст подробно рассказал в своих воспоминаниях А.И. Георгиевский (*ЛН-2*. С. 128–129).

20 июля / 1 августа 1864 г. Е.Ф. Тютчева писала Д.И. Сушковой об отце: «...он печален и подавлен, так как m-lle Д<енисьева> очень больна, о чем он сообщил мне полунамеками; он опасается, что она не выживет, и осыпает себя упреками; о том, чтобы попросить меня повидаться с нею, он даже не подумал; печаль его удручающа, и сердце у меня разрывалось. Со времени его возвращения из Москвы он никого не видел и все свое время посвящает уходу за ней» (*ЛН-2*. С. 350).

После похорон Тютчев рассказывал в письме Георгиевскому от 8 августа 1864 г.: «Все кончено — вчера мы ее хоронили... Что это такое? Что случилось? О чем это я вам пишу — не знаю... Во мне все убито: мысль, чувство, память, все... Я чувствую себя совершенным идиотом. Пустота, страшная пустота. И даже в смерти — не предвижу облегчения. Ах, она мне на земле нужна, а не там где-то... Сердце пусто — мозг изнеможен. Даже вспомнить о ней — вызвать ее, живую, в памяти, как она была, глядела, двигалась, говорила, и этого не могу» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 269).

«Страдание и слабость выражаются у Тютчева не только являясь непосредственным содержанием многих стихотворений, — заметил Н.В. Недоброво, — но они ушли и в форму его творчества, пропитав ее до такой степени, что ясно, для чуткого уха, зазвучали и в самом стихе высокой стонущей нотой» (Недоброво Н.В. О Тютчеве. Вступительная статья и публикация Е. Орловой // Вопросы литературы. 2000. Ноябрь–декабрь. С. 285) (*А.А.*).

<ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ>

<1> Кто б ни был ты, но, встретясь с ней...
<2> Как неразгаданная тайна...

(с. 130)

Автограф неизвестен.

Списки — *Собр. Пигарева*; *Альбом Тютчевой* (с. 182) (1-е стихотворение рукой Эрн. Ф. Тютчевой); *Муран. альбом* (с. 122); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 33), ее рукой; *Альбом Тютчевой* (с. 183) (2-е стихотворение).

Первая публикация стих. «Кто б ни был ты, но, встретясь с ней...» — *газ.* «Русь» от 22 ноября 1880 г., № 2, с. 4, в составе заметки, посвященной полугодию со дня смерти имп. Марии Александровны; стих. «Как неразгаданная тайна...» — *Изд. 1868*. С. 209, без заглавия, дата «Ницца. 3-е ноября 1864 г.».

В *Изд. СПб., 1886*. С. 266 оба стихотворения опубликованы в составе цикла «Е.И.В. Государыне Императрице Марии Александровне» (Е.И.В. — Ее Императорскому Величеству). Под № 1 — стих. «Кто б ни был ты, но, встретясь с ней...», вторым было стих. «Как неразгаданная тайна...», дата: «Ницца. 1864»; в *Изд. 1900* (с. 268–269) датированы, первое «1864», второе «3 ноября 1864. Ницца».

Печатается: первое стихотворение по первой публикации, второе — по списку *Муран. альбома*.

Датируется ноябрем 1864 г.; в это время поэт неоднократно

встречался в Ницце с императрицей (см. *Летопись*. С. 163–164, а также письма и воспоминания его дочерей: *ЛН-2*. С. 361–364).

Мария Александровна (Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская; 1824–1880) — российская императрица с 1855 г., жена Александра II. Поэт пользовался особым ее расположением. По словам А.Ф. Тютчевой: «...она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела» (*При дворе-1*. С. 26). В письме от 23 ноября 1864 г. Д.Ф. Тютчева приводит стих. «О, этот юг, о, эта Ницца...» и «Как неразгаданная тайна...» с пояснениями. О втором сказано: «посвящено императрице и написано по моему внушению» (*ЛН-2*. С. 362).

В *газ*. «Русь» говорится о «христиански-смиренно совершенном ею царственном жизненном подвиге», о «благоговейной памяти», об императрице, которая «растет и крепнет в русском народе». Завершается заметка словами: «Прекрасно выступает ее образ из следующего, нигде не напечатанного четверостишия, написанного много лет назад покойным Ф.И. Тютчевым после одного разговора, которого он был удостоен».

Марии Александровне также посвящено стихотворение на *фр. яз*.: «Pour sa m<ajesté> l'impératrice» (*E.O.*).

«О, ЭТОТ ЮГ, О, ЭТА НИЦЦА...»

(с. 131)

Автограф — РГБ. Ф. 308. Ф.И. Тютчев. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–2.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 3), ее рукой, с датою: «Ницца. 21 ноября 64 г.», другой — также рукою М.Ф. Тютчевой-Бирилевой на отдельном листке, в *ИРЛИ* (№ 12540), с тою же датой, что и в альбоме.

Первая публикация — *РВ*. 1865. № 2, февраль. С. 685. Затем — *Изд. 1868*. С. 210; *Изд. СПб., 1886*. С. 268; *Изд. 1900*. С. 270 (текст совпадает со списком М.Ф. Бирилевой).

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 297.

Датируется 21 ноября 1864 г. согласно пометам в списках М.Ф. Тютчевой-Бирилевой.

Автограф беловой, в конце строк многоточия, тире (но не вос-

клицательные знаки, которые возникли потом в изданиях в 1-й и 2-й строках). Список М.Ф. Тютчевой-Бирилевой содержит варианты: 3-я строка «Мысль, как подстреленная птица» (в автографе «Жизнь, как подстреленная птица»); иначе читаются 7-я и 8-я строки. В письме Д.Ф. Тютчевой к Е.Ф. Тютчевой, написанном в Ницце 23 ноября / 5 декабря 1864 г., шесть строк соответствуют автографу, а две последних («И вся дрожит, прижавшись к праху, / В сознаньи грустного бессилья...») совпадают с «бирилевским» вариантом (*ЛН-2*. С. 362). Видимо, перед отправкой в печать Тютчев внес изменения.

Стихотворение было послано из Ниццы вместе с письмом А.И. Георгиевскому, которое датируется 13/25 декабря 1864 г.: «Друг мой Александр Иваныч, вы знаете, как я всегда гнушался этими мнимо-поэтическими профанациями внутреннего чувства, этою постыдною выставкою напоказ своих язв сердечных... Боже мой, Боже мой, да что общего между стихами, прозой, литературой — целым внешним миром — и тем... страшным, невыразимо невыносимым, что у меня в эту самую минуту в душе происходит, — этою жизнию, которою вот уже пятый месяц я живу и о которой я столько же мало имел понятия, как о нашем загробном существовании. И *она-то* — вспомните, вспомните же о ней — она — жизнь моя, с кем так хорошо было жить — так легко — и так отрадно — она — она обрекла-то теперь меня на эти невыразимые адские муки» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 274). В предшествующем письме Георгиевскому (6/18 октября 1864 г.) преобладает та же трагическая тема: «Теперь я что-то бессмысленно живущее, какое-то живое, мучительное ничтожество... Может быть и то, что в некоторые годы природа в человеке теряет свою целительную Силу, что жизнь утрачивает способность возродиться, возобновиться, — все это может быть, но поверьте мне, друг мой Александр Иваныч, тот только в состоянии оценить мое положение, кому — из тысяч одному — выпала страшная доля — жить четырнадцать лет сряду — ежечасно, ежеминутно — такою любовью, как ее любовь, — и *пережить* ее...» (*ЛН-1*. С. 382). В письме к Я.П. Полонскому от 8 декабря 1864 г. поэт писал: «Друг мой, теперь все испробовано — ничто не помогло, ничто не утешило, — не живется — не живется — не живется...» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 273). То же в письме к М.А. Георгиевской от 29 июня 1865 г.: «...я должен признаться, что с той поры не было ни одного дня, который бы я начинал без некоторого изумления, как человек продолжает еще жить, хотя ему отрубили голову и вырвали сердце» (*ЛН-2*. С. 124).

В памяти А.А. Фета запечатлелось «изнемогающее лицо» Тютчева той поры (*Фет восп*. Ч. 2. С. 5). То же и в рассказе И.С. Турге-

нева о парижской встрече с Тютчевым, который передает Фет: «Когда Тютчев вернулся из Ниццы, где написал свое известное:

О, этот юг, о, эта Ницца... —

мы, чтобы переговорить, зашли в кафе на бульваре <...> Я молчал все время, а Тютчев болезненным голосом говорил, и грудь его сорочки под конец рассказа оказалась промокшей от падавших на нее слез» (там же). «Сознание своей вины несомненно удесятеряло его горе и нередко выражалось в таких резких и преувеличенных себе укорах, — вспоминал А.И. Георгиевский, — что я чувствовал долг и потребность принимать на себя его защиту против него самого...» (*ЛН-2.* С. 125). Е.Ф. Тютчева писала Д.И. Сушковой 19/31 августа 1864 г.: «Бедная душа в таком смятении, и я никогда не забуду того тягостного впечатления, какое он произвел на меня во время последнего моего пребывания в Петербурге» (там же. С. 351). В сентябрьском письме к Сушковой она передает такое же свое «впечатление»: «Я не могу выразить то впечатление, которое он на меня произвел. Он постарел лет на пятнадцать, тело его превратилось в скелет» (там же. С. 354). 20 января / 1 февраля А.Ф. Тютчева сообщает из Ниццы Е.Ф. Тютчевой: «Ты понимаешь, что испытываю я, видя, как безудержно он предается своему отчаянию, даже не пытаясь преодолеть его или скрыть, хотя бы перед посторонними, которые считают себя едва ли не вправе говорить об этом с нами, такой это приобрело характер законности и гласности» (там же. С. 367).

П.А. Вяземский, выделив мотив «скорби», указал и на способность Тютчева «язвы злополучья» исцелять «перлами созвучья»:

Твоя подстреленная птица
Так звучно-жалобно поет,
Нам так сочувственно певица
Свою тоску передает.

Что вчуже нас печаль волнует,
Что, песню скорби возлюбя,
В нас сердце, вторя ей, тоскует
И плачет, словно за себя.

Поэт, на язвы злополучья
Ты льешь свой внутренний елей,
И слезы перлами созвучья
Струятся из души твоей.

(Вяземский П.А. Стихотворения. Изд. 3-е. Л., 1986. С. 387–388).

И.С. Аксаков увидел в стихотворении образец «изящества» формы: «... вот в каком легком и изящном образе выражено им нравствен-

ное изнеможение» (*Биогр.* С. 89). В. Величко в стих. «Памяти поэтов старого времени. Ф.И. Тютчев», вспоминая тютчевский образ «праха», отметит способность Тютчева преодолевать «прах жизни»:

Едва касаясь праха жизни,
Он шел к заоблачной отчизне <...>
Приподымает он края
Завес над тайной бытия...

(Вестник Европы. 1895. № 4. С. 733) (*А.А.*).

ENCYCLICA

(с. 132)

Автограф неизвестен.

Списки – *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 34), дата — «Ницца. 21 декабря 64 г.»; альбом Е.Ф. Тютчевой. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 68, дата: «Декабря 1863» (причем, цифра три находится на месте исправленной цифры 4).

Первая публикация — *газ.* «День», 8 января 1865 г. № 2. С. 32. Вошло в *Изд. 1868*. С. 211, «Ницца 21-го декабря 1864 г.»; то же в *Изд. 1900*. С. 271; *Изд. СПб., 1886*. С. 269–270, кроме указания места написания.

Печатается по первой публикации.

Датируется 21 декабря 1864 г. по списку в *Альбоме Тютч.-Бирилевой.*

Написано в связи с обнародованием 26 ноября 1864 г. энциклики Папы Римского Пия IX, причислившего свободу совести к «заблуждениям века». Первая публикация в газете «День» следует непосредственно за одной из передовых статей, которые обычно писал сам редактор Аксаков, — политическим обозрением по поводу папского вселенского послания. Анализируя послание Пия IX, он «клеймит порицанием» и раскрывает ложность папства. Папа Римский «называет злым безумием и опасным бредом свободу совести, свободу вероисповедания, свободу мысли, свободу слова, свободу печати, свободу воспитания и всяческую свободу, которая наносит какой-либо ущерб — не Божьей правде, а правам и власти апостольского престола». Тем самым Аксаков утверждает, что папство изжило себя как религиозный институт, потому что служит не вере, а государству. Стихотворение подтверждает слова Аксакова. Тема продолжится в стих. «Ватиканская годовщина», написанном в связи с годовщиной провозглашения Ватиканским собором 30 июля 1870 г. догмата о непогрешимости папы.

Стихотворения того времени отражают убеждения Тютчева, высказанные еще в статье «Папство и Римский вопрос с русской точки зрения»: «В течение веков Западная церковь, под сенью Рима, почти совершенно утратила облик, указанный ей исходным началом. Она перестала быть, среди великого человеческого общества, обществом верующих, свободно соединенных в духе и истине под Христовым законом: она сделалась политическим учреждением, политическою силою, государством в государстве» (*Изд. 1900.* С. 289).

Тютчевская мысль опиралась на идею о России как о «всемирной христианской монархии». По мнению Вл. Соловьева: «Одно время условием для этого великого события он (Тютчев. — *Ред.*) считал соединение Восточной церкви с Западною чрез соглашение Царя с папой, но потом отказался от этой мысли, находя, что папство несовместимо со свободой совести, т. е. с самою существенною принадлежностью христианства» (*Соловьев. Поэзия.* С. 481).

Был день — когда Господней правды молот / Громил, дробил ветхозаветный храм... — Тютчев напоминает о разрушении Иерусалимского храма римлянами в 70 г. н. э. (*Э.З.*).

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ

(«Вам выпало призванье роковое...»)

(с. 133)

Автограф неизвестен.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 101.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 206. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 261; *Изд. 1900.* С. 264.

Печатается по первой публикации.

В списке и в *Изд. 1868* строфы не выделены, в *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* состоит из двух четверостиший.

Датируется 1864 г.

Обращено к кн. Александру Михайловичу Горчакову (1798–1883), русскому дипломату, сменившему в 1856 г. на посту министра иностранных дел австрофила К.В. Нессельроде. Тютчев поддерживал Горчакова, выступившего с инициативой нового курса внешней политики России, направленного на защиту национальных интересов. Об этом свидетельствуют письма и стихотворения, адресованные поэтом Горчакову. «В то же время, — замечал К.В. Пигарев, — Тютчев едко подсмеивался над честолюбием и самовлюбленностью Горчакова, называя его «Нарциссом собственной чернильницы» (*Лирика II.* С. 378). Письма Тютчева к Горчакову см.: *Изд. 1984.* Т. 2. С. 256–258, 297.

Вы честь спасли, — и выше нет заслуг... — намек на дипломатическую деятельность Горчакова во время польского восстания 1863–1864 гг., когда Польша, по словам И.С. Аксакова, предприняла «дипломатический крестовый поход на Россию» (*Биогр.* С. 280).

Днесь подвиги вам предстоят иные: / Отстойте мысль ее, спасите дух... — Эти строки, по мнению И.С. Аксакова, относятся к «грозившим русской печати новым стеснениям» (*Биогр.* С. 281) (*А.Ш.*).

«КОГДА НА ТО НЕТ БОЖЬЕГО СОГЛАСЬЯ...»

(с. 134)

Автограф — *Собр. Пигарева.*

Список — *Альбом Тютчевой* (с. 187).

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 215, без заглавия, дата: «12 февраля 1863 г.». Затем — *Изд. СПб., 1886.* С. 272, «Дочери Д.Ф. То-й» (видимо, ошибка, имеется в виду «Д.Ф. Т-ой»), дата: «Ницца, 18 фев. 1865 г.»; *Изд. 1900.* С. 275, «Дочери Д.Ф. Т...ВОЙ», дата: «18 февраля 1865. Ницца».

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 297.

В автографе перед текстом помета: «(De Nice au Cimiez 11/23 janv. 1865)» (Из Ниццы в Симье, 11/23 января 1865 г. — *фр.*). На второй странице приписка, тоже на *фр. яз.*: «Ma fille chérie, garde ceci en souvenir de notre promenade et de notre conversation d'hier, mais sans le communiquer à personne... Que cela n'ait de signification que pour nous deux... Je t'embrasse et te bénis du fond du coeur» («Моя дорогая дочь, сохрани это на память о нашей вчерашней прогулке и нашем разговоре, но никому не показывай... Пусть это имеет значение только для нас двоих... Обнимаю тебя и благословляю от всего сердца»).

В списке заглавие: «Дочери Д.Ф. Т-ой», дата: «Ницца, 18 фев. 1865». В 6-й строке «предалась» вместо «отдалась». 4-я и 8-я строки завершаются восклицательным знаком, в конце стихотворения — многоточие. В 1-й строке «Божьего», в 10-й — «Своим лучом». Именно этот текст воспроизводится в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900.* Г.И. Чулков возвратился к тексту автографа. В его издании в 9-й строке: «милосердный» вместо «милосердый» (*Чулков II.* С. 152). К.В. Пигарев также публикует текст автографа (*Лирика I.* С. 196).

Чулков датирует стихотворение согласно помете (там же). К.В. Пигарев полагает, что дата перед текстом означает дату прогулки, и потому датирует стихотворение следующим днем — 12 января 1865 г., что представляется убедительным (*Лирика I.* С. 422).

Обращено к Дарье Федоровне Тютчевой (1834–1903) — второй

дочери Ф.И. Тютчева и Эл. Ф. Тютчевой. Д.Ф. Тютчева была фрейлиной имп. Марии Александровны (1857–1880). Принимала участие в подготовке *Изд. 1900*, ею и И.Ф. Тютчевым подписано предисловие к изданию. См. Письма Ф.И. Тютчева к ней: *Изд. 1984*. Т. 2. Пигарев указывает на то, что первая строфа перекликается с письмом поэта к Д.Ф. Тютчевой от 8/20 сентября 1864 г. (см. *коммент.* к стих. «Не все душе болезненное снится...». С. 487) (*Е.О.*).

«КАК ХОРОШО ТЫ, О МОРЕ НОЧНОЕ...»

(с. 135)

Автографы (5) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 7, 8, 6, 5–5 а, 4–4 об.; РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 10. Во всех автографах, кроме 4-го, авторская помета: «Nice. 2/14 janvier 1865» и «Ницца. 2/14 генваря 1865».

Первая публикация в ранней короткой редакции — *газ.* «День». 1865. № 4. Января 23. С. 76; полностью – *РВ*. 1865. Т. LV. № 2. С. 687. Вошло в *Изд. 1868*. С. 212; *Изд. СПб., 1886*. С. 271; *Изд. 1900*. С. 272.

Печатается по автографу РГБ, посланному поэтом в редакцию *РВ* 1/13 февраля 1865 г. со следующим письмом: «Прилагаемая пьеса напечатана была без моего ведома, в самом безобразном виде, в 4-м № «Дня»... Я, Бог свидетель, нисколько не дорожу своими стихами, – теперь менее нежели когда-нибудь, но не вижу и необходимости брать на свою ответственность стихов, мне не принадлежащих». См. «Другие редакции и варианты». С. 297.

Дата, проставленная Тютчевым в нескольких автографах, фиксирует, очевидно, время создания первой редакции, которая 11(23) января была послана Д.Ф. Тютчевой в Москву сестре Е.Ф. Тютчевой и напечатана в *газ.* «День». К.В. Пигарев комментирует: «При переписке стихотворения Д.Ф. Тютчевой текст был искажен. Появление его в печати очень раздражило Тютчева. Возможно, что окончательная редакция стихотворения возникла уже в конце января 1865 г.» (*Лирика I*. С. 422). Датируется январем 1865 г.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т.!» (Тютчев!). (*ТЕ*. С. 147).

«Жизнь и красота в природе – это борьба и торжество света над тьмою, – писал В.С. Соловьев, – но этим необходимо предполагается, что тьма есть действительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена в торжестве мировой гармонии: достаточно, чтобы светлое начало овладело ею, подчинило ее себе, до известной степени воплотилось в ней, ограничивая, но не упраздняя ее свободу и противоборство. Так, безбрежное море в

своем бурном волнении *прекрасно*, как проявление и образ мятежной жизни, гигантского порыва стихийных сил, введенных, однако, в незыблемые пределы, не могущих расторгнуть общей связи мироздания и нарушить его строя, а только наполняющих его движением, блеском и громом» (*Соловьев. Поэзия*. С. 475). В таком контексте Соловьев процитировал стихотворение Тютчева, раскрывая его философско-эстетический смысл.

Д.С. Дарский видел «мистические цели» Тютчева в том, чтобы «уйти и не помнить себя, освободиться от убожества и блуждания, раствориться, «смеситься» в жизни всеобщей и сверхличной...» (*Дарский*. С. 100). «Поэтому все, в чем яснее было представлено бытие универсальное, — считал исследователь, — несказанным притяжением овладевало его любовью. Такими явлениями были море и, в особенности, ночь. В зрелище великого моря с удвоенною силою просыпается устремленье к всеобъемлющему лону. Ведь море — видимое подобие той предвечной бездны, тех «вод», в которых некогда снова скроется мироздание. И поэт слагает морю свои славословящие гимны» (там же) (*Ю.Р.*, *А.Ш.*).

ОТВЕТ НА АДРЕС

(с. 136)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 9.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 105.

Первая публикация — *РА*. 1885. Вып. 10. С. 298.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 298.

В автографе озаглавлено: «Ответ на адрес». Внизу подпись: «Ф.Т.». В 4-й строке подчеркнуты слова «Английского клуба».

В списке, сделанном Е.Ф. Тютчевой, представлены варианты 1-й и 2-й строк: «Куда себя морочите вы грубо, / Какой у вас с Россиею разлад» (в автографе: «Себя, друзья, морочите вы грубо — / Велик с Россией ваш разлад»).

В *РА* текст напечатан под заголовком «Москвичам» в редакции списка с вариантом 3-й строки: «И где вам в члены Английских палат» (в автографе и списке: «Куда вам в члены Английских палат»).

Датировано 1865 г. и сопровождается анонимным «Ответом «москвичей»:

Вы ошибаетеся грубо,
И в вашей Ницце дорогой
Сложили, видно, вместе с шубой
И память о стране родной.

В раю терпение уместно,
Политике там места нет;
Там все умно, согласно, честно,
Там нет зимы, там вечный свет...

Нет, нам парламента не нужно,
Но почему ж нас проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караул кричать?

При публикации в *РА* в «Ответ москвичей» не вошли следующие строки:

Но как же быть в стране унылой,
Где ныне правит Константин
И где слились в одно светило
Валуев, Рейтерн, Головнин?

(*Никитенко.* Т. 2. С. 510).

В отрывке упоминаются вел. кн. Константин Николаевич (1827–1892), председатель Государственного совета с 1865 г., министры: внутренних дел — Петр Александрович Валуев (1815–1890), финансов — Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890), народного просвещения — Александр Васильевич Головнин (1821–1886).

Датируется предположительно зимой 1865 г., так как явилось откликом на адрес московского дворянства о созыве Земской думы, поданный Александру II 11 января 1865 г. (*А.Ш.*).

«ЕСТЬ И В МОЕМ СТРАДАЛЬЧЕСКОМ ЗАСТОЕ...»

(с. 137)

Автограф неизвестен.

Список И.С. Аксакова — *Собр. Пигарева.*

Первая публикация — *РА*. 1874. № 10. С. 377, в биографическом очерке И.С. Аксакова: строки 1–11 и 13–16. Затем — *газ.* «Свет» от 5 августа 1893 г., с. 2 (в романе Ф.Ф. Тютчева «На границе»: 5 строф с пометой перед текстом «Отрывок»); *Изд. 1900.* С. 285, «Отрывок», без даты; *ИВ*. 1903. № 7. С. 203, в статье Ф.Ф. Тютчева «Федор Иванович Тютчев. Материалы к его биографии», вместо заглавия — дата: «По возвращении из Ниццы в 1865 г.»; *Северные цветы.* 1903. С. 9 (5 строф).

Печатается по тексту *ИВ*.

В списке есть дата: «1865 г. Март. Петербург», что позволяет датировать стихотворение концом марта 1865 г., после 26, когда Тютчев вернулся из Ниццы.

В *Изд. 1900* 8-я строка читается: «А под землей лежит, как труп, оно» вместо «как труп, лежит». В тексте *газ.* «Свет» и альм. *Северные цветы* во 2-й строке «одни» вместо «и дни», в 3-й «горе» вместо «бремя», в 8-й «погребено» вместо «лежит оно», в 9-й «И вот» вместо «Ах, и».

Аксаков объяснял появление этого стихотворения общим состоянием духа поэта: «Потери за потерями не переставали потрясать его физический и нравственный организм. «Ницца» («О, этот юг, о, эта Ницца...». — *Ред.*) и некоторые другие из напечатанных стихотворений довольно ярко отражают в себе тяжелое состояние его духа около половины шестидесятых годов. К тому же времени относится одно ненапечатанное, из которого вот несколько строф» (*РА*. 1874. № 10. С. 376).

Посвящено памяти Е.А. Денисьевой, и купюры в публикации Аксакова соответствуют тем местам, где речь идет о ней.

Герой романа Ф.Ф. Тютчева (сына от Е.А. Денисьевой), Чуев приводит отрывок из «неизданного стихотворения Ф.И. Тютчева», т. к. в нем «хорошо выражена» волнующая его мысль. Спустя 10 лет, в юбилейном, 1903 г., Ф.Ф. Тютчев на страницах *ИВ* предает гласности «денисьевский» период жизни отца, что сделало возможной публикацию подборки стихотворений, посвященных памяти Денисьевой: «В заключение приводим несколько стихотворений, относящихся к тому периоду жизни Федора Ивановича Тютчева, когда он, потеряв все, что ему было искренно дорого, в звучных строфах выплакивает свое горе. Эти стихотворения, как крик страждущей души, производят тяжелое впечатление и как нельзя лучше характеризуют состояние поэта» (*ИВ*. 1903. № 7. С. 201). Далее следуют «Сегодня, друг, 15 лет минуло...», «Нет дня, чтобы душа не ныла...», «Накануне годовщины 4-го августа 1864 г.», «Опять стою я над Невой...» и «Есть и в моем страдальческом застое...» (там же. С. 201–203).

Р.Ф. Брандт, однако, после публикации полного текста в письме И.Ф. Тютчеву от 19 февраля 1904 г. утверждает, что «Отрывок» <...> (по заглавию в *Изд. 1900*. — *Ред.*) от опущения 3 строф только выиграл и вовсе не звучит отрывком (каковое заглавие я бы и устранил); хотя, может быть, все-таки можно и должно ввести эти строфы в издание. Но очень портит пропуск конечного стиха III строфы — если бы вы не желали печатать его как есть, то я предложил бы придать ему такой вид: «Не знающий о горести моей» (*ЛН-2*, с. 531; об этом же: «Добавочные строфы ценны как биографическое указание; однако художественная ценность от их опущения только выигрывала» // *Материалы*. С. 74). Он отмечает, что от порядка слов «как труп, лежит оно» выигрывает размер (там же).

Д.С. Мережковский приводил стихи 17–20 в разделе своей работы «Две тайны русской поэзии», посвященном Тютчеву, где он говорит о «правдивости» как «оправдании поэта» (*Мережковский*. С. 109) и о той «самой страшной и жалкой правде» о себе, которую высказывает поэт. В основном это касается отношения поэта к любви, жизни, смерти: «Смерть — освобождение от муки жизни: так — в созерцании, в неделании, а как доходит до дела, сердце хочет муки, потому что хочет любви»:

«О, Господи, дай жгучего страданья...» (там же. С. 111–112) (*Е.О.*).

«ОН, УМИРАЯ, СОМНЕВАЛСЯ...»

(с. 138)

Автографы (3) — РНБ. Ф. 797. Оп. 1. Ед. хр. 3; ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 23–24 — при письме к кн. А.М. Горчакову от 11 апреля 1865 г.; *ИРЛИ*. № 8874 — при письме к А.Н. Майкову от 3 апреля 1865 г.

Первая публикация — Ипокрена. 1917, октябрь. С. 5 (по автографу РНБ).

Печатается по автографу ГАРФ. См. «Другие редакции и варианты». С. 299.

Датируется началом апреля 1865 г. согласно датировке писем, содержащих автографы первоначальной и окончательной редакции стихотворения.

Написано в связи со 100-летней годовщиной со дня смерти М.В. Ломоносова, отмечавшейся 4 апреля 1865 г.

Посылая А.Н. Майкову, который принимал участие в торжественном собрании Академии наук, посвященном ломоносовскому юбилею, первую редакцию стихотворения, Тютчев писал: «Вот вам, друг мой Аполлон Николаевич, несколько бедных рифм для вашего праздника (в теперешнем моем расположении — не могу больше). Весь Ваш. Тютчев. Апреля 3-го. Суббота». Однако в тот день стихи Тютчева не были прочитаны. Я.П. Полонский прочитал их в зале Дворянского собрания на вечере памяти Ломоносова 7 апреля.

М.В. Ломоносов (1711–1765), труды которого в области химии, физики, географии, астрономии, металлургии, горном деле, истории, этнографии, народного просвещения, языкознания, риторики, поэзии имели, помимо прочего, выдающееся государственное значение, сказал посетившему его во время предсмертной болезни академику Я.Я. Штелину: «Друг, я вижу, что я должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею ток-

мо о том, что не мог я свершить всего того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии и теперь при конце жизни моей должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной...» (Лебедев Е. Ломоносов. М., 1990. С. 553).

За месяц до смерти Ломоносов намеревался добиться аудиенции у Екатерины II, чтобы привлечь ее внимание к тяжелому положению академических дел и в целом культурной политики в России, которое он назвал в составленном им плане разговора с императрицей «шумахерщиной». В этом плане есть фраза «Борьба за алтари и домашние очаги», указывающая на необходимость оценки исторического смысла и культурных последствий преобразований Петра I, ученичества у Западной Европы с точки зрения насущных потребностей и внутренней логики собственного развития России.

А.С. Пушкин говорил о Ломоносове, что «слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему...» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 2-х т. М.: Классика, 1999. Т. 2. С. 170). В стих. «Отрок» (1830 г.) Пушкин выстраивает параллель с евангельским повествованием о призвании Христом апостолов: «Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря; / Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака! / Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы: / Будешь умы уловлять, будешь помощник царям» — «Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним. И, пройдя оттуда немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети; и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним» (Мк. 1, 16–20). Ломоносов, как известно, родился в крестьянской семье в деревне близ Холмогор, в устье Северной Двины; главным промыслом Поморья была рыбная ловля. С 10 лет он стал ходить с отцом в море.

Как тот борец ветхозаветный... — Ломоносов сравнивается с Иаковом, одним из древнееврейских патриархов, от 12 сыновей которого произошли 12 колен Израилевых — народ, ставший сильным и могущественным и выведенный Моисеем из Египта, земли рабст-

ва, в землю отцов, обещанную Богом. Согласно библейскому повествованию, однажды ночью «боролся Некто» с Иаковом «до появления зари» и не мог одолеть. «И сказал ему: отпусти Меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня <...> И сказал ему: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь <...> И благословил его там...» (Быт. 32, 26–29).

Израиль — евр. «князь Божий», «Божий герой» (*Ф.Т.*).

«СЫН ЦАРСКИЙ УМИРАЕТ В НИЦЦЕ...»

(с. 139)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 2–2 об., 3; РГБ. Ф. 308. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 7.

Списки — *Муран. альбом* (с. 128–129), с датой «С.-Петербург. 7 апреля 1865»; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 38), с той же датой; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 106, дата: «1865», с пометой: «Написано рукой И.С. Аксакова. Н. Тютчев».

Первая публикация — Былое. 1922. № 19. С. 68 (в статье Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»).

Печатается по автографу РГБ. См. «Другие редакции и варианты». С. 299.

Автографы РГАЛИ дают раннюю редакцию; в одном (л. 3) перед текстом помета: «Петербург, 8 апреля»; заглавие: «(Dictum est)» («Сказано» — *лат.*). Автограф РГБ датирован 11 апреля 1865 г.

Датируется 7–11 апреля 1865 г. согласно пометам в автографах и списках.

Стихотворение вызвано предсмертной болезнью старшего сына Александра II, наследника престола, вел. кн. Николая Александровича (1843–1865), умершего 12 апреля 1865 г. в Ницце.

В начале сентября 1864 г. после обручения с датскою принцессой Дагмарой цесаревич поехал в Венецию. Здесь появились первые угрожающие признаки болезни. Затем после посещения других итальянских городов цесаревич направился во Флоренцию, где с ним сделался сильнейший припадок: появились острые боли в спине, которые принудили его лечь в постель. Созванный немедленно консилиум врачей решил, что у цесаревича приступ ревматизма, только один итальянский врач высказал предположение, что у больного происходит воспалительный процесс в области позвоночника; этот диагноз впоследствии оказался верным (по материалам Русского биографического словаря). См. стих. «12-ое апреля 1865». С. 140.

Основным мотивом произведения является обличение тех, для кого русское горе стало предметом злобного ликования. Поэт мог наблюдать за этим как в Европе (он вернулся в Россию перед самой кончиной цесаревича), так и на родине, в столице (*Э.З.).*

12-ое АПРЕЛЯ 1865

(«Все решено, и он спокоен...»)

(с. 140)

Автограф неизвестен.

Списки — *Муран. альбом* (с. 124) и *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 39), дата «12-ого Апреля 1865» вынесена в заголовок.

Первая публикация — *РИ.* 1865. 14 апреля. № 79. С. 4, с подписью «Ф.Т.» Это был второй номер траурного выпуска, на первой полосе которого сообщалось о предстоящем 15(27) апреля выносе тела умершего цесаревича в русскую церковь, находящуюся в Ницце, и дальнейшем перенесении в Россию. Вошло в *Изд. 1868.* С. 221, с заглавием «На кончину Е.И.В. Государя Наследника Николая Александровича», датой «12 апреля 1865 г.»; повторяется в *Изд. СПб., 1886.* С. 273, *Изд. 1900.* С. 276.

Печатается по *Изд. 1868* с сохранением лишь даты-заголовка, имеющегося в первопечатном тексте и списках. В отличие от Г.И. Чулкова, К.В. Пигарев предполагает, что «заглавие стихотворения, по-видимому, является и датой его написания» (*Лирика II.* С. 380). См. «Другие редакции и варианты». С. 300.

Датируется 12 апреля 1865 г.

По содержанию связано с предыдущим стих. «Сын царский умирает в Ницце...».

Еще 4 апреля в Ниццу был вызван вел. кн. Александр Александрович, а вечером 6-го выехал Государь с вел. кн. Владимиром Александровичем. По пути к ним присоединилась принцесса Дагмара с матерью. У наследника началась сильнейшая головная боль. Утром 11 апреля цесаревичу стало значительно хуже; ему предложили приобщиться Святых Тайн, что он исполнил. 12 апреля в 00.50 цесаревич скончался. 14 апреля тело его было перенесено в русскую церковь, а 16-го состоялось перенесение тела на фрегат «Александр Невский», который 21 мая прибыл в Кронштадт. 25 мая состоялось перенесение тела в Петропавловскую крепость, а 28 мая торжественное погребение в Петропавловском соборе. Впоследствии Александр II в речи к депутации от всех сословий отметит единодушие народа в скорбное время: «В единодушии

этом наша сила, и пока оно будет существовать, нам нечего бояться ни внешних, ни внутренних врагов» (*Э.З.*).

«КАК ВЕРНО ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ НАРОДА...»

(с. 141)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 5.

Списки — *Муран. альбом* (с. 125), в заголовке дата «30 апреля 1865», под ней — «Графу Строганову»; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 40), где над текстом — «30 апреля 65 г.» Эту дату К.В. Пигарев считает датой написания (*Лирика II*. С. 381).

Впервые стихотворение было включено в *Изд. 1868*, но, по требованию автора, изъято из книги.

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 278, с датой в скобках «(30 апреля 1865 г.)».

Печатается по автографу без учета пометы перед текстом на *фр. яз.*: «A l'adresse du comte Stroganoff» («На графа Строганова»). В рукописи последнее слово стихотворения подчеркнуто.

Датируется 30 апреля 1865 г. согласно спискам.

Р.Ф. Брандт сообщает, что четверостишие — «вызванная смертью наследника Николая Александровича эпиграмма на состоявшего при нем «в звании попечителя» Сергея Григорьевича Строганова» (*Материалы*. С. 69). Генерал-адъютант гр. Строганов (1794–1882) был назначен попечителем наследника в 1860 г. после неудачных опытов воспитания и образования цесаревича другими наставниками. Гр. Строганов при содействии профессоров Московского университета составил программу занятий с вел. кн. на 3 года и для ее осуществления пригласил выдающихся ученых. Строганов, генерал от кавалерии и член Государственного совета, имел боевое прошлое, участвовал в сражении под Бородином, в 1828 г. — в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., а в 1854–1855 гг. принимал участие в обороне Севастополя. Известен как попечитель Московского учебного округа (1835–1847 гг.). В его время и отчасти по его инициативе в Московский университет были привлечены в качестве профессоров — Бодянский, Кавелин, Грановский, Шевырев, Соловьев, Кудрявцев, Буслаев и др. Он интересовался историей, археологией и нумизматикой. Под его руководством были изданы «Древности Российского Государства» (1849–1853). Им было написано исследование «Дмитриевский собор во Владимире, строенный с 1194 по 1197 г.» (СПб., 1849).

Видимо, на счет воспитателя Тютчев относил отчасти раннюю смерть наследника. (*Э.З.*).

«ПЕВУЧЕСТЬ ЕСТЬ В МОРСКИХ ВОЛНАХ...»

(с. 142)

Автограф — РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 6.

Списки — *Муран. альбом* (с. 125–126), с пометой: «11 мая 1865»; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 40), с той же датой.

Первая публикация — *РВ*. 1865. Т. 58. Август. С. 432. Вошло в *Изд. 1868*. С. 215; *Изд. СПб., 1886*. С. 276; *Изд. 1900*. С. 279.

Печатается по списку *Муран. альбома*. См. «Другие редакции и варианты». С. 300.

Датируется 11 мая 1865 г. согласно спискам.

Автограф черновой. 3-я строка первоначально выглядела: «И тихой мусикийский шорох». Слово «тихой» зачеркнуто и наверху надписано: «стройный». Имеется 4-я строфа, отсутствующая и в списках, и в печатных текстах, начиная с *Изд. 1868*.

В качестве эпиграфа выбрана строка римского поэта Авзония (IV в. до н.э.), с заменой «in» вместо «et»: «...или память ему изменила, или в руках у него было издание с этим вариантом», — объясняет А.И. Георгиевский в работе «Тютчев в 1862–1866 гг.» (цит. по: *Тютч. в восп.* С. 200). Георгиевский сообщает, что был вынужден обратиться за справками к профессору Петербургского университета И.И. Холодняку, который привел полный текст стиха Авзония:

Est et arundineis modulatio musika ripis,
Cumque suis loquitur tremulum comapinea ventis

(«И поросшим тростником берегам свойственна музыкальная гармония, и косматые макушки сосен, трепеща, говорят со своим ветром» — *лат.*). *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* ошибочно печатали эпиграф в качестве заглавия стихотворения.

РВ следует за автографом, сохраняя все 16 поэтических строк. Относительно четвертой строфы Георгиевский писал: «Когда и кем и по каким соображениям была опущена эта строфа в печатных изданиях, об этом, к сожалению, мне не довелось расспросить самого Тютчева, да очень может быть, что он ничего и не знал об этом пропуске в тех изданиях, которые появились еще при его жизни. Быть может, тогдашняя наша цензура была против третьего стиха в этой строфе, как заимствованного из Священного Писания, а также и против четвертого стиха, так как душе христианина не подобает впадать в отчаяние, ни протестовать против велений Неба, а может быть, и сам поэт нашел некоторую неясность и неопределенность в этой строфе, некоторое неудобство привести слова из Священного Писания не в том смысле, как они были сказаны, или нашел всю эту строфу чрезмерно мрачною по своему содержанию; но несомненно,

она вполне соответствовала тогдашнему его настроению, в котором он готов был отчаянно протестовать против преждевременной смерти столь любимых им существ (Е.А. Денисьевой, «последней любви» Тютчева, скончавшейся в 1864 г., и двух их маленьких детей — Лёли и Коли, умерших в начале мая 1865 г. — *Ред.*) и не раз задавал себе вопрос, стоило родиться на свет Божий этой бедной Лёле (старшей Лёле, Е.А. Денисьевой. — *Ред.*), самым рождением своим причинившей столько горя многим лицам» (*Тютч. в восп.* С. 200). Стихотворение родилось после похорон маленьких Лёли и Коли. Мари, сводная сестра Е.А. Денисьевой, была «большим утешением и отрадою» Тютчева в те дни, вспоминает Георгиевский. «Погода стояла чудесная, какая нередко бывает в Петербурге в первой половине мая, — писал он, — и они вместе с Федором Ивановичем в открытой коляске отправлялись то на Волково кладбище, на могилу обеих Лёль и Коли, то на Острова. В одну из таких поездок Федор Иванович на случившемся у него в кармане листке почтовой бумаги, сидя в коляске, написал карандашом для Мари свое прекрасное стихотворение с эпиграфом: «Est in arundineis modulatio musika ripis...» (*Тютч. в восп.* С. 199). Четвертая строфа не появилась в *Изд. 1868*, скорее всего, с ведома Тютчева; отсутствует она и в списках, сделанных дочерью поэта. Могла сыграть роль и неточность рифмы: «звезд» — «протест» (хотя, конечно, «звезд» читалось с *е* — не *ё*).

По поводу первого появления стихотворения в печати И.С. Аксаков написал Е.Ф. Тютчевой: «В «Русском вестнике», в последней книжке, напечатаны стихи Федора Ивановича. Прекрасные стихи, полные мысли, не нравится мне в них одно слово, иностранное: протест» (*Последняя любовь.* С. 60). «По-видимому, — отмечает К.В. Пигарев, — мнение Аксакова было принято Тютчевым во внимание: в списке М.Ф. Бирилевой последняя строфа, заканчивающаяся словами «протест», отсутствует. Нет оснований думать, чтобы дочь поэта самовольно решилась сократить эту строфу. Вместе с тем очевидно и то, что список предшествует Изд. 1868 г., а не наоборот» (*Лирика I.* С. 423–424). Впрочем, в *Изд. 1984* (текстологическую подготовку текста осуществил Пигарев) стихотворение напечатано с 4-й строфой (см. с. 202).

Несогласие с мнением И.С. Аксакова высказал Б.М. Козырев: «Можно пожалеть, что в издании «Литературных памятников» последняя строфа была в угоду аксаковскому мнению устранена из текста. Пронзительность стилистического диссонанса этой строфы: «И от земли до крайних звезд / Все безответен и поныне / Глас вопиющего в пустыне, / Души отчаянный протест» — глубоко соответствует трагическому содержанию стихотворения. А с исчезновением ее исчезла и вся трагичность, весь смысл этой вещи,

представлявшей собой вопль о «заброшенности» человека в музыкально стройной, но чуждой ему Вселенной» (*ЛН-1*. С. 87).

«Здесь читатель находит, с помощью комментария, чисто тютчевскую амальгаму цитат из Авзония, книги пророка Исайи из Библии и «Мыслей» Паскаля. Кроме того, Грэгг обнаружил в 3-й строфе парафразу из Шиллера («Die Räuber», IV, 5).

Ко всем этим источникам я добавил бы, пожалуй, еще два: пифагорейско-платоническое учение о мировой гармонии («Невозмутимый строй во всем, / Созвучье полное в природе...») и, наконец, в парадоксальнейшем контрасте с этой философией, выражение «отчаянный протест», словно бы сошедшее со страниц радикальной журналистики 60-х годов. А все вместе есть настоящее тютчевское творение. Наряду со многими иными элементами оно (как и ряд других его «чисто философских», т. е. построенных больше на размышлении, чем на поэтической интуиции вещей) содержит выпады против рационалистического, картезианско-спинозистского представления о природе как о бездушном механизме» (там же).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т. Г.!» (Тютчев. Глубина!).

Интерпретируя стихотворение, В.Я. Брюсов писал: «Но человек не только — ничтожество, малая капля в океане природы, — он еще в ней начало дисгармонирующее. Человек стремится укрепить свою обособленность, свою отдельность от общей мировой жизни, и этим вносит в нее разлад» (Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 197).

В.Ф. Саводник замечал: «Природа живет своей особенной, цельной и самодовлеющей жизнью, полной красоты и величия и гармонии, но чуждой всему человеческому и равнодушной к нему. Именно этой цельности и полноты бытия нет у человека, которому не дано слиться воедино с природой, приобщиться к загадочной и прекрасной мировой жизни. Поэт с грустным недоумением останавливается перед вопросом об этом разладе между человеком и природой, задумывается над его причинами» (*Саводник*. С. 187).

«Первоначальный грех в исконном эгоизме человека, — утверждал Д.С. Дарский. — Это он мешает войти в созвучный строй природы. Человек выделил себя из природы. Преувеличенно привязанный к своей обособленности, он оторвался от единодушной цельности мирозданья и упорствует в немощном самоутверждении. В человеке нет ни отклика, ни причастия к вселенской жизни, и несогласимым диссонансом звучит он в общем хоре» (*Дарский*. С. 124).

По мысли Д.С. Мережковского, Тютчев сначала думал, что «в мире человеческом — ложь и зло, но в мире стихийном — истина и бла-

го...» (*Мережковский*. С. 82). Поставленный в стихотворении вопрос, считал исследователь, «остался без ответа, но зато углубился до бесконечности, когда вопрошающий увидел, что разлад — не только между человеком и природой, но и в самой природе, что зло — в самом корне бытия, в самой сущности мира как воли» (там же).

Мусикийский (устар.) — музыкальный.

Мыслящий тростник — образ, восходящий к известному афоризму Б. Паскаля: «Человек не более, как самая слабая тростинка в природе, но это — тростинка мыслящая» («Pensées» — «Мысли»). (*Ю.Р., А.Ш., А.М.*).

ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(с. 143)

Автограф неизвестен. К.В. Пигарев указывает, что автограф хранился в частном собрании (Москва) (*Лирика I*. С. 424).

Первая публикация — Сочинения Я.П. Полонского. Изд. М.О. Вольфа, 1869. Т. 1–2. Примечания. С. II. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 278, с заглавием «Я.П. Полонскому (В ответ на послание)» и датой «30 мая 1865 г.»; *Изд. 1900*. С. 280.

Печатается по *Лирике I*. С. 200.

Датируется 30 мая 1865 г. на основании пометы в автографе, которую сообщил К.В. Пигарев.

Поэт Яков Петрович Полонский (1819–1898) служил, как и Тютчев, в Комитете цензуры иностранной. Стихотворение написано в ответ на его стих. «Ф.И. Тютчеву» («Ночной костер зимой у перелеска» — *Совр*. 1865. № 4). Полонскому принадлежит также стих. «Памяти Ф.И. Тютчева» (1876).

Поэтическая переписка двух лириков является продолжением прозаической. Камерный характер этих писем определяется интимными переживаниями Тютчева, потрясенного смертью Е.А. Денисьевой. В письме из Ниццы от 8/20 декабря 1864 г. он писал Я.П. Полонскому: «...Зачем я пишу к вам теперь, не знаю, потому что на душе все то же, а что это — то же — для этого нет слов. Человеку дан был крик для страдания, но есть страдания, которых и крик вполне не выражает...

<...> Одна только потребность еще чувствуется. Поскорее торопиться к вам, туда, где что-нибудь от нее осталось, дети ее, друзья, весь ее бедный домашний быт, где было столько любви и столько горя, но все это так живо, так полно ею, — так что за этот бы день, прожитый с нею тогдашнею моею жизнью, я охотно бы купил, но ценою — ценою чего?.. Этой пытки, ежеминутной пытки — этого

удела — чем стала теперь для меня жизнь... <...> Здесь даже некуда и приютить своего горя» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 272–273).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т.!!!» (Тютчев!!!) и подчеркнул слова «во мраке незаметный» и «скудный дым» (*ТЕ.* С. 147) (*Ю.Р., А.М.*).

«ВЕЛЕЛИ ВЫ – ХОТЬ, МОЖЕТ БЫТЬ, И В ШУТКУ...»

(с. 144)

Автограф неизвестен.

Список — ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 6, с датой: «С.Петербург. 1865. 5 июня».

Первая публикация — *Чулков II*. С. 159.

Печатается и датируется по списку ГАРФ.

Посвящено Н.С. Акинфиевой и создано в ответ на просьбу написать стихи в ее альбом. Тютчев посвятил ей также стих.: «Как летней иногда порою...», «Как ни бесилося злоречье...». См. *коммент.* С. 484, 519.

Дядя достославный — кн. А.М. Горчаков (*Э.З.*).

КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ

(«Есть телеграф за неименьем ног!..»)

(с. 145)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 4.

Первая публикация — *Тютчевиана*. С. 15.

Печатается по автографу.

Автограф карандашный, без правки, беловой, четким почерком, с заглавием «Князю Вяземскому» и припиской на *фр. яз.*: «Voilà des vers assez mauvais p[our] plaire au destinataire» («Вот стихи, достаточно плохие, чтобы понравиться получателю»). Рукой М.Ф. Тютчевой сделана еще приписка в конце листа чернилами: «28 июня 1865».

Датируется на основании приписки в автографе.

В конце 1-й строки стоит восклицательный знак, он упирается в край листа и поэтому мало заметен; слово «Вам» — с прописной буквы (2-я строка), а «вас» — со строчной (3-я строка). Четырехстопная ямбическая последняя строка, отличающаяся от предыдущих, пятистопных, сдвинута вправо. В ее конце не точка, а тире, как часто в автографах Тютчева.

Пятистишие представляет собой первый вариант поздравительной телеграммы П.А. Вяземскому ко дню его именин, которые прихо-

дятся на 29 июня (см. *Лирика II.* С. 382). Этому поэту, другу А.С. Пушкина, с которым Тютчев сблизился после возвращения в Россию, он посвятил стих.: «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» (февр.–март 1861), «Князю Вяземскому» («Есть телеграф за неименьем ног!..»), «Князю П.А. Вяземскому» («Теперь не то, что за полгода...» — 12 июля 1861), «Телеграмма в Петергоф князю П.А. Вяземскому» («Бедный Лазарь, Ир убогой...» — июнь 1865), «Ещё князю П.А. Вяземскому» («Когда дряхлеющие силы...» — 1866).

После возвращения из заграницы Тютчев и его семья много общались с Вяземским, с ним связаны и такие стихотворения поэта, как «Когда-то я была майором...» — март 1861 (написано от лица М.Ф. Тютчевой), «Недаром русские ты с детства помнил звуки...» — март 1861 (посвящено В. Вольфсону, приехавшему на чествование Вяземского, см. *коммент.* С. 467), «Красноречивую, живую...» — 1860-е гг. (связано с М.Ф. или Эрн. Ф. Тютчевыми, хранится в Остафьевском архиве Вяземского, видимо, имеет к нему отношение) (*В.К.*).

«БЕДНЫЙ ЛАЗАРЬ, ИР УБОГОЙ...»

(с. 146)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1.

Списки — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5638. Л. 6; *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 41.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 217, под заглавием «Телеграмма в Петергоф князю П. А. Вяземскому». Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 275 и *Изд. 1900.* С. 281.

Печатается по списку М.Ф. Тютчевой-Бирилевой (РГАЛИ), содержащему новую, переработанную автором, редакцию первой строки (в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой,* над текстом — надпись: «другая»). См. «Другие редакции и варианты». С. 300.

Датируется 29 июня 1865 г. на основании пометы в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой.* Г.И. Чулков ошибочно указывает дату по этому списку 28 июня (*Чулков II.* С. 407).

Автограф — л. почтовый, оборот чистый, написан карандашом. Бумага белая, пожелтевшая. Выше стихотворения приписка на *фр. яз.* рукой Ф.И. Тютчева: «Ceci vaut mieux, mais c'est trop long p<our> le télégraphe» («Это — лучше, но слишком длинно для телеграфа»). Тютчев сравнивает произведение с первым вариантом обращения к кн. П.А. Вяземскому (к именинам, на Петров день) «Есть телеграф за неименьем ног!..», которое написано накануне, 28 июня 1865 г. Не зная, видимо, о существовании этого стихотворения (оно было опубликовано лишь в 1920-е гг.), И.С. Аксаков, А.Н. Майков,

А.А. Флоридов печатают текст «Бедного Лазаря...» под заглавием «Телеграмма в Петергоф князю П.А. Вяземскому», первая строка которого читается как «Беспомощный и убогой / убогий/». От этого написания отказывается К.В. Пигарев (*Изд. 1957*. С. 276).

Список — л. почтовый, сдвоенный, голубоватый, написан синими чернилами. Выше стихотворения помета рукой П.А. Вяземского черными чернилами: «Тютчева ко мне». Первая строка зачеркнута рукой Ф.И. Тютчева и вписан новый вариант: «Бедный Лазарь, Ир убогой».

Лазарь — бедняк, о котором рассказывается в евангельской притче (Лк. 16, 19–31).

Ир — бродяга в «Одиссее» Гомера, это имя употреблено здесь в нарицательном смысле (*Ю.Р.*).

15 ИЮЛЯ 1865 г.

(«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»)

(с. 147)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *ИВ*. Т. XCIII. 1903. № 7. С. 202, в статье Ф.Ф. Тютчева, сына поэта, «Федор Иванович Тютчев. Материалы к его биографии». Перепечатано Р.Ф. Брандтом.

Печатается по тексту *ИВ*.

Ф.Ф. Тютчев при публикации в качестве заглавия поставил дату «15 июля 1865 г.», вероятно, вслед за автографом. Это соответствует обычаю поэта приводить дату в качестве заглавия (см. *коммент.* к «Утихла биза... Легче дышит...», «О, этот юг, о, эта Ницца...», «Как хорошо ты, о море ночное...». С. 488, 493, 499).

Посвящено памяти Е.А. Денисьевой. Однако не вполне понятно, к кому оно обращено. Р.Ф. Брандт считает его адресатом все ту же Е.А. Денисьеву: «"*Друг*" в первом стихе, наверно, та же "*она*", каковую неисправность можно объяснить недосмотром и отсутствием отделки» (*Материалы*. С. 71). К.В. Пигарев в качестве возможного адресата называет А.И. Георгиевского, мужа сестры Е.А. Денисьевой (*Лирика I*. С. 425) (*Е.О.)*.

«МОЛЧИТ СОМНИТЕЛЬНО ВОСТОК...»

(с. 148)

Автограф неизвестен.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 42); *Муран. альбом* (с. 126).

Первая публикация — *РВ*. 1865. Т. LVIII, июль. С. 111. Вошло

в *Изд. 1868*. С. 220–221; *Изд. СПб., 1886*. С. 279–280; *Изд. 1900*. С. 282.

Печатается по первой публикации.

Р.Ф. Брандт отмечал, что «в экземпляре Румянцевского музея к последним двум стихам: «Раздастся благовест всемирный / Победных солнечных лучей» имеется карандашная поправка: «Раздастся радостно всемирный / Воскресный благовест лучей»; однако она неудачная, да едва ли и принадлежит Тютчеву» (*Материалы*. С. 71).

Датируется 25 или 29 июля 1865 г.: в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой* и в *Изд. 1868* дата 25 июля, однако в *РВ*, впервые опубликовавшем стихотворение, оно датировано 29 июля. Можно предположить, что в автографе, имевшемся в распоряжении *РВ*, дата была написана неразборчиво (см. *Лирика I*. С. 425–426).

В стихотворении отразились чаяния Тютчева о национально-политическом возрождении славянства. В данный исторический период происходили такие крупные и значимые для поэта события, как решение вопроса об автономии Царства Польского (см. *ЛН-1*. С. 392–393); сильное брожение среди христианских народностей на Балканах, вылившееся в восстание на о. Крит против турецкого владычества (именно с ним связывает И.С. Аксаков это стихотворение — см.: *Биогр*. С. 118, 282–283); наконец, национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи, по поводу которого Тютчев писал: «То, что происходит теперь в Австрии, есть наполовину *наш* вопрос — так вся будущность наша связана с правильным решением этого вопроса»; «в окончательном же утешном идеале я — по всем историческим аналогиям — нисколько не сомневаюсь. Возрождение Восточной Европы остановить или устранить невозможно, и возрождение это — вне России или против нее — также совершиться не может...» (*ЛН-1*. С. 396).

Возможно, именно последнее прежде всего подразумевалось в стихотворении, что подтверждается и тютчевскими письмами того времени, где выражения «православный Восток» и «Восточная Европа» уравниваются (*ЛН-1*. С. 398). 21 декабря 1867 г. завершился длившийся около года процесс преобразования Австрийской империи в дуалистическое Австро-Венгерское государство, способствовавший расширению и усилению славянского движения.

Стихотворение Тютчева пересекается с его же стих. «Рассвет» и «День православного Востока...».

И.С. Аксаков отмечал, что, хотя «под образом восходящего солнца подразумевается пробуждение Востока», сам образ «так самостоятельно хорош, что очевидно, если не перевесил аллегорию в

душе поэта, то и не подчинился ей, а вылился свободно и независимо» (*Биогр.* С. 118).

Л.Н. Толстой пометил стихотворение буквами «Т. К.!!!» (Тютчев. Красота!!!) и отчеркнул 1–12-ю строки (*ТЕ.* С. 147) (*Ф.Т.*).

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

(«Вот бреду я вдоль большой дороги...»)

(с. 149)

Автограф неизвестен.

Первая публикация – *ИВ.* Т. XCIII. 1903. № 7. С. 201–202. Вошло в *Материалы* (с. 207).

Печатается по первой публикации.

Датируется 3 августа 1865 г. согласно заглавию в *ИВ.*

Создано накануне годовщины смерти Е.А. Денисьевой. Одно из самых сильных стихотворений во всем «денисьевском» цикле. Д.С. Мережковский, предваряя цитирование всей первой строфы, указал именно на это: «Не быть — не любить: только нелюбящий может принять смерть как небытие. Любящий любит живое лицо любимого. Любовь есть воля к бессмертию личности» (*Мережковский.* С. 600) (*А.А.*).

«КАК НЕОЖИДАННО И ЯРКО...»

(с. 150)

Автографы (2) – *ИРЛИ.* Р. 3. Оп. 2. № 1084; РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 2—2 об.

Списки — *Муран. альбом* (с. 127); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 13).

Первая публикация – *газ.* «День». 1865, 25 сентября. № 33. С. 780. Вошло в *Изд. 1868.* С. 219; *Изд. СПб., 1886.* С. 277; *Изд. 1900.* С. 283.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 300.

В автографе *ИРЛИ* (без 2-й строфы) помета рукой Эрн. Ф. Тютчевой: «Рославль. 5-го августа». Автограф РГАЛИ написан карандашом.

Изд. 1868, Изд. 1900 указывают время и место создания стихотворения: «Рославль 5 августа 1865 г.». *Изд. СПб., 1886* ограничивается обозначением года: «1865». Вместо «На влажной» (2-я строка) *газ.* «День», *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* печатают «По влажной». Варьируется синтаксическое оформление текста.

Датируется 5 августа 1865 г.

Л.Н. Толстой пометил это стихотворение буквой «Т.!!!» (Тютчев!!!) и подчеркнул строку «И в высоте изнемогла». И.С. Аксаков, отмечая ту же строку, восклицает: «*Изнемогла*! Выражение не только глубоко верное, но и смелое. Едва ли не впервые употреблено оно в нашей литературе в таком именно смысле. А между тем нельзя лучше выразить этот внешний процесс постепенного таяния, ослабления, исчезновения радуги» (*Биогр.* С. 96). Здесь, отметил он, «не только внешняя верность образа, но и вся полнота внутреннего ощущения» (там же. С. 95). Через несколько страниц Аксаков вновь возвращается к меткому тютческому образу. Если бы читатель с тонким художественным вкусом в первый раз обратился к русской поэзии, рассуждает он, то даже не зная имен лириков, «невольно бы остановился» на «Осени первоначальной» с ее «тонким волосом паутины», или «Весенних водах», или на «Радуге, *изнемогшей* в небе», — «он по одному этому выражению, по одной этой мелкой, по-видимому, черте опознал бы тотчас настоящего *художника* и сказал бы вместе с Хомяковым: «чистейшая поэзия — вот где». Такого рода художественной красоты, простоты и правды нельзя достигнуть ни умом, ни восторженностью духа, ни опытом, ни искусством: здесь уже явное, так сказать, голое поэтическое откровение, непосредственное творчество таланта» (там же. С. 100).

Первая строфа стихотворения для В.С. Соловьева послужила доказательством следующих размышлений о красоте и природе: «Из астральной бесконечности переходя в тесные пределы нашей земной атмосферы, мы встречаемся здесь с прекрасными явлениями, изображающими в различной степени просветление материи или воплощение в ней идеального начала. В этом смысле имеют самостоятельную красоту облака, озаренные утренним или вечерним солнцем, с их различными оттенками и сочетаньями цветов, северное сияние и т.д. Полнее и определеннее ту же идею (взаимного проникновения небесного света и земной стихии) представляет *радуга*, в которой темное и бесформенное вещество водяных паров превращается на миг в яркое и полноцветное откровение воплощенного света и просветленной материи» (*Соловьев. Красота.* С. 47).

Р.Ф. Брандт полагал, что «пьеса, очевидно, изображает мимолетность наших восторгов и увлечений» (*Материалы.* С. 72).

Д.С. Мережковскому стихотворение позволило высказать мысль, что «жизнь личности — только обольщение мысли, обман чувств, мимолетное видение, подобное радуге» (*Мережковский.* С. 92) (*Ю.Р., А.М., А.Ш.*).

«НОЧНОЕ НЕБО ТАК УГРЮМО...»

(с. 151)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 3–3 об. Перед текстом помета: «18 августа, дорогой».

Списки — *Муран. альбом* (с. 128), с датой «18 августа 1865, дорогой»; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 44), с пометой: «Овстуг. 18 августа 1865».

Первая публикация — *газ.* «День» 1865. 25 сентября. № 33. С. 781, с пометой-заглавием «18 августа, 1865» и подзаголовком «Дорогой». Вошло в *Изд. 1868*. С. 220, с датой: «Овстуг. 18 августа 1865 г.»; *Изд. СПб., 1886*. С. 281; *Изд. 1900*. С. 284. Текст изданий тождествен. Варьируется его синтаксическое оформление.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 301.

17 августа 1865 г. Тютчев поехал из Овстуга в Дядьково для переговоров с крупным заводчиком Орловской губернии С.И. Мальцовым о передаче ему в аренду сахарного завода в Овстуге. Поэт вернулся оттуда на следующий день. Стихотворение написано в дороге.

Автограф написан карандашом. В 5-й строке зачеркнуто: «Зарницы лишь одни живые...» и вписано: «Одни зарницы огневые...»

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «К.!» (Красота!) и подчеркнул строку «Как демоны глухонемые» (*ТЕ*. С. 147) (*Ю.Р.*).

В.С. Соловьев включает произведение в контекст поэтических раздумий Тютчева о темных началах мирового бытия. Процитировав стихотворение «Не остывшая от зною...», философ продолжает: «Этот поразительный образ гениально заканчивается поэтом в другом стихотворении (цит. «Одни зарницы огневые...». — *Ред.*)».

Соловьев выделил слова *«как демоны глухонемые, / Ведут беседу меж собой»*, а также — *«таинственное дело»*. (*Соловьев. Поэзия*. С. 476).

Р.Ф. Брандт считал, что «эта вещь, конечно, изображает благоговение человека перед величием Природы» (*Материалы*. С. 73).

«Но есть для Тютчева некоторые явления, в которых привычнее ему раскрываются природные глуби, и среди них гроза, — утверждал Д.С. Дарский. — Пушкин назвал ее «Божия гроза», — Тютчев, быть может, не отвергнул бы такого определения, но божественная сила, которая зрится ему, она другая — не премудрая и всепросвещающая... Но и в человеке и в природе она одна и та же. В дрожащем, вспыхивающем блеске глаз, в улыбке счастья и возбужденья, невольно изгибающей губы, в отчетливой грации, верности и легкости движений Анны Карениной было что-то ужасное и жестокое. Что-то чуждое, бесовское и прелестное почуялось в ней Кити. Что-то бесовское и демоническое. Но тот же демонизм, глухой, безъязычный,

безумный, дает о себе знать и из недр природы. Ночною порой, когда небо тяжко заволокло грозовыми тучами и в тишине притаились титанические силы» (*Дарский*. С. 96).

Д.С. Мережковский, цитируя стихотворение, писал: «У Достоевского Свидригайлову снится сон: мертвая девочка встает в гробу и тянется к нему с нечистою ласкою: такова природа Тютчева. И вот почему свет его — рдеющий, свет тления, сумеречный свет гниения, разложения, тусклый свет зарниц» (*Мережковский*. С. 86) (*А.Ш.*, *А.М.*).

23 НОЯБРЯ 1865 г.

(*«Нет дня, чтобы душа не ныла...»*)

(с. 152)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *ИВ*. Т. XCIII. 1903. № 7. С. 202, в статье Ф.Ф. Тютчева, сына поэта, «Федор Иванович Тютчев. Материалы к его биографии», дата перед текстом: «23 ноября 1865 г.». Перепечатано Р.Ф. Брандтом (*Материалы*. С. 73).

Печатается по первой публикации.

Датируется 23 ноября 1865 г.

Посвящено памяти Е.А. Денисьевой. Ср. *коммент*. к «15 июля 1865 г.» С. 514. (*Е.О.*).

«КАК НИ БЕСИЛОСЯ ЗЛОРЕЧЬЕ...»

(с. 153)

Автограф неизвестен.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 211.

Первая публикация — *РА*. 1874. Кн. 11. Столб. 1124. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 260, с пометой: «1863» и заглавием «К Н.Н.». В *Изд. 1900*. С. 258, напечатан тот же текст, но без даты; помещено после стихотворений, посвященных Акинфиевой, с обозначением «К ней же».

Печатается по списку с заменой запятой на тире в конце 3-й строки.

Датируется 21 декабря 1865 г. согласно помете в списке.

Стихотворение традиционно связывают с именем Н.С. Акинфиевой (см. *коммент*. к предшествующим стих., ей посвященным). В нем выразилась поэтическая реакция Тютчева на «глупые сплет-

ни» и «злые речи», возникшие по поводу ее развода с мужем и якобы предполагавшегося брака с дядей, А.М. Горчаковым (см. *Лирика I.* С. 428). По мысли Тютчева, красота не подвластна злу земной жизни.

Есть предположение Г.В. Чагина: «Не написано ли оно в период пика любви поэта к Елене Александровне Денисьевой, осужденной и отвергнутой светом?» (Чагин Г.В. «О ты, последняя любовь...». Женщины в жизни и поэзии Ф.И. Тютчева. СПб., 1996. С. 140) *(А.А.)*.

ГРАФИНЕ А. Д. БЛУДОВОЙ

(«Как жизнь ни сделалась скуднее...»)

(с. 154)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1.

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 223. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 282; *Изд. 1900.* С. 286.

Печатается по автографу.

Автограф беловой. Текст озаглавлен: «Графине А.Д. Блудовой». Под заголовком дата: «1-ое марта 1866». В 6-й строке слово «Вашего» написано с прописной буквы. В 4-й строке слова «пережить» и «жить» подчеркнуты.

Датируется по автографу 1 марта 1866 г.

Посвящено Антонине Дмитриевне Блудовой (1813–1891), дочери гр. Д.Н. Блудова, с семьей которого Тютчева связывали длительные дружеские отношения. Письма Тютчева к Блудовой см.: *Изд. 1984.* Т. 2. С. 250–252, 334–335, 358 *(А.Ш.)*.

«ТАК! ОН СПАСЕН — ИНАЧЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!..»

(с. 155)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 111 и 110; *Альбом Тютчевой* (с. 164).

Первая публикация — *Изд. 1900.* С. 287. Вошло в *Изд. Маркса.* С. 202.

Печатается по списку РГАЛИ (л. 111).

Список на л. 111 рукой А.Н. Майкова (см. *Лирика II.* С. 383), над текстом, рукой Ф.И. Тютчева: «4-е Апр.: 1866-го года» — надпись подчеркнута, цифра «5» исправлена на «4».

Список на л. 110 — Д.Ф. Тютчевой, на полулисте почтовой бумаги, с буквами (рельеф) «Д.Т.» (водяные знаки — «1872»), над текстом надпись карандашом: «Vers de papa le 4 avril 1866» («Папины стихи 4 апреля 1866» — *фр.*).

Список альбомный — Д.Ф. Тютчевой, на одном листе с текстом «Александру Второму» (см. *коммент.* С. 464), в нижней половине листа, над текстом «Так! Он спасен — иначе быть не может!..» — надпись: «Ему же 4 апреля 1866».

Списки различаются орфографией и пунктуацией: в первых двух списках 8-я строка «На всю историю Российского народа!», а в третьем — «На всю Историю российского народа!».

Датировка текста во всех изданиях неизменна: 4 апреля 1866 г. Не исключено, что стихотворение написано на другой день, но Тютчев сознательно исправил «5» на «4», чтобы подчеркнуть дату события: 4-го произошло покушение на Александра II.

4 апреля 1866 г. император Александр Николаевич гулял в Летнем саду в обществе герцога Лейхтенбергского и принцессы Марии Баденской. Когда он выходил из сада, раздался выстрел — стрелял двадцатитрехлетний Дмитрий Владимирович Каракозов (1840–1866), первый, кто совершил публичное покушение на жизнь русского царя. «Следствие по делу Каракозова и его «соучастников» велось строго секретно; официальный отчет был опубликован только 2 августа 1866 г.» (*ЛН-1.* С. 273). Тютчев в письме И.С. Аксакову в Петербург 19 апреля 1866 г. высказывал предположение о связи события 4 апреля с открытым проявлением нигилизма (см. *ЛН-1.* С. 272).

Свое отношение к жизни и деятельности Александра II Тютчев также выразил в стих.: «Александру Второму», «Императору Александру II» (см. *коммент.* С. 464, 614) (*Н.К.*).

«КОГДА СОЧУВСТВЕННО НА НАШЕ СЛОВО...»

(с. 156)

Автограф — *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 27. № 76. Л. 1. Перед текстом дата: «Петербург. 12 апреля 1866».

Первая публикация — *Чулков II*. С. 172.

Печатается по автографу.

Датируется 12 апреля 1866 г. согласно помете на автографе.

По предположению Е.П. Казанович и Г.И. Чулкова, четверостишие «является результатом какого-либо сочувственного отклика на стихотворение «Так! Он спасен — иначе быть не может!..» (*Чулков II*. С. 413–414) (*Ю.Р.*).

КНЯЗЮ СУВОРОВУ

(с. 157)

Автограф неизвестен.

Списки: на почтовой бумаге в *Мураново*, инв. № 2010, с заглавием «Князю Суворову» и датой «апреля 1866 г.» — Г.И. Чулков предполагает, что надпись сделана рукой самого поэта (*Чулков II*. С. 414), К.В. Пигарев утверждает, что заглавие вписано рукой Эрн. Ф. Тютчевой (*Лирика II*. С. 384); *Муран. альбом*. С. 129, те же заглавие и дата; *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 45–46: «Портрету его светлости Князя Суворова», «Апрель 1866».

Первая публикация — готовилось в *Изд. 1868*, откуда вырезано по требованию автора вместе с двумя другими стих. «Как верно здравый смысл народа...», «Еще к Петру Андреевичу Вяземскому». Помещено в *Изд. 1900*. С. 288, с заглавием «К портрету» и пометой «(Апрель) 1866».

Печатается и датируется (апрель 1866 г.) по списку *Альбома Тютч.-Бирилевой*.

Обращено к кн. А.А. Суворову (о нем см. в *коммент*. «Его светлости князю А.А. Суворову». С. 482). В резком тоне тютчевского стихотворения сказалось общее отношение части русского общества к административной деятельности Суворова. Покушение Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. было расценено в правительственных сферах как результат нерадивости Суворова. Это повлекло за собой упразднение должности петербургского генерал-губернатора, которую он занимал (*Лирика II*. С. 384).

После покушения Каракозова Тютчев писал А.И. Георгиевскому: «Князь Суворов срамит князя Долгорукова за его малодушие и выставляет в пример и указ ему свое собственное самоотвержение. Состав полиции до того ненадежен, что Государь предоставил Муравьеву заменить полицейских нижними чинами гвардии при содействии в. кн. Ник<олая> Ник<олаевича>, который, как мне известно, выказывает много усердия... С другой стороны, в администр<ативной> сфере недоброжелательство к Мур<авьеву> — общее, без различия партий и мнений. Всем колет глаза его исключительное положение» (*ЛН-1*. С. 403.). Затем уточняет в письме к И.С. Аксакову от 19 апреля: «Один князь Италийский — еще не сдается и, в сознании своей государственной мудрости и гражданского мужества, не перестает стыдить и срамить малодушие Долгорукова, сознавшего наконец свою несостоятельность. Не так Суворов — он и теперь еще, в двух шагах от Государя, продолжает еще своим громозвучным голосом величать Муравьева зверем и животным» (*ЛН-1*. С. 273). После выстрела Каракозова шеф корпуса жандармов кн. В.А. Долгоруков просил Александра II уволить его

как «человека неспособного, не умевшего принять мер к охранению особы Государя» (*Никитенко*. Т. 3. С. 26). 9 апреля на его место был назначен гр. П.А. Шувалов. Тютчев иронизирует над двойственностью позиции Суворова (кн. А.А. Суворов-Италийский), который осуждал нерешительность Долгорукова, не сумевшего предотвратить покушение, и вместе с тем открыто высказывал несогласие с тем, что следственную комиссию по делу Каракозова возглавил «решительный» Муравьев. Эту двойственность и высмеял Тютчев в эпиграмме на Суворова.

М.Ф. Бирилева переписала стихотворение в письме А.Ф. Аксаковой от 3/<15> мая 1866 г., прокомментировав: «Мне передавали, что Суворов не перестает дурно говорить о тебе, что же до папá, то его он ненавидит более чем когда-либо, а то ли еще будет, когда он узнает следующие только что написанные стихи, в которых папá изобразил его портрет» (*ЛН-2*. С. 380) (*Э.З.*).

«И В БОЖЬЕМ МИРЕ ТО Ж БЫВАЕТ...»

(с. 158)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 2.

Списки — *Муран. альбом* (с. 130) и *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 46), с датой «11 мая 1866 г.».

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 224, с датой: «11 мая 1866 г.». Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 283; *Изд. 1900*. С. 289.

Печатается по автографу.

Автограф — л. почтовый, бумага голубоватая с водяными знаками: «Lacroix...». Перед текстом авторская помета: «Середа. 11-ое мая».

Датируется 11 мая 1866 г. согласно помете в автографе.

В изданиях XIX в. слова «Божьем» с прописной буквы, «весна» со строчной. В XX в. — наоборот, «божьем» со строчной, а «Весна» с прописной. *Изд. 1868* увеличивает число точек в многоточии и завершает текст многоточием. *Изд. СПб., 1886, Изд. 1900* отказываются от строфического деления, вводят восклицательную интонацию в конце 6-й строки. Кроме того, *Изд. 1900* заключает в кавычки и всю последнюю строфу. Р.Ф. Брандт обратил внимание на эту перемену смысла: «Полагаю, что тютчевская весна говорит только «черед за мной», а прочее («Бессильна, как она ни злися, Несвоевременная дура! Метели, вьюги улеглися: Уж близко время *летних* бурь...») говорится самим поэтом. — Мысль пьесы, конечно, та, что застой не в силе побороть молодые, свежие течения» (*Материалы*. С. 74).

«Весенняя» тема получает новое философское и политическое обоснование. Торжество светлой языческой стихии («Зима недаром

злится...», первая половина 1830-х) уступает место Божией силе, управляющей событиями. Поводом же для создания стихотворения стало распоряжение Министерства внутренних дел о приостановке на три месяца *газ.* «Московские ведомости», редакции которой (М.Н. Катков, А.И. Георгиевский) Тютчев симпатизировал в 1863–1866 гг. См.: Бухштаб Б.Я. Три стихотворные послания Тютчева. // Труды Ленинградского библиотечного института им. Н.К. Крупской, 1956. Т. 1. С. 238–240 (*Ю.Р., А.М.*).

«КОГДА РАССТРОЕННЫЙ КРЕДИТ...»

(с. 159)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 3.

Список М.Ф. Бирилевой — *Собр. Пигарева.*

Первая публикация — Былое. 1922. № 19. С. 72 (в статье Георгия Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»).

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 301.

Датируется 3 июня 1866 г. на основании пометы в списке М.Ф. Бирилевой.

Автограф на пожелтевшем обрезке листа, карандашом, правка внесена синими чернилами. В строке 4-й первоначально было: «Сел и сидит, как рак».

Эпиграмма написана в связи с назначением бывшего конногвардейского офицера Самуила Алексеевича Грейга (1827–1887) товарищем министра финансов. Сотрудник «Московских ведомостей» Е.М. Феоктистов приводит в своих воспоминаниях остроумное высказывание Ф.И. Тютчева: «Странное дело, <...> конногвардейскому офицеру поручают финансы, — публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте же Рейтерна (министра финансов. — *Ред.*) сделать командиром конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях: я полагаю, однако, что управлять финансами Российской империи несколько труднее, чем командовать конногвардейским полком...» (Феоктистов Е.М. Воспоминания. Л., 1929. С. 294) (*Ю.Р.*).

«ТИХО В ОЗЕРЕ СТРУИТСЯ...»

(с. 160)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 4–4 об.

Список — *Альбом Тютчевой* (л. 197); указаны место и дата написания: «Царское Село, 1866».

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 220. В конце текста помечено: «Царское Село, 1866 г.». Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 286; *Изд. 1900*. С. 291; *Изд. Маркса*. С. 154 (без указания даты); *Чулков II*. С. 176 [Царское Село, июль 1866].

Печатается по автографу.

В автографе знаки препинания практически отсутствуют (Тютчевым поставлены только запятая в 6-й строке и два тире: в конце 4-й и 16-й строк). Написано карандашом на отдельном небольшом листочке с обеих сторон. В конце синими чернилами и другим почерком (возможно, М.Ф. Бирилевой) приписана дата: 1866 г.

Было напечатано среди писем Тютчева к жене в *СН* (1916. Кн. 21. С. 220, 230–231), с заглавием «Царское Село» и датой «Июль 1866». 31 июля 1866 г. из Царского Села поэт писал: «Я чувствую потребность написать тебе менее мрачное письмо, чем последнее, хотя ты, может быть, и не обратила на это внимания. Я с каждым днем становлюсь все несноснее, и моему обычному раздражению способствует немало та усталость, которую я испытываю в погоне за всеми способами развлечься и не видеть перед собой ужасной пустоты. Ах, сколько прекрасных слов можно бы сказать на эту тему! <...> Несколько дней уже стоит довольно хорошая погода, и когда солнце немного пригреет и небо ясно, то сады Царского Села в самом деле очень красивы; в них чувствуется нечто более изысканное: это грациозно и величественно в одно и то же время. Я люблю также вечера в Павловске, где хорошая музыка заменяет глупые разговоры, не исключая возможности какой-нибудь довольно интересной встречи» (с. 219–220). Но еще Г.И. Чулков заметил «среди подлинников писем Тютчева, хранящихся в Рукописн. отд. Библ. им. В.И. Ленина, автографа стихотворения нет» (*Чулков II*. С. 415). Возможно, что и не было.

Начиная с первой публикации в *Изд. 1868* во многих изданиях стихотворение датируется только годом (1866). Чулков и К.В. Пигарев указывают в дате июль, ссылаясь на публикацию при письме поэта от 31 июля 1866 г. в *СН*.

Датируется летом 1866 г. (*В.З.*).

«НА ГРОБОВОЙ ЕГО ПОКРОВ...»

(с. 161)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 5; *Мураново*. № 966. В обоих текст тождествен. Второй автограф приклеен к литографированному портрету графа М.Н. Муравьева.

Списки — *Муран. альбом* (с. 130), с ошибочной датировкой:

«6 сентября 1866»; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 47), с надписью: «М.Н. Муравьеву» и указанием времени создания стихотворения — «2 сент. 66».

Первая публикация — *РИ*. 1866. 7 сентября. № 229. С. 4, под заглавием «Памяти графа Муравьева». Имеется помета, уточняющая место работы Тютчева над произведением: «С.-Петербург, 2-го сентября 1866». Вошло в *Изд. 1868*. С. 227, под заглавием: «На смерть гр. М.Н. Муравьева»; *Изд. СПб., 1886*. С. 287; *Изд. 1900*. С. 290.

В *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900* указывается дата: «2 сентября 1866». В *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* стихотворение завершается восклицанием.

Печатается по автографам. См. «Другие редакции и варианты». С. 301.

Датируется 2 сентября 1866 г., согласно помете в *Альбоме Тютч.-Бирилевой* и в изданиях.

См. о М.Н. Муравьеве в *коммент.* к стих. «Его светлости князю А.А. Суворову». С. 482 (*Ю.Р., А.М.*).

«КОГДА ДРЯХЛЕЮЩИЕ СИЛЫ...»

(с. 162)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1–2.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 48–49), с надписью на рукописи: «Князю П.А. Вяземскому в ответ на его стихи против Каткова». Под текстом — дата: «Сентябрь 1866 г.».

Первая публикация, под заглавием «Еще князю П.А. Вяземскому», готовилась в *Изд. 1868*, откуда, по настоянию Тютчева, стихотворение было изъято вместе с еще двумя: «Как верно здравый смысл народа...» (1865) и «К портрету» («Князю Суворову», 1866). Напечатано — в *Изд. СПб., 1886*. С. 291–292; затем — *Изд. 1900*. С. 294, под заглавием «Князю П.А. Вяземскому».

В автографе 4-я строка вписана рукой Эрн. Ф. Тютчевой. 10-я строка первоначально имела вид: «На новый, современный мир». 4-я строфа следует после 5-й, отражая, по-видимому, порядок их создания. Строфы помечены цифрами сбоку, упорядочивая композицию стихотворения.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 301.

Изд. СПб., 1886 датирует стихотворение 1866 г. *Изд. 1900* уточняет время создания: «(Сентябрь) 1866».

Дату *Альбома Тютч.-Бирилевой* можно уточнить, так как стихо-

творение было послано Тютчевым А.И. Георгиевскому при письме от 3 сентября 1866 г. Следовательно, его можно датировать не ранее 1-го и не позднее 3 сентября.

Как сообщает К.В. Пигарев, «непосредственным поводом к написанию послужили сатирические стихи Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», направленные против редактора «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М.Н. Каткова. См.: Вяземский П.А. Избранные стихотворения. М.; Л., 1935. С. 463–468. Тютчев в то время был близок к редакции «Московских ведомостей» и «Русского вестника», членом которой состоял А.И. Георгиевский. Этим и объясняется посылка ему стихотворения, написанного как бы в защиту Каткова» (*Лирика I.* С. 429). В письме от 3 сентября 1866 г. Тютчев посылает А.И. Георгиевскому стих. «Когда дряхлеющие силы...» (без заглавия), сопровождая их следующими словами: «Читали ли вы стихи Вяземского на Каткова? Здесь все друзья князя огорчены этою неуместною выходкою, и вот вам несколько строк, определивших экспромтом мое впечатление по этому случаю... Вы можете их даже напечатать, где знаете, но только без подписи моего имени, а просто с инициалами *Ф.Т.*» (*ЛН-1.* С. 412). Стихотворение явилось очень острой, хотя и косвенной характеристикой Вяземского, в его отношении к молодым поколениям вообще, и напрашивается на сопоставление с тем, что писал Тютчев о нем, прослушав однажды его статью по поводу «Войны и мира» Л.Н. Толстого: «...натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец. Это *Кюстины* новых поколений» *(Изд. 1984.* Т. 2. С. 332. Письмо к Е.Ф. Тютчевой от 3 января 1869 г.).

В письме к дочери Е.Ф. Тютчевой от 26 марта 1868 г. поэт сетует на «список безобразный» (см. стих. «Михаилу Петровичу Погодину») своих стихов, виной чему во многом было «чувство лени и безразличия» автора к изданию своих трудов. «Все же я имел основание надеяться, что издание будет сделано с известным разбором и что не напихают в один жиденький томик целую кучу мелких стихотворений «на случай», всегда представлявших лишь самый преходящий интерес данного момента; вновь же воспроизведенные, они тем самым становятся совершенно смешными и неуместными. Я отделаюсь тем, что окажусь в роли тех жалких рифмачей, которые по-дурацки влюблены в малейший вырвавшийся у них стишок, — и хотя я, пожалуй, и не совсем в таком положении, но уж примирюсь, без особого труда, из одного отвращения и безучастия, даже с этой нелепой бессмыслицей. Однако то, что в этой несчастной книжонке

воспроизвели несколько строк по адресу князя Вяземского, позаботившись проставить в заголовке его имя, его собственное имя! — это, признаюсь, уже слишком... и я настоятельно умоляю, чтобы, если возможно, избавили меня от неминуемых последствий этой проделки... Я попытаюсь временно приостановить продажу издания у здешних книготорговцев до тех пор, пока не исправят эту удивительную оплошность, сохранив, если возможно, злосчастное стихотворение, но без упоминания Вяземского. Следовало бы позаботиться о том, чтобы внести ту же поправку и в оглавление...» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 320–321). Стихотворение было напечатано уже после смерти Вяземского.

Ю.И. Айхенвальд считал, что Тютчев, «видя смерть и ее неуклонное приближение», «часто говоря о скоротечности жизни», «благословляет новых, молодых «гостей», садящихся «за уготованный им пир» (Айхенвальд Ю.И. Тютчев // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 122) (*Ю.Р., А.М., А.Ш.*).

«НЕБО БЛЕДНО-ГОЛУБОЕ...»

(с. 163)

Автографы (4) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 6–7об., 8–8 об., 9, 10–12; РГБ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6–7 об.

Первая публикация — ж. «Литературная библиотека», 1866, окт., кн. 1, с. 1–2. Вошло в *Изд. 1868*. С. 228–229; *Изд. СПб., 1886*. С. 284–285; *Изд. 1900*. С. 292–293.

Печатается по автографу РГБ и совпадающему с ним автографу РГАЛИ (л. 6–7 об.). См. «Другие редакции и варианты». С. 301.

В основном автографе РГАЛИ (л. 6–7 об.) сделан ряд помет синим карандашом, вероятно, исследовательской рукой. Они представляют собой отчеркивания на полях тех мест, которые имеют варианты в других, более ранних автографах (РГАЛИ. Л. 8–9; 10, 11, 12), и сопровождающие их в нескольких местах комментирующие слова «иначе в *Изд. 1900* и в *Изд. 1868*» или просто «иначе». В конце синим карандашом поставлена дата «17 сент. 1866 г.».

Датируется 17 сентября 1866 г. на основании пометы в одном из автографов РГАЛИ (л. 9).

Поводом к написанию стал приезд в Петербург в сентябре 1866 г. датской принцессы Дагмары.

Урожденная принцесса датская Дагмара (Мария София Фредерика Дагмара, 1847–1928) — четвертый ребенок датского короля Христиана IX и королевы Луизы. С 28 октября 1866 г. — жена наследника русского престола Александра Александровича, будущего

императора Александра III. Ее новое имя — Мария Федоровна. С 1881 г. — императрица. Умерла в Дании и похоронена в королевской усыпальнице в Роскилле.

1 сентября 1866 г. в Копенгаген отбыла представительная русская делегация, которая должна была сопровождать в Россию датскую принцессу. 14 сентября Дагмару встречали в Кронштадте царь и царица с детьми. Первый раз на русскую землю Дагмара сошла в Петергофе. 17 сентября состоялся торжественный въезд невесты цесаревича в столицу. В Петербурге было по-летнему тепло (более 20 градусов). На всех дорогах скапливалась многочисленная публика. Невесте кричали «ура», махали руками и шляпами. В центре Петербурга у Казанского собора была сделана остановка — прикладывались к образу Казанской Божией Матери. Затем тронулись к Зимнему дворцу — главной императорской резиденции, где был отслужен молебен. Вечером в окружении царя, царицы, цесаревича и почти всех членов фамилии Дагмара присутствовала на иллюминации. Министр внутренних дел П.А. Валуев записал в дневнике: «Торжественный въезд состоялся при великолепной погоде с большим великолепием земного свойства. Да будет это согласие неба и земли счастливым предзнаменованием. Видел принцессу, впечатление приятное. Есть ум и характер в выражении лица» (Валуев П.А. Дневник. В 2-х т. М., 1961. Т. 2. С. 149). Брак с принцессой Дагмарой был счастливым.

В стихотворении соединены значительные в творчестве поэта мотивы, причем противоположности оказываются совмещенными: Петербург (Север) и Юг, явь и сон, природность и одушевленность, одухотворенность. Нарушением «строгого чина природы» создается картина проступившего в земном порядке райского состояния. Одновременно это показательная модификация русской темы, которая уже не противопоставлена мотивам «родимого края» солнца и зноя, а само «южное» начало перестает быть бурным и страстным (*Ф.Т.*).

«УМОМ — РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»

(с. 165)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2.

Список в *Альбоме Тютч.-Бирилевой*. С. 51, ее рукой.

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 230. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 288; *Изд. 1900*. С. 296.

Печатается по автографу.

В автографе своеобразная расстановка знаков препинания. Об-

ращает на себя внимание тире в первой строке: «Умом — Россию не понять» (оно сохраняется как обозначающее паузу в ритме стиха). Отсутствует какой-либо знак в конце всего четверостишия, во 2-й строке вместо точки тире, а в 3-й поставлена запятая после «У ней».

Датируется 28 ноября 1866 г. согласно помете в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой* (и датировки первой публикации).

И.С. Аксаков писал, что «любовь к России, вера в ее будущее, убеждение в ее верховном историческом призвании владели Тютчевым могущественно, упорно, безраздельно, с самых ранних лет и до последнего издыхания. Они жили в нем на степени какой-то стихийной силы, более властительной, чем всякое иное, личное чувство. Россия была для него высшим интересом жизни: к ней устремлялись его мысли на смертном одре...». Тютчев ранее других постиг революцию как «нравственный факт общественной совести, обличающий внутреннее настроение человеческого духа и оскудение веры в Западной Европе». Мысль об антихристианском начале, вдохновлявшем революцию и доставившем ей «такое грозное господство над миром», обусловливала взгляды Тютчева на историческую роль России, «прежде всего державы христианской», которые были высказаны им еще в статье «Россия и революция», написанной в 1848 г. Видя в «Западных царствах» цивилизацию, «убивающую себя собственными руками», Тютчев сравнивал Россию с всплывающим над «громадным крушением» «святым ковчегом» (*Биогр.* С. 76, 135–138, 148). Уподобление библейскому Ноеву ковчегу очевидно.

Стихотворение часто цитировалось в конце XIX — начале XX в., т. е. в период серьезных в истории России перемен, среди прочих и такими деятелями русской словесной культуры, как В.Г. Короленко (см., напр., «Волжский вестник». 1890, 13/25 дек.) и М. Горький (Заметки о мещанстве // Новая жизнь. 1905. № 1, 4, 12). Кроме того, М. Горький, как впоследствии и многие другие, пародировал тютчевское четверостишие (Беглые заметки // Нижегородский листок. 1896. № 229, 20 августа; то же — Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 177) (*Ф.Т.*).

«ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ КАРАМЗИНА...»

(с. 166)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 3–3 об., 4, 5–5 об.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 52–53); под текстом дата «1-го декабря 1866 года» и приписка «На юбилей Карамзина. Чита-

но на литературном вечере 3-го декабря Стасюлевичем»; два: *Муран. альбом*, один, без 4-й и 5-й строф, с пометой внизу «Et d'après la censure»: «...И до конца служить России». В бумагах П.В. Анненкова есть список с датой «30 ноября 1866 г.».

Первая публикация — Вестник Европы. Т. IV. 1866, декабрь. С. LXII, без двух строф. Вошло в *Изд. 1868*. С. 231–232 (заглавие: «На юбилей Н.М. Карамзина»); *Изд. СПб., 1886*. С. 289–290; *Изд. 1900*. С. 297–298.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 302.

В автографе 4-я и 5-я строфы — на отдельном листе почтовой бумаги, на оборотной стороне имеется вариант 21-го стиха. Внизу дата «1-го Дек. 1866» — по-видимому, рукой М.Ф. Бирилевой.

На основании датировки автографа и списков можно сделать предположение, что стихотворение было создано в своем первоначальном виде 30 ноября, а те две строфы, которые находятся в автографе на отдельном листе, были добавлены 1 декабря 1866 г.

Написано для прочтения на вечере памяти Н.М. Карамзина в *Общ.* для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Вечер состоялся 3 декабря 1866 г. А дня за два до этого (т. е. как раз в день столетней годовщины рождения Карамзина — 1 декабря) Тютчев писал Анненкову: «Вы просили у меня стихов для вашего вечера <...> посылаю вам несколько беглых незатейливых вирш, предоставляя их в совершенное ваше распоряжение» (*ЛН*. Т. 19–21. 1935. С. 586).

С Карамзиным (1766–1826) Тютчев вряд ли был лично знаком: когда Карамзин скончался, 23-летний Тютчев служил за границей. Однако впоследствии поэт был довольно близок с детьми Карамзина, о чем свидетельствует переписка Тютчева с женой.

Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911), читавший на литературном вечере стихи Тютчева, — историк, публицист, издававший с 1866 г. журнал «Вестник Европы», названный им так в память Карамзина, основавшего в свое время одноименный журнал. В одной из книг журнала за 1866 г. есть отдел, посвященный юбилею Карамзина. Там после статей напечатан отчет о заседании 3 декабря Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, на котором присутствовали внуки и другие родственники Карамзина. Вступительная речь заканчивалась следующими словами: «М.П. Погодин третьего дня (1 декабря было заседание Академии) красноречиво начертал образ Карамзина как гражданина. Наш именитый поэт Ф.И. Тютчев вдохновился тем же высоким гражданским значением Карамзина, и его поэтическим обращением к нашему достославному юбиляру мы имеем честь открыть наш литера-

турный вечер. Вот привет поэта историку-гражданину...» (Вестник Европы. 1866. № 12. С. LXI–LXII).

В опубликованном в «Вестнике Европы» без 4-й и 5-й строф стихотворении последний стих был изменен по условиям цензуры (впрочем, тютчевское слово «верноподданный» могло не нравиться и либеральной редакции журнала).

И.С. Аксаков писал, что стихи Тютчева по случаю юбилея Карамзина «достойны примечания по той мысли, которая слышится и чувствуется в самой похвале Карамзину и которую выразить, по мнению Тютчева, особенно было полезно в те годы, в отпор разным странным понятиям, господствовавшим в некоторых высших сферах петербургского общества. В этих сферах «гуманное», или «человеческое», приурочивалось только к европеизму и казалось несовместным с русским народным чувством, так что одно исключало другое: по убеждению этих представителей России, русское чувство должно было быть всегда приносимо в жертву принципу общечеловечности, разумеемому, конечно, сквозь призму европейской (т. е. французской, немецкой или английской) оценки. Точно так же, в извращенном сознании этих высших общественных кругов, интересы власти, каким-то особенным процессом мышления, отделялись от интересов Русской земли, и не только отделялись, но даже перевешивали их, в случае их взаимного противоречия. На эти-то странные понятия наших высокопоставленных европеистов, переходившие даже и в область практики, например по польскому и балтийскому вопросам, и намекает Тютчев в своих стихах "на юбилей Карамзина"...» (*Биогр.* С. 285).

В данном стихотворении Тютчева, как и в стихах, посвященных Жуковскому, воспеваемый гений — обитатель горнего мира, внутренне связан с этим миром, и становится ангелом-хранителем для мира дольнего (см. *Тютч. сб. 1990.* С. 162–163, 200) (*Ф.Т.*).

«ТЫ ДОЛГО ЛЬ БУДЕШЬ ЗА ТУМАНОМ...»

(с. 168)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 6.

Списки — *Муран. альбом* (с. 135); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 54), с припиской внизу: «По поводу первых надежд на заявление симпатии и помощи кандиотским жертвам».

Первая публикация — *Изд. 1868.* С. 234. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 293; *Изд. 1900.* С. 300.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 303.

На обороте автографа — дата рукой М.Ф. Бирилевой: «20 Дек. 1866 г.».

Датируется 20 декабря 1866 г. согласно дате в автографе, *Альбоме Тютч.-Бирилевой* и первой публикации.

Написано по поводу восстания на острове Крит против турецкого владычества. Восстание критян (или кандиотов) в 1866 г. было довольно успешным, и в начале 1867 г. удалось даже одержать несколько побед над турками. Восставшие пользовались поддержкой греков. Однако после турецкого ультиматума в конце 1867 г. Парижская конференция великих держав заставила Грецию отказаться от Крита.

По свидетельству И.С. Аксакова, «восстание греков на древнем Крите», их «отчаянное сопротивление мусульманской силе, их геройские подвиги, сочувственный трепет, пробежавший по всем христианским племенам, еще томящимся под турецким игом, все это волновало Тютчева...» (*Биогр.* С. 282). Летом 1867 г., сетуя на пассивность русского правительства в тот момент, когда успех кандиотов был уже сомнителен, Тютчев писал жене: «Трагична участь бедных кандиотов, которые будут раздавлены. Наше поведение в этом деле самое жалкое. Иногда преступно и всегда бесчестно быть настолько ниже своей задачи» (*СН.* 1916. Кн. 21. С. 225).

Аксаков рассматривал стихотворение как изобличение «горьким и метким словом» «скудости духа и самосознания в официальной России» (*Биогр.* С. 233–234), хотя, надо отметить, русский кабинет вмешался впоследствии в возникшее политическое осложнение, что вызвало появление тютчевского стих. «Хотя б она сошла с лица земного...». Тот же Аксаков пишет: «Сострадание бедствующим на Крите православным грекам, открыто и прямо высказанное с высоты Русского Престола, заступничество России за христианские племена, подвластные исламу, выразившееся в целом ряде депеш и в дипломатическом обращении к Европе, — одним словом — весь образ действий русского кабинета преисполнил Тютчева самою искреннею, радостною благодарностью...» (там же. С. 283). Восставшее против турецкого ига христианское население о. Крит провозгласило нерасторжимый союз с «матерью Грецией»; но Турция отказалась передать Крит Греции. Тогда Россия предложила Франции, Пруссии и Италии подписать декларацию, смысл которой — в отказе гарантировать целостность Оттоманской империи в случае восстания в других областях империи. В одном из писем Тютчев выражал надежду, что эта декларация послужит сигналом для других христианских народов, и «пожар станет всеобщим» (*ЛН-1.* С. 308). Однако правительства Франции, Англии и Австрии, принимавшие в 1867 г. турецкого султана как почетного гостя, фактически предоставили турецкому правительству возможность беспрепятственно-

го подавления восстания. В Стамбуле было принято решение выслать греческих подданных из империи, объявлено о разрыве дипломатических отношений с Грецией, и осенью 1868 г. восстание на о. Крит было жестоко подавлено (*Ф.Т.*).

«ХОТЯ Б ОНА СОШЛА С ЛИЦА ЗЕМНОГО...»

(с. 169)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 125–125 об.; 126–126 об.; *Муран. альбом* (с. 136–137); *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 55); *Альбом Тютчевой* (с. 203).

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 235–236. Вошло в *Биогр.*, С. 282–283; *Изд. СПб., 1886*. С. 294–295; *Изд. 1900*. С. 301–302.

Печатается по списку *Альбома Тютч.-Бирилевой*. См. «Другие редакции и варианты». С. 303.

Первые два списка (ед. хр. 52) — идентичные, неустановленного лица, на половинках разорванного на две части листа, синими чернилами. Во втором списке (л. 126–126 об.) во 2-й строке: «Правды», в 19-й строке: «Твоей». Заголовок отсутствует. На этих листах внизу дата: «31-ого дек. 1866 г.».

Список — неустановленного лица (*Муран. альбом*), синими чернилами. В 18-й строке слово «один», ошибочно написанное перед словом «есть», зачеркнуто. Заголовок отсутствует, вверху дата: «31-ого декабря 1866.».

В списке *Альбома Тютч.-Бирилевой* под текстом дата и приписка: «31-го декабря 1866: На слова lady Buchanan «un bal pour des crétins» au lieu de chrétiens» («...На слова леди Бьюкенен: «Бал в пользу кретинов» вместо христиан» — *фр.*).

Список Эрн. Ф. Тютчевой в ее альбоме, с пунктуационными изменениями, в 6-й строке: «примет» вместо «призрит». Заголовок карандашом: «Александру II». Внизу дата: «31-ое декабря 1866».

В *Биогр.* — отдельно приводятся строфы с комментариями и незначительными изменениями. В *Изд. 1900* 6-я строка читается: «Кто приютит, кто примет гостью Божью?»

Во всех изданиях датировка неизменна: «31 декабря 1866».

Стихотворение продолжает тему предыдущего — «Ты долго ль будешь за туманом...» (см. *коммент.* С. 532). Тютчев писал И.С. Аксакову 23 сентября 1867 г.: «Признавая законность восстания христиан, мы приняли бы на себя нравственное обязательство оградить их от всякого иностранного вмешательства, хотя бы ценою войны. Таково положение» (*ЛН-1*. С. 308). И предвидел развитие событий:

«... можно рассчитывать, что в скором времени пожар станет всеобщим» (там же). Поэт также писал Аксакову, что «желательно было бы, чтобы взрыву на Востоке предшествовал взрыв на Западе... Усобица на Западе — вот наш лучший политический союз...» (Петербург. 2 октября 1867. *ЛН-1*. С. 309). Хотя Тютчев надеялся, что Россия окажет помощь восставшим, но все же именно ему принадлежат слова: «Не в призвании России являться на сцене, как Deus ex machina («бог из машины». — *лат.*). Надо, чтобы сама История очистила наперед для нее место...» (там же).

В.Я. Брюсов относил стих. «Хотя б она сошла с лица земного...» (наряду с «Тогда лишь в полном торжестве...», «Ватиканская годовщина», «Славянам») к таким, где «мысль просто изложена в стихотворной форме» (*Изд. Маркса*. С. 25) (*Н.К.*).

В РИМЕ

(«Средь Рима древнего сооружалось зданье...»)

(с. 170)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 7; *ИРЛИ*. Ф. 311. № 36. Л. 32 об. — 33.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой*.

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 233. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 414; *Изд. 1900*. С. 439.

Печатается по автографу *ИРЛИ*, но с заглавием «В Риме», как в первом автографе. См. «Другие редакции и варианты». С. 303.

Автограф РГАЛИ карандашный, но стихотворение тщательно и ясно записано, синтаксически оформлено. Заглавие — «В Риме», без дополнения слов «(с французского)», появившихся в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой*. Внизу текста помета другим почерком (М.Ф. Тютчевой) синими чернилами: «Дек. 1866». В этом варианте категория времени выдвинута на первый план — «Когда громадное здесь воздвигалось зданье».

Автограф *ИРЛИ* в альбоме Е.Э. Трубецкой на двух листах, по четверостишию на каждом, без заглавия, в конце подпись — «Ф. Тютчев». В первой строке — отказ от временно́й определенности, обозначена лишь ситуация пространственная — «Средь Рима древнего сооружалось зданье...».

Датируется декабрем 1866 г. согласно помете в автографе РГАЛИ.

В *Изд. 1868* текст как в *Альбоме Тютч.-Бирилевой*, но заглавие — «В альбом княгини Т. (перевод с французского)», в конце помета —

«Декабря 1866 г.». Имеется в виду кн. Елизавета Эсперовна Трубецкая (нач. 1830-х — 1907), урожд. кнж. Белосельская-Белозерская (см. *РА*. 1911. Вып. 6. С. 274).

В *Изд. СПб., 1886* — тот же текст с вариантом того же заглавия — «В альбом княгини Т...ой (Перевод с французского)». Появились прописные буквы в словах «Кесарем», «Царь», чего не было в предыдущем издании.

В *Изд. 1900* напечатан вариант автографа РГАЛИ. В заглавии — сочетание двух вариантов — «В Риме. В альбом княгини Т...ой (с французского)».

Стихотворение выполнено в стиле максим — французских миниатюр поэтов или философов-моралистов, французский источник не найден.

Нерон (37–68) — римский император, тиран, претендовавший на особое величие (*В.К.*).

«НАД РОССИЕЙ РАСПРОСТЕРТОЙ...»

(с. 171)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 2.

Первая публикация — Былое. 1922. № 19. С. 72 (в статье Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы»).

Печатается по автографу.

Эпиграмма направлена против гр. Петра Андреевича Шувалова (1827–1889), шефа жандармов и начальника Третьего отделения с 1866 г., облеченного огромными полномочиями, за что он получил в Петербурге прозвище Петра IV и Аракчеева II (см.: Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 287, 306. Это дает основания датировать эпиграмму 1866–1867 гг.) (*Ю.Р.*).

«КАК ЭТОГО ПОСМЕРТНОГО АЛЬБОМА...»

(с. 172)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 127; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 56), с пометой: «Гр. А.Д. Блудовой», ниже — «В ответ на книгу с мыслями гр. Д.Н. Блудова». Указана дата: «1-ое марта 1867».

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 237, под заглавием: «Графине А.Д. Блудовой при получении от нее книги с заметками гр. Д.Н.Б.» и с датой: «1 марта 1867 г.». С таким же заглавием вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 297; *Изд. 1900*. С. 303.

Датируется 1 марта 1867 г. согласно помете в списке.

Печатается по списку М.Ф. Тютчевой-Бирилевой (РГАЛИ).

Посмертным альбомом Тютчевым названа книга Д.Н. Блудова «Мысли и замечания» (СПб., 1866), изданная после его смерти и присланная поэту А.Д. Блудовой.

Об А.Д. и Д.Н. Блудовых см. *коммент.* к стих. «19-ое февраля 1864» («И тихими последними шагами...») и «Графине А.Д. Блудовой» («Как жизнь ни сделалась скуднее...») в настоящем издании (С. 486, 520) (*Ю.Р., А.М.*).

«"И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН!"...»

(с. 173)

Автограф неизвестен.

Первая публикация – *газ.* «Голос». 1867. 22 июня. № 170. С. 2 (в обозрении «Библиография и журналистика»). Впервые перепечатано и прокомментировано Н. Мордовченко в ж. «Звезда». 1929. № 9. С. 202–203.

Печатается по первой публикации.

Датируется концом апреля 1867 г.

Первая строка четверостишия – цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», но тютчевская эпиграмма посвящена роману И.С. Тургенева «Дым» (см. *коммент.* к стих. «Дым». С. 538). Давно знакомый с этим писателем и восхищающийся его «Записками охотника», Тютчев не одобрил критической направленности нового романа, увидев в нем измену патриотическому чувству. Тютчев сделал широкое обобщение, сопоставив в эпиграмме два века, и в духе славянофильских симпатий упрекнул в лице западника Тургенева XIX век в несправедливом и мелочном критиканстве. Подобная позиция поэта проявилась еще раньше, в 1840-х гг. в письме П.А. Вяземскому, <нояб. – дек. 1844>, где он резко отзывается о писателях, которые увлекаются «гнусными, мелкими карикатурами, якобы народными, коими мы принялись с некоторых пор прославлять нашу страну...» (*Изд. 1984.* Т. 2. С. 101). В.П. Боткин свидетельствовал о прочтении Тютчевым тургеневского романа и о недовольстве им (см. *коммент.* к стих. «Дым». С. 538). Н. Мордовченко привел отклик и разъяснения, касающиеся автора эпиграммы, в газете «Голос». «...Истинный русский не примет всего отечественного за дым, он не обрадуется появлению такого прискорбного исчадия усталого художника, как «Дым» г. Тургенева; у него, напротив, больно защемит от того сердце; ему, прежде всего, жалко станет самого писателя, загрязнившего «Дымом» свою прежнюю популярность. Вот ка-

ким экспромтом недавно отозвался один из наших ветеранов-поэтов на толки о романе г. Тургенева» (приводит полностью тютчевскую эпиграмму. — *Ред.*). Пигарев сообщает, что эпиграмма одно время приписывалась Вяземскому. Однако принадлежность ее Тютчеву удостоверяется письмом поэта к издателю «Отечественных записок» А.А. Краевскому: «Вы, почтеннейший Андрей Александрович, за клуб дыма платите прекрасною и богатою существенностью. Благодарю вас от души» (Мордовченко Н. Неизвестный экспромт Ф.И. Тютчева // Звезда. 1929. № 9. С. 202–203; *Лирика II*. С. 391) (*В.К.*).

ДЫМ

(с. 174)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2; собрание П.Г. Богатырева (Москва); НБУ. Ф. Н.Н. Страхова. Первые два — без заглавия, третий — с заглавием: «Современное».

Список — *Альбом Тютчевой-Бирилевой* (с. 58–59), с заглавием «Дым», под текстом дата «26 апреля 1867 г.».

Первая публикация — *Отеч. зап.* 1867. Т. 172. Кн. 1, май. С. 181–182. Вошло в *Изд. 1868*. С. 239–240, под заглавием: «Дым (Повесть И.С. Тургенева)» и с датой: «Май 1867 г.»; *Изд. СПб., 1886*. С. 299–300.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 303.

Датируется концом апреля — началом мая 1867 г. согласно пометам в автографах.

Автограф РГАЛИ — л. почтовый, карандаш. Под стихотворением дата рукой М. Ф. Бирилевой: «26 апреля». В автографе из собрания П.Г. Богатырева датировано «25 апреля». Написано в связи с появлением в мартовской книжке *РВ* за 1867 г. романа И.С. Тургенева «Дым». Перед отдачей стихотворения в печать Тютчев внес в него ряд исправлений. Доработка текста производилась, по-видимому, не позднее 9 мая 1867 г. См.: Дрыжакова Е. Неизвестные автографы Ф.И. Тютчева // Русская литература. 1959. № 2. С. 203–205. В *Отеч. зап.* стихи напечатаны вслед за статьей Н.Н. Страхова «Новая повесть Тургенева».

О впечатлении, произведенном на Тютчева романом «Дым», В.П. Боткин сообщал Тургеневу 23 апреля 1867 г.: «Дым» еще читается, и мнение о нем не успело еще составиться. Вчера я был у Ф.И. Тютчева, — он только что прочел — и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким написана главная фигура, он горько

жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства» (В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка. М.; Л., 1930. С. 264).

«Дым» встретил осуждение не только со стороны Тютчева и его единомышленников. См., например, крайне резкий отзыв Д.И. Писарева о новом произведении Тургенева (Радуга. Альманах Пушкинского Дома. 1922. Т. II. С. 218–219).

В стихотворении Тютчев противопоставляет отрицательной оценке «Дыма» глубоко сочувственную оценку творчества писателя 1840-х — начала 1850-х гг., которое он сравнивает с «могучим и прекрасным», «волшебным и родным» лесом. В письме к жене от 13 сентября 1852 г. он так отозвался о «Записках охотника»: «...Я только что прочитал два тома Тургенева «Записки охотника», где встречаются чудесные страницы <...> Понимание природы часто представляется как откровение» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 189). В другом письме к ней же (от 10 декабря 1852 г.) он снова возвращается к этой книге Тургенева: «Полнота жизни и мощь таланта в ней поразительны. Редко встречаешь в такой мере и в таком полном равновесии сочетание двух начал: чувство глубокой человечности и чувство художественное. С другой стороны, не менее поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного, и сокровенного природы со всей ее поэзией» (там же. С. 192).

Р.Ф. Брандт замечал, что «стихотворение это представляет патриотский протест против пессимизма тургеневского «Дыма» (*Материалы*. С. 78) (*Ю.Р., А.Ш.*).

СЛАВЯНАМ

(«Привет вам задушевный, братья...»)

(с. 176)

Автограф неизвестен.

Списки — *ИРЛИ*. № 17411. Л. 1–2 об. (рукой М.Ф. Тютчевой-Бирилевой); *Альбом Тютч.-Бирилевой*, две первых строфы, без заглавия, над текстом надпись: «(Читано на славянском обеде в зале Дворянского собрания. С.-Петербург. 11-го мая 1867 г.)».

Первая публикация — сб. «Братьям-славянам». М., 1867, май, с. 45–48. Вошло в *Изд. 1868*. С. 241–244; *Изд. СПб., 1886*. С. 305–308; *Изд. 1900*. С. 307–309.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 304.

Датируется началом мая 1867 г., поскольку написано в связи со Славянским съездом, проходившим с 8 по 15 мая в Петербурге, с 16 по 27 мая в Москве, и прочитано как приветствие славянским гостям на банкете в Петербургском Дворянском собрании 11 мая 1867 г. Примечательно, что этот день — церковное празднование памяти славянских первоучителей и просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Поводом для Славянского съезда послужила организация Этнографической выставки в Москве: в ее состав был включен славянский отдел. На выставку прибыла депутация (81 человек) славянских народностей Европы и Балкан. Не были приглашены лишь представители Польши. Съезд сопровождался антипольскими демонстрациями; так, на одном из банкетов было поставлено кресло с надписью «отсутствующему Иуде»: об этом свидетельствует 7-я строфа стихотворения (49–56 ст.).

Всероссийскую этнографическую выставку Тютчев называл «сходкой Всеславянской», возлагая на нее надежды как на способствующую развитию идеи единения славянских народов (*ЛН-1*. С. 204). Открытие выставки сопровождалось пышными торжествами, на него прибыли Александр II и члены императорской фамилии. 14 мая славянская депутация представлялась Александру II. Именно его называли «царь-освободитель», в связи с Манифестом об освобождении крестьян. Тютчев посвятил Александру II четверостишие: «Ты взял свой день... Замеченный от века / Великою Господней благодатью — / Он рабский образ сдвинул с человека / И возвратил семье меньшую братью...» — стихи, которые, по словам имп. Марии Александровны, «растрогали государя» (*ЛН-2*. С. 323). Завершающие стих. «Славянам» строки «И слово «Царь-Освободитель» / За русский выступит предел» (71–72 ст.) выражают убеждение Тютчева, неоднократно высказанное им в письмах, что «для славянских племен нет и возможности самостоятельной исторической жизни вне законно-органической их зависимости от России. Чтобы возродиться славянами, им следует прежде всего окунуться в Россию» (*ЛН-1*. С. 426). В письме к И.С. Аксакову от 10 мая 1867 г. об этом съезде Тютчев подчеркивал, что славянские гости должны были вернуться проникнутыми «до мозгу сознанием, что они — *дроби*, а Россия — знаменатель, и только подведением под этот знаменатель может осуществиться сложение этих дробей» (там же. С. 296–297). Аксаков писал, что в стихотворении Тютчева «выражена задушевная дума всей жизни» поэта (*Биогр*. С. 219).

Дочь поэта, Д.Ф. Тютчева, в письме к сестре, Е.Ф. Тютчевой, от 12/24 мая 1867 г. сообщала: «Говорят, папá написал прекрасные стихи, обращенные к славянам, вчера на обеде в честь славян они были

читаны под гром аплодисментов» (*ЛН-2*. С. 389). К. Пфеффель писал Эрн. Ф. Тютчевой 9/21 июля 1867 г.: «Ваша падчерица любезно перевела для меня стихи, сочиненные вашим мужем в честь славянских гостей, собравшихся в Петербурге. Я нахожу, что они прекрасны, даже будучи лишены красот ритма и рифмы...» (там же).

Коссово поле — священное для сербов место, где 15 июня 1389 г. произошла битва между сербами и турками, в которой сербы потерпели поражение. В районе Косова сосредоточено много сербских православных монастырей и святынь.

Белая Гора — возвышенность около Праги, на которой 8 ноября 1620 г. войска германского императора нанесли поражение чехам, приведшее к упадку их политической самостоятельности (*Ф.Т.*).

СЛАВЯНАМ

(«Они кричат, они грозятся...»)

(с. 179)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 5–5 об., 6; *ИРЛИ*. Р. 3. Оп. 1. № 2045; *Собр. Пигарева* — в письме к И.С. Аксакову от 16 мая 1867 г.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 94–95).

Первая публикация — сб. «Братьям-славянам». М., 1867, май, с. 60–62, под заглавием «Австрийским славянам». Вошло в *Изд. 1868*. С. 245–246; *Изд. СПб., 1886*. С. 312–313; *Изд. 1900*. С. 304.

Печатается по автографу *Собр. Пигарева*. См. «Другие редакции и варианты». С. 305.

Автограф, содержащийся в письме к И.С.Аксакову, имеет эпиграф на *нем. яз.* и строфу (7-ю), отсутствующие в других (и в списке). Он сопровождается следующим обращением к адресату: «Вот вам, любезнейший Иван Сергеич, окончательное издание этих довольно ничтожных стихов, уже, вероятно, сообщенных вам Ю.Ф. Самариным.

Не смейтесь над этою ребячески-отеческою заботливостью рифмотворца об окончательном округлении своего пустозвонного безделья...»

Датируется 11–16 мая 1867 г. согласно пометам в автографах и списках. В автографе РГАЛИ рукою М.Ф. Тютчевой-Бирилевой и в списке ее альбома поставлена дата «11 мая» (день церковного празднования памяти св. равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славян). Тогда была создана первоначальная редакция. 12 мая на обеде у гр. Д.А. Толстого в честь прибывших на Всероссийскую этнографическую выставку славянских гостей (см. *коммент.* к

стих. «Славянам» — «Привет вам задушевный, братья...». С. 539) Тютчев передал написанные накануне стихи Самарину, а 15 мая просил его внести поправки в последнюю строфу. Послав автограф Аксакову, поэт вновь сделал исправления (см. *ЛН-1*. С. 298–299).

21 мая 1867 г. в Москве, куда славянская делегация прибыла из Петербурга, на банкете в ее честь стихотворение, в окончательном варианте, было дважды прочитано: С.М. Сухотиным и Аксаковым.

Эпиграф — слова австрийского министра иностранных дел гр. Фридриха Фердинанда фон-Бейста (1809–1886). Он умел пользоваться обстоятельствами и благополучно делать карьеру, даже несмотря на политические осложнения, возникшие из-за революции 1848 г. Будучи саксонским министром иностранных дел, Бейст проводил политику, сделавшую в 1865 г. Саксонию союзницей Австрии. Перейдя на службу австрийского правительства, он поддерживал линию подавления славянских народностей Австро-Венгрии. 6 июля 1868 г. в *газ.* «С.-Петербургские ведомости» сообщалось, что «борьба немецко-австрийского правительства против чешской национальности становится все более... ожесточенною».

И.С. Аксаков приводит наброски Ф.И. Тютчева к трактату «Россия и Запад» и подчеркивает его мысль о том, что Австрия «выражала факт преобладания одного племени над другим (le fait de la prédominence d'une race sur une autre): племени немецкого над славянским <...> Немецкий гнет не только гнет политический, но во сто раз хуже, ибо истекает из той мысли, что преобладание немца над славянином — право естественное. Отсюда неразрешимое недоразумение и вечная ненависть. Следовательно — невозможность искренней равноправности...» (*Биогр*. С. 212–213).

Комментируя приведенные мысли Тютчева, Аксаков отмечает, что западные славяне «могут спасти в себе славянскую народность», только став «гражданами греко-славянского мира» (или, другими словами, православного Востока), «которого душою, без сомнения, может быть и есть только Россия» (там же. С. 215). Сам Тютчев подчеркивал в письмах, что происходившее в Австрии — «наполовину *наш* вопрос — так вся будущность наша связана с правильным решением этого вопроса. Это решение состоит в том, чтобы славянский элемент не был совершенно подавлен атакою немцев и мадьяр и под гнетом этой преобладающей силы — и при разъедающих его несогласиях — не отрекся бы фактически от всяких притязаний на свою самостоятельность. Теперь более нежели когда-нибудь нужна ему поддержка со стороны России...». И «вопреки утверждению Бейста <...> можно с уверенностью сказать, что, когда настанет день великой битвы, Россия не предаст Прагу...» (*ЛН-1*. С. 396, 428).

В письме к Аксакову от 30 января 1868 г. Тютчев отмечал, что следует создать легальную почву для русской политики по вопросу об австрийских славянах — «заявить, во всеуслышание целой Европе, наше полнейшее сочувствие к австрийским славянам на основании их законной равноправности <...> Австрия — по существу своему — есть и не может не быть *федеративным* государством. Славянскому элементу принадлежит числительное большинство. Желать, чтобы это большинство не лишено было равноправности, — не только не заключает в себе ничего враждебного существенному интересу Австрии, но самое ее существование немыслимо вне этого условия, — следственно, настаивать на этом условии <...> свободным словом русской печати, — не представляет ничего такого, что бы могло быть истолковано в смысле заклятой вражды против настоящих, законных интересов Австрии <...> Мы нисколько не обязаны признавать Австрию исключительно немецкою или мадьярскою державою, — для нас она, по преимуществу, славянская, и желанием, чтобы славянскому большинству принадлежала подобающая ему в судьбах Австрии доля влияния, мы свидетельствуем о желании установить и упрочить с этою державою самые дружественные отношения» (*ЛН-1*. С. 322–323).

В более раннем письме к Аксакову, от 4 января 1868 г., Тютчев говорит о попытке «общими силами союзного Запада подавить славянские племена, и вот почему всякое заявление со стороны России о своей солидарности с Славянами уже считается Западной Европою чем-то вроде вызова и заключает в себе как бы зародыш враждебной нам коалиции» (*ЛН-1*. С. 319).

Символика стены-границы, пересекающей мир и делящей его на две части, которая выполняет стержневую функцию в стихотворении, соединяет политические мотивы тютчевской лирики с философскими (*Ф.Т.*).

«НАПРАСНЫЙ ТРУД – НЕТ, ИХ НЕ ВРАЗУМИШЬ...»

(с. 181)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 10, 11.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 98), ее рукой.

Первая публикация — *Изд. 1868*. С. 238, с датой: «С.-Петербург. Май 1867 года». Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 298; *Изд. 1900*. С. 304.

Печатается по автографу (л. 10). См. «Другие редакции и варианты». С. 305.

Хронологически более ранний автограф на л. 11. В 4-й строке зачеркнуто слово «доступней», над ним вписано «дороже», в 7-й строке «В ее глазах» таким же образом исправлено на «Вы для нее».

Во втором автографе тоже есть правка: 4-я строка читалась первоначально: «Ему кадят они, а не идее». Эти слова зачеркнуты. В написанной вместо них строке своеобразна расстановка знаков препинания: запятая после слова «недоступна» и тире — в конце строки. Существует иной вариант 5-й строки. В первом автографе: «Как перед ней ни подличайте вы» («ней» — Европой); здесь: «Как перед ней ни гнитесь, господа».

Датируется маем 1867 г. на основании пометы в первой публикации.

И.С. Аксаков ссылается на стихотворение как на свидетельство, что «ничто не раздражало» Тютчева «в такой мере, как скудость национального понимания в высших сферах, правительственных и общественных, как высокомерное, невежественное пренебрежение к правам и интересам русской народности. Его ирония, обыкновенно необидная, становилась едкою; он сыпал сарказмами...» (*Биогр.* С. 74). При этом Аксаков добавляет: «И сколько таких импровизаций ненапечатанных и неудобопечатных!..» (там же. С. 75). М.П. Погодин назвал стихотворение «меткой эпиграммой для наших самозванцев прогрессистов» (*ЛН-2*. С. 27) (*Ф.Т.*).

К ПОРТРЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАНЦЛЕРА, КНЯЗЯ А. М. ГОРЧАКОВА

(с. 182)

Автограф — ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 1–1 об. Там же находятся два экземпляра литографированной копии стихотворения (л. 2 и 3).

Первая публикация — литографированное издание «Юбилей государственного канцлера князя А.М. Горчакова 1867 года», — ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 152. С. 46–47. Вошло в *Изд. 1868*. С. 247; *Изд. СПб., 1886*. С. 301–302; *Изд. 1900*. С. 312.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 306.

В автографе слова «Он» (5 ст.) и «Союзной силой» (15 ст.) подчеркнуты. В конце 2-го, 3-го и 4-го четверостиший предложения завершают тире.

Датируется 13 июня 1867 г. на основании пометы в автографе.

Написано по поводу 50-летия государственной деятельности кн. Александра Михайловича Горчакова (1798–1883), известного дипломата, сверстника и товарища А.С. Пушкина, воспитанника Царскосельского лицея, окончив который 9 июня 1817 г., он тогда

же поступил на службу. 13 июня 1867 г., в связи с юбилеем, кн. Горчакову было пожаловано высшее государственное звание — государственного канцлера.

Тютчев поддерживал национальные побуждения в политике Горчакова: об этом свидетельствуют письма и стихотворные обращения поэта к нему, обыкновенно приуроченные к удачам русского кабинета. Однако откровенные письма Тютчева к жене говорят о двойственности его отношения к Горчакову. В письме из Петербурга от 13 июня 1867 г. (т. е. в день пожалования Горчакову звания канцлера и создания стихотворения) Тютчев рассказывал жене: «Вчера мы, с госпожой Акинфиевой во главе, ездили на вокзал встречать нашего милого князя-юбиляра, которого мы будем чествовать сегодня. Утром я прочел отчет об его разговоре по душам с императором Наполеоном. Это чистейшая вода, и любой разговор между двумя первыми попавшимися людьми мог бы оказать точно такое же воздействие и влияние на положение вопросов, ждущих своего разрешения, как этот мнимый политический диалог, честь которого почти исключительно принадлежала милейшему князю. Одним словом, это так же глупо, как и все остальное...» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 303). А на другой день, 14 июня, Тютчев писал жене следующее: «Итак, вчера отпраздновали юбилей милейшего князя Горчакова. В одиннадцать часов мы все собрались в церкви министерства, где была служба, после чего отправились в парадные комнаты, где был выставлен знаменитый альбом, содержащий 460 портретов, которые все бесследно потеряны для потомства. Тут все окружили юбиляра, и его товарищ Вестман прочел адрес. Но до этой минуты не было ни малейшего известия о его назначении канцлером... Делали всевозможные предположения, — неизвестность становилась томительной — как вдруг среди тишины твердый и ясный голос возвестил о прибытии императорского рескрипта. Это была очень сердечная телеграмма Государя, объявляющая юбиляру о даровании ему звания государственного канцлера. Жомини прочел ее вслух, и, пока он читал, я смотрел на доброе лицо этого бедного милого старика, достигшего вершины почести и не могущего ожидать ничего более в этом роде, кроме великолепных похорон, подобающих канцлеру. Он с трудом удерживал слезы. И все вокруг него были растроганы, что доказывает, какая это хорошая и симпатичная всем натура. Когда я подошел к нему с поздравлением, мы обнялись как два бедняка...» (*СН*. 1916. Кн. 21. С. 223).

И.С. Аксаков, цитируя посвященные юбилею Горчакова тютчевские стихи, подчеркивал, что «особенно важна в них последняя строфа, которая выражает и самого Тютчева, т. е. обычное направление его мысли, и показывает нам, чем он особенно дорожил в деятельности русского канцлера» (*Биогр*. С. 284).

20 Зак 7181

В те дни кроваво-роковые, / ... / Он Волей призван был верховной / Стоять на страже, — и он стал — с окончанием Крымской войны в 1856 г. Горчаков сменил на посту министра иностранных дел Нессельроде, получив «в наследство» печальные для России последствия Севастопольской кампании (*Ф.Т.*).

«LORSQU'UN NOBLE PRINCE, EN CES JOURS DE DÉMENCE...»

(с. 183)

Автограф — РГБ. Ф. 308. К. 2. Ед. хр. 5 — в письме поэта к жене Эрн. Ф. Тютчевой от 24 июля 1867 г.

Первая публикация — *РА*. 1874. Тетрадь 10. Стлб. 356, в биографической статье И.С. Аксакова «Федор Иванович Тютчев». Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 288; *Материалы*. С. 122–123.

Печатается по автографу.

Датируется 24 июля 1867 г.

В первой публикации допущены некоторые отступления от автографа: в начале 2-й строки *Decora* вместо *Decort*; вопросительный знак в четвертой строке поставлен неверно, перед кавычками, закрывающими цитату — лозунг английского ордена Подвязки.

Поводом для иронического четверостишия послужили исторические события. Летом 1867 г., когда турецкие войска громили христианских критских повстанцев, Наполеон III и английская королева Виктория принимали с большими почестями турецкого султана Абдул-Азиса (1830–1876) во время его визита в Париж и Лондон. Тютчев направил свое стихотворение-эпиграмму жене английского посла в Петербурге леди Бьюкенен.

Р.Ф. Брандт приводит буквальный перевод четверостишия на русский язык: «Когда благородный государь, в эти дни безумия, Украсил своею рукою палача христиан, Можно ли бы говорить еще, как во времена старинные: «Позор тому, кто дурно об этом думает» — и в сноске как бы развивает ироническое высказывание поэта: «Здесь не хватает одного слога — догадываюсь, что надо читать — un prince chrétien <христианский государь> или un noble monarque <благородный монарх>. Можно бы поставить также — une noble reine <благородная королева>: ведь дело идет о королеве Виктории» (*Материалы*. С. 123). Отправляя 21 июля 1867 г. четверостишие в письме к жене, Тютчев писал: «...вот стихотворение, посланное недавно леди Бьюкенен по случаю приема, сделанного султану королевой английской» (*СН*. 1916. Кн. 21. С. 227). И.С. Аксаков в статье о Тютчеве от-

мечал: «Он ни на минуту не переставал быть участником и общником *текущего* исторического дня. Вопрос о конечных судьбах европейской цивилизации и посещение Константинополя императрицею Евгениею, — последнее слово германской философии и пожалование султану английскою королевою ордена Подвязки, — антагонизм двух просветительных духовных начал, западного и восточного, и забаллотирование в Русской Академии наук русских ученых с народным направлением в науке, — на все многосложные, разнообразные интересы современной ему эпохи, общие и частные, всемирные и местные, — на все отзывался и отозвался этот не оскудевавший ни мыслью, ни словом, не старившийся с годами, никогда не повторявшийся, всегда одинаково привлекательный, но всегда своеобразный, сильный, острый, поэтический ум. <...> Пожалование королевою ордена Подвязки султану внушило, без сомнения, ему же следующее французское четверостишие, ходившее в то время по рукам в высшем общественном кругу, анонимное» (*РА*. Стлб. 356) (ср. *Биогр*. С. 288). К.В. Пигарев приводит стихотворный перевод четверостишия, выполненный М.П. Кудиновым:

Христианский король перед всем белым светом
Решил палача христиан наградить.
Так можно ли, как в старину, говорить:
«Стыдись, подумавший плохо об этом»?

(*Лирика II*. С. 421).

Как видим, этот перевод в первой строке ориентируется на суждение Брандта *(В.З.)*.

«КАК НИ ТЯЖЕЛ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС...»

(с. 184)

Автограф, по свидетельству А.А. Николаева, хранится в Музее русской культуры (Сан-Франциско, США), в собр. М. Чижевской.

Первая публикация — Сочинения графа П.И. Капниста: В 2 т. М., 1901.Т. 1. С. CXXXIV. Вошло в *Изд. Маркса*. С. 269, без даты, под неверным заголовком «Графу П.И. Капнисту» (см. ниже).

Печатается по *Изд. 1987*. С. 236.

А.А. Николаев в примечаниях указал: «Печ. по новонайденному автографу, поступившему в Музей русской культуры (Сан-Франциско, Калифорния, США), в собр. М. Чижевской, из Японии. <...> Этот листок с автографом и рисунком поэта обнаружен недавно Р. Лэйном».

Датируется на основании воспоминаний гр. Инны Капнист о редакторе «Правительственного вестника» гр. Петре Ивановиче Капнисте: «14 октября 1867 года, произошло заседание совета Главного Управления по делам печати, на котором присутствовал и поэт Ф.И. Тютчев, бывший тогда одним из членов совета. От внимания Капниста не ушло, что Тютчев, во время заседания, был весьма рассеян и что-то рисовал или писал карандашом на листе бумаги, лежавшем перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумии, оставив бумагу. Капнист бросил на нее взгляд и заметил, что вместо канцелярских дел там написано несколько стихов. Он, конечно, взял и сохранил, на память о любимом им поэте, следующие строки» (с. CXXXIII). Далее мемуаристка приводит текст стихотворения (*В.З.*).

«СВЕРШАЕТСЯ ЗАСЛУЖЕННАЯ КАРА...»

(с. 185)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *газ.* «Москва». 1867. № 166. 29 октября. С. 4, с датой «27 окт<ября>» 1867 г. Вошло в *Изд. 1868*. С. 248; *Изд. СПб., 1886*. С. 309; *Изд. 1900*. С. 313.

Печатается по первой публикации, на основании которой датируется 27 октября 1867 г. В *Изд. СПб., 1886* у А.Н. Майкова дата — 29, а не 27 октября 1867 г., как и у А.А. Флоридова в *Изд. 1900*, только у последнего она заключена в скобки.

По словам И.С. Аксакова, стихотворение написано «едва ли не по поводу кровавой схватки французских и папских солдат с гарибальдийцами» (*Биогр.* С. 184).

Вторжение итальянских патриотов-гарибальдийцев в Папскую область, их борьба со светской властью папы воспринимается Тютчевым как кара за «тысячелетний грех» — отпадение римской кафедры от Вселенской Церкви, окончательно совершившееся в XI в. (см. *коммент.* к стих. «Ватиканская годовщина». С. 595). Результатом борьбы было завершение в 1870 г. объединения Италии. «...Чью помощь ни зови...» — намек на помощь, оказанную папству французскими войсками, которые уже в ноябре 1867 г. отбили наступление гарибальдийцев. Гарибальди, Джузеппе (1807–1882) — участник революции 1848–1849 гг., руководитель Римской республики 1849 г. В 1848, 1859 и 1866 гг. во главе отряда добровольцев участвовал в освободительных войнах против Австрии. В 1862 и 1867 гг. предпринимал попытки освободить Рим от власти пап. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. сражался добровольцем на стороне Франции.

Последняя строфа — обращение к папе Пию IX (1792–1878). Гр. Джованни Мария Мастаи Феррети был избран на папский престол в 1846 г. В течение своего 20-летнего понтификата тщетно боролся за светскую власть. Ни либеральные уступки населению Рима, ни попытки суровых репрессий, ни французская интервенция не предотвратили умаления его власти как светского государя. Именно он издал syllabus errorum и энциклику, вызвавшую появление стихотворения Тютчева «Был день — когда господней правды молот...» («Encyclica»), и созвал Ватиканский собор, провозгласивший догмат о папской непогрешимости. Однако же умер он ватиканским пленником.

В письмах к А.Ф. и И.С. Аксаковым (от 18 октября и 19 ноября 1867 г.) Тютчев утверждал по поводу римского кризиса, что «Европа сейчас не просто накануне войны, но накануне войны гражданской, войны, которая затронет не только народы, но и религию. Суть этой войны будет заключаться в борьбе развращенного христианства с более или менее антихристианским рационализмом. Но в борьбе вооруженной, с пушечными залпами и кровопролитиями <...> Наполеон со всем грузом своих ошибок является только орудием судьбы, а сýдьбы Европы определяются противоречием, которое стало органическим для современного общества, и в особенности французского, раздираемого надвое: на массы, находящиеся под влиянием духовенства, и либеральное меньшинство, отрицающее религию... Так вот, Наполеон является всего лишь олицетворением этого исторического антагонизма...»; «в конце концов все-таки предвидится один и тот же исход, т. е. теснейший союз Франции с Папством — во имя солидарности этих двух властолюбий. А так как *тысячелетний круг* у нас перед глазами замыкается, то мы и увидим повторение старой были — Наполеон III, конечно, не Карл Великий, но французы все те же франки, а бедный Виктор Эммануил так и глядит *Дезидерием*. Не худо было бы в современной памяти освежить историю всей этой процедуры. Выродившееся христианство в римском католицизме и выродившаяся Революция в наполеоновской Франции — это два естественных союзника. И от этого сочетания произойдут такие последствия, каких мы и не предвидим» (*ЛН-1*. С. 313).

Дезидерий — король лангобардов, побежденный в 774 г. Карлом Великим, поддерживавшим папу Адриана I.

Виктор Эммануил — возглавлял правительство Италии, столицей которой в 1865–1870 гг. была Флоренция.

Папская тиара — папская митра (архиерейское головное украшение), из трех корон, с крестом наверху; три короны означают царства: небесное, духовное и светское (*Ф.Т.)*.

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕПЕШ ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА, НАПЕЧАТАННЫХ В «JOURNAL DE ST.-PÉTERSBOURG»

(с. 186)

Автографы (4) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 3–3 об. и 4–4 об.; ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 5–5 об. и 6–6 об.

Первая публикация – *газ.* «Русский» от 1 января 1868 г., № 1, с. 10, с заглавием: «По прочтении депеш Императорского Кабинета, напечатанных в «Journal de St.-Pétersbourg». Вошло в *Изд. 1868*. С. 249; *Изд. СПб., 1886*. С. 310; *Изд. 1900*. С. 314.

Печатается по автографу ГАРФ (л. 5–5 об.), но с заглавием из первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 306.

Заглавие автографов РГАЛИ – «Е<го> С<ветлости> Кн. Горчакову, по прочтении его депеш» (л. 3) и «Князю Горч<акову> по прочтении» (л. 4); первый автограф ГАРФ заглавия не имеет, а второй – с заглавием-пометой «По прочтении». Во втором автографе ГАРФ отсутствует одно четверостишие и, соответственно, выпадает тема противостояния веры и вероломства и его значения для потомков. Во втором автографе РГАЛИ это четверостишие вписано рукой М.Ф. Бирилевой (л. 4 об.). В автографе, принятом здесь за основной текст, как и во многих других автографах Тютчева, проявляются индивидуальные особенности пунктуации поэта: многоточия из пяти и четырех точек в конце 3-го и 4-го четверостиший; тире, завершающее предложение, – в конце 1-го и 2-го четверостиший; отсутствие каких-либо знаков – в конце 2-й и 19-й строк.

Датируется 5 декабря 1867 г. на основании помет в автографах.

Написано в связи с обнародованием 5 декабря 1867 г. дипломатической переписки русского правительства по Восточному вопросу, декларации, в которой оно отказывалось от дальнейшего гарантирования целостности Турецкой империи.

И.С. Аксаков писал, что достигнуты дипломатические победы «именно потому, что русская политика решилась открыто и смело опереться на общественное мнение России, что́ было в то время новостью или забытою бывальщиною, и чем по преимуществу было ознаменовано уже минувшее двенадцатилетие, воспетое Тютчевым» (*Биогр*. С. 285).

Когда в 1866 г. христианское население о-ва Крит восстало против турецкого ига, Россия стала добиваться от Турции передачи восставшего Крита Греции. Ввиду отказа Турции Россия предложила Франции, Италии и Пруссии подписать декларацию, смысл которой – в отказе гарантировать целостность Турции в случае восста-

ния ее христианского населения. «Чтобы оценить значение этой декларации, — писал Тютчев Аксакову 23 сентября 1867 г., — надо знать действительное положение вещей в настоящее время. При нашем посредстве только что состоялось соглашение между греками и сербами, и они ждут только нашего сигнала, чтобы подняться. Эта декларация и явится таким сигналом, и можно рассчитывать, что в скором времени пожар станет всеобщим» (*ЛН-1*. С. 308). Однако европейские правительства принимали в 1867 г. турецкого султана как почетного гостя и фактически развязали ему руки для беспрепятственной расправы с восставшими (*Ф.Т.)*.

«ПЕЧАТИ РУССКОЙ ДОБРОХОТЫ...»

(с. 187)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 5, написан на клочке плотной белой писчей бумаги карандашом.

Первая публикация — Былое. 1922. № 19. С. 71, в статье Г.И. Чулкова «Ф.И. Тютчев и его эпиграммы».

Печатается по автографу.

Написано, по мнению К.В. Пигарева, предположительно в середине апреля 1868 г. (*Лирика II*. С. 397). Дата определяется на основании письма Тютчева к брату от 13 апреля 1868 г. по поводу цензурного предостережения, сделанного газете И.С. Аксакова «Москва»: «Все они (речь идет о чиновниках Министерства внутренних дел. — *Ред.*) более или менее мерзавцы, и, глядя на них, просто тошно, но беда наша та, что тошнота наша никогда не доходит до рвоты» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 325). Чулков дополнял: «Ф.И. Тютчев, внук поэта, сообщивший текст этого письма (*Урания*. 1928. С. 172–179), справедливо заметил, что содержание его позволяет эпиграмму «Печати русской доброхоты...» отнести также приблизительно к весне 1868 года».

Датируется серединой апреля 1868 г. (*Э.З.*).

О службе Тютчева в Комитете иностранной цензуры сообщают И.С. Аксаков в *Биогр.* (с. 274–275), А.В. Никитенко в дневниковых записях, а также исследователи XX в. — М.Ф. Брискман (Ф.И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной / *ЛН*. 1935. Т. 19–20. С. 565–578) и К.В. Пигарев (Ф.И. Тютчев и его время. М., 1978. С. 169–182), а также Г.И. Чулков в своих комментариях к стихотворению. Тютчев работал в этом Комитете с февраля 1848 г. старшим цензором, а с 1859-го стал его председателем. Сам поэт понимал большое общественное значение деятельности этого Комитета, о чем свидетельствует его письмо «О цензуре в России» (см. Т. 3. настоящего издания). Не отрицая надобности цензуры, он критиковал реальную деятельность цензоров,

полагая, что им не хватает подлинной просвещенности, широты общественно-государственных воззрений, понимания истинных нужд России. Чулков сообщал о характерном для Тютчева поступке: «5 октября 1858 года поэт решился протестовать в Комитете против проекта двойной цензуры — предупредительной и последовательной. В это время в «сферах» придумали еще один проект: устройство комитета по типу «Bureau de la presse» Наполеона III. И проект прошел. В комитет назначены были Н.А. Муханов, гр. А.В. Адлерберг и А.Е. Тимашев. На комитет возлагались обязанности «любовно, патриархально и разумно» направлять литературу на путь истинный. Предложили и Тютчеву войти в этот комитет. На этот раз он имел мужество отказаться от предложенного поста. И позднее поэт неоднократно протестовал против репрессий, направленных против печати. В одном из писем он писал: «Этот злополучный совет по делам печати есть нечто жалкое и совершенно достойное отражение того целого, часть которого он составляет» (*Чулков II*. С. 442–443) (*Э.З.*).

ИЮНЬ 1868 г.

(«Опять стою я над Невой...»)

(с. 188)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *ИВ*. 1903. Т. XCIII. № 7. С. 201, в статье Ф.Ф. Тютчева, сына поэта, «Федор Иванович Тютчев. Материалы к его биографии», с датой «Июнь 1868 г.» в качестве заглавия. Перепечатано Р.Ф. Брандтом (*Материалы*. С. 80).

Печатается по первой публикации.

О дате в качестве заглавия см. *коммент.* к стих. «Утихла биза... Легче дышит...», «О, этот юг, о, эта Ницца...», «15 июля 1865 г.» («Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...») и др. (с. 488, 493, 514).

Брандт дает следующую сноску в конце 6-й строки: «...здесь, может быть, не мешает напомнить читателю, что июнь в Петербурге пора «белых ночей» (*Материалы*. С. 80).

Обращено к Е.А. Денисьевой (*Е.О.*).

ПОЖАРЫ

(с. 189)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *газ.* «Русский» от 19 июля 1868 г. № 16. С. 1, с датой: «Июля 16», под рубрикой «Внутренние известия». Вошло в *Изд. Маркса*. С. 159.

Печатается по первой публикации.

Стихотворение написано по пути из Петербурга в Москву под впечатлением картины лесных пожаров, которую Тютчев наблюдал из окна железнодорожного вагона. В письме к дочери Екатерине от 6 июля 1868 г. он писал: «...я получил твое последнее письмо, проникнутое покоем и свежестью, а сейчас отвечаю на него из самого пекла. Это напоминает приведенный в Евангелии диалог между праведником, пребывающем на лоне Авраамовом, и грешным богачом, который из самой глубины геенны жалобно просит у него каплю воды. Я же прошу одного дуновения свежего воздуха; здесь задыхаешься не только от удушливой городской жары, но также и от дыма, которым окутан Петерб<ург>; его источают горящие вокруг, в нескольких верстах от города, торфяные болота, коим предоставляют гореть, ничуть не заботясь о прекращении пожара... Нам говорят, что впоследствии на этом месте будет прекрасная земля. Итак, потерпим ради будущего» (*ЛН-1*. С. 470).

Чуть позднее А.В. Никитенко в своем дневнике 11 июля 1868 г. отметил: «Вечера были бы прелестны, если бы не дым от горящих в окрестности торфа и лесов. Выдавались дни, когда приходилось затворять окна от дыма. В Петербурге буквально каждый день пожары, а в иные дни так и по несколько одновременно...» Через неделю — то же: «Дым, дым и дым, только не тургеневский, а настоящий, густой, едкий от горящих вокруг Петербурга лесов и торфа...» (*Никитенко*. Т. 2. С. 368–369).

А уже 20 июля 1868 г. сестра поэта Д.И. Сушкова писала его дочери Екатерине: «Отец твой написал стихи на пожары торфяные около Петербурга, я их приготовила для вас» (*ЛН-2*. С. 397).

Датируется 16 июля 1868 г. по первой публикации *(Ю.Р., А.М.)*.

«В НЕБЕ ТАЮТ ОБЛАКА...»

(с. 190)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 2. После текста дата: «Гостиловка. 2 августа 1868».

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 230), с пометой: «Гостиловка, 2 августа 1868».

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 314. Вошло в *Изд. 1900*. С. 316. Напечатано в *СН*. 1917. Кн. 22. С. 237.

В *Изд. СПб., 1886* после текста дата: «2 авг. 1868», *Изд. 1900* уточняет: «2 августа 1868. Гостиловка». *СН* указывает на Овстуг, близ которого располагался хутор Гостиловка, принадлежавший Тютчевым. В начале августа поэт, по-видимому, был в здешних краях.

Свидетельство тому — строки из письма к Эрн. Ф. Тютчевой от 30 августа 1868 г.: «...Анну и меня случайно повезли в Петровско-Разумовское. В воздухе было какое-то очарование. Я с грустью подумал о саде в Овстуге, которого, конечно, золотили те же солнечные лучи, и оттенки которого несколько изменились со времени моего отъезда» (*СН*. 1917. Кн. 22. С. 238).

Печатается по автографу.

Датируется 2 августа 1868 г. согласно пометам в автографе и списке.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т. К.» (Тютчев. Красота) (*ТЕ*. С. 147).

В.Я. Брюсов полагал, что «любимые дети природы, не знающие с ней разлада: лес, река, поля» приближаются к бессмертию и «в далеком будущем они останутся такими же, каковы они сегодня» (Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 199).

В.Ф. Саводник находил в стихотворении «мысль о вечном равнодушии природы, но только претворенную в тихое меланхолическое чувство» (*Саводник*. С. 194).

Д.С. Дарский писал: «В строе природного единства индивидуальность не имеет значения: она случайное порождение, которым мировое целое не дорожит. Среди уничтожения, предопределенного для всего единичного, сохраняются лишь типы и роды. Поэтому лишь то, что не виделось в общей совокупности явлений самостоятельным существованием — поля, река, лес — обладает бессмертием» (*Дарский*. С. 58) (*Ю.Р., А.Ш., А.М.*).

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

(с. 191)

Автографы (2) — *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 27. № 118; РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 3. Первый написан на шмуцтитуле экземпляра *Изд. 1868*, подаренного Тютчевым Погодину, второй — в письме к нему же от 30 августа 1868 г. из Москвы. Посылая М.П. Погодину новую редакцию стихотворения, Тютчев писал: «Простите авторской щепетильности. Мне хотелось, чтобы, по крайней мере те стихи, которые надписаны на ваше имя, были по возможности исправны, и потому посылаю вам их вторым изданием» (*ЛН-1*. С. 424).

Первая публикация — *газ.* «Русский» от 31 января 1869 г. № 37. С. 4 — в первой редакции, так как издатель газеты Погодин в тот момент не смог отыскать вторую в своих бумагах, о чем сам же сообщил читателям. Вошло в *РА*. 1874. № 10. Стлб. 402; *Изд. СПб., 1886*. С. 317; *Изд. 1900*. С. 318.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 307.

Датируется последними числами августа 1868 г., так как если окончательная редакция, возможно, и написана в день отправки письма Погодину, то есть 30 августа, то первоначальная редакция была вручена ему ранее.

С историком и публицистом Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875) Тютчев учился в Московском университете, хотя и был старше его на один курс. Дневник Погодина содержит интересный материал для характеристики Тютчева-студента. В 1826 г. Тютчев помещает стихи в *Урании*, а в 1850–1851 гг. — в *Москв.* В 1872 г. Тютчев откликнулся на его юбилей стих. «Враг отрицательности узкой...». После смерти Тютчева Погодин напечатал свои воспоминания о нем (Московские ведомости. 29 июля 1873 г.).

По получении сборника стихотворений Погодин ответил Тютчеву: «Вы заставили меня пожалеть, что не пишу стихов, любезнейший Федор Иванович. Возражу вам прозою, что такие стихи, родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вековечных...» (цит. по: *Лирика II*. С. 396).

Рука забвенья — перефразировка известного выражения «река забвенья» о реке Лета царства мертвых (*Ю.Р.*).

ПАМЯТИ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО

(с. 192)

Автограф — *Собр. Пигарева*, в письме к И.С. Аксакову от 22 сентября 1868 г.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 200), рукой Эрн. Ф. Тютчевой.

Первая публикация — *газ.* «Москва» от 25 сентября 1868 г., № 139. С. 2. 30 сентября перепечатано в *газ.* «Русский», № 67. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 315–316; *Изд. 1900*. С. 317.

Печатается по автографу.

В письме к Аксакову, содержащем автограф, стихотворению предшествует следующий текст: «Вчера я послал к вам в редакцию несколько вирш по случаю кончины Егора Ковалевского, но стихов мало. Хорошо было бы, если бы вы посвятили ему целую передовую статью. Он этого стоил. Много любопытно-поучительного можно было бы рассказать о той поистине трагической роли, навязанной ему в последнюю Восточную войну нашей беспутно-бестолковою политикою... А что до стихов, то если вы им дадите место, то напечатайте их так...» (*ЛН-1*. С. 342).

Датируется 21–22 сентября 1868 г. Г.И. Чулков высказал предположение, что текст, посланный в редакцию «Москвы» 21 сентября, чем-нибудь отличался от того, который поэт желал видеть напечатанным, и к 22 сентября относится окончательная редакция стихотворения; однако первоначальная редакция до нас не дошла (*Летопись*. С. 197).

23 сентября 1868 г. Тютчев присутствовал на похоронах Е.П. Ковалевского и писал жене из Петербурга: «Сегодня хоронят у св. Сергия бедного Егора Ковалевского, умершего от вторичного нервного удара» (*СН*. 1917. Кн. 22. С. 239).

Егор Петрович Ковалевский (1811–1868) — писатель и путешественник, инженер и государственный деятель. В молодости жил в Черногории и участвовал в сражении против австрийцев. Принимал участие в Хивинской экспедиции (1839), занимался геологическими исследованиями в Африке (1847), совершил путешествие в Китай. При его посредстве был заключен выгодный для России Кульджинский трактат (1851). Во время Крымской войны 1853–1856 гг. состоял при главнокомандующем, кн. М.Д. Горчакове. Служа в генеральном штабе, Ковалевский работал над историей севастопольской обороны. С 1856 г. был управляющим Азиатским департаментом Министерства иностранных дел. В 1871–1872 гг. в Петербурге вышло посмертное издание сочинений Ковалевского в пяти томах. Эти сочинения представляют собой обширные и разнообразные труды исторического и публицистического характера, повести, стихи, мемуары, записки путешественника (*Ф.Т.*).

МОТИВ ГЕЙНЕ

(«Если смерть есть ночь, если жизнь есть день...»)

(с. 193)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — Заря. 1869. № 2. С. 118, с заглавием «Мотив Гейне» и подписью: ***. В *Изд. 1900* напечатан тот же текст с ошибочным утверждением, что он представлен впервые (с. 622). Здесь вместо заглавия в скобках — «(На мотив Гейне)» (с. 441). Г.И. Чулков снимает заглавие, которое, по его предположению, «дело редакторских рук», с сомнением датирует стихотворение — [1868?], считая, что «для точной датировки нет никаких данных» (*Чулков II*. С. 213, 448). В публикации К.В. Пигарева сохранен заголовок и уточнена дата: 1868 — начало 1869 г. (*Лирика I*. С. 216, 431). Так и датируется.

Печатается по первой публикации.

Вольный перевод стих. Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht...» — «Книга песен» («Buch der Lieder») — «Опять на родине» («Die Heimkehr»), 87 (*Э.З.*).

Немецкий оригинал не имеет заглавия. Двухстрофное стихотворение Гейне имеет опоясанную рифмовку: первая и четвертая рифмующиеся строки опоясывают вторую и третью без рифм. Число слогов в строках не совпадает, что является причиной неравномерного ямбического размера. В переводе реализована более регулярная ямбическая строка. Число слогов в строках строго симметрично. Первая строфа перевода написана перекрестными рифмами. Во второй — использованы смежные рифмы (*Л.Л., М.М.*).

Р.Ф. Брандт предложил подстрочный перевод подлинника: «Смерть — это прохладная ночь, жизнь — знойный день (der schwühle Tag). Темнеет, меня клонит ко сну: День меня утомил. Над моей постелью подымается дерево, В нем поет молодой соловей; Он поет об одной любви, Я слышу это даже в сновидении (im Traum)» (*Материалы*. С. 117) (*Э.З.*).

«ВЫ НЕ РОДИЛИСЬ ПОЛЯКОМ...»

(с. 194)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 158 об., в письме к А.Ф. Аксаковой от 18 января 1869 г.; ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 12–12 об.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 137, 138; ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 10, 11.

Первая публикация — *РА*. 1884. Вып. 1. С. 243.

Печатается по автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 307.

В автографе ГАРФ иначе читается 8-я строка: «Всех тех, кому закрыли рот» (не «зажали рот»). На обороте помета неизвестной рукой на *фр. яз.*: «18 января 1869». Однако стихотворение написано несколько раньше; так, в письме к дочери, датированном тем же 18 января 1869 г., Тютчев сообщал, что эти стихи в рукописи уже ходят по Петербургу и уже посланы «Скарятину по случаю опубликования его статьи» (*ЛН-1*. С. 354).

Датировать следует, по-видимому, серединой января (до 18-го) 1869 г.

Сатирическое стихотворение обращено к издателю-редактору *газ.* «Весть» Владимиру Дмитриевичу Скарятину. «Весть» требовала передать административную власть в деревне в руки дворянства

и ограничить самодержавие дворянским парламентом с преимущественными правами аристократии на управление государством.

«Передовая статья *газ.* «Весть» от 15 января 1869 г. (№ 15) была направлена против славянофилов — «ненавистников охранительных начал в России». В ней утверждалось, что с момента своего возникновения славянофильство заключало в себе «враждебные охранительным началам элементы, которые, как постоянный *протест*, должны были неминуемо привести к тем крайне радикальным и охлократическим теоретизированиям и тенденциям, которые открыто и громко заявили себя в «Парусе», в «Дне» и, наконец, в «Москве», подавая руку самым крайним радикалам из наших *западников*, с которыми они подошли к одним и тем же принципам...». Тютчев был не одинок в своей оценке этой статьи: «Это не что иное, — писал в своем дневнике Сухотин, — как самый ловкий донос, вероятно писанный по заказу, и когда же? В ту минуту, как дело Аксакова рассматривается в 1-м департаменте Сената» (*РА*. 1894, № 5. С. 140).

Стихотворение включено в письмо, которое служит поддержкой дочери А.Ф. Аксаковой, чье положение Тютчев сравнивает с судьбой «жены солдата во время войны» (*Э.З.*).

«"НЕТ, НЕ МОГУ Я ВИДЕТЬ ВАС..."...»

(с. 195)

Автограф — ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 9–9 об.

Списки — там же (л. 7–7 об., 8–8 об.), написанные рукою чиновника Министерства иностранных дел А.Ф. Гамбургера (*Чулков II*. С. 487, *Лирика II*. С. 398). На одном из списков дата «5/17 февраля 1869».

Первая публикация — *Чулков II*. С. 264.

Печатается по автографу.

Обращено к кн. А.М. Горчакову.

Датируется по списку, в связи с этим предполагается, что именно об этом стихотворении упоминает М.Ф. Бирилева в письме к И.С. Аксакову от 15/<27> февраля 1869 г. (см.: *ЛН-2*. С. 400) (*Э.З.*).

14-ое ФЕВРАЛЯ 1869

(«Великий день Кирилловой кончины...»)

(с. 196)

Автограф неизвестен.

Список — РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 2–2 об., послан М.Ф. Тютчевой-Бирилевой И.С. Аксакову в письме от 15 февраля 1869 г.

Первая публикация — брошюра «Празднование тысячелетней памяти первосвятителя славян св. Кирилла 14 февраля 1869 г. в С.-Петербурге и Москве». Прага. 1869. С. 44.

Печатается по списку.

В списке имя св. Кирилла в обоих случаях (и в первой, и в предпоследней строке) написано с одним «л». Кроме того, в конце 5-й строки стоит вопросительный знак, а в конце 8-й — многоточие из восьми точек. В 13-й строке слова «как он» вставлены над самой строкой, а в конце 16-й после слова «Россия» знак препинания вообще отсутствует. Стихотворение завершается многоточием из четырех точек. Внизу — подпись «Ф.И. Тютчев».

По свидетельству Тютчевой-Бирилевой, написано в день празднования тысячелетней годовщины со дня смерти славянского просветителя, 14 февраля 1869 г.: «Спешу препроводить вам, — обращается она к Аксакову, — как новинку <...> прилагаемое стихотворение <...> Оно сложилось в уме папа́ вчера еще, но он только сегодня решился мне его продиктовать...» (см. *ЛН-2.* С. 400–401). Датируется согласно этому письму.

Дата празднования вынесена в заглавие другого стихотворения (см. «11-ое мая 1869»). По церковному календарю 14 февраля — день памяти св. равноапостольного Кирилла († 869).

Св. Кирилл родился в Солуни (ныне Салоники, Греция). Отличаясь исключительными талантами, умом, острой памятью, был выписан ко двору; изучал грамматику, арифметику, музыку, астрономию, философию, риторику и христианское богословие. Преподавал философию и состоял библиотекарем при соборной церкви в Константинополе, но затем удалился в олимпийский монастырь, откуда вместе со своим братом Мефодием отправился на Восток, приняв участие в хазарской миссии. По ее окончании св. Кирилл и его брат были направлены по просьбе моравского князя Ростислава для проповеди христианства у славянских народов. Тогда братья и изобрели славянскую азбуку и принялись за перевод богослужебных книг и Св. Писания. Им пришлось выдержать борьбу с латинским духовенством и немцами, которые боялись потерять свое влияние на славян. Надеясь на защиту, братья в 867 г. отправились к папе Адриану II в Рим и были торжественно встречены. Папа одобрил их книги и разрешил отслужить славянскую литургию в соборе св. Петра. В Риме св. Кирилл заболел и умер 14 февраля 869 г. Латиняне почли за честь иметь останки умершего святого у себя и похоронили его в усыпальнице пап, а потом, по просьбе Мефодия, перенесли в собор св. Климента (ср. у Тютчева: «Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...»). Перед смертью св. Кирилл завещал брату твердо продолжать дело просвещения славян. Это завещание и стало основой построения

тютчевского стихотворения: «Каким приветствием... Святую память мы почтим? / Какими этот день запечатлеть словами, / Как не словами, сказанными им... / и словеса святые / Его воспомянув — воскликнем мы тогда: / «Не изменяй себе, великая Россия! / ... / И как святой Кирилл, и ты не покидай / Великого служения Славянам...» (*Ф.Т.*).

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...»

(с. 197)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1.

Первая публикация — *Северные цветы*. 1903. С. 182.

Печатается по автографу.

После текста дата: «С.-Петербург. 27 февраля 1869».

Автограф стихотворения был найден в рукописях княгини Варвары Федоровны Шаховской и предоставлен для первой публикации ее внучкой Е.И. Свечиной (*Ю.Р.*).

«ДВЕ СИЛЫ ЕСТЬ — ДВЕ РОКОВЫЕ СИЛЫ...»

(с. 198)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 3–4, с пометой рукою Эрн. Ф. Тютчевой — «1869».

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 142–143 об., л. 144–144 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 96 и 97 (без 6-й строфы).

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 321–322. Вошло в *Изд. 1900*. С. 319–320.

Список РГАЛИ (л. 142–143 об.), полученный от кн. А. Голицына, без даты, имеет заглавие: «Суд людской»; текст списка значительно отличается от автографа. Другой список РГАЛИ (л. 144–144 об.) — неустановленной рукой, выполнен с ошибками, но близок к автографу; вместо заглавия на нем стоит дата: «1869». Список *Альбома Тютч.-Бирилевой* помечен мартом 1869 г., имеет значительные разночтения с автографом.

Оба издания печатают со строчной буквы слова «Смерть», «Суд», не персонифицируя понятия. Вместо «страстной» хулы (в автографе и всех списках) в 28-й строке появляется эпитет «страшная» (видимо, ошибка, как и некоторые другие разночтения).

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 307.

Датируется мартом 1869 г. согласно помете в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой*.

По мнению В.Я. Брюсова, Тютчев «с нежностью изображает душу, которая «при роковом сознании своих прав» сама идет навстречу гибели» (Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 202) (*Ю.Р., А.М., А.Ш.*).

11-ое МАЯ 1869

(*«Нас всех, собравшихся на общий праздник снова...»*)

(с. 200)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 5.

Первая публикация – *Изд. СПб., 1886*. С. 318. Вошло в *Изд. 1900*. С. 321.

Печатается по автографу.

В первом пятистишии взята в кавычки каждая из двух последних строк, являющихся переложением евангельских слов: «...Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5, 14). Эти слова входят в евангельское чтение на Божественной литургии в день церковного празднования памяти св. равноапостольных Мефодия (ок. 815–885) и Кирилла (ок. 827–869), совершаемого 11 мая. Полный текст данного чтения (в русском переводе) следующий: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного. Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5, 14–19).

Заглавие стихотворения и есть дата его написания. Создано по случаю празднования памяти славянских просветителей в Славянском благотворительном обществе, слитого воедино у Тютчева с церковным, литургическим празднованием. Общество основано в начале 1866 г. кружком московских славянофилов, во главе которого стоял тогда М.П. Погодин. Называлось оно «Славянский Благотворительный Комитет» и было учреждено в противовес западным иезуитско-католическим союзам, созданным для пропаганды папизма в среде западных славян. В 1867 г., по случаю приезда славян

на Этнографическую выставку, деятельность комитета возобновилась. В 1868 г. по инициативе В.И. Ламанского образовался «Петербургский Отдел Славянского Благотворительного Общества». Первым председателем отдела стал А.Ф. Гильфердинг (*Ф.Т.*).

«КАК НАСАЖДЕНИЯ ПЕТРОВА...»

(с. 201)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 107); помечен датой: май 1869.

Первая публикация — *газ.* «Эстляндские губернские ведомости». 1869, 25 июня. № 51. С. 425, с подписью «Ф. Тютчев». Вошло в *Изд. 1900*. С. 322, в конце указано: «май 1869. Ревель»; *Изд. Маркса*. С. 211.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 308.

Датируется маем 1869 г. согласно помете в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой.*

В 1873 г. стихотворение было перепечатано в *PC*: «В надежде, что наследники покойного поэта издадут в свет полное собрание стихотворений Федора Ивановича, и желая, чтобы в это собрание вошли произведения, рассеянные в газетах и журналах, приводим одно, напечатанное в «Эстляндских губернских ведомостях»; озаглавлено редактором «Русское слово в Прибалтийской окраине». В *Изд. 1883* оно представлено как посвящение эстляндскому губернатору и в связи с этим получило заглавие «Михаилу Николаевичу Галкину-Врасскому». В *Изд. 1899* заглавие-комментарий «На основание первой русской газеты в Ревеле».

Первая публикация предварялась редакционной заметкой: «Преобразование Эстляндских Ведомостей вызвало сочувствие в одном из даровитейших и талантливейших представителей русской литературы. С особенным поэтому удовольствием редакция помещает у себя доставленное ей Федором Ивановичем Тютчевым стихотворение его, за которое и приносит здесь свою искреннюю и живейшую признательность». «Преобразование» заключалось в том, что начиная с 1869 г. газета печатала материалы и на немецком, и на русском языках (в пределах каждого номера), а 3 мая сообщалось об увеличении формата.

Как насаждения Петрова / В Екатерининской долине — по приказанию Петра Великого вокруг Екатеринитальского (Екатериниталь в переводе с *нем.* — Екатерининская долина) дворца, по-

строенного им в Эстляндии недалеко от Ревеля (Таллина), был посажен сад (*В.З.*).

<О. И. ОРЛОВОЙ-ДАВЫДОВОЙ>

(«Здесь, где дары судьбы освящены душой...»)

(с. 202)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *газ.* «Московские ведомости». 1882. 14 мая. № 132. Затем — *ЛН-1*. С. 181 (публикация И.А. Королевой).

Печатается по первой публикации, где датировано 11 июля 1869 г.

И.А. Королева комментирует: «14 мая 1882 г. в газете «Московские ведомости» (№ 132) был напечатан некролог известному общественному деятелю графу В.П. Орлову-Давыдову. Несколько строк некролога было посвящено описанию Отрады — подмосковного имения Орлова-Давыдова. В этой связи анонимный автор привел неопубликованный экспромт Тютчева, написанный в Отраде. Публикация осталась незамеченной, и впоследствии экспромт ни разу не был перепечатан, не учтен он и в библиографии произведений Тютчева.

Известно, что Тютчев был хорошо знаком с В.П. Орловым-Давыдовым, неоднократно получал от него приглашения посетить Отраду и был намерен побывать там. «Отсюда я уеду после 20 этого месяца, — писал он жене из Петербурга 2 июня 1869 г., — пробуду дней десять в Москве; по пути я посещу Орловых-Давыдовых, чтобы наконец исполнить так часто и так тщетно даваемое обещание; затем явлюсь к вам в Овстуг» (*СН*. 1916. Кн. 21. С. 221).

Теперь мы знаем, что Тютчев исполнил свое намерение и был в Отраде 11 июля — в день именин хозяйки дома Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой (урожд. кнж. Барятинской; 1814–1876). В экспромте, написанном в этот день, отразились впечатления от пребывания в Отраде: Тютчев был поражен царившей там атмосферой, которая определялась личностью владелицы имения — женщины, заметно выделявшейся в светских кругах.

По свидетельству И.С. Аксакова, О.И. Орлова-Давыдова представляла собой «любопытное явление и замечательный характер». Почти до самого замужества она безвыездно жила в отцовском имении, и в результате «русская деревня вошла в нравственный состав ее существа», стала «ее прирожденной стихией». Выйдя замуж, она подолгу жила в Отраде, устроила здесь больницу, женские крестьянские школы и многое делала для того, чтобы облегчить положе-

ние отрадненских крестьян. Простота и естественность отношений ее с крестьянами поразила Аксакова: «Под внешней аристократической, полурусской, полуанглийской оболочкой дома <...> живет такой живой союз с церковью и не менее живой союз с русским народом, что я долго не мог прийти в себя от изумления <...> Старуха-графиня отнеслась ко мне довольно благосклонно <...> От нее идет весь этот нравственный строй». И на Тютчева также произвели впечатление не столько красота и роскошь Отрады — эти «дары судьбы», которыми владела Орлова-Давыдова, — сколько царивший здесь «нравственный строй», ею созданный.

По свидетельству автора упомянутого некролога, экспромт Тютчева был вписан в «отрадненскую записную книжку». Однако при просмотре отрадненского архива эта записная книжка за 1869 г. не была обнаружена. Стихотворение печатается по указанной публикации в «Московских ведомостях», о которой любезно сообщил нам В.И. Болдин» (*ЛН-1.* С. 181).

Датируется 11 июля 1869 г. согласно дате в первой публикации.

Основным источником комментария при публикации стали отрывки из письма Аксакова Ю.Ф. Самарину по изданию: «Графиня Ольга Ивановна Орлова-Давыдова (Из письма И.С. Аксакова к одному из его приятелей). 1873» // *РА.* 1900. Кн. II. № 8. С. 556. По ответу Самарина можно предположить, что письмо относится к первой половине осени 1872 г. Наиболее полный текст этого письма отражен в современных изданиях: Из материалов частного архива М. Пашковой — альманах «Оптина пустынь». 1996. Вып. 1. С. 67–75; по списку из фонда Самариных. РГАДА. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 814. Л. 1–6 об. — Вестник МПУ. Сер. «Русс. Филология». № 5. С. 49–53 *(Э.З.)*.

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ

(«Там, где на высоте обрыва...»)

(с. 203)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 3–3 об.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 108–109), рукой М.Ф. Тютчевой-Бирилевой. Над текстом надпись: «Андрею Николаевичу Муравьеву», под текстом — дата: «Август 1869»; текст списка совпадает с автографом.

Первая публикация — ж. «Заря». 1869. № 9, сентябрь. С. 1. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 323–324; *Изд. 1900.* С. 323–324.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 308.

Датируется августом 1869 г. на основании пометы в списке *Альбома Тютч.-Бирилевой.* Р.Ф. Брандт предложил датировать 7 августа 1869 г. (*Материалы.* С. 83–84). А в 1917 г. стихотворение было напечатано в *СН.* 1917. Кн. 22. С. 257–258, среди переписки Тютчева с женой, после его письма из Киева, помеченного 4 августа 1869 г.

Поводом к написанию послужила встреча поэта в Киеве с Муравьевым. Тютчев приехал туда в конце июля 1869 г. (26 июля он писал жене из Курска: «Уезжаю отсюда в Киев...») и пребывал там до 6 августа. 4 августа он сообщал жене: «Я мог бы тебе написать целые тома о моем пребывании здесь, но предпочитаю рассказать тебе это на словах. Пока скажу только, что Киев принадлежит к очень малому числу тех вещей, которые не обманули моего ожидания <...> Что касается до приема, который мне здесь оказали со всех сторон, то он очень превзошел мои ожидания; и хотя я привык находить везде любезный прием, однако не думал, что буду предметом такого внимания...» (*СН.* 1917. Кн. 22. С. 244).

Имеется письмо Муравьева к Тютчеву из Киева от 18 августа 1869 г., содержащее благодарность поэту за присланное стихотворение: «Искренно благодарю вас, многоуважаемый Федор Иванович, за ваше поэтическое послание, которое очень пришлось мне по сердцу как выражение доброго вашего обо мне суждения, изложенного в звучных ваших стихах. Меня это весьма тронуло и утешило и еще более приковало меня к скале Андреевской, которую вы так живописно изобразили. Поистине справедлив стих Шиллера:

Die Könige und die Poeten
Wohnen auf Menschen-Höhen

(т. е. «Короли и поэты
Живут на высотах человечества» — *нем.*)
Так и ваш чудный стих парит по горним высотам!
Благодарю вас еще раз и прошу не забывать киевского отшельника, если не соберетесь вскоре его посетить. Остаюсь душевно вам преданный А. Муравьев» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 83).

Андрей Николаевич Муравьев — известный писатель, друг юности Тютчева, ученик С.Е. Раича. Родился в 1806 г. в Москве. Рано оставил военную карьеру и служил то по дипломатической части, то при Синоде. Известен главным образом как автор сочинений по истории Церкви и литургике. Его «Письма о богослужении» выдержали 11 изданий и переведены на многие европейские языки. В его «Истории Российской Церкви» впервые опубликовано дело Никона, хранившееся в секретном архиве. Муравьевым написана знаменитая книга «Путешествия по святым местам в 1830 году», по-

явившаяся в 1832 г. и выдержавшая 8 изданий. Последние годы он жил в Киеве и там умер 18 августа 1874 г.

Упоминаемая в письме Муравьева «скала Андреевская» и есть тот «воздушно-светозарный храм», о котором говорится в первых четырех строках тютчевского стихотворения. Имеется в виду Андреевский собор в Киеве, построенный в XVIII в. по проекту Растрелли.

В письме к А.Ф. Аксаковой от 7 июня 1869 г. Тютчев излагал причины своей поездки в Киев следующим образом: «Да, конечно, милая моя дочь, я хотел бы посидеть на твоем балконе, на том балконе, который смотрит на необъятную Азию (супруги Аксаковы находились в это время в Симбирской губернии. — *Ред.*), и там, с наступлением ночи, прислушиваться среди степного безмолвия к заглушенному ропоту великих переселений народов, — как было бы сказано в каком-нибудь вычурном романе. Я, конечно, хотел бы навещать вас там каждый вечер, но с условием просыпаться следующим утром на расстоянии двух тысяч верст от упомянутого балкона... С другой стороны, однако, я не имею ни малейшего желания странствовать собственно по Европе, куда меня посылают доктора — и вот почему в виде золотой середины я избрал область промежуточную, а именно юг России — Киев, Одессу, быть может даже Крым — область, которую я хочу, пока жив, повидать как место действия событий более или менее близкого будущего, при коих, вероятно, присутствовать мне не суждено...» (*ЛН-1.* С. 357).

Эрн. Ф. Тютчева сообщала в письме из Овстуга от 18/30 августа 1869 г. И.Ф. Тютчеву, что «папа́» вернулся «в полном восторге от своего путешествия в Киев» (*ЛН-2.* С. 404). Об этом же она писала 1/13 сентября 1869 г. К. Пфеффелю: «Мой муж дважды посетил нас в течение последнего месяца, один раз перед тем, как отправиться в Киев, второй — на пути оттуда. Он в восторге от своей поездки и привез оттуда несколько поэтических строф (имеется в виду как раз стих. «Там, где на высоте обрыва...». — *Ред.*), рисующих его впечатления от пребывания в этом городе катакомб» (*ЛН-2.* С. 405). Восторженному впечатлению во многом способствовало то обстоятельство, что двор по пути в Ливадию проезжал через Киев во время пребывания там Тютчева, и, таким образом, по выражению Эрн. Ф. Тютчевой, он «оказался там в момент, вполне отвечающий его склонностям» (*ЛН-2.* С. 404).

Сам Тютчев вкратце рассказал о своей поездке в письме к А.Н. Майкову от 12 августа 1869 г.: «Да, я Киевом остался совершенно доволен. Он оказался принадлежащим к той редкой категории впечатлений, оправдывающих чаемое. Да, замечательная местность, закрепленная великим прошедшим и очевидно предназначенная для

еще более великого будущего. — Тут бьет ключом один из самых богатых родников истории.

Мне удалось видеть Киев в очень счастливую живописную минуту при встрече им Государя вечером 30-го июля, при освещении всех этих достославных Киевских — с их золотоглавой святыней, и отражении в Днепре. — Картина была поистине волшебная и которую, конечно, никто из присутствовавших долго не забудет <...> Но и вся моя поездка меня весьма удовлетворила. Какой-то новый мир, какая-то новая, своеобразная Европа вдруг раскрылась и расходилась по этим широким русским пространствам — на всех трех линиях движение неимоверное, а это только слабое начало...» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 337–338).

Тютчевское восприятие сливается с древним преданием о том, как св. апостол Андрей Первозванный (т. е. первым призванный Иисусом Христом к апостольскому служению) по сошествии Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы получил в жребий для проповеди Скифию — земли между Доном и Дунаем (Северное Причерноморье). Дойдя до Киевских гор, апостол Андрей, согласно преданию, отраженному в «Повести временных лет», обратился к своим ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет град великий, и воздвигнет Бог много церквей». Затем апостол, как повествует преп. Нестор-летописец, взошел на горы, благословил их и поставил крест (ср. у Тютчева 4–8 ст.) (*Ф.Т.*).

В ДЕРЕВНЕ

(с. 204)

Автограф последней строфы — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 2.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 141 об. — выполнен сыном поэта Иваном Федоровичем; *Альбом Тютч.-Бирилевой*, ее рукой.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 328. Вошло — *Изд. 1900*. С. 325–326.

Печатается по автографу и списку И.Ф. Тютчева.

Перед текстом автографа — запись рукой Эрн. Ф. Тютчевой — «Овстуг. 16-го августа 1869». В списке РГАЛИ — примечание: «Стихотворение это написано Ф.И. Тютчевым в одно из последних пребываний его в принадлежащем ему имении с. Овстуг и вызвано видом собаки, гнавшейся за стадом гусей и уток». В списке М.Ф. Тютчевой-Бирилевой имеются указания на место и время

написания: над текстом — «Ромп в Остужанке», под текстом — «Овстуг. 16-ое августа 1869»; а также вариант 26-й строки — вместо слова «замечен» — «заметен».

В первой публикации, осуществленной А.Н. Майковым, было напечатано под заглавием «В деревне» и с подзаголовком «Нападение собаки — друга дома, на стаю гусей», датировано 19-м августа 1869 г. В *Изд. 1900* — дата обозначена по списку, а подзаголовок заключен в скобки.

Поводом для аллегории послужил бытовой эпизод, героем которого, судя по записи Марии Федоровны, была собака Ромп.

Датируется 16 августа 1869 г. в соответствии со списками (*Т.Ф.*).

ЧЕХАМ ОТ МОСКОВСКИХ СЛАВЯН

(с. 206)

Автограф неизвестен.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 63–65). Имеет надпись «Москва — Чехам в годовщину Гуса» и приписку сбоку: «При посылке Московским Славянским Комитетом чаши в Прагу».

Первая публикация — ж. «Православное обозрение». 1869. № 9. Сентябрь. С. 341–342, в заметке «Пятисотлетний юбилей Иоанна Гуса», где озаглавлено «Чехам от московских славян». Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 325-327; *Изд. 1900*. С. 328–330.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 309.

Датируется августом 1869 г. на основании пометы в списке.

Публикация в «Православном обозрении» сопровождается примечанием: «Читано Тютчевым в чрезвычайном публичном собрании С.-Петербургского Славянского Комитета по поводу юбилея Гуса 24 августа 1869 г. в Москве, причем Комитет послал в Прагу золотую чашу работы Сазикова на деньги (1000 руб.), пожертвованные друзьями славянства в Москве, сделанную по образцу чаш, употребляемых в православных церквах».

В стихотворении отражено убеждение Тютчева, сформулированное им в статье «Россия и революция» и высказанное затем в письме к кн. Е.Э. Трубецкой от 6 декабря 1871 г. Тютчев полагает, что разрешение чешского национального вопроса определяется не столько политическим положением, сколько религиозными условиями. Содержащийся в стихотворении призыв к чехам приступить к Чаше, без которой им нет спасения, духовной свободы и единения, — это призыв соединиться с Православием (где признаком церковного единства является евхаристическое общение).

И.С. Аксаков, комментируя взгляд Тютчева на западное славянство, «никем еще до него не высказанный, и в самой России разделяемый лишь очень немногими из числа ревнителей славянской независимости», подчеркивал: «Вся будущность славянской народности у западных славян, исповедующих латинство, связана именно с решением религиозного вопроса. Если эти славяне не отторгнутся от Рима и не возвратятся к древнему церковному единству, т. е. к православию, их историческая судьба будет общая и одинаковая с судьбою иноплеменных народов католического исповедания; они подлежат одному с ними историческому приговору. Славяне-католики, которым просветительное начало веры дано в латинской окраске, у которых церковная стихия заклеймена чуждою национальностью, которым духовным центром служит Рим, не могут иметь притязаний на духовную самобытность своей народности. Среди римско-германских племен <...> славяне, с своею особенною национальностью, являются в отношении к латинству какими-то пасынками или незаконнорожденными детьми, не имеющими с законными равной части. Они осуждены на вечное малолетство, и — на похмелье в чужом пиру. Славянин-латинянин — это извращение славянской духовной природы. — Сомнительна возможность политической самостоятельности при утрате самостоятельности нравственной, при утрате *духовной народной личности*. Нельзя ожидать возрождения для народов, прикованных к римскому духовному, *отжившему* идеалу, исповедующих догмат о папской непогрешности — эту последнюю, старческую, лебединую песнь латинской церковности» (*Биогр.* С. 146). «...Вопрос для западных славян ставится просто и прямо: или объединение с Россией, или объединение полное и окончательное с Западною Европою, т. е. утрата славянской национальности. При этом «объединение с Россией» вовсе не означает ни бунта, ни другого какого-либо насильственного действия относительно Австрийского правительства; оно предлагается Тютчевым <...> только в области славянского самосознания, — к тому же прежде всего как объединение духовное или, точнее, церковное» (там же. С. 216).

В письме к Ю.Ф. Самарину от 13 июля 1868 г. Тютчев утверждал, что «когда настанет день великой битвы, Россия не предаст Прагу <...> Богемия независимая, опирающаяся на Россию, — вот комбинация, очень простая и очень действенная, которую История держит в резерве...» (*ЛН-1*. С. 428).

Празднества — юбилей, 500-летие со дня рождения Яна Гуса (о нем см. *коммент.* к стих. «Гус на костре» («Костер сооружен, и роковое...»). С. 576). Подарок (чаша), посланный в Прагу, был символическим, поскольку одним из мотивов движения гуситов было требование причащаться под обоими видами, т. е. и Тела, и Крови Христовых.

Между тем у католиков, в отличие от православных, миряне причащаются, помимо исключительных случаев, только под одним видом — хлебом. (Одна из партий гуситов так и называлась — «чашечники».)

То, что... / старочешская семья / Такой ценой себе купила... / ...в костре неугасимом... / Добытой лучшей вашей кровью... — подразумевается казнь Гуса, сожженного заживо по приговору собора католической церкви в Констанце (1415 г.).

...Иноплеменной дерзкой ложью... плен духовный — имеется в виду римский католицизм (в стих. «Гус на костре» связь с Римом названа цепью) (*Ф.Т.*).

«ПРИРОДА – СФИНКС. И ТЕМ ОНА ВЕРНЕЙ...»

(с. 208)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой*, с пометой: «Овстуг, август 1869».

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 340. Вошло в *Изд. 1900*. С. 327.

Печатается по автографу.

Автограф беловой. После точки в конце стихотворения рука поэта как будто сорвалась, оставляя длинный прерывистый след по всему листу бумаги. Слово «Сфинкс» — с прописной буквы. В изданиях написание с прописной буквы значимого для поэта слова отсутствует.

Датируется августом 1869 г. на основании списка.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т. Г.» (Тютчев. Глубина) (*ТЕ*. С. 147). В.Ф. Саводник нашел в нем воплощение мысли о том, что «жизнь самой природы... призрачна и лишена внутреннего смысла» (*Саводник*. С. 21). Д.С. Мережковского оно натолкнуло на следующее рассуждение: «Никакой загадки, ни Божеской, ни дьявольской. Все ясно, все просто, все плоско. Глухая тьма, глухая стена, о которую можно только разбить себе голову. И в природе, так же как в людях, — «насилье безмерной пошлости». Весь мир — даже не дьяволов, а ничей водевиль-пустышка, гнилой орех или гриб-дождевик, который, если проткнуть его, рассыпается черной пылью. Нечего стремиться к хаосу: мир уже хаос; нечего ждать смерти: мир уже смерть» (*Мережковский*. С. 94–95). Неоправданная прямолинейность высказываний Саводника и Мережковского становится очевидной при внимательном прочтении стихотворения. Сомнение Тютчева в присутствии тайны, скрытой в природе, можно рассматривать как момент искания Истины (*А.Ш.*).

«КАК НАС НИ УГНЕТАЙ РАЗЛУКА...»

(с. 209)

Автографы (2) – *ИРЛИ*. № 15782; Гос. Литературный музей (оф. 4746).

Первая публикация – ж. «Красная нива». 1926. № 6. С. 9.

Печатается по автографам, тексты которых не различаются.

Датируется 14 октября 1869 г. согласно помете на автографе Гос. Литературного музея.

По утверждению Г.И. Чулкова, стихотворение относится к Елене Карловне Богдановой, урожденной баронессе Услар, в первом браке Фроловой (1822–1900). Переписка поэта с Богдановой за 1860-е – 1871 гг. опубликована в книге: «Ф.И. Тютчев в своих письмах к Е.К. Богдановой и С.П. Фролову» (Л., 1926) (*Ю.Р.*).

СОВРЕМЕННОЕ

(с. 210)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 986 (1). Л. 89–90 об. (собрание С.А. Рачинского).

Список – там же. Л. 91–92 об.

Первая публикация – *газ.* «Голос» от 15 октября 1869 г., № 285. С. 2. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 331–333; *Изд. 1900*. С. 331–333.

Печатается по первой публикации, с исправлением по автографу 21-й строки: «И при кликах исступленных» вместо «И при криках исступленных» (ср. строку 48-ю: «Эти клики, этот гам»). См. «Другие редакции и варианты». С. 309.

В автографе лишь одна поправка: в строке 8-й «Правоверный падишах» изменено на «Благодушный падишах». Имеется множество примеров специфического применения пунктуации: тире в конце 4-й, 5-й, 17-й, 18-й, 34-й, 38-й, 40-й, 42-й, 43-й и 48-й строк, запятые в конце 14-й и 15-й строк, отсутствуют знаки препинания в конце 29-й и 35-й строк, а в 31-й строке («О, каким отрадным светом...») запятая стоит не до, а после слова «каким»; в 49-й строке («Только там, где тени бродят») также нет никаких пунктуационных знаков. Почти все строфы завершаются многоточием.

Датируется первой половиной октября 1869 г. в соответствии с хронологией описанных событий и датой публикации.

В «Голосе» стихотворению предшествовали слова: «Готовящееся торжество открытия Суэцкого канала (помимо важности самого предприятия) начинает понемногу открывать свою комическую сторону, о которой говорят и наши корреспонденты, и известия ино-

странных газет. Но в обстоятельствах, сопровождающих это событие, есть и другая сторона, так сказать трагическая, о которой мы будем еще говорить в свое время и которая внушила одному из наиболее симпатичных наших поэтов стихотворение под заглавием — «Современное».

Открытие Суэцкого канала состоялось позднее торжеств, происходивших в Османской империи в связи с завершением строительства — 6 ноября 1869 г.

И.С. Аксаков назвал стихотворение прекрасным (*Биогр.* С. 288).

Из премудрого далека / Франкистанской их земли / Погулять на счет пророка / Все они сюда пришли... — поскольку Франция принимала непосредственное участие в строительстве канала, то Наполеону III и его жене императрице Евгении (о которой говорится в 39–44 ст.) оказывались в Турции особенные почести. Наполеон III и сначала Саид-паша, а затем его наследник Измаил-паша были главными покровителями строителя канала инженера Лессепса. Однако политические последствия предприятия оказались неожиданными для Европы: с 1875 г. Англия стала владелицей всех акций, принадлежавших египетскому хедиву.

Рима дочь — имеется в виду то, что императрица Евгения — католичка.

Вторая Клеопатра — подразумевается не просто соотнесенность с древней историей — фактом существования Суэцкого канала при египетской царице Клеопатре (I в. до Р. Х.), позднее занесенного песками. Имя Клеопатры олицетворяет соединение сладострастия и жестокости (ср. слова о Клеопатре в «Египетских ночах» А.С. Пушкина: «Ценою жизни ночь мою!..»). Эта смысловая подоплека присутствует во всем идейном строе тютчевского стихотворения: в то время, как «западный разгул» «справляет карнавал» в «гаремах потаенных», «там, где тени бродят», «кровью медленно исходят миллионы христиан». Историософская мысль Тютчева неоднократно обращалась к фактам союза римского католицизма и западноевропейских государств с исламом в борьбе с православными славянскими народами, которых они захватывали и истребляли (см. стих. «Славянам» («Они кричат, они грозятся...»), «Два единства» и т. п.) (*Ф.Т.*).

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ

(с. 212)

Автограф неизвестен.

Список Эрн. Ф. Тютчевой — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 244–245).

Первая публикация — *газ.* «Голос» от 28 декабря 1869 г., № 357. С. 2. Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 334–335; *Изд. 1900.* С. 334–335.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 309.

Датируется 17 декабря 1869 г. на основании пометы в списке.

Посвящено известному ученому — слависту, этнографу, собирателю онежских былин — Александру Федоровичу Гильфердингу (1831–1871). Избранный в адъюнкты второго отделения Академии наук, где он рассчитывал быть избранным на открывшуюся вакансию академика, был забаллотирован общим собранием. Это и вызвало появление стихов Тютчева.

В «Голосе», в фельетоне Нила Адмирари (Льва Константиновича Панютина) «Транснаровская Германия», тютчевскому стихотворению предшествуют следующие слова: «Говорят, один из немецких академиков сочинил по случаю этой победы даже победный гимн на голос «Heil dir im Siegeskranz», приводящий в восторг всю транснаровскую Германию. Вероятно, в ответ на это один из наших ветеранов-поэтов написал следующее поздравление...» — далее следует текст Тютчева.

А.В. Никитенко записал в своем дневнике 28 декабря 1869 г.: «Второе отделение Академии наук избрало в адъюнкты свои известного славянофила <А.Ф.> Гильфердинга. Общее собрание забаллотировало его. И вот поднялась страшная буря между славянофилами, которые осыпали Академию ругательствами. Тут немцы всему виною, то есть немцы-академики, которые не выбрали Гильфердинга потому будто бы, что он ратует против них и отстаивает интересы славян. Тут видят целый заговор этих немцев против русского патриотизма. Старик Тютчев разразился стихами, которые напечатали в «Голосе» (*Никитенко.* Т. 3. С. 162).

Сочинения Гильфердинга были изданы в 1868–1874 гг. в 4-х томах в С.-Петербурге (*Ф.Т.).*

Ю. Ф. АБАЗЕ

(с. 213)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 77 об. — 78; ед. хр. 52. Л. 145, 146, 147; *Альбом Тютчевой* (с. 218).

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886.* С. 319–320. Вошло в *Изд. 1900.* С. 336–337.

Печатается по списку РГАЛИ (ед. хр. 52, л. 145).

Список Е.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ед. хр. 184. Л. 77 об. — 78) имеет датировку (вверху) на *фр. яз.*: «Le dimanche 22 nov. 1869» («Вос-

кресенье 22 ноября 1869»); строка 13-я: «Из тесной вырвавшись юдоли» (не «тяжкой»; вероятно, ошибка, как и ноябрь в дате).

Список неустановленного лица (РГАЛИ. Ед. хр. 52. Л. 145) — на тетрадном листе компании «LACROIX» (водяной знак). Вверху справа дата: «Ce dimanche. 22 decembre 1869» («Воскресенье. 22 декабря 1869 г.»).

Список неустановленного лица (РГАЛИ. Ед. хр. 52. Л. 146) на листе с черной каемкой на обороте. Вверху справа дата: «dimanche. 22 decembre 1869».

Список Д.Ф. Тютчевой (РГАЛИ. Ед. хр. 52. Л. 147) — на бумаге компании «LACROIX». Вверху справа дата: «1869». В строке 19-й ошибка («на *душу*» вместо «не *душу*»), перешедшая в *Изд. СПб., 1886.*

Список Эрн. Ф. Тютчевой (*Альбом Тютчевой*) — переписан со списка Д.Ф. Тютчевой. Внизу дата: «1869». Во всех списках заголовок: «Ю.Ф. Абазе».

По мнению К.В. Пигарева, список РГАЛИ, л. 145, был выполнен с автографа — в списке пометы, свойственные поэту (*Лирика I.* С. 433). Во всех списках в 19-й строке подчеркнуто: «душу живу». В списке Эрн. Ф. Тютчевой в 20-й строке подчеркнуто: «вашу душу».

В изданиях, судя по обозначениям дат, использовались разные списки.

Датируется 22 декабря 1869 г.

Посвящено музыкантше и певице, Юлии Федоровне Абазе, урожд. Штуббе (1830–1915), жене государственного деятеля А.А. Абазы (1821–1895). Александр Аггеевич примыкал к группе «либеральных бюрократов». В 1860-е гг. он занимал пост председателя Департамента государственной экономии. Его жена была дружна с композиторами Гуно и Листом и принимала участие в основании Русского музыкального общества.

В.Я. Брюсов заметил по поводу стихотворения Тютчева: «Ему кажется, что человеческая душа — «в узах заключенный дух», который «на волю просится и рвется» <...> Отсюда — тяготение Тютчева к «древнему, родимому хаосу» (*Изд. Маркса.* С. 30) (*Н.К.*).

«ТАК ПРОВИДЕНИЕ СУДИЛО...»

(с. 214)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 4.
Первая публикация — *НС.* С. 6.
Печатается по автографу.

В автографе после текста стихотворения рукой Эрн. Ф. Тютчевой поставлена дата «27 ноября». Ее же рукой над текстом сделана помета «Гильфердинг», вызывавшая недоумение у всех комментаторов, начиная с Г.И. Чулкова, опубликовавшего текст. Эта помета вряд ли соответствует действительному положению вещей, поскольку содержание стихотворения-эпиграммы противоречит высказываниям Тютчева о Гильфердинге (см., напр., стих. «А.Ф. Гильфердингу». С. 212).

Датируется 1860-ми гг. по характеру почерка.

Чем вызвана эпиграмма — неизвестно (*Ф.Т.*).

<ИЗ ГЁТЕ>

(«Радость и горе в живом упоенье...»)

(с. 215)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 2; л. 1; *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 2. № 1085.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 106); *Альбом Тютчевой* (с. 261).

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 391. Вошло в *Изд. 1900*. С. 440.

Печатается по второму автографу РГАЛИ. См. «Другие редакции и варианты». С. 310.

Первый автограф — первоначальный вариант перевода, на квадратном листке прозрачной бумаги. Текст записан темно-коричневыми чернилами, труден для чтения. На следующих за ним листах (3–6) карандашные автографы «Гус на костре» («Костер сооружен, и роковое...») (см. *коммент.* С. 576), второй из которых датирован рукой М.Ф. Тютчевой-Бирилевой: «15-ое марта 1870».

Второй автограф карандашный, на полулисте пожелтевшей бумаги. В верхней части листа — автограф на *нем. яз.*:

Freudvoll und leidvoll
Gedanken voll sein —
Langen und bangen
In schwebender Pein —
Himmelhoch jauchzend
Zum tode betrübt,
Leben ist nur die Seele die liebt.

У Гёте:

Freudvoll
Und leidvoll,
Gedankenvoll sein;
Langen

Und bangen
In schwebender Pein;
Himmelhoch jauchzend,
Zum Tode betrübt;
Glücklich allein
Ist die Seele, die liebt.

(I.W. Goethe. Egmont. Halle als. Hendel, o. j. [конец XIX в.] S. 40).

Тютчев изменил графику немецкого оригинала: объединил 1–2, 4–5 строки и дал свой вариант последней строки.

В списке (*Альбом Тютч.-Бирилевой*) над русским текстом — немецкий. Бирилева указала дату перевода: «Февраль 1870», которая представляется наиболее вероятной.

Список Эрн. Ф. Тютчевой (*Альбом Тютчевой*) помещен в раздел «Переводы», текст имеет заглавие: «Egmont», подзаголовок (Гёте), обозначение первого стиха «Freudvoll und leidvoll» («Радостный и печальный») и указание на дату записи списка: «1890».

А.Н. Майков и А.А. Флоридов печатали текст по второму списку (из *Альбома Тютчевой*).

Перевод песни Клары из драмы Гёте «Эгмонт» (III. 2) (*Н.К.*).

Немецкий оригинал представляет собой исключительную трудность для адекватного перевода. «Песня» написана немецким поэтом в форме верлибра. Разнослоговые строки рифмуются по схеме мужских рифм. Тютчев, пользуясь разными рифмами, в четыре раза увеличивает длину строки и двухстопный размер оригинала превращает в четырехстопный (*Л.Л., М.М.*).

И.С. Тургенев говорил, что стихотворения Тютчева «кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гёте» (Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева / *Тургенев*. Сочинения. Т. 5. С. 424). По словам М.Н. Каткова, Тютчев «был обласкан Гёте, короток с Гейне и вообще был близок всем светилам мысли и науки, по преимуществу в южной и средней Германии» (*Тютчев в восп.* С. 264). Однако сведения о встречах Тютчева с Гёте отсутствуют. Русский поэт переложил на родной язык отрывки из «Фауста», «Wilhelm Meister», «Западо-Восточного Дивана», а также некоторые лирические произведения Гёте (*Н.К.*).

ГУС НА КОСТРЕ

(с. 216)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 3–6; *ИРЛИ*. № 16959. Л. 4–5.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 66–68).

Первая публикация — ж. «Заря». 1870. № 5, май. С. 3–4. Затем — в брошюре «Стихотворения и объяснительный текст к живым картинам». СПб., 1870. С. 19–21. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 336–338; *Изд. 1900*. С. 338–339.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 310.

В обоих автографах строфы 4-я и 7-я первоначально отсутствовали. В автографе РГАЛИ они — на отдельном листе (л. 5) с пометами «4» и «7»; в автографе *ИРЛИ* они приписаны А.Н. Майковым, так же как и вариант последнего стиха, надписанный над ним. В автографе РГАЛИ вслед за отдельным текстом 4-й и 7-й строф идут варианты последней строфы (л. 5 об. и 6). Заглавия нет.

Датируется 15–17 марта 1870 г.: в автографе РГАЛИ рукой М.Ф. Тютчевой-Бирилевой поставлена дата «15-ое марта 1870», а в списке ее альбома, имеющем первоначально отсутствовавшие в автографах 4-ю и 7-ю строфы, — 17 марта 1870 г. Небольшая правка была сделана позднее, перед отдачей в печать.

В ж. «Заря», опубликовавшем стихотворение, в сноске сказано, что «Гус на костре», «Сон королевича Марка» и «Симеон» читались на вечере с живыми картинами, данном в пользу Славянского Благотворительного Комитета 1 апреля 1870 г. Тютчевское стихотворение написано как раз для прочтения на этом вечере. Но еще до этого, 26 марта 1870 г., оно было прочитано на литературном вечере у поэта. А.В. Никитенко писал: «На вечере были читаны славянофильские стихотворения Тютчева («Гус»), Майкова и Полонского («Симеон Болгарский»), приготовленные ими к живым картинам на Пасху. Все они недурны, особенно стихотворение Тютчева» (*Никитенко*. Т. II. С. 403).

Еще в статье «Россия и революция» Тютчевым высказывалась мысль, что та национальная жизнь, которая сохранилась в Богемии, была сосредоточена в ее гуситских верованиях, в протесте угнетенной славянской национальности против захватов римской церкви и против немецкого господства.

Ян Гус (1369–1415) — ректор Пражского университета, видный и популярный проповедник, вдохновитель и деятель религиозно-национального движения чешского народа. За свои резкие проповеди Гус претерпел преследования; он был потребован на суд Собора в Констанце.

Вероломный кесарь — германский император Сигизмунд, при вызове Гуса на Собор, дал ему охранную грамоту, но затем, под давлением Собора, признал ее недействительной как выданную еретику. Собор, не позволив Гусу защищаться, 6 июля 1415 г. вынес окончательный приговор, по которому он, как упорный еретик, был

лишен сана и передан в светские руки для сожжения. В тот же день он был казнен; обложенный дровами до подбородка, задыхаясь от дыма и корчась от боли и мук, Гус все время громко молился.

Старица простая... / что принесла... / Вязанку дров, как лепту, на костер — по преданию, одна бедная старуха, принесшая вязанку дров и с благоговением подложившая ее под ноги Гуса, который, увидя ее усердие, воскликнул: «O sancta simplicitas!» (т. е. «О, святая простота!» — *лат.*). «Старица простая» сравнивается с евангельской бедной вдовой, положившей в церковную сокровищницу две лепты — все, что у нее было (лепта — самая мелкая медная монета); Христос сказал о ней, что она положила больше всех (Лк. 21, 1–4).

Казнь Гуса вызвала широкое общественное движение в Чехии. Было изгнано высшее католическое духовенство, в 1418 г. разорваны отношения с папством. В 1419 г. произошло восстание в Праге. Германский император и папа римский организовали пять крестовых походов против Чехии (1420–1431), успешно отбитых чешским народом. Гуситы разделились на две партии. В 1431 г. на Базельском соборе был заключен договор, удовлетворявший интересы одной из них. Другая партия начала войну против первой, но была разбита. Постепенно движение заглохло.

Римский иерарх, в своей / непогрешимости греховной — имеется в виду католическое учение о папской власти в Церкви и непогрешимости в вопросах веры и нравственности, в тех или иных модификациях существовавшее на протяжении всей истории римского католицизма и окончательно сформулированное как догмат о папской непогрешимости на Ватиканском соборе в 1870 г. (см. *коммент.* к стих. «Ватиканская годовщина». С. 595).

За все, за все, что бредом назвал Рим — перекличка со стих. «Encyclica», написанным в связи с обнародованием 26 ноября 1864 г. послания папы римского Пия IX — энциклики, осуждавшей среди различных «заблуждений века» свободу совести (стихотворение завершается «роковыми словами» папы: «Свобода совести есть бред!»).

И.С. Аксаков писал по поводу чешского вопроса, ссылаясь на тютчевское стихотворение: «Пренебрегая вопросом религиозным, Ригер, Палацкий и прочие чешские корифеи говорят: «Мы так просвещены, что переросли эти заботы», т. е. имея очи — не видят, имея уши — не слышат, что весь мир, весь образованный исторический мир, просвещенный не менее Чехии, волнуется и мятется в настоящее время именно по поводу вероисповедных задач, томительно ищет им решения, и что вся историческая судьба Европы явно висит теперь на вопросе не политического, а религиозного свойства. Чешские политики усердно вспенивают народное чувство к Гусу,

празднуют его память при всяком удобном случае, и в то же время, собственными же руками разрушают свои усилия, потому что Гуса, сожженного Римом на костре за стремление к славянской национальной церкви, чествуют латинскою обедней, латинскою азбукой, и из Гусова дела изъемлют вон именно то, в чем заключался весь его смысл и значение, т. е. его вероисповедный подвиг! Здесь кстати заметить, что Тютчев, в прекрасных стихах по поводу четырехсотлетнего юбилея Гуса, вновь напоминал «чешскому роду» о необходимости скорее расплавить

На Гусовом костре неугасимом

звено той цепи, которая приковывает чехов к Риму» (*Биогр.* С. 146–147) (*Ф.Т.*).

«НАД РУССКОЙ ВИЛЬНОЙ СТАРОДАВНОЙ...»

(с. 218)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 11–11 об.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 163).

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 341. Вошло в *Изд. 1900*. С. 343.

Печатается по автографу.

В автографе имеется ряд примеров своеобразного использования Тютчевым знаков препинания: первое четверостишие завершается знаком тире вместо ожидаемой точки, в конце остальных вообще нет никаких знаков препинания.

В *Изд. СПб., 1886* и списке *Альбома Тютч.-Бирилевой* в 4-й строке — «вышины» вместо «высоты» (видимо, ошибка: «высоты» рифмуется с «кресты»). В списке в 18-й строке — «зимней полумгле» (вместо «ранней полумгле»).

Датируется началом июля 1870 г., когда Тютчев проезжал через Вильну за границу.

Город Вильнюс с 1323 г. — столица Великого княжества Литовского. С 1795 г. — в составе России.

Под «поздним былым» (11-я строка), являющимся композиционным стержнем стихотворения, подразумевается польское восстание 1863 г. Это восстание охарактеризовано в стих. «Ужасный сон отяготел над нами...». По свидетельству И.С. Аксакова, оно «охватило всю душу Тютчева, как Русского и как поэта, и сосредоточило на себе его страстное внимание», хотя в то же время «польский вопрос был для него давно разрешен в принципе»: «Польша, фанатически католическая <...> неистово враждебная православию, вне которого немысли-

ма славянская духовная самобытность <...> служащая аванпостом латино-германскому Западу против славянской России, поборницею его замыслов против целости и самостоятельности славянства; Польша, предъявляющая притязания на исконные русские земли, ставящая свое национальное дело под знамя ненавистницы славян — Европы; Польша шляхетная, презирающая крестьянина, — такая Польша казалась Тютчеву отступницею славянства, изменницею своей собственной народности и по мнению его подлежала лишь извержению из славянской семьи. Не подлежал, конечно, этому извержению самый польский народ <...> но та «фальшивая польская национальность», которую сочинила польская шляхта, а в особенности эмиграция, и которую приняли под свое покровительство Папство и Революция, — эта фальшивая национальность, в глазах Тютчева, была осуждена историей на неминуемую гибель» (*Биогр.* С. 279–280). Именно в данном смысле Польша названа «нашим Иудой» в стих. «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...») (*Ф.Т.*).

К. Б.

(*«Я встретил вас — и все былое...»*)

(с. 219)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 150–150 об., рукой Д.Ф. Тютчевой; л. 217. Вверху каждого списка указано: «Карлсбад 26 июля 1870 г.», а внизу 2-го списка есть приписка карандашом: «не напечатано».

Первая публикация — ж. «Заря». 1870. № 12. Декабрь. С. 26, с заглавием «К. Б.» и пометой под текстом: «Карлсбад». В *РА*. 1892. Вып. 1. С. 536 опубликовано как новое, с датою — «Карлсбад, 26 июля 1870». Вошло в *Изд. 1900*. С. 340.

Печатается по первой публикации.

Датируется 26 июля 1870 г. согласно спискам.

В списках есть отклонения от опубликованного в ж. «Заря» текста. В 4-й строке «И сердцу стало так легко» (вместо «тепло») — скорее всего, ошибка переписчика либо вариант несохранившегося автографа, позднее измененный Тютчевым («тепло» рифмуется с «ожило»). 9-я строка «Так, весь проникнут дуновеньем», по всей видимости, представляет собою авторский вариант, для печати также преобразованный самим поэтом: «Так, весь обвеян дуновеньем». Вариант списка печатался в *Изд. 1900*.

Прототип лирической героини стихотворения — А.М. Крюденер (см. *коммент.* к стих. «Я помню время золотое...». Т. 1. С. 440). Оп-

ределяя его, Г.И. Чулков писал: «То, что стихотворение это действительно относится к гр. Амалии Максимилиановне Лерхенфельд, подтверждается простым тематическим сопоставлением с стих. «Я встретил вас — и все былое...». Последнее стихотворение с двумя буквами в заглавии К. Б. — относится к той же гр. Лерхенфельд, по свидетельству Я.П. Полонского, который объяснил, что буквы К. и Б. суть сокращения и перестановка слов — «Баронесса Крюденер» (*Последняя любовь*. С. 15). К.В. Пигарев тоже ссылался на свидетельство Я.П. Полонского (*Лирика I*. С. 433).

В конце марта 1873 г. состоялась последняя встреча Тютчева с Крюденер. 1 апреля этого года поэт писал Д.Ф. Тютчевой: «Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В ее лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 358). Присутствие третьей строфы стихотворения 1870 г. угадывается в заключительной эпистолярной фразе.

Но есть иное истолкование проблемы прототипа, предложенное А.А. Николаевым: «По указанию, сделанному Я.П. Полонским П.В. Быкову, инициалы в загл<авии> обозначают сокращение переставленных слов «Баронессе Крюденер» (см.: ПССоч. 1912. С. 698). Как и многие другие примеч<ания> ПССоч. 1912, данное примеч<ание> также не вызывает доверия. В перечне курортных гостей и полицейских протоколах Карлсбада имя А. Адлерберг (в первом браке — Крюденер) не значится. Скорее всего, ст<ихотворе>ние обращено к сестре первой жены Тютчева Клотильде Ботмер (1809–1882), в замужестве Мальтиц, которая находилась в июле 1870 г. в городе Кезене под Наумбургом (в 120 км от Карлсбада) и с которой Тютчев мог встретиться между 21 и 26 июля, перед поездкой в Теплиц» (*Изд. 1987*. С. 417) *(А.А.)*.

«ДОЕХАЛ ИСПРАВНО, УСТАЛЫЙ И ЦЕЛЫЙ...»

(с. 220)

Автограф неизвестен.

Список — РГБ. Ф. 308. К. 2. Ед. хр. 6. Л. 22 (на телеграфном бланке рукой неустановленного лица).

Первая публикация — *Чулков II*. С. 265.

Печатается по первой публикации.

Трехстишие в телеграмме было адресовано Эрн. Ф. Тютчевой и послано 14 сентября 1870 г. из Москвы в Брянск.

Телеграфный бланк с правого края измят и порван на слове «белой». В телеграмме не полностью графически воспроизведена строфа трехстишия. 1-я и 2-я строки написаны одна под другой, без знаков препинания и без прописной буквы в слове «сегодня», также не выделена прописной буквой 3-я строка, ее конец («тут дело») не уместился на одной строке и произошел перенос двух последних слов в 4-ю строку. В результате может сложиться впечатление, будто телеграмма написана прозой. Адрес имеет вид: «Брянск Тютчевой». Подписана — «Тютчев». Как и полагается, на телеграфном бланке подсчитано количество слов — «22», указано число — «14», часы и минуты, когда она была подана — «11 час. 33 мин.». Номер телеграммы «204», есть и подпись телеграфиста.

Г.И. Чулков печатал трехстишие отдельно, в особом разделе «Immatura, fragmenta et senilia» (недоработанные, фрагменты и старческие — *лат.*). В *Летописи* (с. 209–210) и в *коммент.* к стихотворению (с. 188) Чулков воспроизвел хронологию путешествий Тютчева осенью 1870 г.: 14/26 августа поэт был еще в Теплице и сообщил в письме к жене о своем отъезде, о том, что переночует в Праге и посетит Варшаву. 30 августа он был в Варшаве, на обратном пути посетил Прагу, Вену и Краков. 7/19 сентября приехал в Овстуг. 12/24 сентября выехал из Овстуга, что отмечено в дневнике Марии Федоровны, а 14 сентября приехал в Москву, о чем и сообщил в телеграмме.

Добродушно-шутливое стихотворение, отправленное жене утром по приезде, раскрывает оттенки заботливого отношения Тютчева к жене в последний период его жизни (*В.К.)*.

ДВА ЕДИНСТВА

(с. 221)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 7.

Список — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 224).

Первая публикация — ж. «Заря». 1870. № 10, октябрь. С. 3; *газ.* «Голос». 1870. № 274, 4 октября. Затем — ж. «Православное обозрение», 1870. № 11, ноябрь. С. 396. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 296; *Изд. 1900*. С. 299.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 310.

Датируется концом сентября 1870 г.: 1 октября состоялось публичное чтение стихотворения.

В автографе из слов, представляющих собой цитацию выражения Бисмарка (5–6 ст.), взято в кавычки только первое («Единст-

во»). Под текстом подпись «Ф.Т.». Слева от подписи — дата, поставленная рукой Эрн. Ф. Тютчевой, — «1866», явно недостоверная.

Содержание, по всей видимости, относится к 1870 г.: в первых двух строках имеется в виду франко-прусская война, начавшаяся 7/19 июля 1870 г. Р.Ф. Брандт отмечает: «...эта пьеска с таким же и даже большим правом, вместо возникновения после поражения Австрии, Северного союза и прусской гегемонии, могла быть отнесена к объединению Германии во время французской войны 1870–1871 гг. Упоминаемый в «Двух единствах» «оракул наших дней» есть, конечно, князь Бисмарк» (*Материалы*. С. 77). Однако уже утром 1 октября 1870 г. стихотворение было прочитано на празднестве, устроенном Славянским Благотворительным Комитетом по случаю присоединения к Православию 13 чехов (чин присоединения был совершен в Александро-Невской лавре митрополитом Исидором).

Цитируемые в 5–6-й строках слова князя Отто фон Бисмарка (1815–1898), германского государственного деятеля и дипломата, с 1871 г. канцлера Германской империи, осуществившего объединение Германии под главенством Пруссии, — яркое выражение его идеологии. В 1873 г., уже на смертном одре, Тютчев продиктовал письмо бар. Пфеффелю, где, среди прочего, коснулся и темы «Двух единств»: «Князь Бисмарк не столько восстановил Германскую империю, сколько возобновил предания Римской империи. Отсюда тот варварский характер, отличавший ведение последней войны, что-то систематически беспощадное, ужаснувшее мир» (*СН*. 1917. Кн. 22. С. 278).

Смысл обозначенной Тютчевым в письме идеи подробно изложил И.С. Аксаков: «Германия, по-видимому, объединилась и славит свое единство. Но на такое объединение не было того *добровольного согласия*, которое считал Тютчев необходимым. Она объединилась, выкинув за борт Австрию, но вместе с Австрией и немецкий элемент Австрийской монархии, сильный не столько числительностью, сколько историческими преданиями и своим значением исторического политического центра для католического населения Германии. Германская новейшая империя возникла не органически, но чрез завоевание. Она скреплена не нравственными узами, не тяготением, свободным и естественным, частей к центру, а «кровью и железом». «Кровь и железо» возведены ею в принцип, оправданы теорией, поставлены на рациональные основы. Ею не только проявлено на факте, но и провозглашено как руководящее начало: право сильного. Наконец, по роковому закону логики, Германская империя объявляет сама себя несовместимою со свободою верующей совести и с церковною стихией христианского общества и пытается снова закрепостить освобожденную христианством человеческую личность,

снова поработить христианский мир языческому государственному принципу. На таком отрицании всех нравственных органических начал не может быть созиждено ничего прочного, — несмотря ни на какую грозную вещественную силу, ни на какую беспощадную последовательность рационализма. Напротив, именно в силу этой последовательности, — непременного свойства рационализма, — результаты внутреннего противоречия, которым проникнуто насквозь насильственное германское единство, не замедлят оказаться наружу. «Антагонизм, — повторим слова Тютчева, — только был усыплен, но не упразднен» (*Биогр.* С. 211–212).

Единству «железа и крови» противопоставлена у Тютчева Всемирная монархия, или, другими словами, Вселенская империя. «Было бы ошибочно, кажется нам, соединять с термином Тютчева «Вселенская Империя» представление о каком-то воплощенном завоевательном принципе, ищущем поработить себе все народы и страны, и проч.», — пишет Аксаков. «... Его будущая Империя характеризуется тою особенностью, что духовное начало, которым она имеет жить и двигаться, есть начало православное, т. е. христианское церковное предание, сохранившееся теперь на Востоке, — одним словом, начало, исключающее понятие о завоевании и порабощении. Напротив, судя по программе, Россия, по мнению Тютчева, призвана поставить все народы и страны в правильные, нормальные условия бытия, освободить и объединить мир Славянский, мир Восточный, вообще явить на земле силу земную, государственную, просветленную или определенную началом Веры, служащую только делу самозащиты, освобождения и добровольного объединения: вспомним его стихи, где он, обращаясь к славянам, говорит, что в противоположность Бисмарку, спаявшему единство Германии ferro et igne, «железом и кровью», — мы, т. е. славяне, «попробуем спаять единство любовью, —

А там увидим — что́ прочней.

В таком, собственно, смысле следует, кажется, разуметь и его выражения о будущем вселенском государстве, «опирающемся (appuyé) на Вселенскую Церковь», или «приобщенном к Церкви (associé)», а никак не в смысле какой-то солидарности или тождественности судеб России или этой будущей «Империи» и Вселенской Церкви. Точно так же и выражение, что эта «Христианская Империя будет окончательною (l'Empire définitif)», нужно, думаем мы, понимать таким образом, что этою «Империею» завершится историческое предание об Империи, заключится ряд преемственных политических формаций во образе и с притязаниями имперскими, и вообще во образе *государства*, и что затем, после известного периода существования, мир, износив все существующие ведомые нам ис-

торические формы общежития, начнет новое бытие, в формах новых, неведомых...» (*Биогр.* С. 230–231).

Запечатленные в стихотворении идеи развивались Тютчевым еще задолго до этого в статьях «Россия и революция» и «Папство и римский вопрос»: западным началам революции и папства как антихристианских явлений человеческого «Я», предоставленного самому себе, противопоставлено Православие, из которого исходит для России принцип подлинного единства на уровне народном, государственном и церковном.

А.А. Киреев оставил в своем дневнике свидетельство, что Тютчев, потрясенный перспективой бомбардировки прусской армией осажденного Парижа, назвал пруссаков «гуннами, ходившими в школу»; а в одном из писем к жене поэт говорит о франко-прусской войне как о «публичном акте людоедства» (*ЛН-2.* С. 410).

В *газ.* «Голос» сообщалось, что на торжественном обеде в честь присоединения тринадцати чехов-католиков к Православию, где было прочитано стих. «Два единства», сам автор стихотворения отсутствовал по болезни. Однако М.Ф. Тютчева-Бирилева писала, что «это была простая отговорка, и утром того же дня он присутствовал при отлично удавшейся церковной церемонии отречения». *Газ.* «Голос» также отмечала: «Громкими взрывами рукоплесканий сопровождалось чтение этого восьмистишия, повторенного по желанию всего общества, и тост, предложенный за маститого поэта, был принят с единодушным восторгом» (*ЛН-2.* С. 410) (*Ф.Т.*).

«ВЕЛЕНЬЮ ВЫСШЕМУ ПОКОРНЫ...»

(с. 222)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *газ.* «Русь» от 22 ноября 1880 г. № 2. С. 17, под заголовком «В альбом П.А. Вакара». Вошло в *Изд. Маркса.* С. 218.

Список — РГБ. К. 4409. Ед. хр. 2. Л. 72–72 об., в письмах К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой от 10 августа 1880 г., с первой строкой «Веленью высшему послушны...» и датой «27 октября 1870 г.». К.В. Пигарев указал, что список сделан с автографа (*Лирика II.* С. 405). Однако первая строка прочтена была, видимо, неверно (рифма «покорны» — «задорны»).

Печатается по списку, с исправлением первой строки по *газ.* «Русь».

Датируется 27 октября 1870 г. согласно списку.

В стихотворении речь идет о работе Комитета иностранной цензуры, председателем которого с 1858 г. был Тютчев. Платон Алек-

сандрович Вакар (1820–1899), в альбом которого было вписано стихотворение, — член Совета главного управления по делам печати, ему посвящено и стих. «Давно известная всем дура...» (см. *коммент.* С. 592). И.С. Аксаков охарактеризовал работу поэта в Комитете (см. *Биогр.* С. 274–275): «Можно себе представить, каким воздухом, с назначением Тютчева, повеяло от того учреждения <...>, как ожили, как обрадовались все, кому были дороги ум и знание, — как благодарили они ту власть, которая вверила обязанность председателя такому европейски образованному и благородно-мыслящему человеку, каким был Тютчев. <...> Около Тютчева сгруппировалось вскоре в Комитете несколько молодых людей из числа наших литераторов, между прочим, известные поэты Полонский и Майков». Так отчасти расшифровывается поэтическое «мы» в стихотворении; Вакар, видимо, тоже к ним относился. Аксаков упомянул, «что в начале» «эта деятельность была для русского просвещения и русской печати чрезвычайно благотворна». О работе Тютчева см.: Брискман М. Ф.И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной. *ЛН.* Т. 19–21. 1935. С. 565–578; *Пигарев.* С. 158–168. О сотрудничестве Тютчева и Майкова в Комитете см.: Касаткина В.Н. «Древнерусский стиль» в романтической лирике Ф.И. Тютчева и А.Н. Майкова (Проблемы развития русской лирической поэзии XVIII–XIX веков. М., 1982. С. 83–92) (*В.К.*).

«ЧЕМУ БЫ ЖИЗНЬ НАС НИ УЧИЛА...»

(с. 223)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 10 (три первых строфы), с заглавием «В альбом»; РГАЛИ. Ф. 2567 (Ю.Г. Оксман). Ед. хр. 122. Л. 2–3, с заглавием «А.В. Плетневой»; *ИРЛИ.* Ф. 137(К.Р.). № 127, 6-й конверт.

Список Эрн. Ф. Тютчевой — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 250–251), под заглавием: «А.В. Плетневой». Здесь же отдельно представлен и вариант последних двух строф. Под текстом — дата: «1871». Ошибочная датировка (как и в *Изд. СПб., 1886*) основывается, скорее всего, на времени появления первопечатного текста.

Первая публикация — *РВ.* 1871, январь. Т. 91. С. 118, с пометой перед текстом, в скобках: «А. В. Пл-вой». Вошло в *Изд. СПб., 1886.* С. 350–351, с заглавием: «В альбом А.В. Плетневой»; *Изд. 1900.* С. 346–347, под заглавием: «А.В. Плетневой».

Печатается по тексту *РВ,* в который Тютчев, как правило, сам отсылал окончательную редакцию стихотворений. См. «Другие редакции и варианты». С. 311.

В первом автографе отсутствуют строфы 4 и 5, в 3-й строке вариант «Есть неизменчивая сила», позднее — уже в следующем автографе — заменен на «Есть нескудеющая сила».

Главное отличие второго автографа — дополнительная вторая строфа, перешедшая затем в *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900*:

Нет — то не призрачные тени,
Не мир, лишь видимый во сне,
Оне — превыше всех сомнений —
Уж потому, что то — оне...

По сравнению с опубликованным текстом есть расхождения в 5, 13, 14, 15 и 18-й строках.

Очевидно, что в распоряжении издателей *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* находились автографы. В *Изд. 1900* представлены, кроме того, варианты последних двух строф.

Написано в 1870 г., не позднее начала ноября: 12 ноября этого года оно уже было послано М.Ф. Тютчевой-Бирилевой И.С. Аксакову как «последние стихи» поэта. См. *ЛН*. Т. 19–21. 1935. С. 243.

Посвящено Александре Васильевне Плетневой (1826–1901), урожд. княж. Щетининой, жене поэта и критика П.А. Плетнева. С А.В. Плетневой Тютчева в последние годы жизни связывали теплые дружеские отношения.

П.Ф. Гриневич полагал, что страдание внушает Тютчеву «почти благоговейное уважение», в нем «прежде и больше всего видит он величие и достоинство человека, превосходство его над окружающим миром неодушевленной природы» (Гриневич П.Ф. Тютчев // Русское богатство. 1903. № 7. С. 23). По мнению критика, «культ страдания» «тесно сплетается у Тютчева с христианским идеалом» (там же).

Д.С. Мережковский считал, что поэт «лепечет мертвыми устами мертвые слова, в которые надо бы верить, если бы верилось» (*Мережковский*. С. 95).

А. Лаврецкий утверждал, что стихотворение было написано «в религиозном порыве» (Лаврецкий А. Взыскующей благодати (Ф.И. Тютчев: поэт и поэзия) // Слово о культуре. М., 1918. С. 78). Он был убежден, что в «томившуюся душу» Тютчева «как радужный сон», нисходила религия» (там же).

Священник В. Беседа в работе «Религиозные мотивы в поэзии Тютчева» (1915) рассматривает «Чему бы жизнь нас ни учила...» в контексте православного учения: «Божественная правда и милосердие при всемогуществе Божием делают вполне возможным вмешательство Господа Бога в естественное течение судеб для праведного наказания одних и милосердного помилования дру-

гих. Отсюда вера в чудо, как непосредственное действие Промысла Божия» (Свящ. В. Беседа. Религиозные мотивы и поэзия Тютчева // Странник. Духовный журнал современной жизни, науки и литературы. Пг., 1915. Март. С. 378–394). С евангельским Заветом соотносит стихотворение Тютчева и современный исследователь М.М. Дунаев: «Обладание верою в необходимую горнюю укрепляющую человека силу Тютчев, безусловно, видит доступным лишь тем, кто следует заповедям Христа, — и такое его убеждение было естественным и единственно возможным для христианина. <...> Завершение стихотворения есть неявное цитирование, парафраз слов Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), «...Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22) (Дунаев М.М. Православие и русская литература. Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 5-ти ч. М., 1997. Ч. II. С. 393) (*Ю.Р., А.Ш., А.М.*).

«ДА, ВЫ СДЕРЖАЛИ ВАШЕ СЛОВО...»

(с. 224)

Автографы (5) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 8–8 об.; *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 42. № 20. Л. 32–32 об., с надписью «Князю Горчакову»; Гос. центр. музей муз. культуры им. М.И. Глинки (собрание А.Б. Гольденвейзера) с заглавием: «Князю А.М. Горчакову (по разрешению Черноморского вопроса)»; ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 15–15 об.; л. 14–14 об., в письме Тютчева к А.М. Горчакову.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 99); РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 8; ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 13.

Первые публикации — литографированное издание «Поздравления князю А.М. Горчакову по поводу циркуляра 19 октября 1870 г.» (ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 149. С. 92–93); *РА*. 1874, № 10. С. 322–323. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 348–349, с заглавием «Князю Горчакову», в *Изд. 1900*. С. 348, с тем же заглавием и датой в скобках «(1871)».

Печатается по автографу ГАРФ (Л. 14–14 об.). Посылая его Горчакову, Тютчев писал: «...так как мои рифмы снискали ваше расположение, вот, князь, более точный и более полный их список» (подлинник на *фр. яз. ЛН*. Т. 19–21. 1935. С. 247–248). См. «Другие редакции и варианты». С. 311.

Датируется ноябрем — началом декабря 1870 г. — по содержанию и письму Тютчева. Р.Ф. Брандт относит датировку к концу 1870 г., «скорее всего к октябрю» (*Материалы*. С. 89–90). К.В. Пигарев

уточняет: «Датируется ноябрем 1870 г., так как вызвано обнародованием 3 ноября декларации государственного канцлера князя А.М. Горчакова о расторжении 14-й статьи Парижского мирного договора 1856 г., ограничивавшей права России на Черном море. Окончательная редакция относится к началу декабря (не позднее 6-го) 1870 г.» (*Лирика II*. С. 406).

Об А.М. Горчакове см. *коммент.* к стих. «Князю Горчакову» («Вам выпало призванье роковое...») и «К портрету государственного канцлера, князя А.М. Горчакова» (с. 497, 544). Циркуляр 19 (31) окт. 1870 г. извещал правительства держав, подписавших Парижский мирный договор 1856 г., что Россия более не считает себя связанной постановлениями, ограничивавшими ее суверенные права на Черном море. В обоснование этого приводились примеры нарушения условий Парижского трактата. Циркуляр вызвал резкое недовольство Англии, Австро-Венгрии, Пруссии, Франции и Италии. Кн. Горчаков выбрал для его опубликования такой момент, когда Франция была разгромлена Пруссией, но мир между ними еще не был заключен и последняя была заинтересована в нейтралитете России. Поэтому попытка Англии образовать коалицию против России потерпела неудачу. На созванной в Лондоне в 1871 г. конференции держав была подписана конвенция, которая подтвердила восстановление суверенных прав России на Черном море.

Пояснением к стихотворению служит письмо Тютчева к А.Ф. Аксаковой от 22 ноября 1870 г., в котором «твердому и достойному образу действий» кабинета он противопоставляет «жалкое и даже омерзительное поведение петербургских салонов», заискивающих перед иностранцами (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 348). Альбомный автограф из собрания А.Б. Гольденвейзера был записан Тютчевым в Петербурге в марте 1871 г. (дата неизвестной рукой) (*Э.З.*).

«AH, QUELLE MÉPRISE...»

(с. 225)

Автограф в настоящее время не найден.

Первая публикация — *Тютчевиана*. С. 16; затем — *НС*. С. 49; *Чулков II*. С. 261.

Печатается по: *Чулков II*.

Автограф был известен Г.И. Чулкову, он его описал (см. *Чулков II*. С. 480) и указал его местонахождение в 1930-х гг. — в архиве Тютчевых. «Автограф, согласно которому мы печатаем наш текст, — пишет он в примечаниях, — на клочке бумаги на оборотной стороне какого-то обрывка из письма, написанного не рукою Ф.И. Тютчева. Наверху автографа надпись женскою рукою: «papá a malheureuse-

men choisi ce papier pour quatrain». Чулков полагал, что поэтическая миниатюра относится к Анне Федоровне, старшей дочери поэта, и связана с ее желанием поступить в сестры милосердия в 1853–1856 гг., во время Крымской войны. На этом основании Чулков датировал стихотворение 1853 г.

Однако К.В. Пигарев (Ф.И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., 1957. С. 396) переадресовал миниатюру и по-другому ее датировал. Ученый полагал, что она обращена к М.Ф. Тютчевой-Бирилевой, которая пожелала работать сестрой милосердия в Георгиевской общине. В дневнике Бирилевой есть сообщения о ее связях с этой общиной, см. записи 1870 г. от 27 ноября / 9 декабря — 29 декабря / 10 января (*Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 183). Пигарев датирует стихотворение 1870 г. В 1957 г. Пигарев указывал, что автограф находится в РГАЛИ (тогда ЦГАЛИ); в *Лирике II* (с. 421) говорится, что местонахождение автографа неизвестно и стихотворение печатается по *Тютчевиане*. Чулков и Пигарев, приводя перевод четверостишия, обратили внимание на игру слов французского текста: «soeur grise» — «сестра милосердия», а буквально — «серая сестра». Образу «серой сестры» противостоит «моя розовая, моя белокурая» девочка (дочка), однако первый связывал образ «серой сестры» с цветом платья сестер общины св. Франциска, а второй — с обликом сестер милосердия Георгиевской общины.

Печатные тексты слегка различаются: выделены курсивом последние два слова (*«soeur grise»*) в *Лирике II*, у Чулкова выделение отсутствует, в Изд. 1957 г. у Пигарева 2-я строка завершается восклицательным знаком, его нет у предшественника.

Датируется ноябрем — началом декабря 1870 г. (*В.К.*).

«БРАТ, СТОЛЬКО ЛЕТ СОПУТСТВОВАВШИЙ МНЕ...»

(с. 226)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 9–9 об.; *Собр. Пигарева*, в письме к Е.Ф. Тютчевой от 31 декабря 1870 г. из Петербурга.

Первая публикация — *РА*. 1874. Вып. 10. Столб. 380–381. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 343–344; *Биогр*. С. 308; *Изд. 1900*. С. 345.

Печатается по автографу *Собр. Пигарева*, как хронологически более позднему. См. «Другие редакции и варианты». С. 312.

Автограф РГАЛИ чернилами, с одной поправкой в 8-й строке: зачеркнуто слово «сознавая», написано сверху «понимаю». Замазана строка 11-я («Все будет то ж — и вьюга так же выть»), но она не переписана заново (и сохранена в том же виде во втором автографе). Над текстом дата: «11-ое Декабря 1870». Особенности оформления: оби-

лие тире в конце строк — 4, 8, 9, 11, 13, 14-й, а также в середине строк — 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15-й; преобладает конструкция фразы, обозначающая какие-либо противопоставления, контрасты, разрывы настоящего и будущего, бытия и небытия, параллельность явлений. По мере написания стихотворения, от строфы к строфе почерк становится более крупным, твердым, особенно в последней строфе; в конце стихотворения вместо точки длинная изогнутая черта. В художественном отношении этот вариант не уступает публикуемому.

Во второй, более поздней редакции особенно существенны варианты 10-й (взамен «При мне — иль без меня, на месте том» появилось более драматическое и мужественное «При мне иль без меня — что нужды в том?») и 12-й строк (вместо «и та же голь кругом» стало «и та же степь кругом»). В строке 8-й Тютчев восстановил первоначальное: «не сознавая».

Первая публикация осуществлена И.С. Аксаковым на основе автографа из письма к Е.Ф. Тютчевой. В *Изд. СПб., 1886* воспроизведен вариант *РА*, но стихотворение имеет заглавие «На кончину брата (Н.И. Тютчева)», в конце указан год — 1870. Последняя строка напечатана курсивом. В *Изд. 1900* то же заглавие, дата — 11 декабря 1870. Первые две строфы даны по автографу РГАЛИ, в 3-й строфе — вариант *РА* и *Биогр.*: «При мне иль без меня — что нужды в том?». 4-я строка в этой строфе: «И тот же мрак, и та же степь кругом». Последняя строка — без курсива.

Датируется 11 декабря 1870 г. согласно автографу.

Аксаков так прокомментировал стихотворение: «С таким тайным сознанием в сердце, но не отставая от внешней жизни, продолжая по-прежнему восхищать слушателей игривостью и блеском ума, и по-прежнему бодрствовать мыслью, — встретил Тютчев и другие удары, обрушившиеся на него в 1871 и 1872 годах...» (*Биогр.* С. 308).

Тютчев Николай Иванович (9 июня 1801 — 8 декабря 1870) — брат поэта, отставной полковник Генерального штаба. Аксаков сообщает: «...В конце того же года скончался Николай Иванович Тютчев, единственный брат и, можно сказать, единственный друг Федора Ивановича, у которого, вне семьи, было великое множество «друзей», но между ними ни одного, с кем бы, преимущественно пред прочими, делился он всеми тайнами мысли и сердца, с кем бы состоял в отношениях исключительно тесной, задушевной дружбы. Николай Иванович Тютчев любил брата не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федор Иванович так короток, так близко связан всею своею личною судьбою с самого детства. Немногие понимали, что значила для Тютчева эта потеря, — и в то время, как, по мнению его светских приятелей, он продолжал наслаждаться и пользоваться жизнью, вот что звучало и жило в глубине его души,

вот какие стихи сложились у него дорогою из Москвы в Петербург, когда он возвращался с похорон брата. Эти стихи не только не назначались им для печати, но были тщательно скрыты и даже в семье его были известны лишь некоторым» (*Биогр.* С. 307–308).

«ДАВНО ИЗВЕСТНАЯ ВСЕМ ДУРА...»

(с. 227)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской. 1956. Т. 1. С. 243. Затем — *Изд. 1957.* С. 291.

Печатается по первой публикации.

К.В. Пигарев (*Лирика II.* С. 426) отметил: «Четверостишие было записано в альбом П.А. Вакара, возможно, тогда же, что и стих. «Веленью высшему покорны...» (см. *коммент.* С. 585).

Датируется 1870 г.

Письмо Тютчева «О цензуре в России», как и его собственная деятельность, свидетельствуют о том, что он не отрицал необходимости существования цензуры вообще, а стремился придать ей разумный характер, «держать» «почетный караул» при ней. Реальной цензурой он был нередко не удовлетворен, о чем свидетельствует не только эпиграмма «Давно известная всем дура...», но и записи А.В. Никитенко, тоже цензора, в своем дневнике. Он считал, что Тютчев стремился ослабить цензурный гнет своего времени (см. *Никитенко.* Т. 3. С. 52). С ним согласился и В.Я. Брюсов (см. его статью: По поводу нового издания сочинений Ф.И. Тютчева (*РА.* 1900. № 3. С. 413).

И.С. Аксаков (*Биогр.* С. 271) так воспроизвел отношение поэта к цензуре в России: «Тютчев, по его словам, относится совершенно беспристрастно, без предубеждения и неприязни, к вопросу о печати, «не питает даже чрезмерно враждебного чувства и к цензуре, хотя она, в эти последние годы, тяготела над Россией как истинное общественное бедствие»; но он главным образом обвиняет цензуру в том, что она нисколько не достигает цели в смысле истинных нужд и интересов нашего отечества» (*В.К.*).

«С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ...»

(с. 228)

Автограф — неизвестен.

Первая публикация — *Тютчевиана.* С. 15. Повторно — *Чулков II.* С. 265. Позднее вошло без изменений во все основные издания.

Печатается по тексту первой публикации.

Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой. Первый издатель текста ссылается на устное свидетельство К.В. Пигарева о том, что поздравительное четверостишие было выгравировано на серебряном салфеточном кольце в виде собачьего ошейника и преподнесено Эрн. Федоровне ее собакой Ромпом. Кольцо хранится в *Собр. Пигарева*. Авторство Тютчева подтверждено личными свидетельствами внуков поэта.

Датируется 1871 г. в соответствии с обозначенной на кольце датой: «1871» (*Тютчевиана*. С. 16) (*Т.Ф.*).

«ВПРОСОНКАХ СЛЫШУ Я – И НЕ МОГУ...»

(с. 229)

Автограф неизвестен.

Список — *Мураново*. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 45, в письме Д.Ф. Тютчевой к ее сестре Е.Ф. Тютчевой от 4 февраля 1871 г.

Первая публикация — Мурановский сборник. Вып. 1. 1928. С. 43.

Печатается по списку.

Датируется концом января — началом февраля 1871 г. согласно предшествующему стихам пояснению в письме: «Вот четверостишие, которое папа́ сочинил на днях, — он пошел спать и, проснувшись, услышал, как я рассказывала что-то маменьке».

Художественный мир четверостишия строится на резком диссонансе — сочетании несовместимых временных пластов, зимы и весны, имеющих у Тютчева глубокое философское наполнение. Этот прием, создающий некий иррациональный ход времени, соединен с одним из значительнейших мотивов у поэта — с мотивом сна, являющегося промежуточной, переходной стадией между бытием и небытием, между должным, подлинным и недолжным, призрачным бытием (*Ф.Т.*).

ЧЕРНОЕ МОРЕ

(с. 230)

Автограф 3-й и 4-й строф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3, 4.

Списки — *Альбом Тютчевой* (л. 234–234 об.); М.Ф. Тютчевой-Бирилевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 159–162); ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 25–26.

Первая публикация — в брошюре «Стихотворения к живым картинам, данным в пользу Славянского Благотворительного Комитета 29 марта 1871 года». СПб., 1871. С. 43. Затем — литографированное издание «Поздравления <князю А.М. Горчакову> по поводу циркуляра 19 октября 1870 г.», с. 122–125 (ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 149). Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 345–347; *Изд. 1900*. С. 349–350.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 313.

В автографе РГАЛИ перед четверостишиями стоят цифры (л. 3 — «3» и «4»; л. 4 — «3/»), обозначающие номер строфы. Соответственно, 3-я строфа записана в двух вариантах. На л. 3 об. имеется надпись «Его превосходительству Федору Ивановичу Тютчеву».

В *Альбоме Тютчевой* дата — 2 марта 1871 г., а в списках РГАЛИ (ед. хр. 52. Л. 159—162) и ГАРФ — 8 марта 1871 г. 9 марта 1871 г. было получено цензурное разрешение брошюры.

Датируется началом марта 1871 г. согласно спискам.

Поводом к написанию стала отмена статей Парижского мирного договора 1856 г., ограничивавшего права России на Черном море. См. *коммент.* к стих. «Да, вы сдержали ваше слово...». С. 588.

И.С. Аксаков, поясняя тютчевские слова, писал: «Он, по всему видно, пришел к убеждению, что решение великого Восточного вопроса отсрочено историею надолго, и что ни Европа еще не истощила всех жизненных сил своего духа, ни Россия еще не созрела для предназначенного ей, как думал Тютчев, призвания <...> Но Тютчеву довелось дожить и до последнего эпилога Восточной войны. Луч лелеемого им будущего снова сверкнул для него в настоящем. Мы разумеем возвращение себе Россиею свободы на Черном море, т. е. ту декларацию, которою Русский кабинет, в конце 1870 г., возвестил Европе, что перестает считать для себя обязательными, в отношении к Черному морю, ограничения в правах, наложенные на Россию Парижским трактатом. Не мог не встрепенуться душою уже почти 70-летний, «не обманувшийся в своей вере» поэт, и отозвался двумя стихотворениями, которые, впрочем, нигде не были им напечатаны, а одно из них, согретое вполне искренним чувством, оставалось даже совсем неизвестным до самой его кончины» (*Биогр.* С. 259–260; далее Аксаков приводит полностью текст «Черного моря»).

А.Ф. Гильфердинг в письме к Н.В. Гербелю, которое можно датировать приблизительно 9 марта 1871 г., отмечал: «Вот душа человек — Тютчев, уже вчера прислал стихотворенье, и какое прелестное!» — имея в виду «Черное море». — «...Корректуру стихотворения Тютчева не потрудитесь ли свезти автору? Быть может, он вместо слов «внешняя свобода» в последней строфе согласится поставить «новая свобода» или что-нибудь подобное; последние два стиха показались также не совсем понятными» (*ЛН-2*. С. 415–416; судя по тексту, никаких изменений сделано не было). Являясь председателем Петербургского отделения Славянского Благотворительного Комитета, Гильфердинг занимался подготовкой празднества с живыми картинами. 15/27 марта Д.Ф. Тютчева писала сестре, Е.Ф. Тютчевой: «Будут живые картины на славянские темы, где будут читаться новые стихи,

написанные папá о конференции. Стихи эти пользуются большим успехом» (*ЛН-2*. С. 417). А в письме жены поэта, Эрн. Ф. Тютчевой, к И.Ф. и О.Н. Тютчевым от 25 марта / 6 апреля 1871 г. сообщается о «стихах еще неизвестных, только что написанных мужем по случаю благополучного завершения Лондонской конференции, посвященной вопросу о Черном море»: «Эти стихи будут прочитаны после Пасхи на патриотических живых картинах, организованных Славянским Комитетом в пользу славян. Скажу между нами, что они были прочитаны и чрезвычайно оценены государем, которому их показала Антуанетта Блудова без ведома моего мужа» (*ЛН-2*. С. 416).

И вот — «свободная стихия», — / Сказал бы наш поэт родной... — имеется в виду А.С. Пушкин и цитируются слова из его стих. «К морю» (1824) («Прощай, свободная стихия! / В последний раз передо мной / Ты катишь волны голубые / И блещешь гордою красой...»).

Он Петропавловского свода / Осветит гробовую сень... — подразумевается могила императора Николая I, финал царствования которого был ознаменован трагическими событиями Крымской войны 1853–1856 гг. Через несколько месяцев после смерти императора Тютчев писал Эрн. Ф. Тютчевой: «Нет, конечно, его ошибка была лишь роковым последствием совершенно ложного направления, данного задолго до него судьбам России, — и именно потому, что это отклонение началось в столь отдаленном прошлом и теперь так глубоко, я и полагаю, что возвращение на верный путь будет сопряжено с долгими и весьма жестокими испытаниями. Что же касается конечного исхода борьбы в пользу России, то мне кажется, он сомнителен менее, чем когда-либо» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 239) (*Ф.Т.*).

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА

(с. 232)

Автограф — РГБ. Ф. 308. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

Первая публикация — *Гражданин*. 1872. № 3. 17 января. С. 79. Вошло в *Изд. 1900*. С. 353–354.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 313.

В автографе заглавие «Годовщина», подзаголовок «(6/18 июля 1871)». Строфы отделены друг от друга, как это обыкновенно у Тютчева, маленькой чертой посередине интервала между ними. Слова «непогрешимой» в 7-й строке и «жертва» в 10-й строке подчеркнуты карандашом. Под стихотворением есть приписка, обращенная к А.И. Георгиевскому: «Вот вам, любезнейший Александр Иваныч, обещанные вирши. Какой ответ от Осинина? Ф.Т.». Осинин, по предположению Г.И. Чулкова, — Иван Терентьевич Осинин (1835–1887),

профессор Петербургской духовной академии, писатель, известный трудами по истории Западной церкви; Тютчев называет его своим другом в письме к жене от 14 сентября 1871 г. из Петербурга: «Вчера телеграф передал нам содержание печатного сообщения, сделанного от имени съезда *старокатоликов*, который происходит в настоящее время в Мюнхене, и подписанного Деллингером и тремя-четырьмя очень авторитетными именами. Впервые в этом документе делается воззвание к Восточной церкви и указывается на соглашение с ней как на возможный и желательный факт. Достоверно, что недавно по инициативе вел. кн. Константина Николаевича некто был послан отсюда в Мюнхен к Деллингеру, и этот некто — наш приятель Осинин» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 355–356). В письме к И.С. Аксакову от 2 октября 1871 г. Тютчев сообщает, что Осинину, присутствовавшему в Мюнхене на конгрессе представителей католической оппозиции папе римскому, был оказан радушный прием; он был принят как делегат русской Церкви, хотя и не являлся таковым официально (см.: *ЛН-1*. С. 369–370). Иоганн Деллингер (1799–1890), ставший во главе богословов, протестовавших против догмата о папской непогрешимости, был одним из устроителей конгресса. На этом конгрессе образовалась церковная организация старокатоликов, независимая от Ватикана.

Датируется первыми числами июля 1871 г. на основании указанного в автографе числа и приписки-обращения после стихов.

Заглавие и дата 6/18 июля 1871 указывают на первый Ватиканский собор, проходивший в храме св. ап. Петра в Риме с 8 декабря 1869 по 18 июля 1870 г. (второй Ватиканский собор состоялся в 1962–1965 гг.). Он был созван папой Пием IX особой энцикликой от 29 июня 1868 г. для осуждения возникших движений рационализма и либерализма в пределах римской церкви; вследствие франко-германской войны 20 октября 1870 г. был отложен на неопределенное время. Главные результаты собора выразились в декретах. На втором из них — «о догматическом устройстве Церкви Христовой» — основывается историческое значение собора. Это и есть декреты о папском абсолютизме и непогрешимости, которые, после сильной оппозиции и удаления несогласных с ними епископов, были приняты в публичном заседании 18 июля 1870 г.

Согласно провозглашенному на первом Ватиканском соборе догмату о папской непогрешимости, когда римский первосвященник говорит со своей кафедры, т. е. исполняет служение пастыря и учителя всех христиан, он в силу своей высшей апостольской власти определяет для всей Церкви учение о вере или нравственности и обладает той непогрешимостью, которой Христос наделил Свою Церковь. И такого рода определения римского первосвященника неизменны сами по себе, а не с согласия Церкви.

Здесь вера в святость Церкви — «столпа и утверждения истины» (1 Тим. 3, 15) — подменяется верой в непогрешимость папы. Папа отождествляется с Церковью, на него переходят Ее функции, он заслоняет собою невидимого главу Церкви — Христа. Это и отражено в эпитетах тютчевского стихотворения: «новый бого-человек», «ватиканский далай-лама» (далай-лама — высший сан тибетских первосвященников). Ряд отрицательных эпитетов — «паденье», «богохульство», «святотатство», «кощунство» — свидетельствует об оценке поэтом Собора как антицерковного, антихристианского. Выражение «отрава» «тысячелетней лжи» указывает на понимание Тютчевым этого события как доведенного до самых категорических и крайних выводов, до естественного, логического конца учения об абсолютной, единоличной власти папы над Церковью. Исходившее из преувеличенного представления власти над Ней, оно в XI в. фактически инициировало окончательное отпадение от единства Вселенской Церкви ее западной части во главе с римской кафедрой.

Слова «смута», «волнения», «буря», «соблазн» говорят в стихотворении не только о противоречии учения о папской непогрешимости со множеством исторических примеров заблуждений римских епископов в области вероучения и нравоучения. В статье «Папство и римский вопрос», написанной еще в 1849 г. и раскрывающей взгляды Тютчева на римский католицизм и папство (в частности, на деятельность папы Пия IX), развернуто представлена мысль поэта о Риме, разорвавшем «последнее звено, связывавшее его с православным преданием вселенской Церкви», и создававшем «смертную судьбу» «постепенного развития скрытого в нем порока». Тютчев выстраивает логику этого развития, приведшего к прорыву в западное общество антихристианских начал и, в конце концов, к революционным взрывам.

Когда папа Пий IX еще только объявил о созыве Вселенского собора, Тютчев в письме к Аксакову от 29 сентября 1869 г. указывал на «роковое значение предстоящего в Риме мнимо-вселенского собора»: «Рим, в своей борьбе с неверием, явится с *подложною доверенностию* от имени Вселенской Церкви. Наше право, наша обязанность — протестовать противу *подлога*» (*ЛН-1.* С. 344). Эта точка зрения обосновывается тем, что «в среде католичества есть два начала, из которых, в данную минуту, одно задушило другое: христианское и папское». Первому, «если ему удастся ожить, Россия и весь православный мир не только не враждебны, но вполне сочувственны. Между тем как с папством раз навсегда, основываясь и на тысячелетнем и на трехсотлетнем опыте, нет никакой возможности ни для сделки, ни для мира, ни даже для перемирия». Папа «в отношении к России всегда будет *поляком*, в отношении к православным христианам на Востоке всегда будет *туркою*» (там же. С. 343). В другом письме к Аксакову, от 13 ок-

тября 1868 г., Тютчев подчеркивал, что существо «латынской ереси» заключается в «отрицании свободы, возведенном в принцип и сознательно-догматически высказанном в последнее время Римскою курией». «Этим-то отрицанием определилась вся многовековая практика западной церкви, все более и более отделявшая ее от православия, с одной стороны, а с другой — поставившая ее в такое безысходно враждебное положение ко всему современному образованию <...> Но мало того, что подобными приемами, логически вытекающими из основного ее принципа отрицания свободы совести, западная церковь оттолкнула от себя современное образование, она развила в нем целое антихристианство...» (*ЛН-1.* С. 346).

Обращаясь к дочери, А.Ф. Аксаковой, в письме от 6 октября 1871 г. и упоминая о намерении Осинина опубликовать отчет о работе на конгрессе старокатоликов, Тютчев предполагал: «...едва отчет Осинина выйдет в свет, наша печать подхватит этот вопрос и примется толковать его и так и этак... В предвидении подобной возможности лучше всего было бы пустить по рукам нечто вроде лозунга, и для этого очень может пригодиться рифма. Ты знаешь мое отношение к стихам вообще и к своим в частности. Но ведь нельзя закрывать глаза на то, что есть еще много простодушных людей, которые сохранили суеверное отношение к рифме и полагают, что рифма все еще способна убеждать и поучать. Вот почему было бы уместно опубликовать в какой-нибудь газете <...> стихи, которые я вам недавно послал» (*ЛН-1.* С. 371). Здесь как раз говорится о стих. «Годовщина». Перемена заглавия при публикации («Ватиканская годовщина») скорее всего была одобрена самим Тютчевым; он был близок к редакции *Гражданина* (*Ф.Т.*).

«ОТ ЖИЗНИ ТОЙ, ЧТО БУШЕВАЛА ЗДЕСЬ...»

(с. 234)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1–1 об.; 2–2 об.

Списки — М.Ф. Тютчевой-Бирилевой (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 165–165 об.; 166–166 об.; 167); *Альбом Тютчевой* (с. 237).

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886.* С. 352–353. Вошло в *Изд. 1900.* С. 351.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 313.

Первый автограф (л. 2–2 об.) — незаконченный вариант (11 строк), записан карандашом, на половине сложенного вдвое листа частично пожелтевшей, белой плотной почтовой бумаги с водяными знаками («Joynson 1869»), имеющей монограмму синего цве-

та: «Мария», буквами древнерусского алфавита. К.В. Пигарев заметил, что «все содержание первоначальной незавершенной редакции сведено к четырем первым строкам: «От жизни той, что бушевала здесь...» — и что «в наброске стихотворения нет никакого намека на глубокую философскую мысль, которая будет развита поэтом в третьей и четвертой строфах окончательной редакции («Природа знать не знает о былом...»)» (*Пигарев 1978*. С. 311).

Второй автограф — окончательный вариант, записан на листке пожелтевшей бумаги, коричневыми чернилами. На обороте имеется текст на *фр. яз.*, теми же чернилами, рукой поэта — это постскриптум, обращенный к Эрн. Ф. Тютчевой: «P.S. Voici des vers, en retour de ceux que tu m'as envoyés. Tu les communiqueras à Marie. Ils te rappeleront notre cours à Щиж, chez la Фомин, car ils datent de là» («P.S. Вот стихи взамен тех, которые ты мне прислала. Ты их сообщишь Мари. Они тебе напомнят нашу поездку в Щиж, к Фоминой, так как они были тогда написаны»). Стихи были отправлены из Петербурга при письме от 29 августа.

Первые два списка (ед. хр. 52, л. 165–165 об.; 166–166 об.) — М.Ф. Тютчевой-Бирилевой представляют собой запись текста второго автографа (второй список ближе к нему по пунктуации). В конце этих списков — указание на дату: «17-го авг. 1871 г.», над датой второго списка помета: «По дороге во Вчиж». На л. 166 слева вверху — монограмма синего цвета «МАРИЯ». Третий список (ед. хр. 52, л. 167) — ранний вариант стихотворения (текст первого автографа с незначительными пунктуационными изменениями). Внизу подпись: «Ф.Т.» и дата: «17-е авг.: 1871 г.».

В списке (*Альбом Тютчевой*) помечено: «По дороге во Вчиж». Внизу листа дата: «17 Августа 1871». Заголовок альбомного списка сохранен в *Изд. СПб., 1886* и изменен в *Изд. 1900* на «По дороге во Вщиж». Дата списков сохранена во всех изданиях.

Из дневника М.Ф. Тютчевой-Бирилевой известно, что 14/26 августа Тютчев приехал в Овстуг из Москвы. Туда же в это время вернулись из Липецка его жена и дочь, проходившая там курс лечения (см. *Тютчев в восп.* С. 60). Е.Ф. Тютчева пишет Д.Ф. Тютчевой из Москвы 18/30 августа 1871 г.: «Папá отправился в Овстуг к 15-му, и Анна, у которой он провел два дня, говорит, что он приедет в конце недели, чтобы провести с нами день или два» (*ЛН-2*. С. 417). 20 августа / 1 сентября поэт уехал в Москву, а затем в Петербург (см. *Летопись*. С. 220). Принимая во внимание приписку второго автографа, можно предположить, что первый вариант стихотворения был создан 17 августа 1871 г., в Овстуге, а второй (окончательный) — прислан Эрн. Ф. Тютчевой из Петербурга.

Стихотворение датируем второй половиной августа (до 29) 1871 г.

Вера Михайловна Фомина (урожд. Зиновьева), соседка по имению Тютчевых, владелица с. Вщиж в Орловской губернии. Ее имя поэт упоминал и в письме к жене от 13 августа 1858 г.

Родина Тютчева, Овстуг — недалеко от этого села (50 км от Брянска, на правом берегу Десны). «Вщиж<...>, или Вщижск и Щиж — главный город бывшего Вщижского княжества. Вероятно, он возник в конце X в. для ограждения от степняков» (*ЭС*. Т. VII. 1892. С. 462). С XIII в. только «одна жалованная грамота 1680 г., выданная на имя Ивана Яковлева Зиновьева, упоминает о селе В.» (там же).

В.Я. Брюсов утверждал, что после пребывания за границей зимой 1864—1865 г., Тютчев «вернулся к своей обычной жизни и еще нашел в себе силы для целого ряда новых поэтических созданий, среди которых есть шедевры его поэзии»: «Тихо в озере струится...», «По дороге во Вщиж» и др. (*Изд. Маркса.* 1913. С. 23). Философия Тютчева в трактовке Брюсова: «Подлинное бытие имеет лишь природа в ее целом. Человек — лишь «греза природы». Его жизнь, его деятельность — лишь «подвиг бесполезный» (*Изд. Маркса.* 1913. С. 26). Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т. Г.!!!» (Тютчев. Глубина!!!), но первые две строфы зачеркнул (*ТЕ*. С. 147) (*Н.К.*).

«ВРАГ ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ УЗКОЙ...»

(с. 235)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — «Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина». 1872. С. 88. Вошло в *Изд. 1900*. С. 352, с датой — «29 декабря 1871 г.».

Печатается по первой публикации.

Датируется по *Изд. 1900.*

Знакомство Тютчева с М.П. Погодиным началось в 1820 г., когда оба они были студентами Московского университета. В Тютчеве он нашел того «прекрасного молодого человека», которому мог поверять свои мысли; были у него и критические суждения о приятеле по университету. История их знакомства, продолжавшегося более полувека, нашла отражение в дневниковых записях Погодина (см.: *ЛН-2*. С. 10–29). Погодин один из первых оценил поэтический дар Тютчева. Еще в 1826 г. он поместил ряд стихотворений молодого, неизвестного поэта в *Урании*. На смерть Тютчева Погодин откликнулся воспоминаниями, которые были напечатаны в «Московских ведомостях» (1873. № 190. 29 июля). В дневниковых записях и воспоминаниях Погодину удалось дать краткие портретные зарисовки Тютчева в его преклонные годы и в годы юности — зарисовки живые и достоверные (*Э.З.*).

ПАМЯТИ М. К. ПОЛИТКОВСКОЙ

(с. 236)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Гражданин.* 1872, 6 марта, № 10. С. 338. Вошло в *Изд. 1900*. С. 357–358.

Печатается по первой публикации.

Было послано Тютчевым редактору *Гражданина* кн. В.П. Мещерскому при письме от 3 марта 1872 г. (*Лирика II*. С. 409). В *Изд. 1900* 17-я строка дана в редакции: «И ты смиренно и послушно», 22-я строка — «И сколько родственных сердец» (возможно, варианты восходят к неизвестному источнику).

Датируется первыми числами марта 1872 г. согласно письму Тютчева.

Посвящено писательнице М.К. Политковской, умершей в 1872 г. П.В. Быков в своих комментариях отметил, что она «писала стихи и, помнится, перевела «Освобожденный Иерусалим» Тассо» (*Изд. Маркса*. С. 631) (*В.З.*).

«ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА...»

(с. 238)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1–1 об.; *Собр. Пигарева* — в письме Д.Ф. Тютчевой от 16 апреля 1872 г.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 175–175 об., рукой П.И. Бартенева.

Первая публикация — *газ.* «Московские ведомости». 1883. № 107. 19 апреля, под заглавием «Светлое Христово Воскресение». Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 354–355; *Изд. 1900*. С. 355–356.

Печатается по автографам с восстановлением четвертой строфы по списку П.И. Бартенева, совпадающему с первой публикацией. См. «Другие редакции и варианты». С. 314.

В обоих автографах отсутствует строфа, конкретизирующая содержание образа «долины», дальнего края, в котором «родимое дитя» борется «с немощию злою». В автографе письма к Д.Ф. Тютчевой есть приписка на *фр. яз.*: «Христос воскрес — это хорошо. Но это не причина, чтобы нам себя изводить. Поэтому умоляю тебя оставаться спокойной. Я найду время, сегодня или завтра, чтобы повидать тебя. Не будем мучениками ради *архаического* обычая (т. е. христосования. — *Ред.*), — а покуда вот несколько строк, которые я написал нынешним утром для бедной Мари под праздничный звон колоколов» (*ЛН-1*. С. 456).

Датируется 16 апреля 1872 г. согласно датам-заглавиям в автографах.

Написано в день Пасхи — главного православного праздника Христова Воскресения — и послано М.Ф. Тютчевой-Бирилевой, дочери поэта, умиравшей тогда от чахотки в Рейхенгалле (Бавария). Она была младшей дочерью Тютчева от второго брака. Родилась 23 февраля 1840 г., а в 1865 г. в Ницце состоялось ее бракосочетание с Н.А. Бирилевым (1829–1882), участником Севастопольской кампании, командиром судна «Олег». Брак был несчастным, потому что вскоре у Бирилева обнаружились признаки душевного расстройства. Выраженное в стихотворении пожелание не осуществилось: 2 июня 1872 г. Бирилева скончалась. Погребена в Новодевичьем монастыре в Петербурге.

И.С. Аксаков называл Бирилеву «прекрасной, замечательной умом и характером женщиной», а посвященное ей стихотворение — «уже последними стихами Тютчева» (*Биогр*. С. 308–309).

В стихотворении сочетаются религиозное, политическое и личное начала. Первая его часть — пасхальная весть, выраженная в словах, перекликающихся с богослужебными текстами: «Воскресения день, просветимся людие...» (ирмос песни 1-й канона Пасхи); «Светися, светися, новый Иерусалиме: слава бо Господня на тебе возсия...» (ирмос песни 9-й канона Пасхи, являющийся одновременно задостойником — одним из примечательнейших песнопений литургии).

Весть о Воскресении органично вплетена в образ святой Руси как подлинно существующей реальности, для которой Пасха — не внешнее событие, а внутреннее качество, уклад бытия. Тютчевское стихотворение становится выражением предназначения России — всемирного распространения христианской, пасхальной вести. В этом отношении очевидна связь с более ранним стих. «Рассвет» (1849 г.).

Если первая часть похожа на торжественную оду, гимнографична, то вторая — личностная, молитва отца о дочери, для которой южный край, предназначенный для врачевания, парадоксальным образом превращается в край изгнания. Здесь специфически проявляются, накладываясь друг на друга, значимые для Тютчева противопоставления Север — Юг и Восток — Запад (см. стих. «Небо бледно-голубое...»). Врачеванием должно повеять не с Юга, а с Востока — эпицентра тепла в духовном смысле (см. также «Тютчевский сборник». № 2. Тарту. 1999. С. 56–67) (*Ф.Т.*).

«ЧЕРТОГ ТВОЙ, СПАСИТЕЛЬ, Я ВИЖУ УКРАШЕН...»

(с. 239)

Автограф — *Собр. Пигарева*.
Первая публикация — *НС*. С. 99.
Печатается по автографу.

В *НС*, изд. *Чулков II* датировалось 1873 г. на основании почерка. Однако, по утверждению К.В.Пигарева, он значительно тверже и ровнее почерка, каким Тютчев писал во время своей предсмертной болезни. Скорее автограф следует датировать серединой апреля 1872 г., т. к. двустишие является переложением начала церковного песнопения первых трех дней седьмой недели Великого поста. В 1872 г. эти дни приходились на 10, 11 и 12 апреля.

Полный текст эксапостилария утрени понедельника, вторника и среды Страстной седмицы (эта седмица предшествует Пасхе — празднику Христова Воскресения) следующий: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь: просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя».

Чертог — внутренняя комната, опочивальня, в особенности брачная, разукрашенная, великолепная — в Евангелии есть образ Царства Небесного, так же как и брачный пир. Согласно евангельской притче, человек не в брачной одежде изгоняется с брачного пира «во тьму кромешнюю» (Мф. 22, 2–14). Под одеждою разумеются дела жизни (Св. Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея евангелиста. М., 1993. Т. 2. С. 704).

Тютчевское переложение церковного богослужебного текста — одно из воплощений свойственного поэту мотива — порыва ввысь при одновременном чувстве отягощенности земным (*Ф.Т.*).

«КАК БЕСТОЛКОВЫ ЧИСЛА ЭТИ...»

(с. 240)

Автограф (обрывок) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 2.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 2 об.

Первая публикация — *Тютчевиана*. С. 17.

Печатается по списку. См. «Другие редакции и варианты». С. 314.

Сохранился лишь обрывок автографа с началом 1–5-й строк. На оборотной стороне этого же листа список рукой Эрн. Ф. Тютчевой с припиской на *фр. яз.*: «23 ноября 1872. В альбоме Марии Петерсон (гр. Монжела)».

Датируется 23 ноября 1872 г. согласно помете в списке.

Мария Карловна Петерсон (р. 1856), в замужестве графиня Монжела — внучка первой жены поэта (*А.Ш.*).

«МИР И СОГЛАСЬЕ МЕЖДУ НАС...»

(с. 241)

Автограф неизвестен.

Список — на телеграфном бланке рукой неустановленного лица (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 292).

Первая публикация — «Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим» от 28–29 мая 1922 г.

Печатается по тексту телеграфного бланка.

Телеграмма была послана Тютчевым 21 апреля 1872 г. старшей дочери А.Ф. Тютчевой (1829–1889), в замужестве Аксаковой, в день ее рождения. На это же число приходились именины поэта. По-видимому, 21 апреля 1872 г. и следует датировать стихотворение (*А.Ш.*).

«ТУТ ЦЕЛЫЙ МИР, ЖИВОЙ, РАЗНООБРАЗНЫЙ...»

(с. 242)

Автограф — *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 42. Ед. хр. 20. Л. 28.

Первая публикация — «Ф.И. Тютчев в своих письмах к Е.К. Богдановой и С.П. Фролову». Л., 1926. С. 12. Вошло: *Чулков II* (с. 265).

Печатается по автографу (на тетради стихов Е.К. Зыбиной).

Екатерина Кирилловна Остен-Сакен, урожд. Зыбина, происходила из состоятельной дворянской семьи, получила хорошее образование, обладала поэтическим талантом — ее стихотворения публиковались в ж. «Задушевное слово», *РВ*, «Вестник Европы». Отдельными изданиями вышли сб. «Напевы и настроения». СПб., 1902; «Поэма детства». Пбг, 1915. Переведенная с *фр. яз.* пьеса А. Терье «Жан-Мари» в 1899 г. была поставлена на сцене Александринского театра с В.Ф. Комиссаржевской в главной роли. Тютчев был знаком и поддерживал приятельские отношения с баронессой в конце 1860-х — начале 1870-х гг., сохранилось пять писем поэта к ней.

Датируется приблизительно 1869–1870 гг. Мотивы стихотворения отражены в письме от 28 апреля 1869 г., что может условно определять его датировку *(Т.Ф.)*.

НАПОЛЕОН III

(с. 243)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 9–10 об.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 177–178 и л. 176–176 об.; ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 3146. Л. 1–2 и Л. 3–3 об.

Первая публикация — *Гражданин*. 1873. № 2. 8 января. С. 37. Затем — *Мещерский*. Ч. 2. С. 194–195; *Изд. 1900*. С. 359.

Печатается по списку ГАРФ (л. 3–3 об.). См. «Другие редакции и варианты». С. 314.

Датируется концом декабря 1872 г.

Автограф записан карандашом на трех сторонах сложенного вдвое полулиста, дрожащим почерком, рукою больного поэта, труден для чтения: многие слова не дописаны, пунктуация почти отсут-

ствует, деления на строфы нет. Это первоначальный вариант стихотворения (первые 18 строк), вложенный в конверт (вместе с двумя другими листками, содержащими 2 карандашных автографа «17-ое апреля 1818» («На ранней дней моих заре...») — см. *коммент.* С. 613). На конверте Д.Ф. Тютчева пометила: «Стихотворения, написанные Ф.И. Тютчевым, когда он лежал в параличе и с болью в голове. 1873». К.В. Пигарев исправил в комментариях ошибку Г.И. Чулкова, полагавшего, что еще одна рукопись (ГАРФ. Л. 1–2) является автографом; в действительности это список рукой Д.Ф. Тютчевой (*Лирика II.* С. 428). Список неустановленного лица (ГАРФ. Л. 3–3 об.) — копия с него. Списки РГАЛИ выполнены Эрн. Ф Тютчевой и И.С. Аксаковым. Заголовок: «Наполеон III». Даты нет.

В *Гражданине*, помимо полной публикации, в статье «Наполеон III» цитируются 18–20-я строки стихотворения (с. 29): «Оторопевший мир, игрой своей смутя, / Как неразумное дитя, / Он предал долгому шатанью». В *Изд. 1900* дата: «(Декабрь 1872)».

29 декабря 1872 / 9 января 1873 г. русские газеты поместили телеграмму о смерти императора Франции Наполеона III, низложенного в 1870 г. Известие о смерти Луи Наполеона вызвало в Тютчеве «живейший интерес», по словам Эрнестины Федоровны, поэт вынашивал стихи весь день 29 декабря — вероятно, тогда был записан текст автографа. «30-го, после беспокойно проведенной ночи», он диктовал весь день второй вариант стихотворения своей жене, она «плохо слышала, но не хотела заставлять его многократно повторять одну и ту же строку, неясно произнесенную, и в результате получились нелепости, которые он с раздражением обнаруживал», когда она «прочитывала ему записанное»; «вечером работа наша была закончена» (из письма Эрн. Ф. Тютчевой — К. Пфеффелю из Петербурга от 6/18 января 1873 г. — *ЛН-2.* С. 421). 3 января 1873 г. Тютчев говорил с И.С. Аксаковым «о политике, о Хиве, о Наполеоне, о московских городских выборах; например, о Наполеоне III: «Какой огромный круг деятельности исторической и созидания понапрасну, по-пустому», — старался припомнить свои стихи об нем, но не мог, среди усилий задремывал, потом опять силился сказать что-нибудь об общих вопросах» (Письмо Аксакова к Е.Ф. Тютчевой из Петербурга от 3 января 1873 г. — *Летопись.* С. 226–227). Поэт понес стихи к редактору *Гражданина* В.П. Мещерскому (это произошло 1 января 1873 г.). В своих воспоминаниях Мещерский упомянул это событие: «Войдя, он сказал мне, что принес стихотворение на смерть Наполеона III. Затем он достал, как всегда, клочок бумаги, на котором каракулями были изображены стихи, и начал читать. Во время чтения с ним, очевидно, сделался первый удар: он не мог уже разбирать своего почерка и затем не мог уже плавно произносить

слова... Чтение прервалось...» (*Мещерский*. Ч. 2. С. 194). Поэт был привезен домой, разбитый параличом. Дарья Федоровна «уверяла даже, что ближайшей причиной апоплексического удара, постигшего Ф.И. Тютчева, было <...> искажение его стихов» Эрнестиной Федоровной (*Тютч. сб.* С. 52). Для «восстановления версификации <...> был Мещерским приглашен Майков; нет сомнения, что Федор Иванович исправил бы их иначе...» (И.С. Аксаков — Е.Ф. Тютчевой из Петербурга 6/18 января 1873 г. – *ЛН-2*. С. 423).

Наполеон III (1808–1873) — третий сын голландского короля Людовика Бонапарта и королевы Гортензии (Богарнэ), падчерицы Наполеона I. Получил при рождении имя Шарль Людовик-Наполеон Бонапарт. Утверждают, что Наполеон III был человеком добрым и щедрым, но вспыльчивым. С его личным характером и положением Тютчев «связывал шаткость и двусмысленность тогдашнего общего положения дел» (Из воспоминаний А.И. Георгиевского // *ЛН-2*. С. 146). В письме Георгиевскому от 13 июля 1866 г. Тютчев говорил «о полнейшей несостоятельности Наполеона III и о наклонности наших дипломатов отыскивать во всех его самых грубых и самых осязательных промахах глубину премудрости, тогда как он поистине велик только в этом деле всемирной мистификации, но и тут большая доля принадлежит не ему, а человеческой глупости» (*ЛН-2*. С. 151). Известно высказывание поэта о французском общественном строе: «как бы возвращенный развратом к степени первобытности. Это почти уже состояние натуральности, как в публичных банях России» (*Биогр.* С. 277—278). Относительно провозглашения Французской империи 2 декабря 1852 г. Тютчев пишет: «Все этого ожидали, как родов у женщины после 9-месячной беременности» (*Тютчевиана.* С. 26. — Письмо Ф.И. Тютчева к его второй жене от 26 ноября 1852 г. из Петербурга). В дневнике А.Ф. Тютчевой имя Наполеона III упоминается при известии о том, что 24 мая 1859 г. «император Наполеон совершил торжественный въезд в Милан среди неописуемого восторга» (*При дворе-2*. С. 197). Ранее она говорила о предположениях «стола» по поводу изменения политики Англии «в конце восточного кризиса», и что «...она вступит в союз с Россией. Наполеон III погибнет; после его смерти во Франции вспыхнет анархия, и красные на время возьмут верх, но скоро будут раздавлены» (*При дворе-1.* С. 136). 15/27 сентября 1867 г. Тютчев в письме Е.Ф. Тютчевой из Петербурга в Биарриц называет Наполеона III императорским сфинксом, который «уже не представляется прежним неразгаданным сфинксом» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 308). Известно высказывание поэта о смерти: «C' est mon Sédan» — «Это мой Седан» (*ЛН-2*. С. 422): после поражения при Седане, 1 сентября 1870 г., Наполеон III был взят в плен немцами. До этого события, 3/15 августа 1870 г., поэт писал:

«Шансы не на стороне Франции...» (письмо к Е.К. Богдановой — *Тютчев в восп.* С. 49). 4 сентября 1870 г. во Франции произошел переворот, в результате которого Наполеон III был низложен. «28 января 1871 года воюющие державы объявили на месяц перемирие, во время которого были выработаны условия франкфуртского мира, закончившего начатую Наполеоном III войну предсказанной Тютчевым потерей Францией Лотарингии и Эльзаса» (там же. С. 72).

В *Гражданине* говорится о «прозорливости» Тютчева относительно личности французского императора (*Гражданин*. 1873. № 2, 8 января. С. 29). И.С. Аксаков охарактеризовал стихотворение как «тяжелое, темное, неправильное» (*Биогр.* С. 309). В.П. Мещерский считал, что оно было «последним стихотворением Тютчева» (*Мещерский*. Ч. 2. С. 194), хотя в действительности таковым является «Бывают роковые дни...» — «написано не позднее мая 1873 г.» (*Тютчев в восп.* С. 459). Чулков относил «к особому отделу начатых и незавершенных произведений. Это все не более как фрагменты стихотворений» (*НС*. С. 113). К.В. Пигарев открыл «Наполеоном III» раздел «Стихотворения, написанные во время предсмертной болезни» (*Лирика II*. С. 262—263).

Иль бодрствует у изголовья / Одра, где царский сын лежал — речь идет о Николае, сыне Александра II (см. «Сын царский умирает в Ницце...», «12-ое апреля 1865». С. 139, 140) (*Н.К.*).

«ХОТЕЛ БЫ Я, ЧТОБЫ В СВОЕЙ МОГИЛЕ...»

(с. 245)

Автограф неизвестен.

Список — в архиве С.П. Фролова (*ИРЛИ*. № 15782).

Первая публикация — ж. «Красная нива», 1926, 7 февраля, № 6. С. 9, под рубрикой «Литературный архив». Затем — Казанович Е.П. Федор Иванович Тютчев в своих письмах к Е.К. Богдановой и С.П. Фролову. Л., 1926. С. 18; Вошло — *Чулков II*. С. 266.

Печатается по первой публикации.

Датируется концом 1872 г.

Публикуя четверостишие в «Красной ниве», Д.Д. Благой отметил: «... В Пушкинском Доме в Ленинграде имеются два до сих пор вовсе неизвестных стихотворения Тютчева, обращенные им к некоей Е.К. Богдановой, в первом браке Фроловой, которая, видимо, была одним из последних увлечений поэта, как известно, до конца дней не утратившего свой начальный сердечный пыл. Оба стихотворения написаны в 1870-е гг., за год-два до смерти, когда Тютчеву было около семидесяти лет. Однако первое из них («Как нас ни угнетай разлука...» — *Ред.)* с удивительной свежестью сохраняет в себе

все основные черты его поэтики. Второе стихотворение — четверостишие — менее значительно, но и оно любопытно выражением необыкновенной жизненности поэта, стоявшего, по его собственным словам, «на роковой очереди», перед все ближе надвигавшейся на него могилой, и тем не менее мечтавшего, что и в самой этой могиле над ним «всю вечность» будет звучать мелодичный голос любимой им женщины» (с. 9). Г.И. Чулков предположил, что «пьеса написана, вероятно, в 1872 году, когда поэт был прикован к кушетке своею болезнью» (*Чулков II*. С. 490). Строки 3–4-я очевидная вариация заключительных строк одного из последних стихотворений М.Ю. Лермонтова («Выхожу один я на дорогу...», 1841).

Обращено к Елене Карловне Богдановой, урожденной баронессе Услар (1823–1900), приятельнице Е.А. Денисьевой. О том, что Тютчев был увлечен Богдановой, свидетельствует письмо дочери поэта Дарьи к сестре Екатерине от 21 июня 1873 г.: «Бедный папá потерял голову. Страсть как будто бичует его. Эта особа пытает его медленным огнем — с какою целью? Имеет ли она в виду материальную выгоду или она делает это из чувства гордости, чтобы показать свою власть? Как бы то ни было, это она виновница его положения, она возбуждает его и без того больного, играя на его нервах, натянутых до последней степени» (*Чулков II*. С. 474) (*В.З.*).

«ТЕБЕ, БОЛЯЩАЯ В ДАЛЕКОЙ СТОРОНЕ...»

(с. 246)

Автограф неизвестен.

Список Д.Ф. Тютчевой — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 179–180 об.

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 361–362.

Печатается по списку. В списке (вероятно, диктовка) в 5-й строке «Взлетело бы тебе в окно» может быть ошибка или пропуск слова, но исправление нами не вносится.

Датируется январем 1873 г. на основании пометы в списке.

Посвящено Евгении Сергеевне Шеншиной (1833–1873), урожд. Арсеньевой, родственнице поэта А. Фета. 15 ст. — «Твой милый, добрый, незабвенный муж!» — Николай Васильевич Шеншин (1827–1858), флигель-адъютант, гвардии полковник. Арсеньева вышла замуж за Шеншина 27 сентября 1850 г.

Во второй части стихотворения (21–33 ст.) речь идет о Марии Федоровне Тютчевой-Бирилевой, с которой Шеншина была в дружеских отношениях. О Бирилевой см. *коммент.* к стих. «День православного Востока...». С. 601 (*Ф.Т.*).

«БРИТАНСКИЙ ЛЕОПАРД...»

(с. 248)

Автограф неизвестен.

Списки – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 190–191 об.; ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 25–26.

Первая публикация – *Изд. 1900*. С. 363–364.

Печатается по спискам (рукой Д.Ф. Тютчевой), которые идентичны.

Датируется 20-ми числами января (после 23-го) 1873 г., по словам самого поэта, является «рифмованной аналогией» статьи в «Journal de St.-Pétersbourg» от 23 января 1873 г., посвященной русской среднеазиатской политике и взаимоотношениям России с Англией. См. *ЛН*. Т. 19–21. С. 250 и *Лирика II*. С. 429. По свидетельству И.С. Аксакова, Хивинский поход «сильно занимал» Тютчева и «он с самого начала внимательно следил за ним по газетам» (*Биогр.* С. 316).

Г.И. Чулков отмечал: «Как ни слабо это стихотворение как поэтическое произведение, оно весьма любопытно как документ, свидетельствующий, что даже на смертном одре, разбитый параличом, поэт продолжал ревниво следить за русской иностранной политикой» (*Чулков II*. С. 495) (*Э.З.*).

«КОНЕЧНО, ВРЕДНО ПОЛЬЗАМ ГОСУДАРСТВА...»

(с. 249)

Автограф неизвестен.

Список – РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 72 об. – 73.

Первая публикация – *ж.* «Рупор». 1928. № 6. С. 10. Вошло: *Чулков II* (с. 502, напечатано в примечаниях к стих. «Во дни напастей и беды...»).

Печатается по тексту, записанному Эрн. Ф. Тютчевой под диктовку поэта и отправленному в письме к А.Ф. Аксаковой, от 30 января 1873 г. Датируется январем 1873 г. согласно этому письму.

Недоумение поэта, вызванное известиями о произошедшем в Москве инциденте (см. *коммент.* к стих. «Во дни напастей и беды...». С. 610), определялось, главное, тем, что «неблаговоспитанность» и грубость проявил крупный государственный чиновник. Дикая выходка Дурново сравнивается с грубой деятельностью татаро-монгольских военачальников (называемых на Руси в XIII–XIV вв. баскаками) при сборе подати для Золотой Орды (*Т.Ф.*).

22 Зак. 7181

«ВО ДНИ НАПАСТЕЙ И БЕДЫ..»

(с. 250)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *НС*. С. 119. Вошло: *Чулков II* (с. 275).

Печатается по автографу.

Датируется январем 1873 г.

А.В. Никитенко пишет, что поводом к столкновению городского головы Н.П. Ланина с тогдашним московским губернатором П.П. Дурново послужило появление Ланина на приеме у губернатора во фраке вместо мундира (см.: *Никитенко*. Т. 2. С. 477 и 482) *(Т.Ф.)*.

«ВСЕ ОТНЯЛ У МЕНЯ КАЗНЯЩИЙ БОГ...»

(с. 251)

Автограф неизвестен.

Список рукой Д.Ф. Тютчевой — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 189. Выше текста стихотворения также рукой Д.Ф. Тютчевой помета: «Маменьке», под стихотворением дата: «Фев<раль> 1873».

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 8.

Печатается по списку.

Написано во время предсмертной болезни и обращено к Эрн. Ф. Тютчевой. Ощущение угасания душевных и физических сил длилось несколько лет, обостряясь от многих потерь — родителей, «последней любви» — Е.А. Денисьевой, детей Лёли и Коли, Дмитрия, Марии, брата Николая. Строки из письма к Эрн. Ф. Тютчевой от 12 января 1866 г. точно передают состояние поэта в последние годы его жизни: «Я ощущаю те же сумерки во всем моем существе, и все впечатления извне доходят до меня, подобно звукам удаляющейся музыки. Хорошо или плохо, но я чувствую, что достаточно пожил — равно *как чувствую, что в минуту моего ухода ты будешь единственной живой реальностью, с которой мне придется распроститься*» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 282).

Стихотворение соотносится с написанными ранее «Не знаю я, коснется ль благодать...» (1856), «Все, что сберечь мне удалось...» (1856). Понимание драгоценности Божьего дара в лице Эрнестины Федоровны в 1850-е гг. приходило с осознанием собственной греховной расточительности, в 1870-е — поглощается общим чувством усталости от жизни. «Сознавая свое недостоинство, — пишет М.М. Дунаев о Тютчеве, — он сознавал себя и тяжко наказанным.

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон...

Так он мыслил на пороге смерти. И он же видел залог надежды на прощение Божие — в прощении той женщины, жены, которая, несомненно оскорбленная изменою, нашла в себе силы не оставить его, в тяжком наказании пребывавшего. В том узрел он Промысел Творца:

Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

Принял ли Всевышний эту молитву?

Будем верить и надеяться...» (Дунаев М.М. Православие и русская литература: Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 5-ти ч. М., 1997. Ч. II. С. 405–406) (*Ю.Р., А.М.*).

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА

(с. 252)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 3.

Список — там же.

Первая публикация — *НС*. С. 119.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 315.

Текст автографа записан карандашом, на полулисте тонкой писчей почтовой бумаги бежевого цвета, больною дрожащей рукою, труден для чтения. Четыре строки зачеркнуты сверху вниз двумя параллельными чертами (чернилами). Последняя строка: «И белизна всю зелень облила» записана рукой Д.Ф. Тютчевой; после текста — росчерк карандашом, видимо, рукой поэта, определившего границу конца стихотворения. Судя по списку, сделанному на том же листе, вариант заключительной строки появился взамен первоначального (в автографе): «И с самого утра жара уж тяжела». В списке имеется разночтение: «И белизной» вместо «И белизна».

Датируется февралем 1873 г., так как почерк поэта соответствует этому времени.

Италия вошла в жизнь Тютчева с молодых лет. В 1837 г. он был назначен на пост старшего секретаря русской миссии в Турине. По словам Гагарина, поэт «тяготился своим пребыванием в Петербурге. «Je n'ai pas le heimweh, mais le herausweh», — будто бы говаривал он ему» (*Пигарев 1978*. С. 96). «У меня не тоска по родине, но тоска по чужбине» (там же. С. 325). Однако «за границею, в его германском или итальянском далеке, Россия представлялась ему не в подробностях и частностях, а в своем целом объеме, в своем общем значении, — не с точки зрения нынешнего дня, а с точки зрения мировой истории...» (*Биогр.* С. 76). Тютчев пред-

почел провести остаток жизни на родине. О чувствах и желаниях поэта в период написания стих. «Итальянская весна» можно судить, прочитав его письмо А.Ф. Аксаковой от 7 февраля 1873 г.: «...если дни мои сочтены, отправиться умирать в Турово, и там, любуясь с террасы необъятными просторами, отойти в иной мир, не без горького сожаления о том, что я здесь оставляю...» (*Изд. 1984*. Т. 2. С. 358).

Италия грезилась поэту в образах «Миньоны» Гёте. Изображение итальянской природы также можно встретить в его переводе отрывка о Байроне из поэмы Цедлица «Венки мертвым» (см. *коммент.* к стих. «Байрон» (Отрывок). Т. 1. С. 335), а также в стих. «Итальянская villa», «1-ое декабря 1837», «Вновь твои я вижу очи...» (см. *коммент.* Т. 1. С. 462, 457, 497) (*Н.К.*).

«МЫ СОЛНЦУ ЮГА УСТУПАЕМ ВАС...»

(с. 253)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 2 — 2 об.

Первая публикация — *Чулков II*. С. 275.

Печатается в *Лирике II*. С. 267, но сохраняются по автографу прописные буквы в словах «Вас», «Ваше».

Автограф черновой, выполнен карандашом, читается с большим трудом, есть недописанные слова, стихотворные строчки часто не выделены. Перед текстом — помета на *фр. яз.*: «A S<a>M<ajesté> l'adresse au moment de son départ» («Обращение к Ее Величеству по случаю ее отъезда»).

Императрица Мария Александровна 1 марта 1873 г. отправилась в Сорренто. Датируется в соответствии с этим событием (*Т.Ф.*).

«ВОТ СВЕЖИЕ ТЕБЕ ЦВЕТЫ...»

(с. 254)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 4.

Первая публикация — *НС*. С. 120. Вошло — *Чулков II* (с. 269).

Печатается по автографу.

Автограф черновой, выполнен карандашом, довольно разборчиво, на одной стороне сложенного вдвое листа почтовой бумаги. Внизу слева помечено пером, черной тушью, рукой Эрн. Ф. Тютчевой: «19 марта 1873». Внизу справа рукой Д.Ф. Тютчевой сделана приписка фиолетовыми чернилами на *фр. яз.*: «Ecrit pour moi par papa pour mon jour de fête — l'année de sa mort» («Написано для меня па́па ко дню моих именин — в год его смерти»).

Обращено к Д.Ф. Тютчевой (1834–1873), второй дочери поэта от первого брака. После смерти матери Дарья некоторое время проживала в доме ее сестры, своей тети Клотильды Ботмер, в конце 1839 г. вернулась к отцу. В 1845–1851 гг. воспитывалась в Смольном институте, где ее классной дамой была А.Д. Денисьева (тетка Е.А. Денисьевой), а с 1858 г. служила фрейлиной при дворе императрицы Марии Александровны. Активное общение с отцом, по преимуществу в письмах, относится к концу 1850-х — 1860 гг.: сохранилось 51 письмо поэта к Дарье и 6 писем, адресованных ей вместе с сестрами.

20 марта 1873 г. Дарья писала сестре Екатерине: «Вчера я получила от мама́ цветы в красивой вазе и стихи, написанные папа́» (*ЛН-2.* С. 424). Д.Ф. Тютчевой адресованы стих. «De ces frimas, de ces déserts...» (1860), «Не все душе болезненное снится...» (1864), «Когда на то нет Божьего согласья...» (1865).

Датируется 19 марта 1873 г. в соответствии с пометой в автографе (*Т.Ф.*).

17-ое АПРЕЛЯ 1818

(с. 255)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1–5; 6–8 об.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 194–195, рукой Д.Ф. Тютчевой, с ее пометой: «17 апреля 1873».

Первая публикация — *РА.* 1874. Вып. 10. Стб. 18–19, в первом биографическом очерке И.С. Аксакова. Текст вошел в очерк не полностью, отдельными фрагментами, составлен из 30 стихов — о знакомстве будущего поэта с В.А. Жуковским. В полном объеме — *Изд. 1900,* по списку. В изд. *Чулков II* (с. 271/495) основной текст — по автографу, в примечаниях напечатаны оба другие варианта. В *Лирике II* (с. 268/319) основной текст — по второму автографу (л. 6–8 об.), первый — в вариантах.

Печатается по автографу (л. 6–8 об.), с небольшими коррективами по списку. См. «Другие редакции и варианты». С. 315.

Автографы читаются с большим трудом, варианты текста хранят следы работы над ним автора, порою незавершенной.

Датируется в соответствии с пометой на списке.

Посвящено 55-летию со дня рождения Александра II. И.С. Аксаков описывает произведшее сильное впечатление на четырнадцатилетнего поэта событие со слов товарища его по университету М.П. Погодина: «В Москву приехало царское семейство и с ним, в звании наставника в русском языке при великой княгине Александре Федоровне, — Жуковский... Иван Николаевич захотел предста-

вить ему своего сына и 17 апреля рано утром повел Тютчева в Кремль. Но там колокола и пушки возвестили им о рождении будущего царя...». От себя Аксаков дополняет: «Для Жуковского, по тесноте помещения во дворце, была отведена келья в Чудовом монастыре: там и дожидался его Тютчев-отец с сыном, как вдруг раздалась пальба, загудели колокола, и на пороге кельи появился Василий Андреевич с бокалом шампанского в руках и с вестью о радостном событии» (*Биогр.* С. 16) (*Т.Ф.*).

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II
(с. 257)

Автограф неизвестен.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 206–207; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 242–243).

Первая публикация — *Изд. 1900.* С. 365–366. Вошло в *Изд. Маркса.* С. 225.

Печатается по первому списку, с сохранением заглавия, имеющегося в изданиях. См. «Другие редакции и варианты». С. 317.

Первый список — Д.Ф. Тютчевой на сложенном вдвое листе с пометой на *фр. яз.*: «Deux poésies inédites de notre père, — l'une de sa jeunesse, — l'autre écrite 4 mois avant sa mort. — Je doute que pour des raisons différentes on puisse les imprimer» («Два ненапечатанных стихотворения нашего отца — одно относится к его юности — другое написано за 4 месяца до его смерти. — Я сомневаюсь в том, что, по разным причинам, можно их печатать»). Внутрь листа вложены другие два полулиста с текстами стих.: «К оде Пушкина на Вольность» и начало стих. «Царь благодушный, царь с евангельской душою...» (заглавия «Императору Александру II» в списке нет). Дата: «Апрель 1873».

Второй список — Эрн. Ф. Тютчевой, с пометой: «1873 апрель».

Датируется апрелем 1873 г. в соответствии с пометами в списках.

Г.И. Чулков отнес стихотворение к особому отделу «начатых и незавершенных произведений» (см. *коммент.* к стих. «Наполеон III». С. 604).

Написано в связи с предполагаемым, но не состоявшимся визитом царя к Тютчеву. Сохранилось свидетельство Д.Ф. Тютчевой: «Во время предсмертной болезни поэта император Александр Второй, до тех пор никогда не бывавший у Тютчевых, пожелал навестить поэта. Когда об этом сказали Тютчеву, он заметил, что это приводит его в большое смущение, так как будет крайне неделикатно, если он не умрет на другой же день после царского посещения» (*Тютчевиана.*

С. 39–40). Свое мнение о личности императора и его реформах Тютчев выразил также в стих.: «Так! Он спасен — иначе быть не может!..», «Хотя б она сошла с лица земного...» (см. С. 155,169) (*Н.К.)*.

БЕССОННИЦА

(Ночной момент)

(с. 258)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 369 (с датой — апрель 1873). Вошло в *Изд. Маркса*. С. 176.

Списки — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 192–192 об. и 193–193 об. В списке на л. 193 — дата: «1873. Апрель»; оба списка с одинаковым заглавием «Бессонница».

Печатается по *Лирике II*. См. «Другие редакции и варианты». С. 317.

В *коммент*. к первой публикации в связи с этим стихотворением и подобными приведена ссылка на биографический труд И.С. Аксакова, который был очевидцем физического и душевного состояния Тютчева в последнее время его жизни. Он писал: «Но что было особенно поразительно — это утрата им, рядом с сохранением острой и логической мысли, способности к поэтической мерной речи. Позыв к стихотворчеству сказывался в нем беспрестанно; он часто твердил стихи про себя, часто принимался за диктовку, но *не замечал*, что стихам недоставало то меры, то рифмы, что они выходили каким-то неясным поэтическим бредом. Он как бы потерял музыкальный слух, власть над гармонией слова: поэтическое творчество было, очевидно, ему уже не под силу» (*Биогр*. С. 314). В связи с этим обстоятельством сложилась традиция конструирования текста из списков на л. 192–192 об. и 193–193 об. Тот и другой список несут в себе погрешности, производящие впечатление каких-то оплошностей или диктующего, или записывающего. Появилось явное нарушение метра в 7-й строке: «Лишь нескольких церквей, потерянных в сизой ночи» (л. 193), но в другом списке дефект был устранен: «Лишь несколько церквей, потерянных вдали» (л. 192). В этом варианте (л. 192–192 об.) несовершенна запись конца стихотворения: пропущена 12-я строка: «О жизни и любви отчаянно взывает»; в несколько ослабленном варианте представлена здесь внешняя обстановка: «Вокруг него и пусто и темно» (л. 192 об., ср.: «Все вкруг него и пусто и темно» (л. 193 об.). В результате текстологи позволяли себе выбирать художественно более полноценные строки, которые, видимо, произносил поэт, и включали их в подготовленный к печати текст.

В *Изд. 1900* 6-я строка — «И вот при блеске лунной ночи»; 7-я — «Лишь несколько церквей, потерянных вдали»; 12-я — «О жизни и любви отчаянно взывает»; 14-я — «Все вкруг него и пусто и темно!».

В *Изд. 1900, Чулков II*. С. 273 и *Изд. Маркса*. С. 176 в 6-й строке пропущено слово «сизой»: «И вот при блеске лунной ночи» (вариант л. 193) вместо: «И вот при блеске лунной сизой ночи» (вариант л. 192 и *Лирики II*. С. 271). В остальном указанные издания не различаются. В *Изд. Маркса*. С. 404, в *коммент*. отмечено: «Продиктовано поэтом также на одре болезни. Однако оно написано гораздо глаже предыдущей пьесы» (имеется в виду стих. «17-ое апреля 1818»).

Представляет собой заключительный аккорд «ночной поэзии» Тютчева; примечательно то, что впервые в этой разновидности его лирики появился образ церквей и молитвенное настроение, правда, безысходное.

Датируется апрелем 1873 г. (*В.К.*).

«ХОТЬ РОДОМ ОН БЫЛ НЕ СЛАВЯНИН...»

(с. 259)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 10–11 об.

Списки — *Альбом Тютч.-Бирилевой. ИРЛИ*. № 16953.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 356, в сокращенном виде, в редакции А.Н. Майкова, озаглавлено «Памяти А.Ф. Гильфердинга». Полный текст — *Изд. 1900*. С. 371, по списку. В *Лирике II* (с. 271) — по автографу, без заглавия.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 318.

Автограф написан довольно разборчиво, карандашом, без знаков препинания, на обратной стороне печатного письма с текстом: «М.г. Федор Иванович. В среде членов Славянского Благотворительного Комитета возникла мысль об учреждении в память покойного Председателя С.-Петербургского отдела Гильфердинга денежного капитала для выдачи из процентов оного премии за лучшие сочинения по славянской филологии и истории, составлявших специальность Александра Федоровича...». Автограф подписан: «Ф.Т.». Существуют некоторые расхождения в текстах основных публикаций: *Изд. СПб., 1886* имеет заглавие «Памяти А.Ф. Гильфердинга», напечатано четыре строки: 1-я, 2-я, 6-я и 7-я, по автографу; *Чулков II* — текст в полном объеме, с учетом редакции первого издания, среди вариантов представлен текст по списку *Альбома Тютч.-Бирилевой* со строками: 1-я — «Хоть родом он был не славянин»; 4-я — «Он много действовал, хоть мало жил»; 6-я — «И делом доказал, что в поле и один», а также редакция А.Н. Майкова.

Посвящено приближавшейся годовщине смерти А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), который скоропостижно умер 20 июня 1872 г. Поэт выделил определяющую черту его деятельности — глубокий интерес к славянскому языку и истории. Основные его работы: «О сродстве языка славянского с санскритом» (1853), «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859), «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» (1872). Возможно, этому способствовало сближение во время учебы в Московском университете (1848–1852) с А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариным и братьями Киреевскими. Гильфердинг был евреем, его отец — католического вероисповедания, сам же он крещен по обряду православной церкви. Кроме того, его усилиями в Праге был создан православный храм.

Датируется 5 мая 1873 г., в соответствии со списком в *Альбоме Тютч.-Бирилевой (Э.З.).*

«БЫВАЮТ РОКОВЫЕ ДНИ...»

(с. 260)

Автограф — *ИРЛИ.* № 18720, в письме Ф.И. Тютчева к А.В. Никитенко.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 7 об., рукой Д.Ф. Тютчевой.

Первая публикация — *РС.* 1873. Т. VIII, август. С. IV, в конце некролога «Ф.И. Тютчев», написанного А.В. Никитенко. Затем — *Изд. 1900.* С. 370; *Изд. Маркса.* С. 177.

Печатается по автографу. В автографе после текста дописано: «Друг мой, когда я вас увижу? Мне страшно тяжело и грустно». См. «Другие редакции и варианты». С. 318.

В *Изд. 1900, Изд. Маркса, Чулков II* озаглавлено «А.В. Никитенко». Г.И. Чулков при этом ссылается на список в *Альбоме Тютч.-Бирилевой,* где рукою Эрн. Ф. Тютчевой обозначен заголовок «А.В. Никитенку» и поставлена дата: «1873» (*Чулков II.* С. 499). Так и датируется.

Александр Васильевич Никитенко (1804–1877), академик, профессор русской словесности, бывший цензором Петербургского цензурного комитета, автор известных мемуаров, был в дружеских отношениях с Тютчевым, посещал поэта во время его предсмертной болезни. Включая стих. «Бывают роковые дни...» в некрологе Тютчева, Никитенко пояснял: «Несколько месяцев Тютчев страдал жестоким недугом. Его духовному существу в это тяжкое время принадлежала только часть его тела, другая — была отнята у него параличом. Но и среди, можно сказать, развалин его физического состава, его не покидали ни светлая мысль, ни теплое чувство ко всему прекрасному, ни участие в судьбах дорогой ему отчизны и всех близких ему су-

ществ. Только недели за две до своей кончины он начал терять сознание, и здесь происходила уже настоящая борьба со смертью, которой упорно сопротивлялась еще его крепкая, хотя и потрясенная натура. В дни, предшествовавшие этому, мы слышали еще из уст его приветливые и трогательные слова и вместе с тем он передавал нам свою заботу о каком-то бедном сироте, о котором он просил одно высшее начальственное лицо. Вот, можно сказать, предсмертное излияние его чувствований в строках, присланных им нам и начертанных дрожащею рукою, которые мы с трудом могли разобрать» (с. III–IV).

До публикации К.В. Пигаревым (*Лирика II*. С. 272) стихотворения по автографу повторялся текст первой публикации, в которой существуют разночтения (выделены ниже курсивом) с печатаемым ныне текстом. В первой публикации строка 8-я — «Неоцен*енн*ый лучший дар»; 10-я — «Кого живая, *чистая* рука»; 13-я — «И сдвинет с нас ужасн*ого* кошм*ара*». Возникшие разночтения можно объяснить трудночитаемым почерком Тютчева. Видимо, Никитенко в спешке подготовки некролога не придал особого значения расшифровке автографа, в котором действительно возможно иногда двоякое прочтение букв и буквосочетаний (*В.З.*).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ Ф.И. ТЮТЧЕВУ

«АВСТРИЙСКИЙ ЦАРЬ ПРИВЫК ЗАБАВИТЬ...»

(с. 262)

Автограф неизвестен.

Печатается по списку, сообщенному Б.В. Томашевским и Ю.Н. Тыняновым в статье «Молодой Тютчев. (Неизданные стихи)» в *Тютч. сб.* (с. 40–47). Здесь дано подробное описание рукописного альбома 20-х гг., где был найден список. Четверостишие открывает раздел эпиграмм из альбома, за ним следуют: «Ну, как тому судить поэтов дар...», «"Не дай нам духу празднословья"!..» за общей подписью «Ф.Т.» и далее — стихотворение «Противникам вина» — «Ф. Тютчев». В отличие от 3-й по счету эпиграммы, первые две вызывают у авторов публикации настороженность: «Не совсем ясно, относится ли подпись к одной только последней эпиграмме или ко всем трем. Третья эпиграмма (и подпись) переписана не той рукой, что и первые две. Но, с другой стороны, между второй и третьей такой же разделительный знак, что и между первой и второй, и, следовательно, все три эпиграммы производят впечатление переписанных одновременно. Следующее за ними стихотворение Тютчева написано той же рукой,

что и первые две эпиграммы. Сомнение поддерживается еще и тем, что и по стилю третья эпиграмма выгодно отличается от первых двух. <...> Внутренний анализ эпиграмм не дает возможности приписать их Тютчеву с полной уверенностью» (С. 44).

Г.И. Чулков поместил эпиграммы в свой сборник (*Чулков II*. С. 281, 503), а К.В. Пигарев не включил их ни в *Изд. 1957*, ни в *Лирику*.

Эпиграмма имеет в виду императора Австрии Франца Иосифа. Дата устанавливается в связи с упоминанием Неаполя: когда исход неаполитанских событий еще не был известен, когда велись дипломатические переговоры о конституции, еще не был издан циркуляр 8 декабря 1820 г. и австрийские войска еще не подавили возмущения. Предположительно эпиграмма написана осенью 1820 г., во время конгресса в Троппау, до подавления Неаполитанского восстания австрийскими войсками 7 марта 1821 г.

Последняя строка эпиграммы передает содержание тех сплетен, которые распространялись в венских дипломатических кругах *(Э.З.)*.

«НУ, КАК ТОМУ СУДИТЬ ПОЭТОВ ДАР...»

(с. 263)

Автограф неизвестен.

Печатается по списку, сообщенному Б.В. Томашевским и Ю.Н. Тыняновым в статье «Молодой Тютчев» в *Тютч. сб.* С. 43. (см. *коммент.* к эпиграмме «Австрийский царь привык забавить...». С. 618).

Авторы публикации предполагают, что эпиграмма также написана в начале 1820-х гг. и, по-видимому, относится к М.Г. Павлову (1793–1840), читавшему с 1821 г. в Московском университете курс минералогии и сельского хозяйства. Павлов считал себя шеллингианцем и применял к естествознанию натурфилософский метод, в своих лекциях часто обращался к вопросам философии литературы. Сотрудничал в «Мнемозине» и в «Отечественных записках», издавал ж. «Атеней» и «Русский земледелец». В 1821 г. Тютчев был студентом Московского университета *(Э.З.)*.

«КАКИМ ВЕНКОМ НАМ УВЕНЧАТЬ...»

(с. 264)

Автограф неизвестен.

Первая публикация – *РЗ*. 1828. № 1–2. Ч. I. С. 74. В *Изд. Маркса* (с. 381) обозначено как посвящение С.Е. Раичу, включено в примечания к стих. «На камень жизни роковой...».

Предположительно авторство мотивировано ссылкой на устное свидетельство П.В. Быкова: «Покойный Леонид Николаевич Майков

говорил составителю этих примечаний, что, по его мнению, это стихи Тютчева» (та же ссылка в *Чулков II.* С. 504). В *Чулков II* напечатано в разделе «Dubia» с комментарием (с. 283/505). Включение в настоящее издание возможно на основании приведенного Быковым свидетельства и ритмико-стилистической характеристики.

Печатается по первой публикации.

В соответствии с характерной для русской поэзии 1820–1830 гг. возвышенной стилистикой широко использованы элементы античности и библеизмы. Проведена поэтическая параллель между адресатом стихотворения и поэтом итальянского Возрождения Торквато Тассо, творчество и трагическая судьба которого были символичны для русского романтизма. Известно, что в это время Раич работал над переводом поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим» (опубликован в 1828 г.).

Датируется 25 декабря 1827 г. по первой публикации.

Питомец русского Парнаса — устойчиво традиционная высокая оценка вдохновенного таланта.

Но девы павшего Сиона — «дщерьми Сиона» называли женское население захваченного римлянами Иерусалима. (См. Библейскую энциклопедию Архимандрита Никифора. М., 1891 / Репринт. М., 1900. С. 655.)

Из сельских крин и роз Сарона — Сароном в «Песне Песней» названа равнина в Палестине, которая славилась плодородием, обилием цветов и деревьев. Слово «крин» в словаре В.И. Даля толкуется как «растение и цветок лилии» (*Т.Ф.*).

«КАКИЕ ПЕСНИ, МИЛЫЙ МОЙ...»

(с. 265)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Изд. 1987* (с. 422). А.А. Николаев указывает на хранящийся в РГАЛИ список этого незавершенного стихотворения, сделанный М.Ф. Бирилевой. Документ в архиве не обнаружен.

Печатается по первой публикации. Ни в какие издания более не входило.

Датируется началом 1860-х гг. (*А.Б.*)

«Я НЕ ЦЕНЮ КРАСОТ ПРИРОДЫ...»

(с. 266)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Тютч. сб.* (с. 37): включено в статью П.В. Быкова «Ф.И. Тютчев (Странички из литературных воспомина-

ний)». Вошло в *НС* (с. 97), *Чулков II* (с. 284). В *Изд. 1957* и *Лирике II* текст не был напечатан.

Печатается по первой публикации.

К.В. Пигарев писал, что «...принадлежность поэту данного стихотворения и обстоятельства, при которых Быков якобы его получил, внушают серьезное недоверие» (*Лирика II.* С. 435).

Возможно отнести к числу приписываемых Тютчеву, на основании образной и ритмико-стилистической его характеристики, а также отсутствия аргументации выраженного Пигаревым недоверия к мнению Быкова.

Датируется приблизительно 1865 г. По словам Быкова, было написано Тютчевым после смерти «дочери и особы, горячо им любимой»: Е.А. Денисьева умерла 4 августа 1864 г., дочь ее и Тютчева — в мае 1865 г. (*Т.Ф.).*

«DE SON CRAYON INIMITABLE...»

(с. 267)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — на *фр. яз.*, в книге «Le jeu du secrétaire (questions et réponses), joué à St. Pétersbourg les années 1855 à 1859». СПб., 1907. Повторно — *Тютчевиана.* С. 19. Затем — *Чулков II.* С. 283; *Лирика II.* С. 273.

По мнению К.В. Пигарева, представляет собой стихотворный ответ на вопрос: «К чему годен карандаш?» («A quoi bon un crayon?») в письменной салонной игре. В изд. *Чулков II* помещен подстрочный перевод (с. 506). Приводим перевод, на наш взгляд более точный: «Для чего карандаш? — Чтобы быть достойным слова, запятой, штриха своего неподражаемого карандаша, дьявол переменил бы веру, ангел отдался бы дьяволу».

Датируется 1855–1859 гг. по первой публикации (*Т.Ф.*).

«ПРОХОДЯ СВОЙ ПУТЬ ПО СВОДУ...»

(с. 268)

Автограф неизвестен.

Список — архив кн. А.М. Горчакова (ГАРФ. Ф. 828. Ед. хр. 163. Л. 27).

Первая публикация — *Чулков II.* С. 284; Вошло: *Лирика II.* С. 273.

Печатается по первой публикации, с исправлением 9-й строки и датировки.

Текст сообщен первому издателю М.А. Цявловским и подписан

«О. Т.», на основании чего в повторном издании (*Лирика II.* С. 273) было включено в раздел: «Стихотворения, приписываемые Ф.И. Тютчеву». Для атрибуции текста имеет немаловажное значение суждение Цявловского о характерном ритмико-стилистическом построении текста. Отметим следующие его черты: переменная анакруза в силлабо-тоническом стихе, особый способ обожествления сил и явлений природы, образный и синтаксический параллелизм. Местонахождение списка в архиве Горчакова среди других стихотворений поэта также говорит в пользу предположительной его принадлежности Тютчеву.

В сохранившемся списке имеет место явная ошибка (слово «смелый» — вместо «милый»), которая дает возможность уточнить дату написания. Написание «м» как «см» широко распространено в автографах Тютчева, датируемых 1860-ми гг. Хотя подпись остается не проясненной, на этот счет существуют две вполне вероятные версии: «В четко написанных инициалах О.Т., в букве О можно видеть недописанную Ф., и тогда подпись совершенно ясна и означает «Федор Тютчев». Если же описки нет, то О.Т. надо дешифровать как Ольга Тютчева, жена сына поэта Ивана Федоровича Тютчева, Ольга Николаевна, урожденная Путята. Возможно, ее инициалы означают, что копия сделана ею...» (предположение М.А. Цявловского цитируется по: *Чулков II.* С. 506).

Посвящено, вероятно, Надежде Сергеевне Акинфиевой. О своих и Тютчева встречах с племянницей Горчакова вспоминал гр. А.В. Олсуфьев (*Тютчевиана.* С. 9; 48). Акинфиевой в разные годы посвящены стих.: «Как летней иногда порою...», «Как ни бесилося злоречье...», «Велели вы — хоть, может быть, и в шутку...» (см. *коммент.* С. 484, 519, 512).

Датируется 1860-ми гг. (*Т.Ф.*).

«НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ ВОЛНУЕТСЯ ВОСТОК...»

(с. 269)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» М., 1897. С. 128; Изд. 2-е. 1898. С. 160. Далее не входило ни в одно собрание стихотворений поэта (Библиографический указатель. 1818–1973. М., 1978. С. 21). Вошло в *Изд. 1987.* С. 283, с датой [Декабрь 1866?], затем — в *ЛН-1.* С. 179–181 с обширным комментарием и уточненной датой <Лето 1867 г.>. Так и датируется.

Печатается по *ЛН-1.*

Известно, что политические стихотворения Тютчева, оставшиеся неизданными при жизни поэта, имели хождение в списках и что

эти списки стали впоследствии источником для ряда посмертных публикаций. Разумеется, эти публикации не оставались незамеченными. И все же одна из них явилась исключением, оказавшись вне поля зрения издателей Тютчева и исследователей его творчества.

В 1897 г. в Москве был издан сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (сост. Г.А. Джаншиев). Здесь, под заглавием «Из Ф.И. Тютчева», и было помещено стихотворение «Не в первый раз волнуется Восток...» (отдел II, С. 128; в этом же сборнике, под таким же заглавием, было напечатано и хорошо известное к тому времени стих. «Слезы людские, о слезы людские...» — С. XLI). Публикация была повторена во втором издании сборника, вышедшем в следующем, 1898 г.

Как ни странно, в литературе о Тютчеве стихотворение это ни разу не упоминалось, хотя названный сборник не принадлежит к числу редких или забытых изданий и содержание его расписано в известном библиографическом указателе Н.П. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.» (М., 1965, С. 431 и 437).

Принадлежность стихотворения Тютчеву очень вероятна. Эту позицию убедительно отстаивает А.А. Николаев: «И тематически, и стилистически оно связано с политической лирикой Тютчева, и прежде всего с его стихами, написанными по поводу начавшегося в 1867 г. народно-освободительного восстания греческого населения Крита (кандиотов) против турецкого национального феодализма и религиозного гнета. Критское восстание, продолжавшееся почти два года, способствовало пробуждению национального самосознания других христианских народностей на Ближнем Востоке и на Балканах. Очень хорошо понимая, что без внешней поддержки восстание будет обречено на поражение, Тютчев надеялся, что Россия окажет помощь восставшим и воспользуется событиями на Крите для решительного выступления по восточному вопросу. Поэтическим выражением этой надежды, которую он неоднократно высказывал в своих письмах той же поры (см.: *ЛН-1*. С. 282–283, 291–292, 309–313), явились стихотворение «Ты долго ль будешь за туманом...» и «Хотя б она сошла с лица земного...». Они были написаны в конце 1866 г., когда Россия действительно предприняла решительный шаг, предложив европейским державам потребовать от Турции передачи Крита Греции. Однако Англия, Франция и Австрия, опасавшиеся укрепления России на Балканах, не пошли на это. Тогда и русское правительство заняло пассивную позицию по отношению к восставшим. Такая позиция западных держав и России предопределила неудачу восстания и торжество Турции. Предвидя этот ход событий, Тютчев писал летом 1867 г. жене Эрнестине Федоровне: «Трагична участь бедных канди-

отов, которые будут раздавлены. Наше поведение в этом деле самое жалкое. Иногда преступно и бесчестно быть настолько ниже своей задачи» (*СН*. 1916. Кн. 21. С. 225; см. также *ЛН-1*. С. 305–308). По-видимому, именно в это время и было написано стихотворение «Не в первый раз волнуется Восток...». Оно также свидетельствует, что надежды Тютчева сменились гневом на недостойное в его глазах поведение правительства России и западных держав по отношению к кандиотам и их движению» (*ЛН-1*. С. 180–181) *(Э.З.)*.

«КОРАБЛЬ В ГУСТОМ, СЫРОМ ТУМАНЕ...»

(с. 270)

Автограф неизвестен.

Первая публикация – ж. «Заря». 1869. № 11. С. 108. Без подписи. Перепечатано П.В. Быковым в *Изд. Маркса*. С. 259 и во всех последующих изданиях. Быков ошибочно указывает, что впервые стихотворение было опубликовано в «Заре» в 1870 г.; та же ошибка повторяется у Г.И. Чулкова (*Чулков II*. С. 507) и К.В. Пигарева (*Лирика II*. С. 435). Точные сведения дает А.А. Николаев (*Изд. 1987*. С. 423). Помещая это стихотворение в своем издании, Быков ссылается на свидетельство В.В. Кашпирева, издателя «Зари», и на Н.Н. Страхова, ведущего критика журнала, которые будто бы указали ему на принадлежность этих строк Тютчеву. В библиографию произведений Тютчева, помещенную в конце издания, Быков это стихотворение не включил.

Датируется второй половиной 1850-х гг.

По-видимому, имеет политический подтекст. Как указывает А.А. Николаев, образ тонущего корабля встречается в тютчевской «Записке о цензуре в России» (1857). Тютчев писал в ней: «...следовало бы всем, как обществу, так и правительству, постоянно говорить и повторять себе, что судьба России уподобляется кораблю, севшему на мель, который никакими усилиями экипажа не может быть сдвинут с места, и лишь только одна приливающая волна народной жизни в состоянии поднять его и пустить в ход» (цит. по: *Изд. 1987*. С. 423). См. также стих. «Ты долго ль будешь за туманом...» (с. 168), которое, на наш взгляд, также носит политический характер.

Печатается по первой публикации.

Обращает на себя внимание обилие многоточий, усиливающих впечатление незаконченности, отрывочности, неясности. Возможно, стихотворение является переводом (*А.Б.*).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Альбом Тютчевой — Альбом Эрн. Ф. Тютчевой. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55.

Альбом Тютч.-Бирилевой — Собрание К.В. Пигарева. М. Альбом М.Ф. Тютчевой-Бирилевой.

Биогр. — Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.

Блок — Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962.

Блок, дневник — Блок А.А. Дневник. М., 1989.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Горнфельд — Горнфельд А.Г. На пороге двойного бытия (Ф.И. Тютчев) // Журнал для всех. 1903. № 6.

Гражданин — политическая и литературная газета-журнал, издававшаяся в СПб. с 1872 по 1914 г., с перерывом в 1880–1881 гг.

Даль 1,2,3,4 — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля (Т. 1–4, 1880–1883).

Дарский — Дарский Д.С. Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева. М., 1914 (на титуле — 1913).

Достоевский — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 20. СПб., 1886. С. 278 и 447.

Заветы — журнал, 1912, № 9.

Звенья — сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли России XIX века.: М.: Academia, 1932–1936. Т. I–VI; М.: Госкультпросветиздат, 1950–1951. Т. VIII–IX.

ИВ — Исторический вестник, журнал, изд. СПб., 1880–1917, ред. А.С. Суворин, Б.Б. Глинский.

Известия — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.

Изд. 1854 — Стихотворения Ф. Тютчева / Под ред. И.С. Тургенева. СПб., 1854.

Изд. 1868 — Стихотворения Ф. Тютчева / Подгот. И.Ф. Тютчев и И.С. Аксаков. М., 1868.

Изд. 1883 — Стихотворения Ф.И. Тютчева. М., 1883.

Изд. СПб., 1886 — Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи / Подгот. Эрн. Ф. Тютчева, наблюдение за печатью А.Н. Майков. СПб., 1886.

Изд. 1899 — Стихотворения Ф.И. Тютчева / Предисловие П.И. Бартенева. М.: Русский архив, 1899.

Изд. 1900 — Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи / Подгот. Эрн. Ф. Тютчева, А.А. Флоридов; предисловие И.Ф. и Д.Ф. Тютчевых. СПб., 1900.

Изд. 1957 — Тютчев Ф.И. Полн. собр. стих. Л., 1957 (Б-ка поэта. Большая серия).

Изд. 1984 — Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. / Подгот. текста, составление, коммент. К.В. Пигарева. М., 1984.

Изд. 1987 — Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л., 1987 (Б-ка поэта. Большая серия).

Изд. Маркса — Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева, с критико-биографическим очерком В.Я. Брюсова, библиографическим указателем, примечаниями, вариантами, факсимиле и портретом. Изд. 8-е / Под ред. П.В. Быкова.: Изд. т-ва А.Ф. Маркса. СПб. [1913].

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.

Кожинов — Кожинов В.В. Тютчев. Изд. 2-е, допол. М., 1994.

Козырев — Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // *ЛН-1*. С. 73–131.

Летопись — Чулков Георгий. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. М.; Л., 1934.

Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. 1803–1844. М., 1999. Кн. 1.

Лирика I–II — Тютчев Ф.И. Лирика / Подгот. К.В. Пигарев: В 2-х т. М., 1965 (Лит. памятники).

ЛН — Литературное наследство.

ЛН-1, ЛН-2 — Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988; Кн. II. М., 1989.

Материалы — Брандт Р.Ф. Материалы для исследования «Федор Иванович Тютчев и его поэзия». СПб., 1912.

Мережковский — Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев. Пг., 1915.

Мещерский — Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1–3. СПб., 1897–1912.

Москв. — ж. «Москвитянин», изд. М.П. Погодиным. М., 1841–1856.

Мураново — Государственный музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева.

Муран. альбом — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 57.

НБУ — Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Киев.

Никитенко — Никитенко А.В. Дневник. В 3-х т. М.: Гослитиздат, 1955.

НС — Тютчев Ф.И. Новые стихотворения / Ред. и прим. Г.И. Чулкова. М.; Л.: Круг, 1926.

Общ. — Общество любителей российской словесности при Имп. Московском университете.

Отеч. зап. — ж. «Отечественные записки». 1854. Т. 95. Кн. 8, август. Отд. IV. Статья С.С. Дудышкина, напечатанная анонимно.

Пантеон — ж. «Пантеон». Изд. Ф. Кони. 1854. Т. XVI. Кн. 8, август.

Пигарев — Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962.

Пигарев 1978 — Пигарев К. Ф.И. Тютчев и его время. М.: Современник, 1978.

Последняя любовь — Чулков Г. Последняя любовь Тютчева (Е.А. Денисьева). М., 1928. Издание М. и С. Сабашниковых.

При дворе-1(2) — А.Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых. В 2-х частях, 1928.

РА — ж. «Русский архив», изд. П.И. Бартеневым. М., 1863–1917.

Раут — сб. «Раут». Литературный сборник, в пользу Александринского детского приюта. Изд. Н.В. Сушков. М., 1854.

РБ — ж. «Русская беседа», изд. А.И. Кошелевым, Т.И. Филипповым, негласно с 1859 г. И.С. Аксаковым. М., 1856–1868.

РВ — ж. «Русский вестник», изд. Н.И. Гречем. СПб., 1841–1844.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

РИ — военная *газ.* «Русский инвалид», изд. СПб., 1813–1917.

РНБ — Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.

РС — ежемесячное историческое издание «Русская старина». Изд. М.И. Семевским и др. СПб., 1870–1918.

Саводник — Саводник В.Ф. Чувство природы и поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911.

Северные цветы — «Северные цветы», альманах, изд.: СПб., 1825–1831. Ред.-составитель А.А. Дельвиг; М., 1901–1905, 1911.

Собр. Пигарева — Собрание К.В. Пигарева. Москва.

Собр. Погодина — РНБ. Собрание М.П. Погодина. Ф. 588. Оп. 3.

Совр. — ж. «Современник», изд. А.С. Пушкиным. СПб., 1836; П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, П.А. Плетневым в 1837; П.А. Плетневым в 1838–1846; Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым в 1847–1866.

Соловьев. Красота — Соловьев В.С. Красота в природе // Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

Соловьев. Поэзия – Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

СН – «Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей исторического просвещения в память имп. Александра III». Кн. 1–22. СПб., 1897–1917.

Сушк. тетрадь – Сушковская тетрадь. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 54.

ТЕ – Толстовский ежегодник. М., 1912.

Тетрадь – Тетрадь, заполняемая Эрн. Ф. Тютчевой и И.С. Аксаковым. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 56.

Толстой в восп. – Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955.

Тургенев – Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1960–1968.

Тютч. сб. – Тютчевский сборник. 1873–1923. Пг., 1923.

Тютч. сб. 1990 – Тютчевский сборник. Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. Таллин, 1990.

Тютчев в восп. – Тютчев Ф.И. в документах, статьях и воспоминаниях современников. М., Книга и бизнес, 1999.

Тютчевиана – Тютчевиана. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. Предисловие Георгия Чулкова. М.: Костры, 1922.

Урания – «Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928». Ред. Е.П. Казанович. Вступ. статья Л.В. Пумпянского. Л., 1928.

Фет – Фет А.А. О стихотворениях Ф. Тютчева // Русское слово, 1859, № 2.

Фет восп. – Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889. Ч. 1. Ч. 2. М., 1890.

Франк – Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль, 1913. Кн. XI.

Чулков I–II – Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Ред. и комментарии Г.И. Чулкова; вступит. статья Д.Д. Благого: Academia. М.; Л., 1933–1934 (Рус. писатели XIX в.).

Шиллер. 1857 – Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей / Ред. Н.В. Гербель. Т. 2. СПб., 1857.

Шиллер. 1875 – Полное собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей / Ред. Н.В. Гербель. Т. 1. Изд. 5. СПб., 1875.

ЭС – Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., в 82 п.т. + 4 доп. п.т. (1890–1907).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Т 98 **Тютчев Ф.И.** Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 2./ Сост. В.Н. Касаткина. – М.: Издательский Центр «Классика», 2003. – 640 с.: 16 с. ил.

Во второй том Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева включены стихотворения 1850–1873 гг., другие редакции и варианты, а также комментарии к ним. Ответственный редактор тома Л.Д. Громова-Опульская.

Международный Пушкинский Фонд «Классика»
благодарит ОАО Нефтяная Компания «ЛУКОЙЛ»,
ее президента Вагита Юсуфовича Алекперова
за активную поддержку классического искусства
и литературы.

Федор Иванович
ТЮТЧЕВ

Полное собрание сочинений
Том 2

Редакторы *В.Н. Кузин, С.В. Чумаков*
Художник *В.А. Белкин*
Корректоры *Л.А. Галайко, Е.А. Самолетова, Г.В. Шишнина*
Компьютерная верстка *О.Н. Блажкова, Т.Ю. Удачина*

ISBN 5-7735-0130-9
9 785773 501305

Издательский Центр «Классика»,
109004, Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 30, стр. 1.
Лицензия ЛР № 071632 от 24.04.1998 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.05.03.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Петербург».
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 34,8.
Тираж 10 000. Заказ № 7181.